

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Философский факультет

На правах рукописи

Логинов Евгений Владимирович

Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия

Специальность 09.00.03 — История философии

Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских
наук

Научный руководитель:

доктор философских наук,

профессор Вадим Валерьевич Васильев

Москва — 2017 год

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Диалог основателей.....	24
1.1. Чарльз Пирс на рубеже веков.....	24
1.1.1. Пирс о Расселе.....	31
1.1.2. Рассел о Пирсе.....	37
1.2. Влияние терминологии Ч. С. Пирса на аналитическую философию.....	48
1.2.1. “Прагматика”.....	48
1.2.2. “Тип” и “токен”.....	51
1.2.3. “Квалиа”.....	53
1.3. Истина, ложность и ошибка.....	62
1.3.1. Пирс об истине.....	72
1.3.2. Мур об истине.....	77
Глава 2. Уильям Джеймс и аналитические философы.....	87
2.1. Опровержение Мура и истина Джеймса.....	93
“Опровержение идеализма”.....	96
2.2. Геометрия, психология и истина: дискуссии Б. Рассела и У. Джеймса.....	112
2.2.1. Рассел и Джеймс в XIX веке.....	112
2.2.2. Рассел и Джеймс в XX веке.....	121
Глава 3. “Натуралистическая революция”.....	173
3.1. В ожидании европейцев.....	173
3.1.1. Джон Дьюи и закат прагматизма.....	174
3.1.2. Альфред Уайтхед и американская философия.....	188
3.1.3. Строгая импликация и прагматические аргументы К. И. Льюиса.....	195
3.2. Аналитичность и значение.....	209
3.2.1. Первая догма эмпиризма.....	212
3.2.2. Значение, смысл и бессмыслица.....	214
3.2.3. Тарский, Гудмен и Уайт об аналитичности.....	228
3.3. Прагматическая концепция свободы воли М. Уайта.....	236
3.4. Уроки “революции”.....	244
Глава 4. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти.....	250
Заключение.....	269
Библиография.....	274

Введение

Актуальность. Двадцатый век оказался необычайно плодотворным для англо-американских философов. Если, рассматривая ситуацию первой половины века, мы видим две самобытные и отдельные друг от друга национальные традиции, британскую и американскую, выступающих в мировой философии наряду с другими членами европейской философской семьи, то сегодня доминирование, по меньшей мере в количественном отношении, философов, пишущих на английском языке, не вызывает сомнения. Ведущие континентальные философы постоянно обращаются к их работам¹. В то же время редко кто из лидирующих англоязычных авторов ссылается на работы своих европейских коллег без улыбки или некоторого высокомерия². Это, конечно, не способствует продуктивному диалогу³.

¹ Из немецких философов, вошедших в профессиональное сообщество в 1950-х и проявляющих интерес как к аналитической философии языка, так и к прагматизму, можно назвать Ю. Хабермаса (который, кроме широко известной интерпретации идей Дж. Остина и Дж. Сёрла, также интересуется и взглядами У. В. О. Куайна, см. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение Том 7. № 3. 2008. С. 3–33) и К.-О. Апеля (см., например, Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001). Из следующего поколения философов назовём С. Жижек, который обращается к идеям Д. Деннета — Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа». 2008. Из философов, прославившихся уже в новом тысячелетии, можно назвать Квентина Мейясу, сравнивающего Хайдеггера и Витгенштейна (Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентное / пер. Л. Медведевой Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. С.56–57, 66–67, 102), и британца Рея Брасье, который интересуется идеями У. Селларса (см. Brassier R. Concepts and Objects // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. (Eds.) Bryant L., Srnicek N., Harman G. re.press Melbourne 2011. P. 47–65); кроме того, среди европейских философов второй половины XX века встречаются авторы, которых иногда классифицируют как аналитических философов: из немецких авторов можно назвать Э. Тугендхата и Т. Метцингера, из французских — Ж. Бувресса. См. также Костилова А. А. «Нефранцузская» философия сознания во Франции // Философия сознания. Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Современные тетради М, 2009. С.150–153; Соболева М. Е.. Философия как “критика языка” в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2005; Миронов Д. Г. Немецкая аналитическая онтология. М.: Издатель Воробьев А.В. 2016; Логинов Е. В. Открытый ум. Рецензия на электронный ресурс “Open Mind. T. Metzinger & J. M. Windt (Eds.) (Frankfurt am Main: Mind group) // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. № 18. С. 178–185.

² См., например, Хинтикка Я. Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 46–48; Dennett D., Steglich-Petersen A. The Philosophical Lexicon. 2008. URL: philosophicallexicon.com/ (дата обращения: 8.01.2017). Впрочем, аналитические философы часто хорошо относятся к творчеству Фридриха Ницше — если не отвергают его идеи по идеологическим причинам: см. Searle J. The Rediscovery of the Mind. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book, The MIT Press. 2002. P. 177; Prinz J. The Emotional Construction of Morals. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 223, 300; См. также его интервью Принц Дж. Чему стоит поучиться аналитическим философам // Финиковый Компот. № 7. 2014. С. 21–22. Другим исключением является творчество коллеги Джона Сёрла, оригинального хайдеггерианца и специалиста по философии ИИ Хьюберт Дрейфуса. Вражда и взаимное непонимание, впрочем, не являются в данном случае сущностными свойствами: см. довольно доброжелательные рецензии Moore G. E. “The Origin of The Knowledge of Right and Wrong”. By Franz Brentano // International Journal of Ethics. №14.(1).1903. P.115–123; Ryle G. “Sein und Zeit”. By Martin Heidegger //

Всем течениям англоязычной философии XX века отечественные мыслители всегда предпочитали прагматическую традицию в её американской версии⁴. В последние два десятка лет наблюдается рост интереса к другой англоязычной традиции — аналитической философии⁵. Сами же аналитические философы сохраняют интерес к прагматизму⁶ и, начиная с середины прошлого века, предлагают вниманию общественности синтетические прагматико-аналитические системы. Каждый год и о прагматизме, и об аналитической философии выходят десятки фундаментальных работ, проводятся сотни конференций, публикуются тысячи статей. Всё больше внимание привлекает история ранней аналитической философии, возрастает роль идей Ч. С. Пирса как в философии, так и в смежных дисциплинах.

Исследование истории взаимодействия аналитических философов и прагматистов может дать нам хорошую основу для понимания проблематики, дисциплинарного и тематического разнообразия и характера современной англо-американской философии. Компаративистика, как область историко-философской науки, изначально задумывалась в том числе и для того, чтобы воспользоваться плодами применения максимы “всё познаётся в сравнении”: исследование истории аналитической философии с точки зрения истории прагматизма и истории прагматизма с точки зрения истории аналитической философии может открыть нам в этих двух предметах то, что оказалось скрыто от историков, сосредоточившихся только на одной из двух традиций.

Mind. XXXVIII (151). 1929. P. 355–370. Противопоставляя англо-американскую философию и континентальную, нужно оговорить, что существовали и другие, в отличие от прагматизма и аналитической философии англоязычные философские течения XX века. Вес их в философском сообществе, правда, значительно меньше. Ясно также, что далеко не все аналитические философы и прагматисты были американцами или англичанами. Однако почти все герои этой работы — уроженцы британских островов или Нового света.

³ См., например, Moat R. Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language. Columbia University Press. 2014. Говоря о символическом противостоянии аналитической и континентальной философии, лучше, на мой взгляд, противопоставлять “аналитикам” не Хайдеггера и Деррида, как это обычно делается, а авторов вроде Луи Альтюссера.

⁴ См. Ryder J. Interpreting America: Russian and Soviet Studies of the History of American Thought. Nashville; L.: Vanderbilt University Press, 1999.

⁵ Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания вызовы и решения // Эпистемология и философия науки. № 44, Вып. 2. 2015. С. 5–19; Иванов Д.В. Рецепция аналитической философии в России // Философия науки и техники 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.

⁶ См., например, Calcaterra R.S. (Ed.) New Perspectives on Pragmatism and Analytic Philosophy. Amsterdam, New York: Rodopi. 2001.

Степень разработанности темы исследования. Хотя советская философская американистика и британистика, выступавшие субдисциплинами “критики буржуазной философии”, были довольно популярными направлениями, сравнительно немного исследований касались собственно аналитической философии. Среди них можно упомянуть работы С. А. Яновской, Г. А. Брутяна⁷, Д. И. Дубровского⁸, Б. В. Бирюкова⁹, А. С. Богомолова¹⁰, Н. С. Юлиной¹¹, В. А. Лекторского¹², А. Л. Блинова, В. В. Петрова¹³, З. А. Сокулер¹⁴, А. Ф. Грязнова¹⁵, М. С. Козловой¹⁶. Наибольший вклад, таким образом, внесли историки философии, логики и философы науки. Стоит дополнительно также отметить серию “Новое в зарубежной лингвистике”, в которой были опубликованы несколько переводов текстов аналитических авторов. Характерной особенностью этого периода изучения, встречающейся, однако, не у каждого из перечисленных авторов, было рассмотрение аналитической философии в контексте позитивизма. В постсоветский период наблюдается стабильный рост самых разных исследований по аналитической философии: от отдельных проблем¹⁷ и

⁷ Брутян Г. У английских аналитиков // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 136–143.

⁸ Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.

⁹ Бирюков Б.В. О работах Фреге по философским вопросам математики // Философские вопросы естествознания. II. 1959.

¹⁰ Богомолов А.С. Философия англо-американского неореализма. М.: Изд-во Московского университета. 1962; Богомолов А.С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль. 1973; Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль. 1974.

¹¹ Юлина Н.С. Проблемы метафизики в американской философии XX века. Наука, М., 1978; Юлина Н.С. Аналитическая философия в XX веке // Новейшие тенденции в аналитической философии. М.:ИФ РАН., 1985. С. 5–40; Её же работы уже постсоветского периода Юлина Н.С. Философский натурализм: О книге Дэниела Деннет «Свобода эволюционирует». М: Канон+. 2007; Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Изд. «Канон+». 2010.

¹² Лекторский В.А. Аналитическая философия сегодня // Вопросы философии. № 2. 1971.

¹³ Блинов А.Л., Петров В.В. Д. Дэвидсон. Современная аналитическая философия в США // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 138–140.

¹⁴ Сокулер З. А. Проблема обоснования знания: (Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера). М.: Наука. 1988.

¹⁵ Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Витгенштейна. Критический анализ. М.: Изд. Моск. ун. 1985. Его же см. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа. 2006.

¹⁶ Козлова М.С. Философия и язык. М.: Мысль. 1972.

¹⁷ Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998, № 10. С. 39–54; Лебедев М. В., Черняк А. З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис. 2001; Веретенников А.А. Модальный аргумент Крипке против теории тождества. // Философия сознания: история и современность. М.: Современные тетради, 2003; Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Т.: Изд-во Томского университета, 2008; Ладов В.А., Суровцев В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Т.: Изд-во Томского университета, 2008; Васильев В.В.

персоналий¹⁸ до обобщающих¹⁹ и метафилософских²⁰ работ, появляются учебники²¹. Рост специальных исследований сопровождается столь же устойчивым ростом количества переводов²².

Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция. 2009; Горбатова Ю.В. Модальный аргумент Алвина Плантинги: проблема формализации и трактовка понятия существования // *Analytica*. 2010. № 4. С. 16–25; Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // *Вопросы философии*, 2014. Т. 10. С. 151–161; Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М.: Изд.дом НИУ ВШЭ. 2011; Драгалина-Черная Е. Г. Онтологии для Абельера и Элоизы. М.: Изд.дом НИУ ВШЭ. 2012; Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: URSS. 2014; Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: URSS. 2017; Левин С.М. Коллективное сознание и моральная ответственность // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. Т. 35. № 3. С. 46–53; Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казан ун-т. 2011; Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: URSS. 2012; Кузнецов А.В. Локальный интеракционизм. Новое решение проблемы ментальной каузальности // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 148–161; Мишура А.С. Поле битвы: свобода воли // *Логос*. Т. 26. № 5. 2016. С. 19–57; Секацкая М.А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии*, 2016. № 3. С. 163–169; Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Т.: Из-во Том. ун-та. 2016.

¹⁸ Колесников А. С. Философия Бертрانا Рассела. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991; Суровцев В. А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна Т.: Издательство Томского университета, 2001; Бибухин В.В. Витгенштейн. Смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005; Драгалина-Черная Е.Г. (ред.) Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2011; Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Либроком. 2012; Суровцев В. А. Ф. П. Рамсей и программа логицизма. Т.: Изд-во. Том. ун-та, 2012.

¹⁹ Аналитическая философия / Под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черныка. М.: Издательство РУДН, 2006.

²⁰ Шрамко Я. В. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // *Логос*. 2005, № 2 (47). С. 4–12; Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // *Эпистемология и философия науки*. 2007. № 1. С. 87–110; Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // *Вопросы философии*. 2010. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=185 (дата обращения 07.01.2017); Макеева Л.Б. Аналитическая философия, ее история и Кант // *Кантовский сборник*. 2013. № 2 (44). С. 56–68; Колесников А.С. Аналитическая философия: история и основания // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2014. №4. С. 35–42; Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.

²¹ Зотов А. Ф. Современная западная философия. М.: "Высшая школа". 2001; Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003; Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. См. Веретенников А.А. О проблеме национальной философии. Рецензия на книгу: Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003 // *История философии* / № 12, М., 2005. URL: http://iphras.ru/page47829421.htm#_edn1 (дата обращения 09.01.2017).

²² См., например, Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Издательство иностранной литературы. 1948; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы. 1958; Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд. иностр. литературы. 1959; Горский Д.П., Петров В.В. (ред.) Философия, логика, язык. М.: Прогресс. 1987; Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993; Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем./ Сост., вступ. статья, примеч. М.С.Козловой. М.: Гнозис. 1994; Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998; Патнэм Х. Философия сознания / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова; М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Остин Дж. Избранное / Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги Год: 1999; Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. Общая ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000; Прист С. Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000; Сёрл Дж. Открывая сознание заново / пер. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002; Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. Перевод с англ. Е. Е. Ледникова. М.: Идея-Пресс, 2002; Суровцев В.А. (ред.) Язык, истина, существование. Т.: Издательство Томского университета. 2002; Пассмор Д. Современные философы / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002; Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004; Логика, онтология, язык / Сост., пер. и предисл. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006; Журнал "Erkenntnis" ("Познание"). Избранное. / Пер. А.Л. Никифорова, ред. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс. 2006. Имеет смысл обратить внимание на "Библиотеку аналитической философии", курируемой сибирскими философами. В

Библиография отечественных исследований прагматизма ещё более обширна. Философы Российской империи активно интересовались заокеанной новинкой, особенно идеями У. Джеймса²³. В социалистическое время исследование прагматизма часто было сопряжено с актуальными политико-идеологическими задачами: ещё до образования страны Советов В. И. Ленин “записал” прагматистов в буржуазный идеалистический лагерь, а затем, в период осложнения отношений с США после Второй мировой войны, прагматизм был прочно увязан с империалистической пропагандой. Всячески подчеркивалось, например, что Б. Муссолини высказывался в пользу Джеймса с сотоварищами²⁴. Но больше всего критиковался Дьюи, потому что был ещё, по выражению Ю. К. Мельвиля, “ныне философствующим”. Основным полемическим доводом служила классификация прагматизма как версии субъективного идеализма, позиции, с точки зрения советских авторов, заведомо противоречащей здравому смыслу (этот аргумент использовался и против аналитических философов).

этой книжной серии вышли переводы работ Г. Харта, У. Куайна, Я. Хинтикки, Г. П. Бейкера, П. М. С. Хакера, Л. Витгенштейна, С. А. Крипке, А. Дж. Айера, Ф. П. Рамсея, Д. Амстронга, Р. Смаллиана. Московским центром исследований сознания курируется серия “Философия сознания”, в которой вышли переводы книг Д. Деннета, Д. Чалмерса и С. Пинкера. В серии “Философская теология”, над которой работают философы из ИФ РАН, вышли переводы работ Р. Суинберна, А. Плантинги, Ч. Талиаферро, С. Т. Дэвиса.

²³ Джеймс У. Психология // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Часть XXXIX. С.-Петербург. 1896; Джеймс У. Стоит ли жить? Пер. с англ. Н.Н.С. М.: Книжное дело. 1898; Джеймс У. О человеческом бессмертии / Пер. со 2-го англ. изд. О.А.С. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901; Джеймс У. Научные основы психологии. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня. 1902; Джеймс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии. СПб: Изд-во “Шиповник”. 1910; Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шик; Под ред. С.В. Лурье. Москва: Издание журнала “Русская мысль”. 1910; Джеймс У. Вселенная с плюралистической точки зрения / Пер. с англ. Б. Осипова [Ал. Иос. Бачинского] и О. Румера; Под ред. прив.-доц. Г.Г. Шпета. Москва: Космос. 1911; Джеймс У. Возможно ли общаться с умершими?: (Из отчетов Лондон. о-ва для псих. исслед.): Со вступ. ст. О. Лоджа. Пер. А.И. Бобровой. Москва: Ред. журн. “Вопр. психизма” и “Ребус”, 1911; Джеймс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. № 4. 1913. С. 102–127; Особенно примечательна книга Джеймс У. Беседы с учителями о психологии / Пер. с англ. Александра Громбаха. М.: С. Сирмунт, 1902, пережившая с 1902 по 1919 г. семь изданий; Существует несколько журнальных публикаций, выражающих сочувствие по случаю смерти философа: Лурье С. Памяти Вильяма Джеймса // Логос. 1910. Вып. 2. С. 295–296; Уильям Джеймс. Некролог // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Год XXI, кн. 104 (VI). С. V–VIII; См. также; См. Ванчугов В. История американской философии в России: Б.В.Яковенко // Философские науки. 2009. No 6. С. 80–91.

²⁴ Мельвиль Ю. К. Прагматизм — философия империалистической реакции // Вопросы философии. 1950. № 2. С. 306; О “прагматизме” Муссолини см. Elliott W. Y. Mussolini, Prophet of the Pragmatic Era in Politics // Political Science Quarterly, Vol. 41, No. 2. 1926. P. 161–192; Известно, что некоторые идеи Джеймса через работы Жоржа Сореля и итальянских прагматистов действительно оказали влияние на дуче. Впрочем, это было довольно не специфицированное влияние: речь идёт об общем иррационализме и примате воли над разумом, что, конечно, не является отличительной особенностью творчества автора “Воли к вере”.

Это, однако, не означает низкого качества научного исследования. Среди работ, соответствующих тогдашнему мировому уровню изучения истории прагматизма, можно назвать книги Мельвиля “Чарльз Пирс и прагматизм”²⁵ и И. Н. Сидорова “Философия действия в США: от Эмерсона до Дьюи”²⁶. Из других областей философской американистики можно также отметить исследования А. М. Каримского и Н. Е. Покровского²⁷. После 1991 года идеологический климат изменился, появились многочисленные переводы работ, прежде всего, околофилософских текстов Дьюи, которому вернули статус respectable автора в области теории образования и педагогики²⁸.

В целом, современная историография отечественных исследований демонстрирует, что историки философии действуют как бы с двух сторон: изучая, во-первых, наследие основателя прагматизма Ч. С. Пирса²⁹ и, во-вторых, тексты Р. Рорти и Р. Брэндома, самых крупных прагматистов новейшего времени³⁰. Современные отечественные специальные

²⁵ Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. (У истоков амер. буржуазной философии XX в.). М.: Изд-во МГУ. 1968.

²⁶ Сидоров И. Н. Философия действия в США. От Эмерсона до Дьюи. Издательство Ленинградского университета. 1989.

²⁷ Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976; Покровский Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм., Высшая школа, 1989.

²⁸ Дьюи Дж. Школа и общество. Москва: тип. торг. дома А. Печковский, П. Буланже и К°. 1907; Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н. М. Никольского под ред Н. Д. Виноградова. М.: Мир. 1919; Дьюи Д., Дьюи Э. Школы будущего. М.: Работник просвещения. 1922; Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс. 2000. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. М.: Логос. 2001; Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002; Дьюи Дж. От ребёнка — к миру, от мира — к ребёнку. М.: Карапуз. 2009. Известно, что в первые годы советской власти педагогические идеи Дьюи пользовались большой популярностью и поддержкой Н. К. Крупской и П. П. Блонского. Ситуация изменилась в 30-е годы в связи с “разгромом” педологии и возвращением к урочно-классной системе школьного образования. См. Кумсков В.В. Педагогические идеи Д. Дьюи и советское образование 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Том II. С. 7–11; Бибикина В.В. Губернское совещание по единой трудовой школе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. №1. С.299–307; Томина Е.Ф. Реализация педагогических идей Дж. Дьюи в теории и практике отечественного образования // Вестник ЧГПУ. 2009. №3. С. 251–261.

²⁹ Кирющенко В.В. Язык и знак в прагматизме. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008; Кирющенко В.В. Чарльз Сандерс Пирс, или Оса в бутылке. Введение в интеллектуальную историю Америки. М.: Издательский дом “Территория будущего”. 2008. Любопытный обзор отечественного пирсоведения можно найти в статье Нечаев С. Ю. Чарльз Пирс и пирсоведение в России. Опыт библиографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. №1 С.25–35. Кроме того, см. Аргамакова А. А. Предисловие к публикации // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 86–87.

³⁰ Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Вестком, Долгопрудный, 1998; Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. Из- 2-е. М.: УРСС. 2006; Джохадзе И.Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М.: ИФРАН, 2015.

систематические исследования идей Джеймса, Дьюи и Куайна³¹, а также прагматистов второго и третьего рангов мне неизвестны. Единственным исключением из этого правила является творчество Хилари Патнэма³². Не известны мне и работы, посвящённые специально вопросу истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии³³. В то же время проводились исследования по сопоставлению аналитической философии и феноменологии³⁴.

Что касается ситуации в англоязычной истории философии, то, прежде всего, нужно отметить обстоятельство, определяющее её особый характер. И для прагматизма, и для аналитической философии верно, что их исследователи, как правило, были или непосредственными учениками того или иного прагматиста или аналитического философа, или сами были прагматистами или аналитическими философами. Таким образом, обе традиции постоянно конструировались посредством самоописания, саморефлексии и автокартографирования. Такая непосредственная вовлечённость историков философии в историко-философский процесс указывает на то, что мы имеем дело с живыми, ещё не застывшими интеллектуальными традициями.

В случае аналитической философии вопрос преемственности играет особую роль. Известно, что Г. Фреге, Дж. Э. Мур, Б. Рассел и Л. Витгенштейн не использовали термин “аналитическая философия” для обозначения своей позиции или методологии. В отечественной литературе встречается мнение, что “термин «аналитическая философия» вводит в

³¹ Некоторым исключением можно считать обзорные работы Боброва Л.А. Эпистемология У. Куайна: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН.1997; Виноградов Е. Виллард Куайн: портрет аналитического философа XX века // Вопросы философии. 2002. № 3; Кроме того, стараниями, прежде всего, А. А. Печенкина и В. А. Суровцева Куайн является лидером среди аналитических философов по числу переводов его текстов на русский язык.

³² Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996; Логинов Е.В. Хилари Патнэм: Прологомены к биографии // Историко-философский альманах. 2012. № 4. С. 224–231; Джохадзе И.Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон +, 2013.

³³ Редкое исключение см. Грязнов А.Ф. Два "Введения в философию" (англо-американский вариант) // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. Пер. с англ. / Общ. ред., послесл. и примеч. А.Ф. Грязнова. М.: Республика. 2000. С. 280–299.

³⁴ Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2010.

оборот Густав Бергманн уже после Второй мировой войны.”³⁵ Мне не удалось найти подтверждений этому убеждению.

Но те, кого мы сегодня считаем первыми аналитическими философами, так себя не называли. Фреге постоянно говорит об “анализе”, но из контекста ясно, что речь в большинстве случаев идёт об анализе математическом. Исключение составляют, например, его рассуждения об анализе мысли³⁶.

Об идеях Мура говорили, что это “новый реализм”, “новая логика и метафизика”, “новая философия”³⁷. Джон Уиздом написал статью “Техника Мура”, в которой, в частности, утверждалось, что подход Мура к философии есть анализ того, что обычно означают обыденные и знакомые предложения³⁸. В ответ Мур выразил свой протест против такой оценки и отметил, что он никогда не утверждал, что дело философа ограничивается одним лишь анализом. Анализ есть лишь одно из дел, которыми занимается философ³⁹. В свою очередь Рассел писал, что целью его лекций о логическом атомизме было обоснование (justification) анализа⁴⁰. Джон Дьюи называет его “реалистом”, а его позицию — “аналитическим реализмом”⁴¹. В ответ Рассел писал: “традиционно, британская философия аналитична (analytic), а континентальная философия синтетична. В этом отношении я принадлежу

³⁵ Аналитическая философия: Учебное пособие / Под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М.: Из-во. РУДН. 2006. С.15. В. К. Шохин пишет: “Историки аналитической философии обнаруживают отчетливое употребление соответствующего термина лишь начиная со статьи бывшего члена Венского кружка Густава Бергмана «Позитивистская метафизика сознания», опубликованной в журнале «Mind» в 1945 г.” Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. Т. 8. № 2. 2015. С. 17. В этой статье действительно встречается термин “analytical philosophy”. Но почему начинать нужно именно с неё? См. Bergmann G. A Positivist Metaphysics of Consciousness // Mind. New Series, Vol. 54, No. 215. 1945. P. 193–226.

³⁶ Фреге Г. Введение в логику / Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов/ Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс. 2015. С. 299.

³⁷ Joachim H. The Nature of Truth. 1906. Oxford: Clarendon Press. P. 32; Metz R. A Hundred Years Of British Philosophy. George Allen And Unwin Limited. 1938. С. 538; Russell B. My Philosophical Development. N.-T.: Simon and schuster. 1959. P. 54.

³⁸ Wisdom J. Moore's Technique / The Philosophy of G.E. Moore, ed. P.A. Schilpp. Evanston: Northwestern University Press. 1942. P. 425.

³⁹ Moore G.E. A Reply to My Critics / The Philosophy of G.E. Moore, ed. P.A. Schilpp. Evanston: Northwestern University Press. 1942. P. 625.

⁴⁰ Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. Routledge. 2010. P. 111.

⁴¹ Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press. 1916. P. 30–40, 411.

британской традиции, в то время как доктор Дьюи ближе к немцам, в частности, к Гегелю”⁴².

В. В. Васильев отмечает, что термин “аналитическая философия” в значении “прояснение неясностей в представлениях о наших принципах” встречается ещё в “Философско-медицинском словаре” Ф. Й. Циммермана (1803)⁴³. Встречается этот термин и в посвященной философии восприятия работе 1888 года оксфордского профессора моральной и метафизической философии Томаса Кейса⁴⁴. По видимому, особую роль в карьере термина “аналитическая философия” сыграло учреждение в 1933 году молодыми британскими философами, поклонниками творчества Мура, журнала “Analysis”. На первых порах главным редактором журнала был Остин Эрнест Дункан-Джонс, которому помогали Сьюзан Стеббинг, Алек Мейс Сесил и Гилберт Райл. Эти авторы уже эксплицитно причисляли себя к аналитической традиции, истоки которой они видели в работах Мура⁴⁵. Другим автором, употреблявшим термин “аналитическая философия” в то время, был Джон Уиздом⁴⁶. Вполне в современном смысле термин использовался Эрнстом Нагелем. Ещё одной вехой в легитимации термина стали книги Артура Папа “Начала аналитической философии” и “Семантика и необходимая истина: исследование оснований аналитической философии”⁴⁷. Г. Х. фон Вригт считал, что именно Папу мы обязаны широким распространением термина⁴⁸. Окончательно связь термина и соответствующей ему традиции закрепилась популярными сборниками статей наиболее авторитетных авторов⁴⁹.

⁴² Russell B. Dewey’s New Logic // The Basic Writings of Bertrand Russell. London and New York. Routledge. 2009. P. 165.

⁴³ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.:Прогресс-Традиция. 2009. С.45.

⁴⁴ Case T. Physical Realism, Being an Analytical Philosophy from the Physical Objects of Science to the Physical Data of Sense. London: Longmans, Green, and Co. 1888.

⁴⁵ Baldwin T. G. E. Moore and the Cambridge School of Analysis // Beaney M. The Oxford Handbook of The History. Oxford: Oxford University Press. P. 652–676.

⁴⁶ Wisdom J. Problems of Mind and Matter. Cambridge: Cambridge University Press. 1934. P. 2.

⁴⁷ Pap A. Elements of Analytic Philosophy, New York: Macmillan, 1949; Pap A. Semantics and Necessary Truth: An Inquiry Into the Foundations of Analytic Philosophy. New Haven: Yale University Press, 1958.

⁴⁸ Вригт фон Г.Х Аналитическая философия: историко-критический обзор // Кантовский сборник. 2013. №2. С.73

⁴⁹ Fiegl H., Sellars W. (Eds.) Readings in Philosophical Analysis. New York : Appleton-Century-Crofts. 1949; White M. (Ed.) The Age of Analysis: Basic Writings. Boston: Houghton Mifflin. 1955; Ryle G. (Ed.) The Revolution in Philosophy.

Впрочем, термин — это ещё не всё. Как верно отмечает Н. С. Юлина, “отличить работу философа-аналитика от философа не-аналитика не сложно, дать общее определение — трудно”⁵⁰. Сегодня проблематика “что такое аналитическая философия” обзавелась огромной библиографией. У специалистов нет сомнений относительно того, чем аналитическая философия не является. Это не только философия науки, не только позитивизм, не только математическая логика, не только антиметафизическая программа. Но что это? Особую проблему представляет соотношение аналитической и традиционной, классической, философии. Васильев считает, что речь идёт о продолжении классической традиции⁵¹. Хинтикка и Ремес тоже возводят историю аналитической философии к самой древности⁵². Некоторые авторы даже говорят об аналитической философии Аристотеля, Декарта, Фомы Аквинского⁵³, Псевдо-Дионисия Ареопагита⁵⁴ и находят аналитическую философию в древнеиндийской и древнекитайской традициях⁵⁵. Юлина же пишет, что неясно, что такое аналитическая философия, но ясно, кто её антипод: “традиционный стиль философствования с его аморфным, неточным, спекулятивным рассуждением и историцистскими, социокультурными и интуитивными способами доказательства”⁵⁶.

Пытаясь указать на отличительные особенности аналитической философии, разные авторы указывают на своеобразную, ориентированную на

London: Macmillan. 1956; Rorty R. (Ed.), *The Linguistic Turn*. Chicago: University of Chicago Press, 1967; Fiegl H., Sellars W., Lehrer K. (Eds.) *New Readings in Philosophical Analysis*, K. Lehrer (New York: Appleton-Century-Crofts, 1972).

⁵⁰ Юлина Н.С. *Философская мысль в США. XX век*. М.: Канон+. 2010. С. 273

⁵¹ Васильев В.В. Есть ли будущее у систематической философии? // *Философский журнал*. 2009. №2 (3). С. 6; Васильев В.В. *Трудная проблема сознания*. М.: Прогресс-Традиция. 2009. С. 19. Критику этого тезиса смотри Гаспарян Д.Э. *Введение в неклассическую философию*. М.: Российская политическая энциклопедия. 2011. С. 5–11

⁵² Hintikka J., Remes U. *The Method of Analysis Its Geometrical Origin and Its General Significance*. Boston: Reidel. 1974.

⁵³ Follesdal D. *Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it?* // Glock H.-J. (Ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers. 1997. P. 14. От этого подхода следует отличать работы, написанные о прошлом с использованием современных философских методов. Относительно Фомы см. Stump E. *Aquinas*. London and New York: Routledge. 2003.

⁵⁴ Lourié B. *Philosophy of Dionysius the Areopagite: An Approach to the Intensional Semantics* // Eds. Nutsubidze T., Horn C.B., Lourié B., with the collaboration of A. Ostrovsky. *Georgian Christian Thought and Its Cultural Context Memorial Volume for the 125th Anniversary of Shalva Nutsubidze (1888–1969)*. P. 84.

⁵⁵ Шохин В. К. *Ук. соч.* С. 21–22.

⁵⁶ Юлина Н.С. *Философская мысль в США. XX век*. М.: Канон+. 2010. С. 326.

ясность и отчётливость идеологию исследования⁵⁷, строгость, техницизм, последовательность, превалирование концептуального анализа, ориентацию на решение проблем и рациональную аргументацию, полемичность, связь с естественными науками. Говорят также об особом стиле аналитических философов. Но никакая из этих характеристик не является достаточным условием определения кого-то как аналитического философа.

Большой известностью пользуется подход Майкла Даммита⁵⁸. Аналитическая философия, согласно этому подходу, есть постфрегевская философия, представители которой считают, что философские проблемы должны решаться посредством изучения языка. Взгляды Даммита подверглись уничтожающей критике со стороны знатоков истории ранней аналитической философии: Рея Монка, Питера Хакера, Гордона Бейкера, Ганса-Иоганна Глока и других эрудитов, заявивших, что Даммит неверно понимает роль Фреге в этой истории, и при таком подходе из числа аналитических философов следует исключить Рассела, Мура и Витгенштейна⁵⁹. К этому можно добавить, что и Куайн не подписался бы под даммитовским пониманием философии. Критика подхода Даммита оказала стимулирующее воздействие на развитие исторических штудий. Такого же рода воздействие оказала критика других чрезмерно сильных интерпретаций наследия первых аналитиков: например, прочтение Витгенштейна Солом Крипке или участниками движения “новый Витгенштейн”⁶⁰. Во многом благодаря этому сегодня исследование творчества австрийского философа является самым развитым направлением в историческом изучении аналитической философии. Исторической критике подвергся и

⁵⁷ Решер Н. Взлет и падение аналитической философии // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 454.

⁵⁸ Dummett M. *The Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1993.

⁵⁹ Baker G. P., Hacker P.M.S. Dummett's Frege or Through a Looking-Glass Darkly // *Mind* № 92. 1983. P. 239–146; Dummett's Purge: Frege Without Functions // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 33, No. 131. 1983. P. 115–132; Baker G. P., Hacker P.M.S. Dummett's Dig: Looking-Glass Archaeology // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 37. No. 146. 1987. P. 86–99; Glock H.-J. (Ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers. 1997; Monk R., Palmer A. (Eds.) *Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy*. St. Augustine's Press. 1998; Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge. 2008.

⁶⁰ Crary A., Read R. (Eds.) *The New Wittgenstein*. Routledge, 2000; Hacker P.M.S. Wittgenstein, Carnap and the New American Wittgensteinians // *Philosophical Quarterly*. № 53. 2003. P. 1–23.

фундаментальный двухтомный труд Скотта Сомса “Философский анализ в XX веке”⁶¹.

Появление потребности в изложении истории аналитической философии и, главное, квалифицированной историко-философской экспертизе результатов этих попыток свидетельствует о т.н. историческом повороте в аналитической философии⁶². Другим его признаком можно считать появление работ, посвящённых связи идей аналитических философов и классиков Нового времени, особой популярностью в этом контексте пользуется Кант⁶³. Сопоставляется аналитическая философия и с другими современными течениями в философии: марксизмом, гегельянством, феминистской критикой, томизмом, феноменологией. Иногда эти сравнения перерастают во взаимные обвинения, иногда — в появление аналитических вариантов соответствующих учений.

Метафилософские вопросы, хотя и весьма запутаны, лишь только кажутся неразрешимыми. Отсутствие чётких дефиниций в данном случае не должно нас пугать. Философские традиции не являются естественными видами. Если граница биологических видов или геологических эпох условна, но она есть, то в области, говоря языком XIX века, духа границы часто бывают безусловными и, что парадоксально, несуществующими. Скажем, архейская эпоха могла бы называться иначе, могла бы выделяться на других основаниях. Не так важно, что вы не знаете, в какой геологической эпохе вы живёте. Но очень важно — знаете ли, в какой стране. Философские “измы” больше похожи на страны, чем на геологические эпохи. Гражданские

⁶¹ Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1. *The Dawn of Analysis*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2003; Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 2 *The Age of Meaning*. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 2003; Hacker P.M.S. Scott Soames’s “History of Analytic Philosophy” // *The Philosophical Quarterly*. № 56. 2006. P. 121–131; Ответ Сомса Soames S. *Hacker's Complaint* // *Philosophical Quarterly*. № 56 (224). 2006. P. 426–435.

⁶² Biletzki A., Matar A. (Eds.) *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*. New York: Routledge. 1998; Sorell T., Rogers R. (Eds.) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. 2005; Beaney M. (Ed.) *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. London: Routledge. 2007; Glock H.-J. *Analytic Philosophy and History: A Mismatch?* // *Mind*, New Series. № 117, no. 468. 2008. P. 867–897; Reck E. (Ed.) *The Historical Turn in Analytic Philosophy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013.

⁶³ Hanna R. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Clarendon Press. 2004; Reed D. *The Origins of Analytic Philosophy: Kant and Frege*. Continuum. 2007; Обзор “аналитических” толкований Канта см. Robert H. *Kant and kantian themes in recent analytic philosophy* // *Metaphilosophy*. 2013. Vol. 44. P. 42–47.

историки называют легендарного Рюрика первым русским князем и основателем первой правящей династии на Руси, несмотря на то, что указанный Рюрик вряд ли осознавал себя в таких терминах.

В этом исследовании я буду исходить из того, что Фреге, Мур, Рассел и Витгенштейн являются аналитическими философами, так как они оказали определяющее и рефлексивно распознаваемое влияние на философов, называющих себя аналитическими. В настоящей работе я сосредоточусь на идеях Мура, Рассела и Куайна, а также на контексте, в котором появились их работы.

В отношении прагматизма ситуация не является такой запутанной. Представители этого движения с самого начала разделяли историцистские настроения создателей европейских идеалистических систем, и интерес к истории философии только возрастал с каждым новым поколением прагматистов. Если Пирс писал лишь обширные историко-философские примечания к своим статьям, то Роберт Брэндом и Джон Райдер создали довольно масштабные историко-философские коллажи⁶⁴. Существует некоторое разночтение относительно того, кто является автором термина “прагматизм”, Пирс или Джеймс⁶⁵, и сложности, связанные с тем, что работы Пирса 1870-х не содержат такого обозначения, и последующим отказом Пирса от термина “прагматизм” в пользу термина “прагматицизм”⁶⁶. Артур

⁶⁴ Brandom R. *Tales of the Mighty Dead. Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*, Harvard University Press. 2002; Marsoobian A., Ryder J. *The Blackwell guide to American philosophy*. Blackwell Publishing Ltd. 2004.

⁶⁵ Известно, что термин “прагматическая вера” встречается уже у Канта (A 824/B 852). Учитывая любовь Пирса к главному произведению кёнигсбергского философа, можно с высокой степенью вероятностью утверждать, что именно оттуда термин и был позаимствован.

⁶⁶ См. CP 8.253. При изложении Пирса я пользуюсь стандартным гарвардским восьмитомником под редакцией Ч. Хартсхорна и П. Уайса (*The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*), который буду цитировать в стандартной пагинации. При необходимости я обращаюсь к оригинальным журнальным публикациям Пирса, к собранию манустриптов, которое я буду цитировать по Robin Index, а также к более современному *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition*. Последнее издание, без сомнения более полное и более тщательно подготовленное, чем издание Хартсхорна и Уайса, пока ещё не завершено. Последний на данный момент том заканчивается 1892 годом, а нас, в основном, будут интересовать тексты, написанные в XX веке. Кроме того, старое издание остаётся более популярным среди исследователей. Отечественные издания работ Пирса, хотя и чрезвычайно полезные с учебно-педагогической точки зрения, к сожалению, за редким исключением, не могут считаться удовлетворяющими требования, предъявляемые к современным академическим научным изданиям. См., например, Пирс Ч.С. *Избранные философские произведения*. М.: Логос. 2000; Пирс Ч.С. *Принципы философии*. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. Их, скорее, можно сопоставить с подборками отдельных, наиболее важных, с точки зрения составителей, статей и набросков Пирса, например, со сборником Buchler J. (Ed.) *Philosophical Writings of Peirce*. N.-Y.: Dover Publication. Inc. 1955.

Лавджой в своё время писал о тринадцати прагматизмах⁶⁷. Это, однако, не так уж и сильно угрожает тезису о единстве прагматической традиции. Прагматизм — это возникшее в США философское движение, внимание представителей которого сосредоточено, прежде всего, на соотношении мысли и действия. В этом исследовании я сосредоточусь на работах Пирса, Джеймса, Куайна и Рорти. Необходимо дополнительно оговорить, что я буду рассматривать только авторов, напрямую связанных с прагматической традицией, эксплицитно выразивших эту связь. Таким образом, идеи авторов вроде А. Плантинги, С. Крипке и Д. Деннета, которых иногда классифицируют как прагматистов, не будут рассмотрены в настоящем исследовании.

Главное, что было сделано зарубежными историками философии в области изучения прагматической традиции — это критические издания сочинений авторов золотого века американской философии и их переписки⁶⁸. Отмечу, что в отношении классиков аналитической философии эта работа только начата.

Легко заметить, что, перечисляя сначала аналитических философов, а потом прагматистов, исследованию идей которых посвящена эта работа, я дважды назвал имя У. В. О. Куайна. Именно этот философ является символом объединения аналитической философии и прагматизма. Но его творчеством взаимодействие двух традиций не исчерпывается. Из современных англоязычных авторов этим вопросом больше всего занимается профессор из Торонто Шерил Мисак. Изучение её работ было очень полезно

⁶⁷ Lovejoy A. The Thirteen Pragmatisms. I. // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. № 5(1). 1908. P. 5–12.

⁶⁸ Peirce C.S. Lieb I.C. (Ed.) *Charles S. Peirce's letters to Lady Welby.* Whitlock's Inc. 1953; Peirce C.S. Eisele C. (Eds) *The New Elements of Mathematics. Vols. i–iv.* Ed. Carolyn Eisele. The Hague: Mouton Publishers. 1976; Burkhard F. H., Bowers F., Skrupskelis I. K. (Eds.) *The Works of William James.* 18 vols. . Cambridge, MA: Harvard University Press. 1975–1988; James W. Myers G.E. (Ed.) *William James: Writings 1902-1910.* Library of America. 1988; James W. Myers G.E. (Ed.) *William James: Writings 1878–1899.* Library of America. 1992; Boydston J.A., George E. Axetell G.E. (Eds.) *The Early Works of John Dewey, 1882–1898.* Southern Illinois University Press. 2008; *The Middle Works of John Dewey, 1899–1924.* Southern Illinois University Press. 2008; Boydston J.A. (Ed.) *The Later Works of John Dewey, 1925–1953.* Southern Illinois University Press. 2008.

для моего исследования⁶⁹. Я также благодарю профессора Мисак за ответы на мои вопросы в личной переписке.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является англо-американская философия конца XIX–XX веков. Предметом исследования является взаимодействие аналитической философии и прагматизма.

Научная новизна исследования:

1. Настоящая работа является первым в отечественной историко-философской науке специальным исследованием истории взаимодействия аналитической философии и прагматизма;
2. введены в научный оборот данные, в том числе основанные на архивных материалах, о совместной работе Ч. С. Пирса и Дж. Э. Мура;
3. впервые в русскоязычной литературе подробно проанализирована полемика У. Джеймса с отцами-основателями аналитической философии, изучены аргументы pro et contra прагматической концепции истины, раскрыта связь между эпистемологической проблематикой знания-знакомства с онтологическим тезисом нейтрального монизма;
4. реконструирована история критики аналитичности гарвардскими философами 1940-х–1950-х годов;
5. обосновано единство творчества Р. Рорти как прагматиста.

⁶⁹ Misak C. Truth and the End of Inquiry: A Peircean Account of Truth. Oxford University Press. 1991; Misak C. Verificationism: Its History and Prospects Routledge. 1995; Misak C. Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. Routledge. 2000; Misak C. The American Pragmatists. Oxford University Press. 2013; Misak C. Pragmatism and Analytic Philosophy // Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy (ed. Beaney M.). Oxford University Press. 2013. P. 2170–2208; Misak C. Cambridge Pragmatism: From Peirce and James to Ramsey and Wittgenstein. Oxford University Press. 2016.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является разработка содержательной периодизации взаимодействия прагматизма и аналитической философии. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи:

1. Выяснить, что Ч. С. Пирс знал о работе Б. Рассела и Дж. Э. Мура, и что они, в свою очередь, знали о работе основателя прагматизма;
2. описать историю влияния идей У. Джеймса на взгляды Б. Рассела, реконструировать дискуссию вокруг прагматической концепции истины, инициированную первыми аналитическими философами;
3. прояснить историю “американизации” аналитической философии, реконструировать наиболее значимые элементы содержания т.н. “натуралистической революции” в американской философии;
4. показать, какое место занимают идеи Р. Рорти в истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии.

Методологическая основа исследования⁷⁰. Сложность историко-философской методологии состоит в том, что история философии как наука служит, по выражению Кельвина Нормора, двум господам⁷¹. С одной стороны, историк философии, выбрав для исследования идеи, высказанные философом или философами прошлого, должен показать, чем хотя бы некоторые из этих идей могут быть интересны философам наших дней. С другой стороны, он должен объяснить, как обстоятельства прошлого сделали современный философский интерес таким, каков он есть⁷². По точному замечанию З. А. Каменского, “построение историко-философского

⁷⁰ В работе над методологией диссертации были использованы наработки научного семинара при кафедре ИЗФ по методологии историко-философской работы, проводимого в 2011–2013 годах. См. Логинов Е. В. Проблемы историко-философской методологии // *Круглый стол: Формирование исследовательских оптик в философии науки / Философия и парадигмы современной науки*. [Электронный ресурс]. 2011.

⁷¹ Normore C. *The Methodology of the History of Philosophy* // *The Oxford Handbook of Philosophical Methodology*. Cappelen H., Gendler T.S., Hawthorne J. (Eds.). Oxford: Oxford University Press. 2016. P. 41.

⁷² Другая важная антиномия историко-философской науки отмечена Г. Г. Майоровым: “...никакая реальная история философии не может быть воспроизведена вполне беспристрастно, если она воспроизводится философом. Но столь же очевидно, что ни одна достоверная история философии не может быть написана нефилософом”. Майоров Г.Г. *История философии как наука* // *Историко-философский альманах*. Вып 2. 2007. М.: Современные тетради. С.6.

исследования, его форма зависит от того, какую цель ставит перед собой исследование»⁷³. Пытаясь достичь обозначенной выше цели своего исследования, я опирался на факты и группировал их относительно двух перспектив: сначала каждую группу фактов, связанных с тем или иным доводом того или иного автора, я выстраивал относительно того, каков был, с моей точки зрения, замысел этого автора. Чтобы понять это, я пытался найти или реконструировать вопрос, на который автор хотел ответить, противоречие, которое он хотел разрешить. Затем, получив таким образом множество кортежей историко-философских фактов, я старался упорядочить эти кортежи в соответствии с замыслом, определяемым целями и задачами диссертационного исследования. Я старался минимизировать способы описания, отсылающие к ненаблюдаемым сущностям. Так, уместными я считаю выражения вида “философ X считал A, потому что рассматривал A в качестве ответа на вопрос B”, “философ X считал A, потому что A казалось ему эстетически и интеллектуально привлекательным”. Я старался уменьшить количество выражений вида “философ X считал A, так как выражал точку зрения некоего социального класса или группы”, “философ X считал A, так как такова была объективная логика развития философии”. Я стремился минимизировать влияние на свою работу каузальных и телеологических взглядов на историю, весьма ограничено использовал дедуктивно-номологическую модель объяснения⁷⁴. Другим принятым мною ограничительным принципом является исключение рассмотрения работ творчески активных авторов, за исключением тех случаев, когда их мнения необходимы для того, чтобы показать влияние того или иного положения или аргумента философа прошлого на актуальное положение дел в философии. В таких случаях я иногда прибегал к методу научного интервью. Задачи настоящего исследования определили использование двух основных методов

⁷³ Каменский З.А. О понятиях “метод историко-философского исследования” и “рациональная реконструкция историко-философского процесса”. Императивно-целевая концепция методологии историко-философского исследования // Историко-философский ежегодник.2001.М.: Наука. С. 140.

⁷⁴ Таким образом, в споре между Карлом Гемпелем и Уильямом Дреем о природе исторического объяснения я принимаю сторону последнего. См. Dray W. *Laws and Explanation in History*. Oxford: Oxford University Press. 1957.

его проведения: рациональную и историческую реконструкции⁷⁵. Источниками первой служили, прежде всего, статьи и книги аналитических философов и прагматистов, а также работы исследователей этих традиций. Источниками второй были разного рода воспоминания и биографии философов⁷⁶.

Положения, выносимые на защиту:

1. История взаимодействия прагматизма и аналитической философии может быть разделена на четыре основных этапа: споры Ч. С. Пирса и первых британских аналитических философов о специальных логических вопросах и природе истины; полемика Б. Рассела и Дж. Э. Мура с У. Джеймсом о прагматической концепции истины, а также влияние идей Джеймса на онтологические, эпистемологические и психологические взгляды Б. Рассела; синтез прагматизма и аналитической философии в творчестве К. И. Льюиса, У. В. О. Куайна, Н. Гудмена и М. Уайта; новое противопоставление прагматизма и аналитической философии в работах Р. Рорти и его последователей.

2. Ч. С. Пирс знал некоторые детали логической теории Б. Рассела и полемизировал с ним; Пирс высказывал аргументы против теории истины как тождества (identity theory of truth), разработанной Дж. Э. Муром; терминология Пирса оказала заметное влияние на современную

⁷⁵ Эти термины восходят к известной статье Р. Рорти. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres / In Rorty R., Schneewind J. B., Skinner Q. (Eds.) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 49–75; Разбор историко-философских взглядов Рорти см. Джохадзе И.Д. Ричард Рорти как историк философии // *История философии*. 2012. №17. С. 3–24; Логинов Е.В. Ричард Рорти как методолог истории философии // *Аспекты: сборник статей по философским проблемам истории и современности: Вып. VIII. / Под ред. Н. В. Гоноцкая. № VIII. Центр стратегической конъюнктуры, Москва, 2013. Независимо от Рорти З. А. Каменский употреблял понятие “рациональная реконструкция историко-философского процесса”. В.А. Куренной противопоставляет понятия полемического подхода к истории философии и имманентно-исторической реконструкции. См. Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // *Логос*. № 3–4 (43). 2004. С. 3–29.*

⁷⁶ О методологических аспектах использование биографии в историко-философских исследованиях см. Соловьёв Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Соловьёв Э.Ю. *Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры*. Политиздат, 1991. Monk R. Life without theory: biography as an exemplar of philosophical understanding // *Poetics Today*. № 28(3). 2007. P.527–570; Gross N. Introduction / Gross N. *Richard Rorty. The Making of an American Philosopher*. University Of Chicago Press. 2008. P. 1–28; Peeters B. Introduction / Peeters B. *Derrida. A Biography*. Polity Press. 2013. P. 1–13; Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. *Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. Михаила Маяцкого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2017.*

аналитическую философию; примером такого влияния можно считать распространение различия “type”/”token”.

3. Нейтральный монизм У. Джеймса, а также некоторые его психологические (например, критика понятия “сознание”) и эпистемологические (различие на знание-знакомство и знание-описание) идеи были приняты Б. Расселом; критика Расселом и Муром прагматической концепции истины Джеймса оказала стимулирующее воздействие на развитие ранней аналитической философии.

4. Т.н. “натуралистическая революция” в философии была совершена Куайном, Гудменом и Уайтом вследствие критики идей Р. Карнапа и К. И. Льюиса.

5. Р. Рорти никогда не был аналитическим философом и с самого начала своей карьеры пытался “преодолеть” аналитическую философию средствами прагматизма.

Теоретическое и практическое значение диссертации. Теоретическое значение диссертации составляет предлагаемая содержательная хронология взаимодействия прагматизма и аналитической философии.

Практическое значение диссертации состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов по современной философии, онтологии и теории познания, философии языка, истории логики, а также использоваться филологами, лингвистами и историками культуры. Материалы, приведённые в диссертационном исследовании, и сделанные их основе выводы могут использоваться историками философии, специализирующимися на истории англо-американской философии XIX–XX веков.

Апробация диссертации:

По теме диссертации автором были опубликованы статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК:

1. Логинов Е.В. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 192–201;
2. Логинов Е.В. Прагматическое истолкование свободы воли // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 52–69;
3. Логинов Е.В. Прагматизм, тождество и свобода воли // Логос. 2016. № 5. С. 243–274;
4. Логинов Е.В. Прагматизм, истина и проблема значения // Эпистемология & философия науки. 2016. Т. 50, № 4. С. 151–167.

Также по теме диссертации опубликованы статьи:

1. Логинов Е.В. Хилари Патнэм: Прологомены к биографии // Историко-философский альманах. 2012. № 4. С. 224–231.
2. Логинов Е.В. Ричард Рорти как методолог истории философии // Аспекты: сборник статей по философским проблемам истории и современности: Вып. VIII. / Под ред. Н. В. Гоноцкой. № VIII. Центр стратегической конъюнктуры. Москва, 2013.
3. Логинов Е.В. Нет ли в комнате носорога? // Финиковый Компот. 2016. № 11. С. 40–49.

Диссертационная работа была обсуждена на заседании кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова 13 марта 2017 года и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, разделённых на параграфы, заключения и библиографии.

Глава 1. Диалог основателей

1.1. Чарльз Пирс на рубеже веков

Чарльз Сандерс Пирс родился в 1839 году, во времена администрации Мартина Ван Бюрена, первого президента, рожденного в США, а покинул этот мир за несколько месяцев до начала Первой мировой войны. О себе Пирс писал: “с того момента, как я смог впервые помыслить, и до сего дня, вот уже как сорок лет, я усердно и беспрестанно занимался изучением методов исследования” (CP 1.3). В этих своих занятиях он систематически обращался как к истории философии⁷⁷, так и к современной профессиональной литературе. Написание обзоров научных новинок служило важным источником дохода для его семьи.

Пирс получил хорошее домашнее философское образование. Его путь в логику начался с изучения книги Ричарда Уотли⁷⁸ “Элементы логики”, в философию — с “Писем об эстетическом воспитании” Фридриха Шиллера и “Критики чистого разума” Иммануила Канта, которую он, по собственному свидетельству, выучил наизусть. Пирс считал Канта предшественником прагматизма, полагая, что кёнигсбергский мыслитель унаследовал этот способ философствования от Дж. Беркли⁷⁹, “выдающегося мастера

⁷⁷ Особенно, если речь шла о введении какого-то термина. См. например, историю понятия “intuition” в примечании к 5.213.

⁷⁸ MS 619; Brent J. Charles Sanders Peirce: A Life. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1998. P. 48. Имеются расхождения в датировке первого обращения Пирса к “Элементом логики”. А. С. Боброва со ссылкой на именитого пирсоведа М. Фиша пишет, что Пирсу было 8 лет (Боброва А.С. Кант и Пирс: теорий суждений и теория рассуждений // Кантовский сборник. 2005. Вып. 25. С.35). Сам Пирс упоминает, что начал изучать логику в 1852 году, когда ему было 13 лет (2.663), и издатели Хартсхорн и Уайс считают, что речь идёт о книге Уотли. Чарльз Зиберт считает, что мы точно не знаем случилось ли это в 1851 или в 1852 году (Seibert C. Charles Peirce's Reading of Richard Whately's Elements of Logic // History and Philosophy of Logic. № 26 (1). P. 1-32). Кирющенко считает, что это произошло в 1856 году (Кирющенко. Ук.соч. Стр. 43). Похожая неразбериха царит, например, с датами создания домашней химической лаборатории Пирса — См. Seibert C. Peirce's childhood laboratory // Peirce Project Newsletter. 2000. Vol. 3, No. 2, Fall. P. 9–11.

⁷⁹ Ранних прагматистов вообще отличала большая любовь к этому философу. Джеймс тоже считал его предтечей прагматизма (Джеймс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии. СПб: Изд-во “Шиповник”. 1910. С. 36 — здесь и далее из уважения к переводчику я буду ссылаться на дореволюционное отечественное издание, сверяя текст по оригинальному изданию 1907 года. Поэтому иногда при оформлении ссылок я буду использовать устаревшую транслитерацию фамилии великого психолога), а в 1871 году Пирс написал рецензию на издание Фрейзера. В MS 609 Пирс прямо называет себя берклианцем. В 6.482 мы читаем: “В 1871 году в Метафизическом клубе Кембриджа, штат Массачусетс, я

прагматического способа мышления»⁸⁰. По всей видимости, какое-то влияние на него оказал Гегель⁸¹. Другим источником философских знаний Пирса были сочинения схоластов, которых он читал много и очень внимательно⁸². Ещё одним важным источником философии Пирса можно считать работы алгебраистов и логиков XIX века: Дж. Буля⁸³, О. де Моргана⁸⁴, Дж. Венна⁸⁵, Г. Мансела⁸⁶ и др. Отец Пирса, Бенджамин, был крупным математиком, основателем абстрактной линейной ассоциативной алгебры. В детстве отец учил Чарльза мыслить, вскрывая, как обоим казалось, ошибки в кантовской

проповедовал этот принцип в качестве своего рода логического Евангелия, представляющего собой тот не сформулированный Беркли метод, которому он следовал, и в разговоре я назвал этот метод «прагматизмом». С другой стороны, Пирс называл себя и кантианцем (1.300, 1.374, 1.563), гегельянцем (1.42), и шеллингианцем (см. знаменитое письмо Пирса Джеймсу от 28 января 1894), и скоттистом (1.6, 2.83, 6.328). Насколько можно в действительности совмещать все эти позиции — вопрос открытый (см. например, Васильева М.Ю. Кант и Беркли: сходство или различие? // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29). С. 30–40). Объяснить такие разные самоописания тем, что они были сделаны на разных этапах эволюции пирсовской мысли не представляется возможным. В отечественной (речь, конечно, идёт только о марксистской литературе, так как дореволюционные философы вроде В. Эрн и И. Яковенко имели к прагматизму совсем другие претензии (см. Эрн В.Ф. Размышления о прагматизме // Сочинения. / Эрн В.Ф. Москва: Издательство «Наука», 1991. С. 15–34; Яковенко Б.В. Сущность прагматизма (pro et contra) // Мошь философии / Б.Я. Яковенко. СПб: «Наука». 2000. С. 628–636; Ванчугов В. В. История американской философии в России: Б. В. Яковенко // Философские науки. 2009. № 6. С. 80–91)) литературе берклианские корни прагматизма служили основанием для критики. См. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Изд-во политической литературы. 1968. С. 363; Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. Петроград: «Жизнь и знание». 1916. С. 363–393. Это основополагающие работы, где мы впервые встречаемся с доводами, которые доведёт до совершенства Ю. К. Мельвиль в книге «Чарльз Пирс и прагматизм». Приведённые источники показывают, что Джон Райдер не совсем точен, начиная свое исследование советской философской американистики с двухтомника П. П. Блонского «Современная философия» (Ryder J. Interpreting America. Russian and Soviet Studies of History of American Thought. Nashville and London. Vanderbilt University Press. P. 1).

⁸⁰ MS 322. См. также 5.525.

⁸¹ Отношение Пирса к Гегелю представляет собой настоящий парадокс. Нет сомнений в том, что Пирс признавал влияние Гегеля на свою фанероскопию (1.284, 1.300, 5.434), но не очень ясны детали этого влияния, ведь большинство пассажей Пирса, связанных с Гегелем, носят слишком общий характер (см., например, 1.40–42, 5.358–87). Известно, что он считал Гегеля номиналистом, склонным к реализму (1.19). Рассмотрение проблемы того, как номинализм сочетается с признанием троичности, см. Stern R. Peirce on Hegel: nominalist or realist? // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2005. Vol. 41. №1. P. 65–99. В одних местах Пирс утверждает, что полностью отвергает философию Гегеля (1.367), в других провозглашает себя его преемником (1.42), соглашается с ним (1.491) и даже называет его величайшим из всех философов (1.524). Не очень ясно, в каком объеме Пирс знал идеи Гегеля и насколько он отличал его философию от философии Шеллинга.

⁸² См. MS 1549, Catalogue of Books on Medieval Logic which are available in Cambridge. Документ датируется 1868 годом. См. также современные исследования: Boler J. F. Charles Peirce and Scholastic Realism. A Study of Peirce's Relation to John Duns Scotus. Seattle. 1963. Boler J. F. Peirce and Medieval Thought // The Cambridge Companion to Peirce (Ed. C. Misak). Cambridge University Press. 2004. P. 58–86. Из-за этой связи Пирс интересен и историкам схоластики, например, Honnefelder L. Scientia transcendens. Die formale Bestimmung der Seiendheit und Realität in der Metaphysik des Mittelalters und der Neuzeit (Duns Scotus, Suárez, Wolff, Kant, Peirce). Meiner, Hamburg. 1990. S. 382–487. Много о Пирсе писал медиевист У. Эко, чем-то схожий с Пирсом своей любовью к знакам, а также широкой эрудицией (см. Eco U. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. Harvest Books. 2000. P. 57–122; Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академическая книга. 2016. С. 483–503).

⁸³ On a improvement in Boole's calculus of logic (1867). Опубликовано в 3.1–3.19.

⁸⁴ Peirce C.S. Augustus De Morgan // Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition. Volume 2. 1867–1871. Indiana University Press. 1984. P.448–451.

⁸⁵ В 1867 году Пирс написал обзор «Логики случая» Венна. Обзор опубликован в 8.1–8.6.

⁸⁶ Про книгу Мансела «Prolegomena logica» Пирс сказал, что с её появлением логика достигла дна и далее деградировать уже не может (1.15).

аргументации (1.560). После смерти Пирса-старшего сын отредактировал и посмертно издал важную статью отца⁸⁷. И последним, но не по значению, источником можно считать не книжные занятия, а науку, которую можно обрести в великой книге мира, — опыт многолетних занятий экспериментальной физикой, астрономией и геодезией⁸⁸.

Основателя прагматизма, в соответствии с античной шуткой про Аристотеля, можно назвать Читателем⁸⁹. У нас есть списки личной библиотеки Пирса, которые, несмотря на их неполноту, поражают воображение⁹⁰. Мы знаем, например, что Пирс продал университету Джона Хопкинса 295 томов, многие из которых представляли собой библиографическую редкость⁹¹. Анализ библиотеки Пирса показывает широту его интересов. Он читал как “*Utriusque cosmi maioris scilicet et minoris Metaphysica, physica atque technica Historia*” Роберта Фладда, так и перевод “Основ химии” Д. И. Менделеева⁹². Есть в его библиотеке и самая свежая на тот момент литература, например Hawkes H.E. *On Hypercomplex Number Systems* (1902) и Taber H. *On Hypercomplex Number System* (1904). Следил Пирс и за открытиями философской археологии — он, вероятно, был одним из первых учёных, кто обратил внимание на опубликованные в 1865 году Теодором Гомперцем фрагменты найденного в геркуланском папирусе сочинения Филодема “О знаках”⁹³.

Из этого ясно, что ни хронология, ни характер научных занятий Пирса не заставляют нас считать, что он не мог взаимодействовать с отцами-

⁸⁷ Peirce B. *Linear Associative Algebra* // *American Journal of Mathematics*. 1881. Vol. 4, No. 1. P. 97–229. Историк логики Джеральдин Брэди отмечает влияние работы Пирса-старшего на систему нотации, которой пользуется Пирс-младший. См. Brady G. *From Peirce to Scolem. A Neglected Chapter in the History of Logic*. Elsevier Science Bv. North-Holland. 2000. P. 23, 61.

⁸⁸ Этот опыт Пирс концептуализировал в различии философии в лаборатории и философии в семинарии. Крупным представителем последней он считал Гегеля (1.40).

⁸⁹ Доватур А. И. Платон об Аристотеле // *EINAI: Проблемы философии и теологии*. 2012. Том 1, № 1/2 (1/2). С. 359–366.

⁹⁰ MS 1548–1559.

⁹¹ Кирющенко В. Ук. соч. С. 149.

⁹² MS 1557.

⁹³ 2.38; 2.761; Peirce C.S. (Ed.) *Studies in Logic*. Boston: Little, Brown, and Company. 1883. P. vi. В этом же сборнике есть статья “Логика эпикурейцев”, принадлежащая ученику Пирса, Аллану Маркванду, содержащая переводы фрагментов Филодема. См. также Шахнович М.М. Трактат Филодема «О знаках» и эпикурейская логика И.А. Боричевского // *Вопросы философии*. 2016. № 8. 189–193. О Маркванде и его логической машине см. Шилов В. В. *История логических машин*. М.: URSS, 2013.

основателями аналитической философии. Напомним, что “Основоположения арифметики” Фреге были опубликованы в 1884 году, “Природа суждения” Мура — в 1899, а “Об обозначении” Рассела — в 1905. Иными словами, временные рамки позволяли Пирсу прочесть любого отца-основателя аналитического движения за исключением Витгенштейна. Более того, Уильям Джеймс, основное действующее лицо второй главы, умер в 1910 году, и, как будет показано далее, успел обменяться с Муром и Расселом, наполеоном современной логики, полемическими статьями.

Однако в последние годы жизни, пришедшиеся на начало XX века, автор прагматической максимы оказался в несколько стеснённых жизненных обстоятельствах, страдая от телесных недугов, безуспешных попыток доработать свою философскую систему и запутанного положения своих финансов. В это время Пирс мало публикуется в серьезных научных журналах, много пишет “в стол”. Пик его естественно-научного и логико-математического⁹⁴ творчества остался далеко позади.

Зная это, нетрудно предположить отсутствие хоть сколько-то основательного знакомства Пирса с трудами Фреге, Рассела и Мура: пока Пирс был в расцвете творческих сил, аналитической философии ещё не было, а когда она появилась, то он же был отрезан от мира и не имел возможности познакомиться с трудами Фреге, Мура и Рассела. “Островная” аналитическая философия рождалась в частных беседах *literati* в английском Кембридже, совсем как в своё время прагматизм родился из бесед *lazzarone* в Кембридже американском. “Континентальная” аналитическая философия в лице представителей Львовско-Варшавской школы то же, по всей видимости, была Пирсу недоступна.

Вероятно, руководствуясь похожими размышлениями, Ю. К. Мельвилль в своей фундаментальной монографии написал, что поздние рукописи Пирса не представляют большого философского или логического интереса, ведь

⁹⁴ Последней серьезной (т.е. технически проработанной) опубликованной статьей Пирса по этой теме можно считать “On the algebra of logic: A contribution to the philosophy of notation”. Она была написана в 1884 году и опубликована в “American Journal of Mathematics” в 1885.

“лишенный живого общения и дискуссий с учёными <...>, оторванный от новейшей философской литературы, не будучи в курсе последних проблем, поставленных работами Фреге, Пеано, Уайтхеда, Рассела и других, Пирс мог лишь варьировать свои старые идеи, зачастую облачая их в ещё менее понятную форму”⁹⁵. По Мельвилю, всё творчество американского философа было конституировано воспроизводящимся на разных уровнях противоречием между ясно мыслящим Пирсом-учёным и Пирсом-прагматистом, туманным, мистически настроенным религиозным философом. В поздние годы вторая ипостась одержала верх, и наука в творчестве Пирса окончательно стала неразличима. Миста поглотил собственный туман.

Но какие учения или тезисы Пирса можно считать мистическими? Мельвиль упоминает антропоморфизм (“гипотеза о том, что в мире есть нечто такое, с чем сходен человеческий разум” (1.316)), тихизм (учение об абсолютной случайности), синехизм⁹⁶ (“учение о то, что всё, что существует, является непрерывным”(1.172)) и агапизм (учение о божественной любви как движущей силе эволюции). Однако эти учения были разработаны Пирсом ещё до начала XX века, как верно отмечает сам Мельвиль⁹⁷. Он подробно не анализирует творчество Пирса последних четырнадцати лет его жизни, однако из того, что Мельвиль говорит об этих учениях, а также о работах по

⁹⁵ Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. (У истоков американской буржуазной философии XX в.). М.: Изд-во МГУ. 1968. С. 23–24.

⁹⁶ Термин предложен самим Пирсом в 1892 году (6.170). Любопытно, что, обсуждая это метафизическое положение, Пирс отвлекается на проблему Ахиллеса и черепахи (6.177–6.184) и не использует для её решения свою метафизику, как делал, например, А. Бергсон. Более того, Пирс предлагает не математическое, а очень простое физическое решение апории, выведя формулу, по которой, зная скорости движения бегунов, а также расстояние между ними, можно посчитать время, за которое Ахиллес догонит черепаху. Современные исследователи сравнивают это решение с предложенным Расселом в 1903 году теоретико-множественным решением апории, хотя, по всей видимости, никакой исторической связи тут нет: см. Lenzen V.F. Peirce, Russell, and Achilles // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1974. Vol.10. №1. P. 3–7. См. также Putnam H. Peirce’s Continuum // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995. P. 1–22; Колесников А.С. Философия Бертран Рассела. Ленинград. Из-во ЛГУ. 1991. С. 76. Впрочем, Пирс приложил руку к разработке теории множеств, предложив определения бесконечного класса, которое ныне называется определением Пирса–Дедекинда. См. Клини С. Математическая логика. М.: “Мир”. 1973. С. 208.

⁹⁷ Мельвиль. Ук. соч. С. 434.

фаллибилизму⁹⁸ конца XIX века, можно сделать вывод о том, что, по его предположению, в начале XX века ситуация только ухудшилась.

Оценка любых метафизических построений зависит от установки, с которой исследователь к ним подходит. Кажется, что приведённая характеристика Мельвиля работ Пирса имела своим основанием скорее мировоззрение первого, чем действительную туманность мыслей второго. Для истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии имеет значение учение Пирса об антропоморфизме, которое в той или иной мере разделялось всеми первыми прагматистами, и которое было бэкграундом для метафизической части дискуссии (1.121; 1.316; 7.515). В рамках этого исследования мы назовём его идеалистическим доводом. Его можно реконструировать так. Пирс пытается найти условия возможности истинного знания, которое мы фактически имеем о мире. Знание есть отношение, а отношения могут быть установлены между тем, что между собой имеет что-то общее. Если бы это общее принадлежало только самому познающему, и мы познавали бы то, что сами приписали вещам, то познание было бы лишь субъективным делом. Но наука кажется нам объективной. Поэтому у познаваемого должно быть что-то, что было бы у него общим с познающим (2.776). Поскольку наука занимается познанием законов, то эти законы можно описать как привычки вещей. Так, привычки наших тел и привычки частей пространства должны быть до какой-то степени согласованы (1.416). Насколько туманно или научно это рассуждение? Сложно судить, но, во всяком случае, метафора привычки сама по себе ничем не лучше и не хуже, чем, например, гипотеза предустановленной гармонии или метафора отражения.

Однако верно, что Пирс разработал метафизику, которую можно назвать религиозной. Но нельзя сказать, что в последние годы жизни он занимался ею как-то особенно много или с какой-то особой настойчивостью:

⁹⁸ См. Мельвиль. Ук. соч. С. 422.

подобные темы появляются у него очень рано⁹⁹. Так, в 1902 году Пирс пишет “The Study of Languages Based Upon Translations of the New Testament” (MS 1246), но это не религиозный, а терминологический и лингвистический текст. Около 1906 года и далее Пирса начинают беспокоить вопросы, поднятые Дэвидом Юмом в “Диалогах о естественной религии” и его аргумент против чудес (MS 845, MS 869, частично опубликованные в 6.494–6.521¹⁰⁰). 20 июня 1906 года в его записной книжке появляется “Notes for my Logical Criticism of Articles of the Christian Creed” (MS 864). В 1908 году написан весьма эзотеричный “A Neglected Argument for the Reality of God”¹⁰¹. Впрочем, он куда менее эзотеричен, чем, например, юношеский “The Modus of the IT”.

Но его деятельность ни в коей мере не исчерпывается философией религии. С 1901 года Пирс сотрудничает с Д. Болдуином в “Словаре философии и психологии” (к этому сотрудничеству мы ещё вернемся). В 1903, т.е. в тот же год, в котором выходят “Принципы математики” Рассела и “Опровержение идеализма” Мура, Пирс пишет “On the Foundations of Mathematics” (MS 7), а в 1906 — “On the Logical Nature of the Proposition” (MS 792). В этот период он активно переписывается с английским семантиком Викторией Уэлби, работает над экзистенциальными графами и фанероскопией. В 1909 году предлагает матричный метод для трехзначной логики¹⁰². Его последняя лекция — на встрече Национальной академии наук 21–22 ноября — “Основания обоснования, или Основы заключения” (“The Reasons of Reasoning, or Grounds of Inferring”)¹⁰³. В поздние годы Пирс

⁹⁹ Так, в августе 1858 году было написано “An essay on the Limits of Religious thought written to prove that we can reason upon the nature of God”, 1860 годом датируется небольшой отрывок “Proof of the Infinite Nature of the Creator”.

¹⁰⁰ Тут Пирс упоминает “Явление и реальность” Брэдли, что говорит о том, что он прекрасно понимает, чем живет философский мир.

¹⁰¹ Peirce C.S. A Neglected Argument for the Reality of God // *Hibbert Journal*. Vol. 7. P. 90–112.

¹⁰² Пирса можно считать одним из основателей неклассической логики, во всяком случае, многозначной. Так, в 1909 году Пирс разработал логику, в которой значениями суждений могли быть “v” (истина), “f” (ложь), “l” (limit, неопределённость). См. подробнее Fisch M., Turquette A. Peirce's Triadic Logic // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1966. Vol. 2, №. 2. P. 71–85; Карпенко А.С. Развитие многозначной логики. М.: Издательство ЛКИ. 2016, С. 39; Хинтикка считал, что именно пирсовские философские интуиции лежат в основании модальной логики, которая никогда не могла быть создана на основе логики Фреге. См. Hintikka J. The place of C. S. Peirce in the history of logical theory // *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator*. Volume 2 of the series Jaakko Hintikka Selected Papers. Springer Netherlands. 1997. P. 13–33.

¹⁰³ Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition. Volume 1. 1857–1866. Indiana University Press. 1982. P. xxii.

усердно работал над диаграмматической модальной логикой с темпоральными понятиями и над экзистенциальными графами, которые сегодня считаются любопытным аналогом натурального исчисления. Иными словами, было бы неверно сказать, что Пирс полностью растворился в мистике¹⁰⁴.

Дальнейший анализ наследия позднего Пирса показывает, что он не только мог быть знаком с работами некоторых аналитических философов, но и был соавтором одного из них — Дж. Э. Мура. Но, прежде чем мы перейдём к этому сюжету, рассмотрим вопрос о том, что Пирс знал о работах Рассела, и что Рассел знал о работах Пирса.

1.1.1. Пирс о Расселе

Как мы видели, Мельвиль отрицал знакомство Пирса с трудами Рассела. Другой крупный отечественный пирсовед В. В. Кирющенко в своей биографии Пирса указывает, что Пирс написал “пространные комментарии” на все три тома “Principia Mathematica”¹⁰⁵. К сожалению, Кирющенко не указывает, где с этими комментариями можно ознакомиться. Обратимся к корпусу текстов.

Печатные работы Пирса позволяют нам судить по крайней мере о его знакомстве с “Принципами математики” Рассела. В 1903 году в журнале “The Nation” Пирс публикует сдвоенный обзор двух книг: “Что такое значение?”

¹⁰⁴ Образ Пирса как неудачника нуждается в корректировке. При жизни он читал лекции в Гарварде (1864–1865, 1869–1870, 1870–1871, 1903), Лоуэлловском институте (1866), университете Джона Хопкинса (1879–1884), работал в престижном научном бюро, был членом нескольких уважаемых научных организаций, в том числе и Лондонского математического общества, печатался в самых серьезных научных журналах, внёс существенный вклад в несколько конкретных дисциплин от математической логики до геодезии. Его студентами были Дж. Ройс, Дж. Дьюи, К. И. Льюис, Т. Веблен, А. Маркванд. Пирс внёс вклад в популярную культуру — национальный характер американского народа теперь прочно ассоциируется с прагматизмом, хотя, конечно, редко осознаётся, что это такое. Однако нет сомнения в том, что его дурной, как свидетельствуют факты и современники, характер был каузальным фоном некоторых личных трагедий. Верно, что в первой половине прошлого века его идеи были несколько забыты. Так, например, Коплстон ещё утверждает, что Пирс остаётся философом для философов (Copleston F.C. A History of Philosophy: Volume VIII: Modern Philosophy: Empiricism, Idealism, and Pragmatism in Britain and America. London: Burns, Oates & Washbourne. 1966. P. 304). Но сегодня это совершенно не так. Идеи Пирса, в той или иной мере, “работают” в аналитической философии, в континентальной Теории, в семантике, в когнитивной лингвистике и филологии, в теории искусственного интеллекта (Васюков В. Л. Научное открытие и контекст абдукции // Философские науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. М.: ИФ РАН, 2003. С. 181–203).

¹⁰⁵ Кирющенко. Ук. соч. С. 360.

уже упомянутой Уэлби и расселовской. Обе книги он считает важными работами по логике. Странность этого обзора состоит в том, что уже во втором предложении Пирс заявляет, что упоминать эти книги вместе гротескно, настолько они разные, поэтому он не будет говорить о книге Рассела, которая “едва может быть названа литературой”¹⁰⁶. В устах Пирса, презиравшего всякую литературность в науке, это было скорее похвалой, чем порицанием. “То, что он продолжает эти строгие и схоластические занятия так долго, показывает как твердость характера и трудолюбие, так и большой ум, которым прославились его предки. Тот, кто желает хорошего введения в удивительные исследования по логике математики, которые были сделаны за последние шестьдесят¹⁰⁷ лет, и которые пролили новый свет как на математику, так и на логику, может смело браться за эту книгу. В действительности, вероятно, что второй том будет по крайней мере на девять десятых состоять из рядов символов”. Вся дальнейшая рецензия посвящена работе Уэлби¹⁰⁸. Ирвинг Анеллис предполагает, что таков был художественный замысел рецензии: несбалансированная композиция должна была подчеркнуть преимущества книги Уэлби и указать на неоригинальность работы Рассела¹⁰⁹.

Читая эту краткую, странную, даже неловкую, написанную в сбивчивом стиле рецензию, мы видим её автора умудрённым опытом патриархом, который одобрительно похлопывает молодого коллегу по плечу. Однако в маргиналиях на полях пирсовского экземпляра книги и в пирсовых манускриптах мы находим несколько иные оценки. Остановимся на манускриптах. Так, в недатированной, но явно поздней рукописи “On the System of Existential Graphs Considered as an Instrument for the Investigation of

¹⁰⁶ Peirce C.S. Reviews of What is Meaning? By V. Welby. The Principles of Mathematics. By Bertrand Russell. The Nation, vol. 77. P. 308–309. Частично перепечатано тут — 8.171.

¹⁰⁷ Историю современной математической логики обычно начинают с публикации работы Дж. Буля “Математический анализ логики” в 1847 году.

¹⁰⁸ Эта небольшая заметка положила начало плодотворной переписки с 1903 по 1911 год, из которой мы можем узнать много интересного как о самовосприятии Пирса, так и о его философско-лингвистической концепции. См. Semiotic and Signifies: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby. Bloomington: Indiana University Press, 1977.

¹⁰⁹ Anellis I.H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // Modern Logic. 1995. Vol. 5. №3. P. 298.

Logic” Пирс пишет: “Большинство авторов, которые высоко ценят символическую логику, рассматривают её так, как если её ценность заключалась бы в её математической силе как исчисления. В моей статье об этом в словаре Болдуина, я, напротив, привёл основания считать, что, если она будет рассмотрена таким образом, то она не может быть признана серьезнее ребячества. Система Пеано¹¹⁰ не является исчислением; она есть ни что иное, как пазиграфия¹¹¹; и хотя она, вне всякого сомнения, полезна, если тот, кто её использует, упражняет свою волю введением дополнительных знаков; несколько разных систем были дичайше переоценены, что я попытаюсь показать, когда выйдет второй том “Принципов математики” Рассела и Уайтхеда”¹¹². Дальнейшая рукопись посвящена вопросу, вынесенному в заголовок.

Трудность в интерпретации и даже датировании этого фрагмента состоит в том, что Рассел и Уайтхед никогда не писали работы под названием “The Principles of Mathematics”. Их перу принадлежат три тома “Principia Mathematica”, а “The Principles of Mathematics” Рассел написал в одиночестве, о чём Пирс должен был знать. С другой стороны, Пирс в “The Nation”, и в приведённом отрывке говорит о втором томе, что могло бы наводить на мысль о возможной путанице между работами Рассела 1903 и 1910–1913 годов, которая иногда встречается и в современной литературе. Загадка

¹¹⁰ В 1899 году брат Чарльза, математик Джеймс Миллз Пирс поехал в Турин, где встречался с Дж. Пеано, и писал об этом Пирсу (Кирющенко В.В. Чарльз Сандерс Пирс, или Оса в бутылке. Введение в интеллектуальную историю Америки. М.: Территория будущего. 2008. С. 317). Впрочем, и Пирс переписывался с Пеано — Putnam H. Peirce the Logician // Realism with a Human Face. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1992. P. 253.

¹¹¹ Сравните: 4.424.

¹¹² MS 499. А. Уайтхед обычно не считается аналитическим философом. Их отношения с Расселом после написания “Principia Mathematica” не были простыми, во многом потому, что каждый из них делал философию, неприемлемую для другого. Хорошо известны слова, которыми Уайтхед представил Рассела на гарвардских лекциях имени Уильяма Джеймса: “Берти говорит, что у меня бардак в голове, я же говорю, что это у него там всё слишком просто устроено” (“Bertie says that I am muddle headed, but I say that he is simple minded” — Lucas G. R., Jr. The Rehabilitation of Whitehead. State University of New York Press, Albany. 1989. P. 111). Некоторые исследователи относят Уайтхеда к американской философии, а некоторые даже к её т.н. золотому веку (См., например, Kuklick B. A History of Philosophy in America, 1720–2000. Oxford University Press. 2002. P. 225; Юлина Н.С. Философская мысль в США. М.: “Канон+”. 2010. С. 220–249; Робинсон Х. Кант в Новом Свете // Кантовский сборник. 1975. Вып. 19. С. 82–88). Тонкие нити истории связывают Пирса с Уайтхедом. Судя по всему, Пирс знал о его математических работах (8.168). Многие авторы, в том числе Коплстон, отмечают, что между прагматизмом и философией процесса есть много общего, хотя никакого взаимовлияния не обнаруживается (Copleston. Op. cit. P.328). Ученик Уайтхеда, Ч. Хартсхорн был, как упоминалось выше, одним из издателей собрания сочинений, используемого и в настоящей диссертации. Подробнее см. Nubiola J. Peirce and Whitehead // Handbook of Whiteheadian Process Thought. M. Weber (ed.). Ontos Verlag, Frankfurt, 2008, Vol. 2, 481–487.

разрешается просто: на титульном листе издания 1903 года стояло “Vol.1”. В предисловии Рассел обещает, что у книги будет второй том, содержащий строгий вывод положений математики из минимальных логических законов¹¹³. Там же Рассел говорит, что второй том будет написан вместе с Уайтхедом.

Интерес представляет манускрипт, самим Пирсом обозначенный как “Предварительные заметки к критике «Принципов математики» Бертрана Рассела” (“Notes Preparatory to a Criticism of Bertrand Russell's Principles of Mathematics”), датируемый февралем¹¹⁴ 1912 года. В нем четырнадцать страниц¹¹⁵. Но к Расселу имеет отношение только первая и самое начало второй, на которой утверждается, что для честной критики необходимо представить свою позицию. Поэтому далее Пирс развивает общие рассуждения о знаке вообще¹¹⁶, о логике в целом, о мысли и сознании, о триадическом отношении, о привычке. К “Принципам математики” в этом документе он более не возвращается.

На первой же странице этого текста Пирс пишет, что “Рассел в своём первом томе достаточно излагает принципы математики для того, чтобы дать тем, кто вообще не изучал этот предмет, некоторые его понятия (notions of it), так что можно сказать, что в главном его изложение истинно; т.е. в том смысле, что информирует их о важных истинах. Однако в других

¹¹³ Russell B. *The Principles of Mathematics*. Cambridge: at the University Press. 1903. P. v. В том же предисловии Рассел упоминает, что “по фундаментальным вопросам философии моя позиция главным образом воспринята от Дж. Э. Мура” (P. xviii). Он принимает муровские учения о неэкзистенциальной природе суждений и их независимости от любого познающего ума, плюрализме, нередуцируемой реальности отношений. На странице 24 Рассел ссылается на муровскую статью “Природа суждения”. Таким образом, Пирс мог быть осведомлен о её существовании.

¹¹⁴ Листы с первого по четвертый включительно датированы пятым февраля. На первом листе мы читаем “PM 1:25”, на втором “PM 1:45”, на третьем “PM 2:00”, на четвертом “PM 2:45”. Листы с пятого по десятый датированы шестым февраля. На пятом — AM 11:40, на шестом “Noon”, на седьмом “PM 0:15”, на восьмом “PM 0:30”, на девятом “PM 1:00”, на десятом “PM 3:10”. На листе номер 10 только одна треть страницы написана 6-ого, а две третьих — седьмого, “PM 2:20”. Лист номер 11 написан седьмого февраля, “PM: 2:50”. На листе номер 12 стоит седьмое февраля, “PM 3:35”, на тринадцатом листе по какой-то причине стоит “Jan 8” и “PM 12:35”. Лист номер 14 снова датирован 8 февраля, “PM 1:00”. Все датировки тут принадлежат самому Пирсу.

¹¹⁵ MS 12.

¹¹⁶ Разными авторами предпринимаются попытки “достроить”, как мог бы выглядеть спор Рассела и Пирса на эту тему. См., например, Peirce H. *Peirce and Russell on Proper Names* // *Transactions of the Charles Peirce Society*. 1982. Vol. 18. P. 339–348.

отношениях он предоставляет недостаточную рефлексию о фундаментальных понятиях своего предмета [...].”

Для полноты картины следует также упомянуть два манускрипта, содержащие подготовительные материалы к Лоуэлловским лекциям. Оба датированы 1903 годом: MS 459¹¹⁷ (к третьей лекции) и MS 469 (к пятой лекции). В первом он разбирает определение математики, данное его отцом (“математика есть наука, которая выводит необходимые следствия”) и отрицает сводимость математики к логике. В документе 41 страница, и на странице 18 бегло, в одном предложении, упоминаются Рассел и Уайтхед. Пирс сообщает, что они просто изложили уже известные истины в бесполезно технической и педантичной форме (“uselessly technical and pedantic form”). Во втором манускрипте, состоящем из 73¹¹⁸ страниц, Рассел, на сей раз без Уайтхеда, упоминается на страницах 32 и 33. Упоминаются и “Принципы математики”. Пирс пишет, что “достопочтенный Рассел” затрудняется сказать, является ли множество (“collection”) с одним индивидом идентичным этому индивиду или нет. Оба эти упоминания очень кратки и не сопровождаются сколько-то подробным разбором. Пирс также упоминает Рассела среди других логиков (де Морган, Дедекин, Шрёдер, Пеано) в своих лекциях по прагматизму 1903 года (5.148). И опять мы имеем дело с простым упоминанием.

Существует также незаконченный пятистраничный фрагмент MS 818. Индекс Робина датирует его как просто “поздний”. Этот фрагмент обнаруживает знакомство Пирса с приложением, в котором Рассел изложил свой знаменитый парадокс¹¹⁹. А это в свою очередь означает, что он по

¹¹⁷ Расшифровано и опубликовано в Peirce C.S. *The New Elements of Mathematics* Vol. III/1. 1976. The Haugeu: Paris, Moouton. P. 347.

¹¹⁸ Так значится в каталоге Робина. Однако доступный мне манускрипт содержит всего 41, причём непоследовательно пронумерованную страницу.

¹¹⁹ Пирс написал для словаря Болдуина статью “Insolubilia” (том 1, 1901, P. 554), посвящённую семантическим парадоксам, возникающим в отношении суждений, апеллирующим к собственной ложности. Диперт отмечает, что эта статья привлекала внимание Рассела (Dipert R. *Peirce’s Deductive Logic: Its Development, Influence, and Philosophical Significance* // Ed. C. J. Misak. Cambridge University Press. 2004. P. 320). Правда, он не даёт никаких оснований для этого мнения.

крайней мере что-то знал трудах Фреге¹²⁰. Любопытно, что из всей книги Пирс обратил внимание именно на самый её революционный аргумент.

Пирс также упоминает Рассела в письме к Уэлби от 12 октября 1904 года (L 463). Он пишет: “Что до моей диадической алгебры, то Рассел в своей до тошнотворности поверхностной книге, делает несколько глупых замечаний о моём “относительном сложении” (relative addition) и т.п., которые просто бессмысленны”¹²¹. Пирс считает, что Рассел и Уайтхед не понимают, что нельзя убрать эту операцию из логики, но тут же говорит, что стоит оставить Рассела и Уайтхеда искать их собственный способ спасения. Уэлби передала письмо Расселу, тот ответил, что не помнит, чтобы говорил такого о диадической логике Пирса, и, хотя он считает символизм Пеано более удобным, он высоко ценит метод Пирса¹²².

6 февраля 1912 года Пирс написал письмо в Cambridge University Press с просьбой прислать ему копию “Principia Mathematica”, но неизвестно, была ли она ему предоставлена¹²³. Во всяком случае, знакомство прямо не обнаруживается в известных мне текстах. Однако он знал работу 1903 года и размышлял над изложенными в ней идеями. Нельзя, правда, утверждать, что чтение этого текста, оказавшего столь глубокой влияние на молодого инженера Людвиг Витгенштейна, что он решил начать заниматься

¹²⁰ Возможно, Пирс знал что-то о Фреге и до того. Кристина Лэдд-Франклин включила “Begriffsschrift” в библиографию к своей статье в “Studies in Logic”, в сборнике, вышедшем под редакцией Пирса. Маркванд располагал этой книгой, была она и в библиотеке университета Джона Хопкинса. Пирс имел копию рецензии Шрёдера на книгу Фреге. Пирс посылал свои работы в Йенский университет, где трудился Фреге. Оценить степень знакомства Пирса с Фреге и Фреге с Пиром, тем не менее, очень сложно. (См. Anellis I. H. How Peircean was the “Fregean Revolution” in Logic. Электронный ресурс, дата обращения 03.10. 2016 — arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1201/1201.0353.pdf. P. 265).

¹²¹ Цит. по Anellis I. H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // Modern Logic. 1995. Vol. 5. №3. P. 286.

¹²² Ibid. Автор также приводит релевантные теме письма Пирса к Уэлби от 1 декабря 1903, к Кристине Лэдд-Франклин (L237) и Ф. Фрэнклэнду (L148), написанные в похожем тоне и с той же, видимо, интенцией. Лэдд-Франклин, логик, психолог и ученица Пирса, приняла логические работы Рассела “в штыки”, считая, что всё верное в них, так или иначе, заимствовано у Пирса, а остальное не самого высшего качества. В письме от 16 ноября 1912 года она сообщила об этом самому Расселу. Этот сюжет, однако, не является частью истории взаимодействия двух философских учений См. Pietarinen A.-V. Christine Ladd-Franklin's and Victoria Welby's Correspondence with Charles Peirce // Semiotica 196, 139–161. Электронный ресурс — helsinki.fi/~pietarin/publications/On%20the%20Peirce-Ladd-Franklin%20Correspondence-Pietarinen.pdf

¹²³ Anellis I.H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // Modern Logic. 1995. Vol. 5. №3.P. 298.

математической логикой и, впоследствии, философией, как-то серьезно отразился на взглядах пожилого Пирса.

1.1.2. Рассел о Пирсе

Рассел упоминает Пирса куда чаще, чем Пирс — Рассела, а архив английского философа пребывает в ещё менее упорядоченном состоянии, чем американского, поэтому я не могу претендовать на описание всех существующих случаев вхождения термина “Пирс” в корпус расселовских сочинений. Это, однако, не означает, что вопрос не изучен и наши выводы не являются истинными с высокой долей вероятности.

Самому Расселу в поздние годы случилось рассказывать историю своего знакомства с работами Пирса. В 1946 году он пишет, что впервые узнал о Пирсе от Уильяма Джеймса во время своего пребывания¹²⁴ в Гарварде в 1896 году, но ничего не читал из работ Пирса до 1900 года, когда начал интересоваться логикой отношений¹²⁵. В сентябре 1900 года Рассел изучал “Vorlesungen über die Algebra der Logik” Э. Шрёдера, книге, во многом вдохновлённой работами основателя прагматизма. Однако в расселовской копии этой книги отмечено мало пассажей о Пирсе¹²⁶. В своём обзоре 1900 года последних исследований по основаниям математики Рассел кратко

¹²⁴ Возможно, во время этого визита Рассел даже виделся с Пирсом, однако у нас есть только устные свидетельства этого: издатель Пирса Фейблмен говорил Максу Фишу, что эта встреча состоялась в 1896 году (Anellis I.H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // *Modern Logic*. 1995. Vol. 5. №3. P. 281). Никакие надежные источники этого не подтверждают. Но мы знаем, что в 1904 году Рассел выражал желание встретиться с Пирсом (см. письма к В. Уэлби от 14 ноября и 27 декабря 1904). Мы также знаем, что в апреле 1897 года в американском колледже Брин Мор (Bryn Mawr) Пирс прочел лекцию “О числе: исследование методов точного философского мышления” (Кирющенко. Ук.соч. С. 314), а в 1896 году Рассел читал в том же колледже лекции по основаниям геометрии, известные нам сегодня как “An Essay on the Foundations of Geometry”. Рассела с этим колледжем связывало довольно многое, например, это была alma mater его первой жены. См. Dunham W. Bertrand Russell an Bryn Mawr // *The Mathematical Intelligencer* September 2016, Volume 38, Issue 3, P. 30–40. В источниках есть расхождение относительно названия дополнительной лекции, которую прочёл в этом учебном году Рассел для слушателей колледжа: Кирющенко называет её “Социализм и осуществление индивидуальной свободы”, Монк — “Социализм как осуществление индивидуальной свободы” (Monk R. Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872–1921, Vol.1. N.-Y.: The Free Press.1996. P.112), а Данам — “Социализм, осуществление индивидуальной свободы”.

¹²⁵ Russell B. Foreword // *An Introduction to Peirce's Philosophy Interpreted as a System* / Ed. by Feibleman J. New York: Harper. 1946. P. xv.

¹²⁶ Anellis.Op. cit. P. 280.

упоминает и Пирса¹²⁷. Однако для Рассела прагматизм всё же представлен трицей У. Джеймс, Ф. К. С. Шиллер и Д. Дьюи, а не привычными нам сегодня Пирсом, Джеймсом и Дьюи¹²⁸.

На основании имеющихся у нас данных можно заключить, что Рассел знал статьи “On the Algebra of Number” (1880), “The Logic of Relatives” (1883) и “On the Algebra of Logic: A Contribution to the Philosophy of Notation” (1885). В 1901 году британский математик предложил критику идей Пирса, указывая на то, что последний не различает импликацию и принадлежность к классу¹²⁹. На полях пирсовского экземпляра “Принципов математики”¹³⁰ мы находим ответ на это возражение: дело в том, считает Пирс, что сам Рассел не различал материальную и истинностно-функциональную импликацию (truth-functional, или “conditionality”, — обусловленность)¹³¹. Анеллис отмечает, что эти маргиналии вообще полны резкого несогласия с идеями Рассела. Типичные комментарии выглядят так: “это не так”, “полностью ошибочно”, “нелепые способы формулировки”¹³².

¹²⁷ Работа перепечатана под названием “Mathematics and the metaphysicians” в сборнике “Mysticism and logic”, опубликованном в 1918. Пирс упоминается на странице 59.

¹²⁸ См., например, письмо Рассела от 22 марта 1914 г. См. Russell B., Griffin N. The Selected Letters of Bertrand Russell: The Private Years, 1884-1914. Routledge. Taylor & Francis group. London and New York. 2002. P. 484; В другой статье Рассел пишет: “Учение мистера Пирса, однако, оставалось стерильным до тех пор, пока двадцать лет спустя его не рассмотрел Уильям Джеймс...” — Russell B. Pragmatism // Russell B. Philosophical Essay. London ; New York : Longmans, Green. 1910. P. 89.

¹²⁹ Anellis I. H. Schröder Material at the Russell Archives // Modern Logic. 1991. Volume 1. Number 2. P. 244.

¹³⁰ Пирс восемь раз упоминается в этой работе. Рассел признаёт приоритет Пирса в разработке логики отношений (р. 23), однако считает, что его и Шрёдера методы, основанные не на работах Пеано, а на модификации нотации Буля, настолько громоздки и сложны, что практически неприменимы (р. 24). Вдобавок к дефектам старой символической логики их метод содержит в себе техническую ошибку: они рассматривают отношение как класс пар, что приводит к усложнению формул для единичных отношений. Этот взгляд, считает Рассел, произведен от бессознательно совершаемой традиционной философской ошибки: считать реляционные суждения менее фундаментальными, чем суждения о классах или субъект-предикативные суждения. Этому Рассел противопоставляет убеждение Мура о реальности отношений, философскую правильность которого Рассел в данном случае выносит за скобки, считая, что оно существенно облегчает работу математика. Пирс и Шрёдер рассматривают также относительную сумму (relative sum) двух отношений R и S, которые имеют место между x и z, тогда, когда для некоего y, либо x имеет к y отношение R, либо y имеет к z отношение S. Это, считает Рассел, слишком сложное понятие, для которого он не находит никакого применения, и которое появляется только для того, чтобы сохранить двойственность сложения и умножения. И хотя эта двойственность имеет некое техническое очарование в своей области математики, но она не имеет смысла по отношению к основаниям математики (р. 26). Другие упоминания менее содержательны. Но и из приведённого видно, что Пирс и его ученики имели основания для обиды. Об этой обиде, как уже говорилось выше, Расселу было известно от Уэлби. В ответ на её письмо Рассел несколько флегматично сообщил, что надеется, что второй том работы удовлетворит “таких оппонентов как мистер Ч. С. Пирс” (Цит. по Anellis, Peirce Rustled, Russell Pierced. 1995. P. 292.) Увы, он так и не был написан.

¹³¹ Anellis I.H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // Modern Logic. 1995. Vol. 5. №3. P. 285.

¹³² Там же.

В 1956 году Рассел отмечал, что, вне всякого сомнения, Пирс “был одним из самых оригинальных умов девятнадцатого века, и, конечно, величайшим философом Америки всех времен”¹³³. Однако в знаменитой “Истории западной философии” Пирс упоминается лишь дважды: один раз в связи с Джеймсом и авторством прагматической максимы, второй раз — в связи с Джоном Дьюи и определением истины. Это наводит на мысль, что в 1945 году Рассел знал о философских идеях Пирса исчезающе мало. А между тем в 1916 году Рассел получил от председателя департамента философии в Гарвардском университете Джеймса Вудса приглашение принять участие в работе над изданием наследия Пирса. Рассел не получил визы в США из-за своих политических высказываний, закончившихся, как известно, непродолжительным тюремным заключением.

В литературе также встречаются многочисленные предположения о серьезном предвосхищении Пирсом результатов, полученных Расселом, как самостоятельно, так и вместе с Уайтхедом. Иногда речь даже идёт об умышленном сокрытии Расселом источника того или иного положения¹³⁴. Так, Каролин Айзеле считает, что многие идеи “Principia mathematica” были предвосхищены Пирсом в его статье 1867 года “Upon the Logic of Mathematics”¹³⁵. Издатели Хартсхорн и Уайс, публикуя этот текст (3.20–3.44), оставили примечания к 3.42¹³⁶ и 3.43, констатирующие, что идеи Пирса о выводе арифметики из логики¹³⁷, и его определение кардинального числа

¹³³ Russell B. *Wisdom of the West*. New York. Garden City. Doubleday. 1959. P. 276.

¹³⁴ Особенно далеко в этом отношении заходит Анеллис в цитированной статье 1995 года. Если в первой части этой фундаментальной работы автор занят детальным анализом отношений Рассела и Пирса, то во второй части почему-то принимается за исследование личности Рассела, и находит её весьма неприятной.

¹³⁵ Eisele C. *Studies in the Scientific and Mathematical Philosophy of C.S. Peirce*. The Hague. Mouton. 1979. P. 12.

¹³⁶ 3.42: “Равенство есть отношение, разновидностью которого является тождество. Если мы оставим равенство без дальнейшего определения, то в конечном счете (by the last scholium) все формальные правила арифметики будут следовать из него. И это дополняет центральный замысел этой статьи, поскольку в ней рассматривается арифметика”.

¹³⁷ Это, однако, не значит, что Пирс хоть в какой-то мере был логицистом. Пирс понимает логику более широко, чем Фреге. Пирс стремился делать не математическую философию или логику, а философию и логику с математической точностью. В 4.239 он приписывает Дедекинду идею, что математика является ветвью логики, и критикует её на основании цитированного выше определения математики, данного Пирсом-старшим: математика есть наука, которая выводит необходимые следствия (draws necessary conclusions). Пирс считает, что мы должны различать “выводить следствия” (draws) и “заниматься выводением” (drawing). Последнее есть дело дедуктивной логики, и это дело не сводимо к математике. Это довольно тонкое различие Пирс поясняет с воспоминанием о том, как он, логик, часто беседовал с отцом, математиком, и их обоих поражало, что в одних и тех же суждениях их

очень похожи на определения, данные в “Principia Mathematica”. Правда, в 4.333 Пирс характеризует статью 1867 года как худшую из всех, что он когда-либо публиковал. Насколько мне позволяет судить моя эрудиция, тут речь может идти только о коэволюции логических взглядов людей, которые развивали идеи Лейбница, Дедекинда и Кантора, но никак не о заимствовании: сами по себе эти идеи не носят какого-то отчетливого пирсовского характера.

Анеллис¹³⁸ приводит пример из “Принципов математики”: т.н. принцип редукции (10 аксиома). Это буквально “пятая икона” Пирса из статьи 1885 года. Эта формула сегодня известна как “закон Пирса”¹³⁹ — $((p \supset q) \supset p) \supset p$. Рассел знал об этой статье и современная нам научная этика, конечно, предписывает в таких случаях ссылаться на предшественника, даже если сам пришёл к аналогичному результату. Однако мы не располагаем точными сведениями относительно того, насколько внимательно Рассел читал работы Пирса. В предположении же Анеллиса содержится некая неувязка: с одной стороны, он предполагает относительно низкую математическую культуру Рассела, а, с другой, утверждает, что человек, обладающий такой культурой, был способен на осознанные заимствования из сложной технической работы Пирса.

И у Рассела, и у Пирса “закон Пирса” тесно связан с определением отрицания через импликацию. В связи с этим А. Чёрч¹⁴⁰ высказал

интересовали совершенно аспекты. “Математик <...> стремится сформулировать доказательство при помощи наименьшего количества шагов, при котором доказательство способно сохранить предельную ясность, тогда как логик, напротив, склонен разложить доказательство на возможно большее количество элементарных и неделимых далее элементов, которые были бы непохожи один на другой и неизбежны для установленных доказательством целей” (Цит. по Кирющенко. Ук. соч. С. 48–49). Кроме того, Пирс существенно иначе, чем Фреге, понимал математику — он считал её основанной на эмпирическом обобщении, и эксперименте, аналогичном эксперименту в физике, а не на априорных постулатах. С Расселом Пирса сближает понимание математики как науки, свободной от экзистенциальных суждений (см. I.184, а также письмо Рассела А. Мейнонгу от 5 ноября 1906).

¹³⁸ Anellis. Op. cit. P. 288.

¹³⁹ Prior A. N. Peirce's Axioms for Propositional Calculus // Journal of Symbolic Logic. 1958. Vol 23. № 2. P.135–136.

¹⁴⁰ В русском издании “Введения в математическую логику” (Чёрч А. Введение в математическую логику. Пр. с англ. В. С. Чернявского, под В. А. Успенского. Москва. Издательство иностранной литературы. 1960. С. 479), в именном указателе допущена любопытная опечатка — “Peirs”, вместо “Peirce”. Этой опечатки нет в англоязычном издании (Church A. Introduction to Mathematical Logic. Princeton, New Jersey. Princeton Inoversity Press. 1956. P. 375). В данном случае, вероятно, имела место невнимательность, но причиной подобных ошибок в американской литературе часто называют пресловутую неизвестность Пирса как учёного. Так, в “Mind” 1911 года мы находим рецензию на английский перевод немецкоязычной книги “Введение в философию” Уильяма Иерусалима (Murray

подозрение, что Рассел “почерпнул свою идею” записи отрицания, которую он применяет в работе 1903 года, всё из той же статьи Пирса 1885 года¹⁴¹. Пирс действительно рассуждает там об отрицании¹⁴². И Рассел в своей книге рассуждает об отрицании¹⁴³.

Пирс активно использует символ “— \leftarrow ” для обозначения одновременно импликации и включения, что, как нам уже известно, не нравилось Расселу. Формула “ $A \text{—} \leftarrow B$ ” истина, если A ложна или если B истинна, и ложна, если A истинна, когда B ложно. Таким образом, если у нас есть истинная формула A , то мы можем написать “ $X \text{—} \leftarrow A$ ”, каково бы ни было значение X . Пусть B будет такой формулой, тогда мы можем записать “ $B \text{—} \leftarrow X$ ”, где B — ложно. Таким образом мы можем определить “не- A ” как “ $A \text{—} \leftarrow X$ ”, где X принимает любое значение¹⁴⁴. Язык логической алгебры, которую строит Пирс, содержит такой тип знака как индексы, указывающие на любые токены (технически они обозначаются буквами греческого алфавита). Например, не- A можно выразить как “ $A \text{—} \leftarrow \alpha$ ”. Рассел рассуждает в похожем ключе, связывая импликацию с дизъюнкцией и негацией. Ещё более явно по-пирсовски Рассел определяет негацию в статье 1906 года¹⁴⁵. Поэтому я считаю, что в данном случае мы можем согласиться с Чёрчем.

Под особое подозрение попадает нотация, используемая Расселом, в особенно идея кванторов. Мы знаем, что Уайтхед читал работы Пирса (статью 1867 год) и его студентов Оскара Митчелла и Лэдд-Франклин¹⁴⁶.

D. L. New books // *Mind*. 1911. Vol. XX. № 79. 437), в которой отмечается, что вместо “Peirce” в книге читателя встречается некий “Pierce”.

¹⁴¹ Чёрч А. Введение в математическую логику. М. : Из-во иностранной литературы. С. 402.

¹⁴² Peirce C.S. On the Algebra of Logic: A Contribution to Philosophy of notation // *American Journal of Mathematics*. 1885. Vol. 7. № 2. P. 189.

¹⁴³ Russell B. *The Principles of Mathematics*. Cambridge: at the University Press. 1903. P. 17–18.

¹⁴⁴ Технически, это связано не с пятой, а с четвертой иконой, но пятая непосредственно связана с этим рассуждением, и текстологически находится абзацем ниже.

¹⁴⁵ Russell B. *Theory of Implication* // *American Journal of Mathematics*. 1906. Vol. 28. №. 2. P. 200.

¹⁴⁶ Whitehead A. N. *A Treatise on Universal Algebra with Applications*. Cambridge: The University Press. 1898. P. 115 (footnote). Патнэм отмечает любопытную особенность “дорасселовского” периода творчества Уайтхеда — он не упоминает Фреге, зато с удовольствием ссылается на американских логиков (См. Putnam H. *Peirce the Logician // Realism with a Human Face*. Harvard University Press. 1990. P. 254. Первая публикация статьи состоялась в 1982 году)

Шерил Мисак предполагает, что оттуда он почерпнул идею квантификации¹⁴⁷. Сам Рассел писал, что запись “ $(x) . \phi x$ ” принадлежит Уайтхеду¹⁴⁸. Если тут и было заимствование, то оно было опосредовано работами Пеано, и вряд ли оно было сделано со злым умыслом, во всяком случае, для него не видно никаких поводов.

Гипотеза Чёрча является простым наблюдением эрудита в истории математической логики, тогда как предположения Мисак и Аннелиса являются частью пирсовского “всплеска” в историко-логической литературе рубежа XX–XXI веков. Именно в это время многие авторы, в том числе и те, кто сам находился внутри прагматической традиции, такие как Патнэм и Куайн, обнаружили серьезный интерес к логическим достижениям Пирса.

Выяснилось, что для своих современников Пирс вовсе не был странной фигурой, достойной упоминания лишь как предшественник Джеймса и Дьюи. Как уже отмечалось выше, о его деятельности было отлично известно Шрёдеру, Уайтхеду и Уэлби. Джон Венн написал для “Mind” весьма обстоятельную рецензию на сборник “Studies in Logic”¹⁴⁹, начинающуюся словами: “Имя мистера Ч. С. Пирса настолько хорошо известно тем, кто интересуется развитием булевой или символической обработки логики, что, как стало известно, что он занял пост лектора по этому предмету в университете Джона Хопкинса, стало ясно, что в скором времени стоит ожидать интересных результатов”. Казанский математик П. П. Порецкий, составляя в 1887 г. программу первого в России университетского курса по математической логике, включил туда и изучение идей Пирса. В этом его активно поддерживал другой математик, А. В. Васильев, которого в свою очередь цитировал Пирс в своих работах¹⁵⁰. В 1913 году российский логик Николай Васильев упоминает Пирса в своей статье “Логика и металогика”¹⁵¹.

¹⁴⁷ Misak C. Introduction // The Cambridge Companion to Peirce (Cambridge Companions to Philosophy) / Ed. C. Misak. Cambridge University Press. 2004. P. 25.

¹⁴⁸ Russell B. Whitehead and Principia Mathematica // Mind. 1948. Vol. LVII. № 226. P. 137,

¹⁴⁹ Venn J. Critical Notices // Mind. 1883. Vol. VIII. № 32. P. 594–603.

¹⁵⁰ Бажанов В. А. История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии). М. : “Канон+” РОИИ “Реабилитация”. 2007. С. 150—151, 157, 183.

¹⁵¹ Васильев Н.А. Логика и металогика // Логос. 1912–1913. Кн. 1, 2. С. 80.

Исследователи творчества Васильева отмечают, что пионер паранепротиворечивой логики занимался конспектированием статьи Пирса, посвященной логике отношений¹⁵². Упоминает Васильев Пирса и в своём отчёте о третьем международном философском конгрессе в Гейдельберге¹⁵³. В 1918 году выходит “A Survey of Symbolic Logic” основателя модальной логики и прагматиста К. И. Льюиса, в которой одна из глав посвящена логике Пирса¹⁵⁴. В 1921 году о Пирсе упоминает Лукасевич¹⁵⁵. В 1941 году А. Тарский называет Пирса основателем теории отношений¹⁵⁶.

Но, несмотря на это, многие историки логики до 90-х годов, в целом, мало внимание уделяли Пирсу, предпочитая, вслед за Расселом, утверждать, что математическая логика начинается с публикации “Begriffsschrift” в 1879 году, а алгебраическая традиция XIX века может служить разве что интересным прологом¹⁵⁷. Особенно сильно в этом вопросе влияние Жана ван Хейеноорта, редактора популярной антологии “От Фреге к Гёделю”¹⁵⁸. Недостаточно много внимания Пирсу уделял Юзеф Бохеньский в своей “Истории формальной логики”¹⁵⁹. В некоторых крупных работах по логике¹⁶⁰,

¹⁵² Valentine A. Bazhanov C. S. Peirce's influence on the logical work of N. A. Vasiliev // *Modern Logic*. 1992. Vol. 3. № 1. P. 45–51; Бажанов В.А. Н. А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики // *Вопросы философии*. 2010. № 6. С. 103–113.

¹⁵³ См. Ванчугов В.В. Прагматический эпизод в биографии логика Н.А. Васильева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия*. 2012. № 3. С. 61–67.

¹⁵⁴ Lewis C.I. *A survey of symbolic logic*. Berkeley. University of California Press. 1918. P. 79–106.

¹⁵⁵ Английский перевод статьи 1921 года см.: Lukasiewicz J. *Selected Works*, ed. L. Borkowski. 1970. P. 89–109.

¹⁵⁶ Tarski A. *On the Calculus of Relations* // *The Journal of Symbolic Logic*. 1941. Vol. 6. №. 3. P. 73.

¹⁵⁷ Хинтикка тоже старается противопоставить алгебраистов и ранних аналитических философов через различие двух традиций понимания языка: язык как универсальный медиум и язык как исчисление (теоретико-модальный взгляд). Для первой точки зрения характерен тезис о невыразимости семантики. Среди его сторонников Хинтикка перечисляет Фреге, Рассела, Витгенштейна, членов Венского кружка и даже Мартина Хайдеггера, которого он называет “тайным поклонником Фреге”. С противоположной стороны выступают Буль, Шрёдер, Лёвингейм и Пирс. (Hintikka J. *The Place of C.S. Peirce in the History of Logical Theory* // *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator*. Volume 2 of the series Jaakko Hintikka Selected Papers. Springer Netherlands. 1997. P. 144.)

¹⁵⁸ Heijenoort J. van. *Logic as calculus and logic as language* // *Synthese*. 1967. Vol. 17; Heijenoort J. V. (Ed.) *From Frege To Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. Harvard University Press. 1967. См. также работу, удачно “разбавляющую” логико-философский материал континентальной философией Kusch M. *Language as calculus vs. language as universal medium: a study in Husserl, Heidegger, and Gadamer*. Dordrecht. 1989; Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1997.

¹⁵⁹ Bochenski I.M., *A History of Formal Logic*. Notre Dame Press. 1961.

¹⁶⁰ Самым внимательным по отношению к Пирсу из авторов знаменитых учебников по логике стоит признать А. Чёрча. Многие из примечаний к “Введению” представляют собой восхитительные историко-логические и историко-философские миниатюры. В подавляющем большинстве других работ такого рода Пирс упоминается, но крайне редко, уступая Расселу и Фреге: Гильберт Д., Аккерман В. *Основы теоретической логики*. 1947. М.: Издательство иностранной литературы. С. 18; Клини С. *Введение в метаматематику*. М.: Иностран. литература, 1957. С. 60; Попов А.И. *Введение в математическую логику*. Л.: ЛГУ, 1959, С.9. Гудстейн Р.Л. *Математическая логика*. М.: ИЛ, 1961, С. 142, Эдельман С.Л. *Математическая логика*. М.: Высш. шк., 1975. С.5.

как, например, во “Введении в математическую логику” Э. Мендельсона¹⁶¹, Пирс вообще не упомянут. Историками логики и логиками Пирс обычно признаётся активным деятелем исторической фразы между первыми работами Буля и революцией Фреге, возникающей “почти из полной темноты”¹⁶². Этот этап, согласно этой точки зрения, завершился в алгебре логики Шрёдера¹⁶³.

Но в конце 80-х, в том числе в связи с изданием нового полного собрания сочинений Пирса, ситуация начала меняться. В 1982 году выходит уже цитированная статья Патнэма “Peirce the Logician”. В 1995 появляется на свет сборник под редакцией Кеннета Кетнера¹⁶⁴, содержащий статьи Патнэма, Куайна и Р. Диперта по логике Пирса. В 2000 году появляется фундаментальная работа Джеральдин Брэди “От Пирса к Скулему”, где подробно разбирались логические работы Пирса и как они, в обход линии Фреге–Рассела, повлияли на историю логики, в частности на Леопольда Лёвенгейма и Туральфа Скулема. Для историографии этого периода характерно настроение, хорошо выраженное в следующих словах Хинтикки: “кошель логических инструментов, который мы находим в сочинениях Пирса, намного богаче, чем тот, что мы находим у Фреге”¹⁶⁵.

Патнэм считает, что “нотация Пирса является типографским вариантом нотации, которую мы используем сегодня” и “...никто, кроме Фреге, никогда не публиковал ни одной статьи в нотации Фреге”¹⁶⁶. Сам термин “first-order logic” принадлежит американскому, а не немецкому логикам. Нотация Шрёдера, например, зависима от нотации Пирса и почти не испытала влияния Фреге. То же можно сказать и о работах Пеано, Лёвенгейма, Цермело. От них, а не от Фреге, черпают свой способ записи Рассел и

¹⁶¹ Там, правда, нет исторической части, однако Фреге и Рассел упоминаются, в списке литературы встречается сборник ван Хейеноорта. Философы, вероятно, мало интересовали Мендельсона. Примером суждения с квантором общности у него служит фраза “No philosopher understands politics”.

¹⁶² Хаапаранта Л. Кант и философские основания логики Фреге // Кантовский сборник. 1986. Выпуск 1 (11). С. 16

¹⁶³ Карри Х.Б. Основания математической логики. М.: Мир, 1969. С. 236.

¹⁶⁴ Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y.: Fordham University Press. 1995.

¹⁶⁵ Hintikka. Op. cit. P. 144.

¹⁶⁶ Putnam. Op. cit. P. 256–257; Н. Бурбаки отмечает малую выразительность фрегевской нотации и её типографическую сложность (Цит. по Стяжкин. Ук.соч. 428).

Уайтхед. Это следует признать верным, так как “запись понятий” Фреге двумерна, тогда как алгебраическая нотация Пирса, как и современная, линейна. К сказанному Патнэмом можно добавить, что, несмотря на огромное влияние идей Фреге на Рассела и Витгенштейна, на Мура идеи автора “Основоположений арифметики” не оказали никакого влияния, в то время как идея строгой импликации ученика Пирса К. И. Льюиса используется им в качестве аргумента против идеализма, в частности против теории внутренних отношений¹⁶⁷. С другой стороны, сама по себе линейная запись не является собственным открытием Пирса — ею пользовались и Буль, и Де Морган. Поэтому противопоставлять Фреге и Пирса на этом основании не совсем корректно.

Между тем, можно выделить несколько существенных идей Пирса, которыми теперь пользуются многие логики и философы: кванторы, таблицы истинности¹⁶⁸, стрелка Пирса¹⁶⁹, нормальная форма, импликативная пропозициональная логика¹⁷⁰, аксиоматизация арифметики¹⁷¹ и некоторые

¹⁶⁷ О том, что истоки строгой импликации можно видеть в работах Пирса см. Стяжкин. Ук. соч. С. 442. Упоминание Льюиса у Мура см. Moore G.E. External and Internal Relations // Proceedings of the Aristotelian Society. 1919–1920. № 20. P. 58. Достоин всяческого удивления тот факт, что, перепечатывая этот текст в сборнике “Philosophical Studies” 1922 года, Мур убрал из этого текста ссылку на Льюиса и всяческое упоминание о строгой импликации (см. P. 304). Объяснить это обстоятельство я не берусь.

¹⁶⁸ Клини считал, что хотя привычный нам сегодня метод таблиц неформально применялся Фреге в “Begriffsschrift”, а Пирс в статье 1885 года использует нечто, очень похожее на нашу сегодняшнюю процедуру, всё же систематическое применение таблиц истинности началось с работы Поста 1921 года (Клини С. Математическая логика. М.: Мир, 1973. С. 64). Анеллис считает, напротив, хотя эта процедура в современном виде появилась в работах Лукасевича (1920), Поста (1920, 1921) и в “Логико-философском трактате” Витгенштейна, мы можем считать процедуру, которую Пирс осуществляет в “On the Algebra of Logic” (1880), а также в неопубликованном манускрипте “An Outline Sketch of Synechistic Philosophy” (ок. 1893) и некоторых других местах максимально к ней приближенной (Anellis I. H. How Peircean was the “Fregean Revolution” in Logic. P. 248–249). В данном случае стоит согласиться с Анеллисом, так как осуществляемое Пирсом и чисто графически, и по смыслу почти полностью схоже с тем, что мы делаем сегодня (см. например, 4.261–4.262). С другой стороны, у Пирса были и другие разрешающие процедуры, которые графически менее схожи с нашей, например, ромбовидная, изложенная в статье 1885 года. Ее анализ см. Стяжкин. Ук. соч. С. 442–443.

¹⁶⁹ Вероятно, Пирс был первым, кто осознал возможность создать систему пропозиционального исчисления с использованием лишь одной пропозициональной связки (См. 4.12–20), а именно “ни, ни” (“или-не”), через которую можно выразить все другие связи, такие как негация, конъюнкция, импликация. Пирс впервые изложил эту идею в 1880 году, то есть за 33 года до аналогичного открытия Шеффера (Sheffer H.M. A Set of Five Independent Postulates for Boolean Algebras, with Application to Logical Constants // Transactions of the American Mathematical Society. 1913. Vol. 14, No. 4. P. 481–488). Некоторые логики считают эту идею “большим открытием (см. например, введение к книге Уайтхеда и Рассела <...>), другие (например, Гильберт и Аккерман <...>) просто любопытным фактом” (Карри Х.Б. Основания математической логики. М.: Мир, 1969, С. 417).

¹⁷⁰ Пирс и Митчелл предвосхитили развитие логики предикатов первого и более порядков, однако их работы не оказали прямого влияния на Гильберта, Скулема, Жака Эрбрана и Гёделя. Однако работы Пирса оказали влияние на развитие логики предикатов через работы Лёвенгейма.

¹⁷¹ Peirce C.S. On the logic of number // The American Journal of Mathematics. 1881. Vol. 4, No. 1, P. 85–95.

другие¹⁷². К экстравагантным, поздним логическим идеям Пирса относятся ещё недостаточно хорошо исследованные экзистенциальные графы¹⁷³. И хотя главным достижением Пирса, с точки зрения истории математической логики, является создание исчисления отношений на основе булевой алгебры, относительных операторов Де Моргана и линейной алгебры Пирса-старшего, для истории философии более важно введение кванторов и табличной разрешающей процедуры, так как именно эти технические инструменты активно применялись в аналитической философии XX века.

Многие авторы¹⁷⁴ указывают, что употребление кванторов началось с публикации “Begriffsschrift” в 1879, хотя сами термины “quantifier” и “quantification” были введены Пирсом. Чёрч отмечает, что “весьма существенный элемент — использование в связи с кванторами операторных переменных — был введён самим Пирсом в качестве модификации обозначений Митчелла”¹⁷⁵. В противоположность этим авторам, Рэндалл Диперт считает, что в действительности Пирс не только предложил более современное понимание кванторов, но и сделал это на 9 лет раньше Фреге, в статье 1870 года¹⁷⁶. Теория Пирса, продолжает Диперт, была более богатой, чем теория Фреге, что позволило именно его идеям, через Шрёдера, повлиять

¹⁷² Изучение изобретённой Пирсом абдукции и его вклада в теорию правдоподобных рассуждений выходит за рамки моего диссертационного исследования. Однако стоит отметить, что как минимум три крупных философа, имеющих отношение к аналитической философии и/или прагматизму активно развивали эти идеи. Серьезный интерес к абдукции проявляли Н. Решер (Rescher N. Peirce's Philosophy of Science: Critical Studies in his Theory of Induction and Scientific Method London: Notre Dame. 1978) и Я. Хинтика (Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology // Transactions of the Charles Peirce Society. Summer, 1998, Vol. XXXIV, No. 3. P. 503–533). Кроме того, К. Поппер признавал некоторое предвосхищение Пирсом его собственных идей, касающихся фальсификационизма (См. Карл Поппер и его критики. (ред.) Д. Г. Лахути, В.Н.Садовский, В. К. Финн. УРСС, 2008. С. 280–290). О современном взгляде на неформальную часть логики Пирса см. Levi I. Beware of Syllogism: Statistical Reasoning and Conjecturing According to Peirce // Cambridge Companion to Peirce. / Ed. C. J. Misak. Cambridge University Press. 2004. P. 257–285. Аналитические философы также часто обращаются к “выводу к наилучшему объяснению”, очень схожему с абдукцией, и впервые изложенному в статье Гильберта Хармана — Harman G. The inference to the best explanation // Philosophical Review. 1965. Vol.74. P. 88–95.

¹⁷³ См. MS 514 с комментариями (URL: jfsowa.com/peirce/ms514.htm, дата доступа 07.10.2016). См. также Pietarinen A.-V. Existential Graphs: What the Diagrammatic Logic of Cognition Might Look Like // History and Philosophy of Logic. 2011. № 32(3). P. 265–281.

¹⁷⁴ См. Putnam. Op. cit. P. 257; Quine W.V.O. Peirce's Logic // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995. P.23), Hilplin R. Peirce's Logic // Handbook of the History of Logic (Volume 3: The Rise of Modern Logic: From Leibniz to Frege), Dov M. Gabbay and John Woods (eds.), Amsterdam: Elsevier. P. 612.

¹⁷⁵ Чёрч. Ук. соч. С. 279.

¹⁷⁶ Dipert R. Peirce's Deductive Logic: Its Development, Influence, and Philosophical Significance // Ed. C. J. Misak. Cambridge University Press. 2004. P. 290; Peirce C. S. Description of a Notation for the Logic of Relatives // Writings of Charles S. Peirce. A Chronological Edition, Vol. 2. 1867–1871. Indiana University Press. 1984.

на Пеано, и, опосредованно, на Рассела. Поэтому Рассел обязан своей нотацией Пирсу, даже если он не осознавал этого¹⁷⁷. По вопросу о приоритете, с Дипертом согласна Брэди.

Изучение работы 1870 года показывает, что мы должны согласиться с Дипертом и Брэди. Это, однако, не значит, что мы должны принимать тезис о существенном превосходстве теории Пирса над теорией Фреге¹⁷⁸. Не должны мы и делать вывод о том, что именно идеи Пирса напрямую оказали влияние на Рассела. Нужно отметить, что введение кванторов, как в случае Фреге, так и в случае Пирса и Митчелла, не сразу привело к их популярности. Так, в “Principia Mathematica”, как показано выше, для выражения кванторов использовались точки, и они не понимаются как функции выбора, как у Пирса, а в “Основах теоретической логики” (1928) Гильберта и Аккермана вместо кванторов использовался скобочный знак (“Klammerzeichen”).

На мой взгляд, главная странность состоит не в нескольких возможно случайно совпавших формализмов у двух математических логиков, работавших, в общем и целом, в единой традиции, а в том, что Рассел “проглядел” онтологию, которая стояла за логикой отношений Пирса; онтологию, основанную на принятии тезиса о реальном существовании отношений, тезиса, который был боевым кличем расселовского “бунта” против идеализма. Идеалистический довод, стоящий за антропоморфизмом Пирса, видимо, не был ему известен, и британец мог бы воспринять реализм Пирса без его идеализма. Если бы Рассел в своё время опёрся бы не на Фреге, а на Пирса, история философии XX века, вероятно, была бы совершенно другой. Но случилось так, как случилось. Если в истории философии были бы уместны параллели, то можно было бы привести в пример Г. В. Ф. Гегеля, “проглядевшего” спекулятивную диалектику Николая из Кузы.

¹⁷⁷ Dipert R. Peirce Underestimated Place in the History of Logic: A Response to Quine // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995. P. 4.

¹⁷⁸ Сильные и слабые стороны обоих подходов с концептуальной точки зрения проанализированы в монографии Драгалина-Черная Е.Г. Онтологии для Абелияра и Элоизы. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2012.

1.2. Влияние терминологии Ч. С. Пирса на аналитическую философию

Аналитическая философия располагает богатым терминологическим аппаратом, имеющим много общего с терминологическим аппаратом Пирса. Однако большая часть совпадений объясняется общностью источников прагматизма и ранней аналитической философии: это британская и немецкая философии XVIII–XIX веков. В этом параграфе я остановлюсь на трёх случаях, которые, вероятно, имеют прямое отношение к наследию Пирса: это прагматика, это различие типов и токенов и, самое важное, это квалиа.

1.2.1. “Прагматика”

Различие семантики, прагматики и синтаксиса (или синтактики) можно считать общепринятым в среде философов, логиков, лингвистов¹⁷⁹. Это разделение, как и само понятие “прагматика” были введены Чарльзом Уильямом Моррисом, переосмыслившим учение Пирса о знаках.

Сам Пирс предпринимал немало усилий на поприще классификации наук. В “Наброске классификации наук” американский мыслитель пишет, что свой принцип классификации он заимствует у О. Конта: одна наука зависит от фундаментальных принципов другой, но не предоставляет для неё этих принципов (1.180). Пирс не даёт конкретной ссылки, но, вероятно, имеется в виду различие между общими и частными науками, которое защищал Конт¹⁸⁰. Например, общая физиология является основанием для зоологии и ботаники. Пирс значительно изменяет эту идею Конта, считая, что в большинстве случаев речь идёт о трихотомии: первая наука указывает на универсальные законы, вторая организует классы форм и подводит их под

¹⁷⁹ См., например, Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. Изд.2-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007. С. 334–369; Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. 2-е издание. ИНФРА-М. 2015. С. 46–47; Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman. 1983; Sperber D., Wilson D. Pragmatics / In Jackson F. and Smith M. (eds.) Oxford Handbook of Contemporary Philosophy. Oxford: Oxford University Press. P. 468–501; Васюков В. Л., Драгалина-Черная Е. Г., Долгоруков В. В. Logica Ludicra: аспекты теоретико-игровой семантики и прагматики. СПб. : Алетейя, 2014.

¹⁸⁰ Конт О. Основные принципы классификации наук // Антология мировой философии. Т.3. М.: “Мысль”.1971. С. 578–580.

эти законы, а третья уходит в детали индивидуальных феноменов. На основании этого принципа деления, Пирс получает базовое разделение наук на а) Науки Открытия; б) Науки Обзорения (Review); в) Практические Науки. Любопытно, что под б) подпадают и наука о классификации наук, и различные общие обзоры результатов наук, как, например, “Позитивная философия” Конта. Наука открытия делится на математику (математику логики¹⁸¹, математику десертного ряда и математику континуумов и псевдоконтинуумов), философию и идиоскопию (физические и гуманитарные науки). Философия открывает истину в пределах нашего обыденного опыта и делится на феноменологию (исследование необходимых элементов того, что дано сознанию: феноменов), нормативную науку и метафизику (“стремиться найти подход к вселенной сознания и материи” (1.186)). Нормативная наука имеет дело с должным, и делится на эстетику, этику и логику (общая наука о знаках). Логика делится на спекулятивную грамматику¹⁸², которая изучает знаки как знаки и их взаимодействие, собственно логику, или критику, которая изучает валидность разных аргументов в их отношении к миру, и методевтику, или спекулятивную риторику, которая изучает отношения знака к интерпретанту и проблему истины.

Дальнейшие тонкости и подробности предложенной Пирсом классификации нам не важны. Важно лишь, что эта классификация опиралась на продуманные принципы деления, которые у Морриса не были развиты систематическим образом. Последний выводит свою трихотомию прямо из троичной природы знака: знаки как знаки изучает синтаксис, знаки

¹⁸¹ В вопросе о связи Пирса и логицизма: алгебра логики не есть логика, не есть философия, а математика. Она, согласно принципу, есть более общая наука, чем логика, и таким образом является источником её принципов. Логика, как нормативная наука, опирается, по Пирсу, на математику и феноменологию, также, как метафизика — на феноменологию и нормативную науку.

¹⁸² Этот термин он, по собственному свидетельству, заимствует у Дунса Скотта (2.83, см. также 2.434). Однако по современным представлениям текст “De modis significandi” приписывается лидеру школы модистов Фоме Эрфуртскому. Ошибка Пирса связана с тем, что издании “Opera Omnia” (1639) и в переиздании работ Дунса в 1891 этот текст ещё приписывался “тонкому доктору”. Ту же ошибку совершает и Мартин Хайдеггер в своей диссертации 1916 г. Только в 1922 году Мартин Грабман показал, что текст на самом деле принадлежит Фоме. См. Zupko J. Thomas of Erfurt // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2015 Edition. Edward N. Zalta (ed.). Электронный ресурс (plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/erfurt/)

как знаки чего-то изучает семантика, знаки как знаки для кого-то изучает прагматика¹⁸³.

Джон Дьюи обратил внимание на ещё одно внесённое Моррисом искажение¹⁸⁴. Оно касается спекулятивной риторики и роли третичности в знаке. Моррис считает третьим элементом означивания интерпретатора, а Пирс, считает Дьюи, говорит об интерпретанте, т.к. для некого знака толкователем может быть только другой знак, а сознание, по Пирсу, не производит знаки, оно само имеет знаковую природу. Ответ Морриса на эту критику следует признать нерелевантной, так как он не обнаружил понимания основного упрека, сформулированного Дьюи¹⁸⁵. Нарушение пирсовской догматики, само по себе, конечно, не может считаться теоретической ошибкой. Для практических целей, например, педагогических, или для целей полевого исследователя-лингвиста, схема Морриса, лишённая философских тонкостей Пирса, куда более полезна в силу своей простоты и ясности.

Исторически, учение Морриса сыграло важную роль в истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии. Свою докторскую диссертацию он написал в прагматическом в то время Чикаго под руководством Джорджа Герберта Мида. В 1934 и 1938 годах он встречался в Европе с участникам Венского кружка и стал их “послом” в США; позднее он поможет многим из них, в том числе Карнапу, эмигрировать, и найти в Новом свете работу. В 1940 году он вместе с Карнапом и О. Нейратом организует Интернациональный конгресс единства науки. В теоретическом плане его общая наука о знаках была синтезом тех формальных теорий значения, которые разрабатывались в Европе, в частности, теории Карнапа, и понятой через интеракционизм Мида философии Пирса, общность которых он видел, в частности, в приверженности научному духу в

¹⁸³ Моррис Ч. Основания теории знаков / Степанов Ю.С. (составитель.) Семиотика: Антология. Издание второе. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 45–97.

¹⁸⁴ Dewey J. Peirce's Theory of Linguistic Signs, Thought, and Meaning // *The Journal of Philosophy*, Vol. 43, No. 4. 1946. P. 85–95.

¹⁸⁵ Morris Ch. Signs about signs about signs // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1948. № 9(1). P. 115–133.

противоположность разного рода иррационализму и мистицизму. Карнап, в свою очередь, принял трихотомию Морриса¹⁸⁶.

1.2.2. “Тип” и “токен”

Сегодня различие между типом (type) и токеном¹⁸⁷ (token) очень популярно в аналитической философии. В философии сознания оно применяется как способ различить два вида теории тождества ментального и физического: теорию типического тождества (например, теории Дж. Смарта¹⁸⁸ и Д. Армстронга) и теорию буквального тождества (Д. Дэвидсона, Дж. Кима и др.)¹⁸⁹. В философии искусства его используют в дискуссиях о воспроизводимости произведения искусства. По видимому, впервые в этом контексте различие типа и токена использовал Ричард Раднер, в работе, посвящённой критике теории искусства К. И. Льюиса, считавшего объекты искусства абстрактными сущностями¹⁹⁰. Терминологию подхватили Чарльз Стивенсон и Питер Стросон¹⁹¹. Из льюисовского тезиса об абстрактном характере произведений искусства следовало, что все произведения искусства воспроизводимы. Этому тезису придерживался и Стросон. В противоположность им Н. Гудмен считал, что можно разделить произведения искусства на воспроизводимые (например, фильм) и невозпроизводимые (например, картина). Гудмен опирался на интуицию, говорящую нам, что фильм А остается фильмом А в том случае, если вы сначала посмотрели его в кинотеатре, а потом у себя дома. В случае же

¹⁸⁶ Carnap R. *Introduction to Semantics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1942. P. 8

¹⁸⁷ Несмотря на то, что перевод “token” как, например, “признак”, работает, например, в контекстах философии сознания, он оказывается совершенно неточным в контекстах философии искусства, и тем более в ретроспективном рассмотрении теории Пирса. Поэтому я предпочитаю кальку.

¹⁸⁸ Я согласен с А. В. Кузнецовым, что “в безоговорочном отнесении ранней теории тождества к типовой присутствует небольшая натяжка” (Кузнецов А.В. Проблема ментальной каузальности в аналитической философии сознания [Текст] : дис... кандидата философ. наук : 09.00.03 / Кузнецов А. В. М., 2016. С. 27.) Здесь я сознательно упрощаю реальное положение дел.

¹⁸⁹ Веретенников А.А. Модальный аргумент Крипке против теории тождества // *Философия сознания: история и современность*. М., Современные тетради, 2003;

¹⁹⁰ Rudner R. The Ontological Status of the Esthetic Object // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1950. № 10 (3). P. 380–388.

¹⁹¹ Stevenson C. On “What Is a Poem?” // *The Philosophical Review*. 1957. № 66 (3). P. 329–362; Strawson P. *Individuals*. Routledge. 1990. P. 233–234. Стросон уравнивает значения “token” и “physical particulars”. См. также Strawson P.F. *Aesthetic Appraisal and Works of Art* / In P. F. Strawson. *Freedom and Resentment*. London: Methuen, 1974. P. 178–188.

изобразительного искусства мы различаем оригинал и репродукцию¹⁹². Противостояние Стросона и Гудмена само по себе можно считать небольшим эпизодом в истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии, так как английский философ может считаться аналитиком *par excellence*, а идеи Гудмена можно отнести к гарвардскому прагматизму. Однако сейчас для нас важно, что эта дискуссия велась с применением различия типов и токенов¹⁹³. Это различие настолько популярно, что сегодня некоторые авторы используют его в изложении идей философов, которые сами этим различием не пользовались¹⁹⁴.

Многие из этих авторов отдают себе отчёт в том, что само различие типа и токена впервые встречается в работах Пирса. Впрочем, американский философ не был верен одной терминологии на протяжении всего своего творческого пути. Так, в 3.363 мы встречаем “token” как синоним для “символа”, т.е. знака, связанного со своим объектом отношением конвенции: “Без токенов, — пишет Пирс, — не было бы в предложениях всеобщности (*generality*), так как они единственные есть общие знаки; а всеобщность существенна для размышлений (*reasoning*)”. Издатели Вайс и Хартсхорн в примечании сообщают, что то, что в 3.360 и далее называется “token”, в поздних работах будет называться “symbol”, а то, что позднее (например, в 4.537) будет названо “token”, в 2.245 называется “sinsign”. В логических работах, таких как “On the Algebra of Logic”, словом “token” обозначаются переменные x , y , z , α , β и т.д., как раз в силу того, что это общие знаки. В 4.537 мы действительно встречаемся с похожим на современное пониманием этого различия, однако Пирс вводит не дихотомию, а, по своему обыкновению, трихотомию: тип, токен и тон (*tone*). Пирс пишет: “Общим способом оценки количества вещества в манускрипте или в опубликованной книге является подсчёт количества слов. Обычно на странице бывает около

¹⁹² Goodman N. *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*, Indianapolis: Bobbs-Merrill. 1968.

¹⁹³ Эту дискуссию нельзя считать завершившейся. По ходу её развития терминология ещё более утончилась: так, Стросон и Вольхайм (*Wollheim*) используют термин “*a pure type*”, а Дж. Левинсон говорит об “*indicated type*”, Стивенсон — “*megatype*”.

¹⁹⁴ Фролов К.Г. Генри Прайс о природе чувственных данных // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. Выпуск № 3. С. 63.

двадцати определенных артиклей, и они, конечно, считаются за двадцать слов. В другом значении слова “слово”, однако, в английском языке есть только одно слово “the”, и невозможно, что это слово можно было бы прочесть на странице или услышать по той причине, что это не единичная вещь и не единичное событие. Оно не существует; оно только определяет вещи, которые существуют. Такую определенно значащую форму я предлагаю называть термином “тип”. Единичное событие, которое случается однажды, и чья тождественность ограничена этим единственным происшествием, или единичный объект, или вещь, который в некотором единичном месте в любой момент времени, такое событие или вещь, которые значимы только как случающиеся (occurring) только тогда и там, где они случаются, то или это слово в единичной строчке единичной страницы единичной копии книги, я рискую назвать токеном. Неопределенную значащую особенность (character), такую как тон голоса, нельзя назвать ни типом, ни токеном. Я предлагаю называть такой знак тоном.”

Приводимое тут различие соответствует различию legisigns, sinsigns and qualisigns, введённому в 2.243. В письмах к Уэлби Пирс снова воспроизводит эту трихотомию, усложняя её дополнительной, несущественной для нас сейчас терминологией (8.363). Без “tone” это различие упоминается в недатированном манускрипте MS 498.

Приведённый выше фрагмент 4.537 является частью “Прологомен к апологии прагматизма” и встречается в приложении D в работе Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса “Значение значения”¹⁹⁵.

1.2.3. “Квалиа”

Термин “qualia” давно стал одним из отличительных признаков лексики аналитических философов. Согласно общепринятой точки зрения, этот термин был предложен прагматистом К. И. Льюисом в его работе “Ум и

¹⁹⁵Ogden C. K., Richards I. S. The Meaning of Meaning. N.-Y. A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc. 1946. P. 280–290.

мировой порядок” (1929 г.), а Льюис употреблял его вслед за Пирсом, у которого мы действительно встречаемся с употреблением этого термина. Пирс, впрочем, отдавал предпочтение единичному числу этого слова, в своей научной метафизике говоря о “*quale-consciousness*”, в новый список категорий помещая “*Quale*” (1.557) и располагая “*qualisign*” в своей классификации знаков.

Насколько мне удалось установить, первым, кто отождествил “квалиа” у Пирса и “квалиа” современных философов сознания, а именно, Д. Деннета, был У. Эко¹⁹⁶. Однако в среде аналитических философов более известной является работа Тима Крейна “Происхождение квалиа”, где он утверждает, что впервые термин “квалиа” в современном значении встречается у Пирса, потом он попадает к Джеймсу и новым реалистам, например, к Ральфу Перри, и, наконец, к Льюису, работавшему в пирсовском архиве. Крейн предлагает изящный нарратив, объясняющий, как от Пирса “квалиа” попали в работы философов сознания¹⁹⁷.

Льюис, согласно Крейну, пытался примирить идеализм и реализм, различив в данных сознания концептуальное и неконцептуальное, т.е. зависимое от активности ума и независимое. Квалиа есть свойства неконцептуального данного, при этом, они не являются свойствами самих объектов, так как свойства объектов сложны, а квалиа просты, и, если мы перестанем испытывать квалю красности стены, она сама не перестанет быть красной. Таким образом, квалиа есть свойства не вещей, а событий, а именно, событий представления тех или иных данных. Крейн считает, что “квалиа” занимают то же место в системе Льюиса, что и “*sense-data*” у Мура и Рассела и вообще в обсуждении проблемы восприятия на британских островах. Различие только в онтологической категории: квалиа есть свойства, а чувственные данные есть партикулярии. Крейн ссылается на работы

¹⁹⁶ Итальянский оригинал книги “Кант и утконос” вышел в 1997, а его английский перевод — в 1999. Переиздание — 2000 г. Ecco U. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. Houghton Mifflin Harcourt. 2000. P. 153

¹⁹⁷ Crane T. The origins of qualia // The History of the Mind-Body Problem. / Ed. by Crane T., Patterson S. London: Routledge. 2000. P. 169–194.

М. Адамса и Р. Фирса в сборнике “Философия К. И. Льюиса” (1968) под редакцией известного издателя Пола Шилпа, в которых отождествляются “квалиа” и “чувственные данные”. Он также ссылается на работу Нельсона Гудмена “Структура видимости” (1951), в которой “квалиа” определяются точно так же, как у А. Айера в “Центральных вопросах философии” (1973) определяются “чувственные данные”. Ключевым моментом этой истории становится публикация в 1958 году знаменитого эссе Герберта Фейгла “«Ментальное» и «физическое»”, в котором “квалиа” стало термином уже не философии восприятия и не старомодной метафизики, а современной философии сознания. При этом Фейгл отделяет свои взгляды от взглядов Льюиса, считая, что квалиа можно познать “по знакомству”, в противоположность точки зрения прагматиста, согласно которой знание предполагает какую-то структуру, что исключено в случае квалиа¹⁹⁸.

Теорию Крейна прямо или косвенно поддерживают многие исследователи¹⁹⁹. Это совершенно неудивительно, так как она звучит

¹⁹⁸ На самом деле, у нас не так много оснований видеть эту связь. В библиографии сравнительно небольшой статьи Фейгла 359 источников. Из них — четыре работы Льюиса, в том числе и “Ум и мировой порядок”. В самом тексте Льюис трижды упоминается в довольно длинных перечислениях фамилий разных исследователей и только один из них имеет отношение к нашему предмету. Фейгл пишет о том, что он не согласен с точкой зрения структурализма, согласно которой физическое знание касается только формы или структуры событий, в то время как знание-знакомство даёт нам доступ к содержанию, или квалиа, существования. Сторонниками такого рода структурализма он считает Анри Пуанкаре, астрофизика Артура Эддингтона, Льюиса и Морица Шлика (я сохраняю порядок, в котором Фейгл перечисляет имена). Однако остаётся не до конца ясным, что именно из книги Льюиса имел в виду Фейгл, и насколько новым для него был этот термин. Во всяком случае, ясно, что в этом примечании он не никак Льюиса не выделяет. (См. Feigl H. The “mental” and the “physical” // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1958. Vol. 2. P. 450.) Кроме того, Фейгл ссылается на статью Винсента Томаса 1951 года. Статья посвящена проблеме других сознаний, и в ней один раз упоминается “qualia” в значении индивидуального ментального, приватного переживания, и подробно обсуждаются взгляды Льюиса на этот счёт. Tomas V. Can we know the Contents of C. I. Lewis's Mind? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1951. Vol. 11. № 4. P. 541–548.

¹⁹⁹ В.В. Васильев. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция. 2009. С. 50. Васильев пишет: “считается, что этот термин введён К. И. Льюисом в книге «Сознание и мировой порядок» (1929)”. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом “Либроком”. 2013. С. 124–131. Иванов обильно цитирует Крейна и, по всей видимости, присоединяется к его точки зрения. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Книжный дом “Либроком”. 2012. С. 169. Волков не ссылается на Крейна, но считает, что термин “квалиа” был введён Льюисом в 1929 году. Любопытной особенностью позиции Волкова является то, что он считает, что “и до Льюиса существовали близкие синонимы: непосредственные ощущения, феноменальные качества, квалитативное содержание ментальных состояний”. Я согласен с этим замечанием и планирую развить его во второй альтернативной гипотезе (см. ниже). См. также Шиленко Д.Р., Марченко А.В., Писаренко Е.А., Удальцова К.А. Роль квалиа в арт-стоматологии // *Український стоматологічний альманах*. 2012. №5. (URL: cyberleninka.ru/article/n/rol-kvalia-v-art-stomatologii (дата обращения: 10.10.2016); Нечаев С.Ю. Фанероскопия Ч. С. Пирса versus феноменология Э. Гуссерля // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. №1. С. 25–28; Bailey, A. R. Phenomenal properties: The epistemology and metaphysics of qualia (Order No. NQ34714). 1998. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (304419099); Frankish K. Quining diet qualia // *Consciousness and Cognition*. 2012. № 21. P. 667–676.

довольно убедительно. В рамках своего исследования я попытался осуществить критическую проверку гипотезы Крейна.

Первое, что бросается в глаза: Крейн неправильно датирует цитируемый им фрагмент из Пирса. Он цитирует фрагмент 6.223, часть текста “Qualia-consciousness”, который является вторым параграфом “Объективной логики”, одной из работ метафизического цикла, над которым Пирс работал в 1890-е годы. Этот текст написан в 1898, а не в 1866, как считает Крейн, году. Если бы датировка Крейна была бы верна, то это создало бы неразрешимое внутреннее противоречие в творчестве Пирса. Дело в том, что в работах 1860-х Пирс прямо отрицает возможность делать онтологически значимые выводы из интроспекции²⁰⁰. Однако именно это мы видим в 6.222–6.237. Сначала Пирс исследует случай, в котором глухой человек, неспособный в кинестетическим ощущениям, слеп к красному и фиолетовому, но видит зелёный. Так как он всё видит в зелёном, он не будет понимать, что это именно зелёный, хотя у него будет квалё этого зелёного. Затем Пирс различает квалё-сознание и сознание, “усиленное вниманием <...>”, которое я называю живостью (“vividness”). В чём-то это напоминает определения, которые Нэд Блок даёт сознанию-доступу и феноменальному сознанию²⁰¹. Далее Пирс утверждает, что, несмотря на то, что реальный пурпурный есть смешение красного и голубого, у него есть своё квалё, нередуцируемое к квалиа красного и голубого. Именно в этом вопросе Пирс прямо отсылает к интроспекции. После этого утверждения следует фрагмент, насколько мне известно, единственный во всем творчестве Пирса, где мы

²⁰⁰ Хотя формулировки позднего Пирса в отношении интроспекции становятся куда мягче, нельзя сказать, что это существенно меняет ситуацию — трудность остаётся. Пирсоведы предлагают разные решения этой проблемы. Например, Л. Стивенс предполагает, что статус “feelings” у Пирса такой же, как “вещи самой по себе” у Канта: мы не можем испытать, что есть чувства сами по себе, но можем знать, каковы они для нас, и можем знать, что это не одно и то же. Концептуально это не слишком убедительно, так как сталкивает нас с известной кантовской проблемой. Исторически, это, вероятно, не очень точно, так как не учитывает отношение Пирса к проблеме вещи самой по себе и его попыток решить это затруднение. См. Stephens L. G. Noumenal Qualia: C.S. Peirce on Our Epistemic Access to Feelings // Transactions of Charles S. Peirce Society. 1985. Vol. 21. № 1. P. 95–108. В свете этого раздела любопытно также, что статья о “квалиа” у Пирса появляется именно в середине 80-х.

²⁰¹ Block N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and brain sciences. 1995. Vol. 18. № 2. P. 227–287. Подробнее об этом: Кузнецов А.В. Проблема феноменального сознания и сознания доступа. Пример взаимодействия когнитивной науки и философии // Актуальные вопросы нейрофилософии. ИИнтелл Москва, 2015. С. 300–307. Иванов Д.В. Ук. соч. С. 101–122.

встречаемся со множественным числом исследуемого термина: “И теперь я утверждаю истину. Вот она. В той мере, в какой о квалиа можно сказать, что у них есть нечто общее, то, что принадлежит каждому и всем, в той мере есть единство; и различные синтетические единства, которые Кант приписывал различным операциям ума, так же как и это единство логической согласованности, или специфическое единство, и также единство индивидуального объекта, все эти единства возникают не в операциях интеллекта, но в квалие-сознании, над которым осуществляются операции интеллекта (upon which the intellect operates)”. Далее Пирс разбирает возможные возражения против тезиса о единстве сознания: гипноз, отсутствие структуры мозга, которая бы поддерживала такое единство и т.д. Это одно из немногих мест, где Пирс связывает “qualia” с сознанием²⁰².

Крейн также не совсем точен и в отношении Джеймса. Он считает, что термин “квалиа” относится у него только лишь к проблеме ощущения (“sensation”). Это не совсем верно, так как в посмертно опубликованном учебнике по философии “Some Problems of Philosophy: A Beginning of an Introduction to Philosophy” Джеймс использует слово “квалиа” в куда более широком смысле²⁰³. Кроме того, слово “qualia” встречается в статье Джеймса “The Sentiment of Rationality”, опубликованной в “Mind” 1879 году²⁰⁴, то есть раньше, чем у Пирса. Слово “квалиа” используется для характеристики уникальных, конкретных и несводимых друг к другу свойств репрезентации, которые участвуют в формировании рациональности из феноменального хаоса.

Прежде, чем исследовать происхождение термина “квалиа” в аналитической философии, стоит задаться вопросом: насколько необычно было словоупотребление Пирса и Льюиса? Изучение журнальных откликов на “Ум и мировой порядок” показывают, что, хотя многие рецензенты

²⁰² Другим примером является небольшой недатированный манускрипт MS 945.

²⁰³ James W. Some Problems of Philosophy: A Beginning of an Introduction to Philosophy. New York : Longmans, Green. 1916. P. 212.

²⁰⁴ James W. The Sentiment of Rationality // Mind. 1879. Vol. 4. № 15. P. 337.

использует вслед за Льюисом этот термин, никто из них не указывает, что это некое нововведение²⁰⁵.

“Qualia” — обычное слово классической латыни, форма среднего рода множественного числа прилагательного “qualis”, означающего “составленное так”, “из такого рода, вида или природы” и т. п.²⁰⁶. Но, быть может, в английский его принёс любитель схоластики Пирс? Это не так. Это слово встречается в английских текстах по крайней мере с XVII века и до середины XIX века, насколько мне удалось установить, оно употреблялось, преимущественно, в религиозной литературе²⁰⁷. При этом латинизм для английского языка — вовсе нередкость. Так, в случае образования множественного числа заимствованных слов, английская грамматика вполне допускает окончание “ae”, как в случае с “formula/formulae”.

Второе, что нам стоит узнать: с какого момента в аналитической философии сознания “квалиа” становятся общеупотребимым термином? Так, ни Райл в “Понятии сознания” (1949)²⁰⁸, ни Деннет в “Контенте и сознании” (1969) ещё не используют этот термин. Деннет, например, говорит о

²⁰⁵ Из рецензий на издание 1929 года “qualia” встречаются в текстах: Baylis C.A. *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge by Clarence Irving Lewis* // *The Journal of Philosophy*. 1930. Vol. 27. No. 12. P. 320–327; Ambrose A.A. *Critical Discussion of Mind and the World-Order*. *The Journal of Philosophy*. 1931. Vol. 28. №. 14. P. 365–381; Miller H. *Mind and the World-Order by C. I. Lewis* // *The Philosophical Review*. 1931. Vol. 40. №. 6. P. 573–579. Бэйлис проводит связь Льюиса с Пирсом и Кантом и обсуждает онтологию, предложенную Льюисом, и состоящую из объектов, понятий и квалиа. Эмброуз сравнивает работу Льюиса с “Проблемами философии” Рассела и “Процессом и реальностью” Уайтхеда. Не обращают внимания на “нововведения” Roff M. F. *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge by Clarence Irving Lewis* // *The American Journal of Psychology*. 1932. Vol. 44. №. 4. P. 851–852; Cunningham W. *Mind and the World Order*. By Clarence Irving Lewis // *International Journal of Ethics*. 1930. Vol. 40. №. 4. P. 550–556. В 1956 году “Ум и мировой порядок” был переиздан, что породило новую волну рецензий. Однако их авторы оставляли “квалиа” без внимания: P. B. D. *Mind and the World Order*. By Clarence Irving Lewis // *Science Progress*. 1957. Vol. 45. №. 180. P. 789–790; Deledalle G. *Mind and the World-Order by C. I. Lewis* // *Études philosophiques. Nouvelle Série*. 1957. 12e Année. №. 2. P. 257–258.

²⁰⁶ Lewis C.T., Short C. *Latin Dictionary*. Oxford: At The Clarendon Press. 1956. P. 1503; Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford University Press. 1968. P. 1535.

²⁰⁷ Croft H. *The Naked Truth*. London: Chatto & Windus. 1919. P. 50. Это перепечатка текста 1675 года. В данном случае “quale” выделено курсивом и является сознательным вкраплением латыни в английский текст, принадлежащий епископу Херефорда и посвященный проповедям. Goodwin T. *The government of the churches of Christ* // *The Works of Thomas Goodwin*. Vol. 11-12. Sovereign Grace Publishers. 2000. P. 113. Оригинальная работа опубликована в 1679 году капелланом Оливера Кромвеля. Более философским примером является перевод Платона Б. Джоуэттом, а именно диалога “Менон”. Речь идёт о 71b. В переводе Джоуэтта это место звучит так: “And I myself, Meno, living as I do in this region of poverty, am as poor as the rest of the world; and I confess with shame that I know literally nothing about virtue; and when I do not know the “quid” of anything how can I know the “quale”?”. См. *The Dialogues of Plato*. Translated into English with analyses and introductions by B. Jowett. In five volumes. Vol. II. Third edition. N.-Y.: Oxford University Press. American Branch. 1892. P. 28.

²⁰⁸ Райл использует выражение “qualities of mind”. По юбилейному переизданию Ryle G. *The Concept of Mind*. N.-Y. Routledge. 2009.

первичных и вторичных, а также частных “quality”²⁰⁹. Не упоминаются “квалиа” и в ранних дискуссиях об элиминативном материализме²¹⁰. Насколько мне удалось установить, массовое использование этого термина начинается с 1970-х годов, с дискуссий об инвертированном спектре²¹¹, проблеме отсутствующих квалиа и функционализме, и только с 1980-х распространилось на другие метафизические дискуссии и входит в общепринятый словарь. При этом однозначного влияния ни Льюиса, ни Фейгла мне обнаружить не удалось²¹². Ещё в 80-е, судя по всему, термин

²⁰⁹ По переизданию 1986 г. Dennett D. *Content and Consciousness*. Routledge and Kegan Paul Books. 1986. Так, ещё в работе 1978 года “«Мозговые штурмы»: философские эссе о сознании и психологии” Деннет упоминает о квалиа только пару раз, да и то в связи с приводимыми ниже статьями Шумейкера и Фодора. По переизданию: Dennett D. *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*. MIT Press. 1981. В “Интенциональных установках” 1987 года “квалиа” появляется только один раз и то в единственном числе (если исключить анонс статьи 1988 г. “Quining Qualia”, приводимой ниже). По переизданию: Dennett D. *The Intentional Stance*. The MIT Press. 1989. P. 190. В “Quining Qualia” (см. ниже) Деннет даёт свои знаменитые характеристики квалиа как невыразимых, внутренних, частных и напрямую доступных субъекту (По Dennett D. *Intuition Pumps and Other Tools for Thinking*. Penguin Books. 2013. P. 298). И начиная с “Объясненного сознания” (1991 г.) и далее “квалиа” уже прочно входят в словарь Деннета.

²¹⁰ Smart J. J. C. *Sensations and Brain Processes* // *The Philosophical Review*. 1959. Vol. 68, N 2. P. 141–156; Shaffer J. *Mental Events and the Brain* // *The Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60. №. 6. P. 160–166; Feyerabend P. *Mental Events and the Brain* // *Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60, №. 11. P. 295–296; Rorty R. *Mind-Body Identity, Privacy, and Categories* // *Review of Metaphysics*. 1965. 19. P. 24–54. А вот в знаменитой статье Пола Чёрчленда мы уже встречаемся с “квалиа”, хоть и один раз: Churchland P. M. *Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes* // *Journal of Philosophy*. 1981. Vol. 78, No. 2. P. 67–90. Симптоматично также, что в связи с теорией тождества ментального и физического термин “quale” встречается в работе “Именованное и необходимость” С. Крипке, опубликованной в 1980 г. на основании лекций, прочитанных в 1970. По переизданию: Kripke S. *Naming and Necessity*. Oxford: Basil Blackwell. 1990. P. 128.

²¹¹ Block N., Fodor J. *What Psychological States are Not* // *The Philosophical Review*. 1972. Vol. 81. №. 2. P. 159–181; Shoemaker S. *Functionalism and Qualia* // *Philosophical Studies*. 1975. Vol. 27, №. 5. P. 291–315; Block N. *Troubles with functionalism* // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1979. № 9. P. 261–325; Block N. *Are Absent Qualia Impossible?* *The Philosophical Review*. 1980. Vol. 89. №. 2. P. 257–274; Churchland P.M., Patricia S. Churchland P.S. *Functionalism, Qualia and Intentionality* // *Philosophical Topics*. 1981. Vol. 12. № 1. P. 121–32; Shoemaker S. *Absent Qualia are Impossible — A Reply to Block* // *The Philosophical Review*. 1981. Vol. 90. №. 4. P. 581–599; Jackson F. *Epiphenomenal Qualia* // *Philosophical Studies*. 1982. № 32. P. 127–136; Levine J. *Materialism and Qualia: The Explanatory Gap* // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. № 64. P. 354–361; Seager W. E. *Functionalism, qualia and causation* // *Mind*. 1983. № 92. P. 174–188; Horgan T.E. *Functionalism, Qualia, and the Inverted Spectrum* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1984. № 44. P. 453–469; Horgan T. *Jackson on Physical Information and Qualia* // *Philosophical Quarterly*. Vol. XXXIV. № 135. P. 147–152; Churchland P. *Reduction, Qualia, and Direct Introspection of Brain States* // *Journal of Philosophy*. 1985. № 82. P. 8–28; Jackson F. *What Mary Didn't Know* // *The Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 83. №. 5. P. 291–295; Conee E. *The Possibility of Absent Qualia* // *The Philosophical Review*. 1985. Vol. 94. №. 3. P. 345–366; Dennett D. *Quining Qualia* / In: Marcel, A. & Bisiach, E. (eds.) *Consciousness in Modern Science*, Oxford University Press. 1988. P. 42–77. Косвенным свидетельством в пользу этого тезиса могут служить данные сервиса Google.Ngrams, согласно которому исследуемый термин впервые встречается в английском языке в 1675 году, чрезвычайно активно употребляется до 1680, потом популярность его резко падает. Применительно к XX веку частота употреблений термина начинает расти с 1985 года.

²¹² Один из ранних текстов “эпохи квалиа” — текст психиатра Гордона Глобуса, в котором ссылки на Карлоса Кастанеду перемешаны с “Понятием сознания” и статьёй “«Ментальное» и «физическое»”. См. Globus G. G. *Consciousness and Brain. II. Introspection, the Qualia of Experience, and the Unconscious*. *Arch Gen Psychiatry*. 1973. Vol. 29. № 2. P. 167–176.

“квалиа” воспринимался, во всяком случае, некоторыми, как терминологическое новшество, требующее дополнительного объяснения²¹³.

Крейн не предлагает объяснения связи между Фейглом и дискуссиями 1970-х. Остаётся неясной судьба “квалиа” в первой половине века, а также связь Льюиса и Фейгла. Действительно ли мы имеем дело с прямой линией преемственности, как это получается у Крейна? Не могло бы у авторов 70-х быть иного источника? Не могли ли они, в конце концов, “переоткрыть” этот термин, раз уж он, как показано выше, присутствовал в английском, в том числе, в переводах Платона, с которыми, вероятно, знакомы многие философы? Иными словами, историко-скептическая позиция тут кажется вполне разумной. Однако такая позиция не должна приниматься догматически в качестве запрета на дальнейшее исследование вопроса. Так, в рамках этого исследования я выдвинул две гипотезы, альтернативных гипотезе Крейна.

Для начала мы можем предположить, что, коль скоро потребность в термине “квалиа” возникла в связи с обсуждением инвертированного спектра, то, быть может, истоки “квалиа” можно было бы обнаружить в работах, обсуждающих эту локковскую проблему? Гипотеза о том, что термин “квалиа” происходит от “вторичных качеств” британских эмпириков, на первый взгляд, кажется более убедительной, чем происхождение его из одного пассажа Пирса. Тем более, что некоторые современные авторы, как показано выше, ассоциируют “qualia” и “qualities”²¹⁴. Мне, к сожалению, не удалось подтвердить эту догадку, так как не удалось найти работ, посвящённых инвертированному спектру, относящихся к первой половине XX века, и использующих термин “qualia”.

²¹³ White N.P. Prof. Shoemaker and So-Called 'Qualia' of Experience // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1985. Vol. 47. №. 3. P. 369–383. Дабы проследить исторические истоки “квалиа” автор вспоминает о Льюисе и Гудмене, правда, допускает ошибку в названии его работы 1951 года (“The Structure of Experience” вместо “The Structure of Appearance”).

²¹⁴ См. также Shoemaker S. Qualities and Qualia: What's in the Mind? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1990. Vol. 50. P. 109–131

Другая гипотеза состояла в том, что, возможно, мы могли бы найти истоки этого термина в самой ранней философии сознания, которая была ещё до работы Райла, а именно у английских эмерджентистов Сэмюеля Александера, Чарльза Броуда и Ллойда Моргана. Я исходил из самого общего наблюдения: если современные нам аналитические философы сознания кого-то и упоминают из авторов, писавших о проблеме сознания–тела между Декартом и Райлом, то это часто бывают именно английские эмерджентисты. В трудах Александера и Броуда я, увы, ничего не обнаружил. Однако в работе Моргана “Эмерджентная эволюция” (“Emergent Evolution”), опубликованной в 1927 году, т.е. за два года до публикации “Ума и мирового порядка” Льюиса, мне встретился искомый термин: два раза во множественном числе, два раза в единственном²¹⁵. Влияние Пирса на Моргана не обнаруживается.

В этой работе “квалиа” напрямую связано с сознанием, а точнее с двумя явлениями, в которых сознание играет важную роль: референцией и образами (images). Так, Морган пишет, что в результате физиологической стимуляции в любом организме наблюдается нечто большее, чем то, что могло быть прямым результатом этой стимуляции. И это органическое “нечто большее”, даже если оно сопровождается сознанием (“consciousness”) в широком смысле, даёт только физический базис, на котором может быть супервентна (“supervene”) осознанная референция (“reference”). Сама по себе референция может возникнуть только тогда, когда это “нечто большее” коррелирует с неопределимым качеством (“undefinable quality”), или квале, “повторяемости” (“againness”). Таким образом, условием возможности референции, по Моргану, оказывается память, квалиа которой скрепляют слова с миром.

В рамках настоящего исследование нет возможности подробно проанализировать теорию сознания Моргана. Важно отметить, что у него, в отличие от, например, Джоуэтта, “квалиа” связаны с сознанием, и эта связь

²¹⁵ Morgan L. C. Emergent Evolution. London: Williams And Norgate. 1927. P. 107, 140, 145, 146.

никак не опосредована прагматизмом. Мы знаем, что книга Моргана не была забыта и некоторые ссылки на неё мы находим в работах философов сознания²¹⁶. И хотя на Моргана ссылаются именитые авторы в хороших научных журналах, мне не удалось найти какой-то однозначной связи между его работой и всплеском употребления “квалиа” в 1970-х²¹⁷. И моя вторая гипотеза, и теория Крейна не могут описать все переходные ступени в эволюции термина “квалиа”. Но теория Крейна в настоящий момент может предложить более простое и ясное объяснение происхождения “квалиа”. Поэтому сегодня можно считать, что Пирс имел прямое отношение к одному из главных терминов современной аналитической философии.

1.3. Истина, ложность и ошибка

Выше мы рассмотрели связь Пирса и Рассела и влияние терминологии Пирса на позднейших аналитических философов. Теперь вернёмся в начало XX века и рассмотрим один философско-психологический словарь. В нём мы обнаружим статью об истине, ложности и ошибке, подписанную Ч. С. Пирсом, Дж. Э. Муром, Дж. М. Болдуином, главным редактором словаря²¹⁸, и К. Лэдд-Франклин, логиком, психологом, ученицей Пирса. Насколько мне известно, эта работа, как единое целое, ещё не попадала в поле зрения ни историков аналитической философии, ни историков прагматизма²¹⁹. При этом часть, написанная Пирсом, была опубликована в издании Хартсхорна и Вайса под заголовком “Определения истины”

²¹⁶ См., например, Sperry R.W. Mind-brain interaction: Mentalism, yes; dualism, no // *Neuroscience*. 1980. Vol. 5. № 2. P. 195–206; Kim J. Making Sense of Emergence // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 95. P. 3–36.

²¹⁷ Американские новые реалисты, которых упоминает Крейн, писали о Моргане — Sellars R. W. An analytic approach to the mind-body problem // *The Philosophical Review*. 1938. Vol. 47, No.5. P. 461–487. И любопытно, что можно проследить некоторое увеличение количества статей с упоминанием Моргана в самом конце 60-х – в начале 70-х, но никакой связи с аналитической философией сознания тут не обнаруживается. См. Sellars R.W. Some Questions and Suggestions: An Expostulation // *The Journal of Philosophy*. 1969. Vol. 66, №. 24. P. 849–860; Sellars R.W. Warren P. (ed.) *Principles of Emergent Realism: Essays by Roy Wood Sellars*. St. Louis: Warren H. Green, 1970; Warren P. *Experimentalism Plus* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1972. Vol. 33. No. 2. P. 149–162.

²¹⁸ При анализе словарной статьи про истину я вынужден опустить третью, написанную Болдуином часть, т.к. в-первых, философски она мало интересна, а во-вторых, не имеет отношения к истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии. Суть этой части, однако, может быть выражена кратко: мы формируем (select) реальность, поэтому у нас нет того, к чему можно было бы отсылать, поэтому не истина есть то, что отсылает к реальности, а реальность есть то, что отсылает к истине.

²¹⁹ Хотя она указана в самой подробной библиографии, посвящённой прагматизму: Shook J. *Pragmatism: An Annotated Bibliography, 1898–1940*. Amsterdam-Arlanta, GA: Rodopi. 1998. P. 33.

(5.565–5.573) и служила базой для многих исследований прагматической теории истины.

Обсуждаемая нами статья опубликована во втором томе словаря, вышедшего в 1902 году²²⁰. Мы, к сожалению, не многое знаем об истории создания этого текста. Сам по себе словарь Болдуина — примечательное явление. Джеймс Марк Болдуин был крупным психологом, эволюционным биологом и теоретиком педагогики, вписавшим своё имя в историю науки открытием связанного с механизмом естественного отбора эффекта, носящего ныне его имя. В создании словаря участвовало множество философов, психологов, логиков, несколько физиков, биологов, математиков, а также специалисты по экономике, праву и филологии. Среди авторов словаря можно назвать Дж. Дьюи, У. Джеймса, Г. Сиджвика, Дж. Стаута, П. Жене, Г. Мюнстерберга, уже упомянутых Кристину Лэдд-Франклин и Ллойда Моргана, Б. Бозанкета, Дж. Ройса и, конечно, автора статей по логике “доктора Ч. С. Пирса, из Милфорда, Пенсильвания” и автора статей по философии, члена Тринити-колледжа в Кембридже Дж. Э. Мура. Последние двое интересно смотрятся в списке авторов, состоящим преимущественно из профессоров. Словарь состоял из трех томов, третий том был опубликован в двух частях. Издание шло 1901 по 1905 год.

Как уже было сказано выше, Пирс много писал для разных изданий, в том числе и с целью заработка. Мы знаем, что Пирс довольно серьезно относился к этой работе и впоследствии ссылался на написанные по заказу статьи (см., например, 4.546). Ему, как считают некоторые исследователи, вообще очень нравилась лексикографическая и классификационная работа. Выше я уже ссылался на текст 1902 года, посвящённый разным переводам Библии. К этому можно добавить и тексты раннего периода: “Естественную историю слов” и “Научный труд о синонимах в английском языке,

²²⁰ Peirce C.S., Moore G.E., Baldwin J. Truth and Falsity (1) and Error (2) // Baldwin J. M. (Ed.) Dictionary of philosophy and psychology; including many of the principal conceptions of ethics, logic, aesthetics, philosophy of religion, mental pathology, anthropology, biology, neurology, physiology, economics, political and social philosophy, philology, physical science, and education; and giving a terminology in English, French, German, and Italian. Vol. 2. New York: Macmillan. 1902. P. 716–720.

классифицированных в соответствии с их значениями на основании ясно сформулированной философии”. В. В. Кирющенко приводит переписку Пирса и Болдуина, из которой следует, что в данном случае, мотивированный то ли денежным, то ли научным, то ли и тем и другим, интересом, Пирс стремился “взять на себя” как можно больше работы по составлению статей, связанных с логикой и философией математики²²¹.

Первый вопрос, который встаёт перед исследователем этого текста — в какой мере его можно считать написанным в соавторстве. Формально текст состоит из трех частей и, скажем так, безличного лексикографического предисловия — обязательная часть каждой статьи словаря, в которой приводятся французские, немецкие, итальянские, иногда, как в нашем случае, латинские эквиваленты определяемых терминов. Первая часть написана Муром, вторая — Пирсом, третья — Болдуином и Лэдд-Франклин. В первых двух частях есть также небольшие, на пару строчек, вставки от Болдуина, отсылающие читателя к другим пассажам этой статьи. Простое чтение второй части заставляет нас предположить, что Пирс отвечает автору первой части, а не просто пишет свой собственный текст — как мог бы подумать читатель издания Хартсхорна и Вайса. Приводимые Кирющенко письма также заставляют думать о том, что Пирс мог располагать черновиками статей других авторов словаря. Но точно ли он знал текст Мура? Для того, чтобы выяснить это, необходимо обратиться к рукописному наследию Пирса.

Манускрипты, имеющие отношение к подготовительной работе над статьями, — MS 1145–1148. Центральным является большой манустрипт № 1147, состоящий из 511 страниц²²². К моей теме, увы, отношение имеют только листы № 509 и, в некотором отношении, № 493²²³. Из них мы узнаём, что Пирс знал о Муре и текст не был результатом внешней редакторской компиляции двух несвязанных и автономно написанных фрагментов. Лист

²²¹ Кирющенко. Ук. соч. С. 320.

²²² Я располагаю именно таким количеством страниц. Индекс Робина указывает, что манускрипт содержит 471 страницу “с вариантами”.

²²³ Этот манускрипт, судя по всему, должен был содержать набросок к статье про истину, но на самом деле содержит рассуждение о пространстве, времени, форме, Лейбнице и Канте.

№ 509 озаглавлен как “добавить к статье об истине и ошибке следующее”. После этого следует черта, ниже которой мы читаем одно незаконченное предложение: “Так как вопрос, обсуждаемый Д.Э.М., есть главный вопрос логики, и [зачеркнутое Пирсом и нечитаемый слово — *Е.Л.*] так как он, кажется, высказывает позицию, что истина”. Это всё, что сказано на это листе. “Д.Э.М.” (G.E.M.), т.е. Дж. Э. Мур, — это сокращение, принятое во всём словаре. Но предположение того, что Пирс не знал, кто его визави, зная его инициалы, или что он, видя их, не поинтересовался, кто за ними скрывается, выглядит более странно, чем допущение того, что Пирс знал о Муре. Выше мы видели, что Пирс мог знать о Муре из “Принципов математики”. Однако не ясно, понял ли Пирс, что эти два Мура — один и тот же человек. Но — вне зависимости от наличия или отсутствия такого понимания у Пирса — мы можем утверждать, что тут мы видим настоящий, пусть и, мягко скажем, не слишком развёрнутый ответ основателя прагматизма основателю аналитической философии.

Прежде чем перейти к самому тексту словарной статьи, нужно посмотреть, какие внешние по отношению к статье свидетельства мы можем найти, так сказать, со стороны Мура. Их не больше, чем в случае Пирса. Зрелый Мур, судя по всему, не очень высоко оценивал молодые годы своей философской деятельности и не очень-то о них распространялся. Из его автобиографии²²⁴ известно, что в жизненно-практическом плане в этот период — первые шесть лет в должности члена (Fellow) Тринити-колледжа (1889–1904) — Мур спокойно работал над теми немногими статьями, которые захотел написать для Болдуина, несколькими рецензиями для “International Journal of Ethics”, участвовал в работе Аристотелевского общества в Лондоне, написал несколько заметок для их журнала и для “Mind” и читал два курса лекций: по этике Канта и просто по этике. Эти лекции потом лягут в основу “Principia Ethica” (1903). Из других работ этого

²²⁴ Moore G.E. An Autobiography // The Philosophy of G.E. Moore. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942. P. 1–41.

периода можно выделить статьи “Свобода” (1898) и “Природа суждения” (1899), представляющие собой материалы его диссертаций, а также революционную статью “Опровержение идеализма” (1903), к которой мы обратимся в следующей главе. Относительно своей работы над “Словарем” Мур высказывается так: “Я из-за всех сил трудился над этими статьями, ставя своей целью, в частности, анализ фундаментальных понятий, связанных с использованием тех терминов, что меня попросили определить, и стараясь сделать смысл всего, что говорил, совершенно ясным. Но тем не менее эти статьи были невероятно грубыми, и им было далеко до действительно адекватного подхода к использованию рассматриваемых в них терминов. Я был несколько удивлен тем, что редакторы приняли их, не прилагая больших усилий к тому, чтобы заставить меня исправить их”²²⁵.

Теперь рассмотрим содержание этой статьи. Первая, не имеющая специального подзаголовка и идущая сразу после списка переводов определяемых терминов, часть, как уже было сказано, принадлежит перу Мура. Сначала молодой философ различает два смысла (sense) слов “истина” и “ложность” (falsehood):

(a) наша убеждённость (belief) в некоем суждении (proposition);

(b) это суждение, в котором мы убеждены, называется истинным или ложным.

Соответственно, можно определить, пишет он, истинное и ложное убеждение как убеждённость в суждениях, которые истинны или ложны. Истинные и ложные суждения могут быть определены как истины или ошибки. Ложность (“falsity”, или “falsehood”) — это не ошибка, а свойство суждения, которое делает это суждение ошибочным. Не существует степеней истинности и ложности, но есть степени ошибок: чем больше некий пассаж содержит истинных суждений, тем менее он ошибочен. Далее Мур выделяет два популярных, с его точки зрения, определения истинности и ложности:

²²⁵ Ibid. P. 23.

(1) Истина как соответствие (correspondence) или согласованность (agreement). Эта теория состоит в том, что истина суждения состоит в некоем отношении, которое соотносит его с реальностью. Эта теория, согласно Муру, предполагает частичное сходство суждения и реальности. Однако, считает он, истинными и ложными могут быть только суждения, поэтому никакого сходства не может быть, кроме того случая, когда реальность сама по себе является суждением. Невозможно найти никакого различия между истиной и реальностью, к которой это истинное предложение отсылает. А это опровергает теорию корреспонденции. Мур предлагает дополнительные соображения против корреспондентской теории истины:

а). Суждение не есть просто грамматическое предложение или набор слов, хотя многие думают, что утверждение (statement) можно так отделить от реальности.

б). Другой способ, которым хотят отделить суждение от реальности, состоит в том, чтобы сказать, что суждение есть ментальная копия реальности, или идея. Этот взгляд происходит единственно из-за всеобщей ошибки: объект убеждения (или идеи), рассматривается как атрибут или содержание этого убеждения (или идеи). Это ошибочное мнение опровергается тем фактом, что оно отрицает существование того уникального отношения, которое мы называем знанием. Такой взгляд никогда не проводился последовательно, так как, если бы его сторонники были последовательны, считает Мур, то они бы отрицали различие двух обозначенных выше смыслов слов “истина” и “ложность”. Никто, продолжает наш автор, последовательно не защищал точку зрения, что когда два человека знают некую одну истину, это значит только то, что они находятся в одном и том же ментальном состоянии.

с) Никаких других различий между истиной и реальностью предложено не было.

Суждение обозначает (denote) не убеждение или набор слов, а объект убеждения. Значит нет никакого соответствия, нет никакой разницы между

истиной и реальностью. Например, истина того, что я существую, никак не отличается от моего существования.

В этом месте главный редактор словаря вставляет свою ремарку о том, что он в своей третьей, психологической, части статьи, на похожих основаниях отказывается от теории соответствия, представленной во второй, логической части.

(2) Когерентная теория истины, утверждающая, что истинность суждения состоит в его отношении к другим суждениям и зависит от того, как это суждение вписано в систему других суждений. Но этот взгляд, считает Мур, не учитывает того факта, что в системе истинных суждений и в системе ложных суждений могут быть одни и те же логические отношения. Ответственность за популярность этой теории Мур возлагает на Канта.

На этом Мур останавливает своё рассуждение. Следующий пассаж посвящён истории слов “истина” и “ложь”, упоминаются их греческие и латинские аналоги (“ἀληθής” и “verus”, “ψευδής” и “falsus”). Переводом для “ошибки” он считает “ἁμαρτία” или “ἁμαρτήμα”. Мур отмечает, что абстрактного существительного “ложность” (“falsehood”) в противоположность “ошибке” у греков и римлян не было.

Ясно, что часть, написанная Муром, сама по себе является очень полемичной, хотя видимого, персонифицированного врага мы в ней не встречаем.

Часть Пирса начинается с подзаголовка “Логическая”. Американский философ разворачивает три размышления о понятии “истина”.

Во-первых (изменим порядок перечисления ради удобства изложения), слово “истина” всегда имело большую значимость в философии в самых разных смыслах, из которых выделяется простая истина, которая принадлежит чему-то отличному от суждений. Далее Пирс приводит некоторые исторически значимые подробности: Платон в “Кратиле” указывает, что слова могут быть истинными (385b), существует также истина

за пределами знаков, т.н. трансцендентальная истина, которая выражается в схоластической максиме “Ens est unum, verum, bonum”.

Во-вторых, термин “истина” также используется в логике, занимающейся предметами, которые устроены более сложно, нежели суждения. Такова формальная, сказывающаяся об аргументации истина, которая согласуется с логическими законами.

В-третьих²²⁶, истина есть качество (character), прикреплённое (attaches) к некоему абстрактному суждению (proposition), такому, которое человек (person) мог бы использовать. Существенно важно, что суждение не должно быть в точности истинно. Но мы надеемся, что в прогрессе науки количество ошибок будет бесконечно уменьшаться, например, значение числа π вовсе не 3,14159, но мы можем постепенно уменьшать степень ошибочности своего суждения, открывая всё новые и новые знаки после запятой. То, что мы называем π , есть идеальный предел, относительно которого никакое числовое выражение не может быть в точности истинным. Если наша надежда полностью тщетна, если в отношении какого-то вопроса, например, свободы воли, не важно, насколько научными могут стать наши методы и сколько будут длиться дискуссии, и не будет момента, в который мы сочли бы самих себя удовлетворенными, то либо вопрос не имеет смысла (meaning), либо в отношении этого вопроса нет истины. Так или иначе (и это, видимо, довод против Мура), вопрос о реальности есть вопрос метафизики, а не логики. Даже если метафизики решат, что там, где нет истины, нет реальности, всё равно различие между качеством (character) истины и качеством реальности просто, считает Пирс, и ясно.

Рассмотрим случай единичного восприятия. Суждение о нём всё равно будет односторонним, касающимся только какого-то одного аспекта, абстрактным, то есть оно будет стремиться к реальности, но никогда не будет с ней совпадать.

²²⁶ Напротив первого значения термина “истины” в моем экземпляре словаря рукой какого-то читателя подписано: “Plato”.

Истина, определяет основатель прагматизма, есть то согласие абстрактного положения с идеальным пределом, к которому бесконечное исследование будет стремиться привести научное убеждение, согласие, которым абстрактное положение может обладать благодаря признанию его неточности и односторонности, и это признание является важным ингредиентом истины.

Реальность же есть тот модус (mode) бытия, в силу которого реальная вещь такова, какова она есть, безотносительно того, как её представляет любое сознание или определённое множество сознаний. Истина суждения, что Цезарь перешёл Рубикон, состоит в том факте, что, чем дальше мы продвигаемся в своих археологических и других исследованиях, тем сильнее будет этот вывод укрепляться в наших умах. Идеалист-метафизик, продолжает Пирс, может также утверждать, что в этом отношении за суждением лежит вся реальность; и хотя человек может на некоторое время убедить себя в том, что Цезарь не переходил Рубикон, и может ухитриться сделать это убеждение всеобщим для нескольких поколений, всё равно в конечном счете изучение, если оно будет продолжаться, приведёт к противоположному убеждению. Но принимая это учение, идеалист с необходимостью проводит различие между истиной и реальностью.

Это, считает Пирс, касается позитивной научной истины. Но те же самые определения применимы и к нормативным наукам. Если моралист описывает идеал как высшее благо (*summum bonum*), то он должен понимать, что такого идеала нельзя достичь. Если, с учётом этого, дальнейшее развитие нравственной природы человека приведёт лишь к более устойчивой удовлетворённости описанным идеалом, то это учение истинно. То же Пирс полагает применимым и по отношению к чистой математике и проективной геометрии, а также в практической жизни.

Даже если бы нельзя было различить истину и реальность, это не мешало бы нам определить, в чём состоит истина. Истина и ложность есть характеристики, применимые только к суждениям — в этом Пирс согласен с

Муром. Суждение есть знак, который отдельно указывает на свой объект. Таким образом, портрет, на котором подписано, с кого он рисовался, есть суждение. Это значит, что если кто-нибудь смотрит на него, он может сформировать достаточно правильное представление о том, как выглядел оригинал. Знак есть действительный знак только в силу полученной интерпретации, в силу своей определённости другим знаком того же объекта. Это верно как для психических суждений, так и для внешних знаков. Сказать, что суждение истинно, значит сказать, что каждая интерпретация его истинна. Два суждения эквивалентны, когда каждое может быть интерпретантой другого. Эта эквивалентность, как и другие, через акт абстракции (в том смысле, в котором формирование абстрактных существительных есть абстракция) рассматривается как тождество. И мы говорим об убеждённости в суждении, подразумевая всю совокупность эквивалентных суждений с их собственными интерпретантами.

Таким образом, и это тоже явно довод против Мура, о двух людях можно сказать, что в их умах есть то же суждение. Интерпретант суждения сам есть суждение. Любой необходимый вывод из суждения есть его интерпретант. Когда мы говорим об истине и ложности, мы отсылаем к возможности суждения быть опровергнутым; и это опровержение, грубо говоря, происходит только одним способом. А именно, некий интерпретант этого суждения производит ожидания конкретного описания восприятия в конкретном моменте времени. Этот момент настаёт и предъявленное нам восприятие оказывается другим. Это конституирует ложность каждого суждения, для которого неоправдавшееся предсказание было интерпретантой. Таким образом, истинное суждение есть такое, которое никогда не приведёт нас к разочарованию, то есть из него не следует ни одного положения, которое предсказывает А, а на деле получается не-А, пока положение понимается так, как было задумано.

На этом часть Пирса заканчивается. Как нетрудно заметить, и первая часть, и вторая не представляют собой словарную статью в современном

понимании. Это, скорее, обмен репликами двух культивирующих свою самобытность авторов. Однако для историков философии этот обмен представляет большой интерес, так как его участники, не ограниченные формальными требованиями словарного жанра, могли высказывать свои рассуждения прямо и свободно. В итоге, мы можем наблюдать любопытную ситуацию: основатель прагматизма отстаивает вариант корреспондентской теории истины против основателя аналитической философии²²⁷. Этот факт показывает границы применимости принятого в различной учебной литературе противопоставления корреспондентской, когерентной и прагматической теорий истины.

Чтобы понять эту словарную статью, нам придётся сделать экскурс как в теорию истины Пирса, так и в теорию истины Мура.

1.3.1. Пирс об истине

Пирс рассуждал об истине довольно много, часто меняя формулировки, редко сообщая своим читателям о факте изменений, поэтому у исследователей остаётся большой простор для различного рода гипотез о том, каковы были подлинные представления Пирса об истине. Так, историки философии, настроенные против основателя прагматизма, с полным правом могут утверждать, что Пирс не создал законченного учения об истине, так и не дал удовлетворительного определения этого термина и запутался в собственных противоречиях²²⁸. Другие исследователи, которые сами хотят развивать идеи Пирса и применять их к новым областям, таким как политическая философия, могут выбрать из множества предложенных

²²⁷ Согласно опросам, сегодня профессиональные философы скорее склонны поддерживать корреспондентскую теорию: См. Bourget D., Chalmers D. What do philosophers believe? // *Philosophical Studies*. №170(3). 2014. P. 465–500.

²²⁸ “...взгляды Пирса на истину были не менее непоследовательными, чем его взгляды по другим вопросам. Пирс пользовался несколькими концепциями истины даже в рамках своего прагматизма, часто не проводя между ними различия и как бы считая, что имеет дело с одной и той же теорией” — Мельвиль. Ук. соч. С. 302. Без сомнения, у Пирса, как видно из обсуждаемой выше словарной статьи, было несколько разных теорий истины. Но нас преимущественно интересует та часть, которая касается корреспондентской теории, так как именно в этом вопросе Пирс критикует Мура.

Пирсом определений такое, какое кажется наиболее подходящим для их целей²²⁹.

Мне кажется, что Пирса можно понять, если мы осознаем, какую задачу он хотел решить, и как он видел это решение. Из ранних попыток философствовать, из автобиографических пассажей, из писем видно, что основатель прагматизма пытался создать теорию познания, которая отвечала бы реальному состоянию науки, которой он сам занимался в качестве практика. Говоря о теории познания, о методе, очень естественно для человека второй половины XIX века, совмещающего в себе любовь к книге природы с привычкой к книгам человеческим, начать рассуждать с методологии Декарта.

Чем последняя хороша в глазах Пирса? Тем, что она позволяет описывать поведение учёного, столкнувшегося с реальной проблемой, а не упорного в своих мнениях обывателя или человека, избравшего для себя высшим авторитетом тот или иной общественный институт. Мы теперь можем не только принимать то или иное убеждение в качестве ответа на беспокоящий нас вопрос, но и сами решить, достойно ли то или иное убеждение того, чтобы быть принятым (5.382). Но достоинства такого априорного, как называл его Пирс, метода, являются естественными продолжениями его недостатков. И главным из них является, по Пирсу, то, что он, вполне здраво предлагая отличать истину от лжи с помощью ясности наших идей, не может предложить способа отличать ясные идеи от

²²⁹ Так., например, Мисак пишет, что, согласно Пирсу: “истинное убеждение есть такое, относительно которого исследование не может улучшиться, убеждение, которое будет соответствовать опыту и аргументу и которое будет удовлетворять целям исследования, независимо от того, насколько этот вопрос был предметом эксперимента, оценки или спора” (Misak Ch. Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. London and New York: Routledge, Taylor & Francis. 2002. P. 1) Иными словами, Мисак, обсуждая теорию истины Пирса в контексте политики и морали, предлагает понимать истину не как конец исследований, а как убеждение, которое не могло бы стать лучше. Но там же она пишет, что фаллибилизм истинен и перед лицом опыта всё может измениться. Мисак педалирует нормативистское прочтение и прагматической максимы, и пирсовского учения об истине. Однако для самого Пирса нормативные науки, как было сказано выше, это только эстетика, этика и логика; таким образом, например, феноменология точно не может быть прочитана как нормативная наука, а метафизика зависит от принципов нормативных наук, но при этом имеет своё поле деятельности: сознание и мир. Насколько это может служить политическим целям Мисак, я судить не берусь.

неясных²³⁰. Может быть, спрашивает Пирс, “нашему внутреннему авторитету суждено разделить в истории мнений судьбу авторитета внешнего” (5.215)? Ведь “одно дело иметь интуицию и другое, интуитивно знать, что это интуиция” (5.214). Если бы, считает Пирс, мы могли бы интуитивно знать отличие интуитивно ясного от интуитивно неясного, то у всех людей было бы одно и то же мнение по всем спорным вопросам. Кроме того, бывают случаи, когда мы думаем, что нечто нам ясно, тогда как, на самом деле, мы в этом ошибаемся. Пирс не отрицает, что мы думаем, что обладаем способностью, которую приписывает нам Декарт, но он сомневается, присуща ли она нам в действительности. Тезис Пирса не в том, что когда я ощущаю боль, я ошибаюсь в суждении “мне больно”, а том, что это моё знание о собственной боли не является результатом непосредственной интуиции, или созерцания.

(Через это рассуждение видна та трудность, о которой говорилось выше, — согласовать его с поздними, феноменологическими взглядами Пирса, в которых он анализирует квалиа, реального существования которых он не признаёт, так как квалиа, как кажется, должны быть чем-то, что дано непосредственно: так, во всяком случае, их понимает уже Льюис. В свете этого особенную остроту получает проведенное Эко сопоставление взглядов Пирса, считавшего, что ум, в конечном счете, онтологически выше, чем материя, и Деннета, признающего, в конечном счете, лишь материю)

А если мы лишены способности интуитивно понимать различие между интуицией и выводом, в котором можно допустить неосознаваемую ошибку, то с этим способом открывать истину, видимо, что-то не так. А именно: в таком случае мы не можем отличить открытую нами истину от созданного нами вымысла. Поэтому, считает Пирс, представимость в качестве критерия (touch-stone) истинности не работает. Но, может быть, она работает в

²³⁰ Похожий аргумент мы встречаем в возражениях Пьера Гассенди на “Размышления о первой философии” Декарта — Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Том 2. М.: Мысль. 1994. С. 217. Кроме того, см. антипирронистские рассуждения Юма в “Трактате о человеческой природе”, “Исследованиях о человеческом познании” и “Диалогах о естественной религии”.

качестве критерия ложности? В ответ на этот вопрос Пирс процитирует Милля: “«история науки кишит непредставимостями, которые были завоеваны»” (2.29).

Как же исправить ситуацию? Что нужно изменить в методологии Декарта, чтобы она работала²³¹? Нужно, считает Пирс, поместить принцип истинности не в субъект, а в объект, от самого субъекта не зависящий (5.384), а субъекту привести помощников и образовать научное сообщество. Таким образом, мы можем действовать методом, как выражается Пирс вслед за Бэконом, “истинной индукции”, или научным методом (5.383).

Но как же тогда быть с математикой? Разве в ней не действуют абсолютные достоверность и необходимость, разве не достигаются они в силу представимости? Это неверное понимание математики, считает Пирс. Пирс понимал математику как экспериментальную науку. Так, истинность

²³¹ Как и Декарт, Пирс приходит к тому, что истина есть что-то в каком-то смысле несомненное, но он не можем более полагаться на представимость, педалируя различие реального сомнения и сомнения на словах. Но какой же критерий несомненности предлагает использовать Пирс? В его текстах не просто найти определённый ответ на этот вопрос. Мисак и Кристофер Хуквей предлагают считать, что такими критерием является “незаменимость” (indispensability) или “неоспоримость” (indefeasibility). (Misak C. Presidential Address: American Pragmatism and Indispensability Arguments. Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2011. № 47 (3). P. 261–273; Misak C. Pragmatism and Analytic Philosophy // Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy (ed. Beaney M.). Oxford University Press. 2013. P. 1104; Howat A. Regulative Assumptions, Hinge Propositions and the Peircean Conception of Truth // Erkenntnis. 2013. № 78 (2). P. 451–468; Hookway C. Modest sceptical arguments and sceptical doubts: A reply to Stroud / in R. Stern (Ed.), Transcendental arguments: problems and prospects, Oxford: Oxford University Press. 1999; Хуквей, однако, указывает, что в начале XX века Пирс отказался от этого взгляда — Hookway C. Truth, Rationality and Pragmatism: Themes from Peirce. Oxford University Press. 2000. P. 185; Misak C. The American Pragmatists. Oxford University Press. 2013. P. 51) Рассуждения про неоспоримость и истинные суждения как регулятивный идеал чем-то напоминают построения Гуссерля в шестом параграфе первой картезианской медитации, где основатель феноменологии различил адекватную и аподиктическую очевидности. Идея адекватной очевидности есть идея совершенства, осуществляющегося как “синтетический прогресс согласованных опытов” (Husserl E. Husserliana. Gesammelte Werke. Band 1. Edmund Husserl, Stephan Strasser-Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Springer. 1973. S. 55). Так описанная адекватная очевидность не вызвала бы, вероятно, протеста Пирса. Такая очевидность оставляет место сомнению, и достижимость её скрыта в далеком будущем. Поэтому Гуссерль противопоставляет ей аподиктическую очевидность, которая есть абсолютная немыслимость (Unausdenkbarkeit) небытия того, что дано в этой самой аподиктической очевидности. И дело, видимо, не в том, что в противоположном данному с такой очевидностью содержится противоречие, ведь его нет в суждении “неверно, что я мыслю”. А вот с этим Пирс уже не был бы согласен в силу своего учения о четырёх неспособностях. Принцип всех принципов Гуссерля (“любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и всё, что предлагается нам в «интуиции» из самого первоисточника <...>, нужно принимать таким, каким оно себя даёт, но и только в тех рамках, в каких оно себя даёт” См. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект. 2009. С.80) Пирс бы счёл противоречащим первому правилу разума: не преграждай путь исследованию (1.135). Видимо, существует связь между эпистемологическим фундаментализмом, ориентированным на представимость, и верностью концепции сознания как некоторой сущности. Сопоставление Пирса и Гуссерля является классической темой: Spiegelberg H. Husserl's and Peirce's phenomenologies: Coincidence or interaction // Philosophy and Phenomenological Research. 1956. №17(2). P. 164-185. Пирс, кажется, знал один том “Логических исследований” (4.7). Считается, что это место обнаруживает фундаментальное непонимание Пирсом идей Гуссерля: Spiegelberg H. The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff. 1982. P.153.

“ $5+7=12$ ” состоит не в том, что обратное не представимо, а в том, что невозможно найти случаи, в которых это суждение было бы ложно. Уже из рассмотрения этого положения видно, почему Пирс не может отказаться от теории истины как соответствия.

Завершая обсуждение теории истины Пирса, отметим ещё два касающихся этого предмета момента. Речь не идёт о создании “формальной структуры языка, в котором будет дано определение истины”²³². Этот проект Пирса не семантический, а эпистемологический. Айер совершенно верно отмечал, что Пирс “не был заинтересован в получении адекватного формального определения истины”²³³. Айер считал, что это можно объяснить тем, что, с точки зрения Пирса, как теоретика действительного научного поиска, такое определение было бы просто бесполезно. С этим можно согласиться²³⁴. Мне также кажется полезным отметить, что Пирс был внимательным и преданным читателем Канта, у которого можно найти специальный довод против создания формальных определений истины, довод, который я рассмотрю в следующей главе. Я не могу текстологически подтвердить связь между этим кантовским доводом и рассуждениями Пирса, но она представляется мне вполне вероятной.

И последнее, но не по значению: Пирса было бы неправильно рассматривать как дефляциониста, сторонника избыточной теории истины²³⁵. Подходы этой группы связаны как раз с формальным определением истины, а Пирс, как сказано выше, его отвергает. Истина, по Пирсу, важна и как регулятивный идеал, ведущий учёного, и как элемент теории познания, которую строит философ.

²³² Тарский А. Семантическая концепция истины // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. Общая редакция и составление А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги. Прогресс-Традиция. 1998. С. 93. Нужно сказать, что прагматисты сохранили негативное отношение к проектам вроде проекта Тарского, см. , например, Putnam H. A Comparison of Something with Something Else // World and Life. Camb., 1994.

²³³ Ayer A.J. The Origins of Pragmatism. Freeman, Cooper and Company. 1968. P. 29. См. также 5.423, 8.100.

²³⁴ При этом Пирс понимает роль истины, как абстрактного объекта, необходимого в математике логики. Именно он, а не Фреге, в явном виде впервые применил “истину” и “ложь” в качестве двух истинностных значений. У Пирса эта идея появляется в статье 1885 года, а у Фреге, в строгом виде, в статье “Funktion und Begriff” (1891). См. также. Чёрч А. Ук. соч. 357. Любопытно, что сам Фреге использует вполне пирсовскую метафору химических элементов — Фреге Г. Введение в логику // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 305.

²³⁵ Войниканис Е.А. Прагматизм / История философии. Под редакцией В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. Академический Проект Москва. 2008. С. 570.

1.3.2. Мур об истине

В этом параграфе я опишу истоки концепции истины, представленной Муром в исследуемой словарной статье. Эта теория получила в литературе название теории истины как тождества (the identity theory of truth)²³⁶. Её суть можно кратко выразить в следующем тезисе: истина суждения “А” тождественна событию А, при этом событие А и есть суждение “А”. Это, конечно, в высшей степени необычная точка зрения на проблему, но она, как мы показали выше, может предложить аргументы в свою пользу. Коплстон пишет, что “во время работы над текстом Мур был прекрасно осведомлён о том, что эта теория звучит чрезвычайно странно²³⁷. Томас Болдуин, исследователь творчества Мура, считает, что идеи, высказанные в статье “Природа суждения”²³⁸ 1899 года, идентичные, насколько можно судить, идеям, опубликованным в словарной статье 1902 года, “показывают его [Мура — Е.Л.] взгляды на этот предмет [т.е. на истину — Е.Л.] в переходный момент”²³⁹. Речь идёт о переходе Мура от ранних идеалистических взглядов к его знаменитому реализму. Рассмотрим кратко, как Мур стал идеалистом и как он перестал им быть.

Мур поступил в Кембридж в 1892 году с целью изучать классическую филологию. В конце первого года он познакомился с группой студентов, любивших обсуждать философию, литературу, политику. Среди этих молодых людей был Бертран Рассел, который посоветовал ему сменить специальность и заняться философией. Он, как и Рассел, на некоторое время попадает под влияние молодого тогда Джона Мактаггарта, известного своим

²³⁶ Künn W. *Conceptions of Truth*. Oxford: Clarendon Press. 2003. P. 21.

²³⁷ Copleston F.C. *A History of Philosophy: Bentham to Russell*. Image Books. Doubleday. 1967. P. 404. Мур пишет: “я полностью отдаю себе отчёт в том, как парадоксально и даже как отвратительно эта теория может выглядеть” — см. Moore G.E. *The Nature of Judgement* // *Mind*. 1899. Vol VIII. № 2. P. 181.

²³⁸ Именно на эту статью Рассел ссылается в “Принципах математики”, и её же он упоминает как первый образец новой, т.е. аналитической, философии в своей автобиографии — Russell B. *My Philosophical Development*. London and New York: Routledge. 1995. P. 42. Сам Мур в зрелом возрасте очень скептически оценивал этот текст, относительно него говоря: “Я не знаю, чем мне обязан Рассел, кроме ошибок” — Moore. Moore G.E. *An Autobiography* // *The Philosophy of G.E. Moore*. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942. P.15.

²³⁹ Baldwin T. G.E. Moore. (The Arguments of Philosophers). Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 1999. P. 6.

тезисом о нереальности времени. Первой публикацией Мура была небольшая заметка 1897 года “В каком смысле, если таковой имеется, существует прошлое и будущее время?”²⁴⁰.

Заметка появилась в разделе “Дискуссии” и была репликой на заметки Б. Бозанкета и Ш. Ходжсона, содержащие ответы на вынесенный в заглавие вопрос²⁴¹. В этой статье Мур присоединяется к тезису о нереальности времени. В этом же году он работал над диссертацией, защита которой была необходима для получения академической позиции. Первая диссертация Мура называлась “Метафизические основания этики”, и она в основном посвящена кантовскому учению о свободе, которое Мур рассматривал через призму учения Брэдли о различии реальности и явлений. Часть этой диссертации опубликована как статья “Свобода” в 1898 году. В этой статье Мур всё ещё придерживается тезиса о нереальности времени. В этом же году он переработал свою диссертацию, усилив её брэдлианские аспекты²⁴². Часть этой второй диссертации была опубликована в качестве статьи “Природа суждения” в 1899 году, и в том же году Мур начинает работу над статьями для словаря Болдуина.

Так как Мур отталкивается от философии Фрэнсиса Герберта Брэдли, то будет полезно кратко изложить основы его системы. Сердце рассуждений Брэдли составлял довод, который выше я назвал идеалистическим аргументом. В изложении Брэдли он звучит так: если мы собираемся познать реальность, то должны допускать, что она в каком-то смысле познаваема. Значит она в чем-то сродни нашему уму. Но в эмпирической реальности мы постоянно сталкиваемся с антиномиями, противоречиями, парадоксами. Наш ум противоположен такой путанице. Значит реальность, которую мы можем познать, реальность как целое, есть что-то за пределами явлений. Такую

²⁴⁰ Moore G.E. In What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist // Mind. 1897. Volume VI Issue 2. P. 235–240.

²⁴¹ Если учесть, что в “Прагматизме” 1907 года Джеймс назовёт Ходжсона одним из прямых предшественников прагматизма и стихийным адептом прагматического метода, то можно с некоторой натяжкой утверждать, что первое столкновение прагматизма и аналитической философии произошло уже в 1897 году. Джемс У. Прагматизм. СПб.: “Шиповник”. 1910. С. 36.

²⁴² Обе диссертации опубликованы Baldwin T., Preti C. G.E. Moore. Early Philosophical Writings. Cambridge: Cambridge University Press. 2011.

реальность Брэдли называет Абсолютом. В последнем нет противоречий, нет движения, нет изменений. Это парменидовское единое, которое вечно и неизменно, так как “прогресс и распад одинаково несовместимы с совершенством”²⁴³.

Вторым главным мотивом философии Брэдли можно считать антипсихологизм в логике и теории познания вообще. Главный довод против психологизма — это довод от объективности и общезначимости некоторых или даже всех форм знания. На этом основании логику можно отделить от психологии. При этом, конечно, сложно сомневаться, что применение логики осуществляется в реальном мышлении, которое является предметом психологии. С точки зрения психологии, идеи имеют психологическое происхождение, но логика это не интересует. Другой довод против психологизма Брэдли основывается на анализе единичных суждений. Они, утверждает Брэдли, меняют свою истинность со временем, что создаёт в доступной нам эмпирической реальности противоречия. Поэтому суждения возможны не как объединения разных идей, а как отсылка к идеальному содержанию реальности как таковой²⁴⁴. То есть, когда я утверждаю, что S есть P, то вместе с тем я утверждаю, что вся реальность такова, что S есть P.²⁴⁵ Это приводит Брэдли к заключению, что суждения первичны по отношению к терминам, из которых они составлены. Соединение логических и метафизических взглядов ведёт Брэдли к положению, что все суждения по отношению к реальности должны быть названы категорическим, а по отношению к явлениям — гипотетическими, так как они никогда не являются точными и всегда должны выражаться с помощью условной связи.

Если на онтологические воззрения Брэдли Мур отреагирует в работе “Опровержение идеализма” 1903 года, то его логические и

²⁴³ Bradley F. H. Appearance and Reality: a Metaphysical Essay. London: Swan Sonnenschein. 1893. P.499.

²⁴⁴ Bradley F.H. The Principles of Logic. London, K. Paul, Trench & co. 1883. P. 49.

²⁴⁵ Это напоминает равно и теорию спекулятивного предложения, и мыслительный эксперимент со временем из “Феноменологии духа” Гегеля. Именно эти элементы в неогегельянстве Брэдли можно считать собственно гегельянскими. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем Г.Г. Шпета, Комментарии Селиванова Ю.Р. М.: Академический проект. 2008. С. 49, 79, 103.

эпистемологические взгляды стали предметом анализа в уже упомянутой статье “Природа суждения”. Статья начинается с того, что Мур обнаруживает у Брэдли текстуальное противоречие в “Принципах логики”. Мур анализирует первую главу этой влиятельной книги, “Общая природа суждения” (таким образом, мы можем наблюдать переключку названий). В параграфе 2 Брэдли утверждает: “Суждения, в строгом смысле, не существуют там, где не существует различия познания истины и ложности; и, так как истина и ложность зависят от отношения наших идей к реальности, то без идей нельзя получить настоящего суждения. Возможно, это очевидно. То, к чему я перехожу, не столь очевидно. Мы не только не можем судить до того, как используем идеи, но, строго говоря, мы не можем судить, пока используем их как идеи. Мы должны понимать, что они не являются реальностями, что они просто идеи, знаки существования, отличного от них самих. Идеи не являются идеями, пока они только символы, и до того, как мы используем символы, мы не можем выносить суждения”²⁴⁶.

Далее же, в девятом параграфе, мы читаем, что “в предикации мы используем не ментальный факт, а только значение”²⁴⁷. Таким образом, считает Мур, вначале утверждается, что в суждении используется ментальный факт в качестве знака, а потом утверждается, что ментального акта не используется вовсе, только значение. По одну сторону противоречия у нас оказывается символ, факт, который имеет значение, просто идеи, знак существования, отличного от них самих, а по другую сторону лежит символизируемое и значение. В зависимости от того, какое из двух значений слова “идея” мы выбираем, мы можем получить разные логики. Первая логика будет, выражаясь словарем немецкой философии того времени, психологической, а вторая — антипсихологической.

Мур поддерживает Брэдли в критике аргументации против тезиса о ментальной природе идеи. Но он, в свете описанного выше противоречия,

²⁴⁶ Bradley F. H. *The Principles of Logic*. London, K. Paul, Trench & co. 1883. P. 2.

²⁴⁷ Bradley F. H. *Op. cit.* P.8.

считает, что Брэдли непоследователен в своей критике. Брэдли считает, что “всеобщее значение” знака частично “вычленяется” сознанием. Для Мура такое “вычленение” означает потерю универсальности и необходимости. Стараясь защитить универсальность и необходимость знания, Мур выдвигает тезис: идеи, с помощью которых организованы суждения, не производятся никакими действиями наших умов, и, следовательно, истинность и ложность не зависят от отношения наших идей к реальности”²⁴⁸. Кроме того, Мур предлагает заменить расплывчатое слово “идея” на более точное слово “concept”, которое он считает адекватным переводом кантовского “Begriff”.

Против Брэдли, кроме текстологического противоречия и доводов антипсихологистов, Мур также выдвигает довод от дурной бесконечности. Если прежде, чем мы сможем вынести некое суждение, наше сознание должно что-то “вычленить” из мира, то мы можем либо уже знать, что “вычленять” и как сочетать это “вычлененное” с другим “вычлененным”, либо не знать. Если мы знаем это заранее, то суждение уже было вынесено. Если мы этого заранее не знаем, то ради того, чтобы сформулировать суждение А, нужно вынести суждение А'. Но и А' окажется в такой ситуации: либо мы уже знаем, либо для А' нужен А''. Ясно, что такое рассуждение оканчивается либо постулированием врождённого знания²⁴⁹, либо уходит в бесконечность. Развертывая этот аргумент, Мур вспоминает о проблеме “третьего человека”. Он считает, что тут мы имеем дело с проблемой, которая всегда возникает при попытке объяснить природу понятия в терминах чего-то, отличного от понятия.

Другой формой довода от бесконечности является следующее рассуждение. Если истинность суждения А зависит от его отношения к факту В, то истинность суждения А зависит от выражающего это отношение суждения А'. Это опять вовлекает нас в порочный круг.

²⁴⁸ Moore G.E. The Nature of Judgement // Mind. 1899. Vol VIII. № 2. P. 177.

²⁴⁹ Как у Платона в “Меноне” (80d). См. также Вольф М. “Менон” и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник РХГА. 2013. Том 14. Вып. 3. С.53–60.

Второй довод, который может быть назван доводом от адекватности, Мур заимствует у Брэдли и обращает его на менталистские трактовки значения. Когда я говорю, что “Эта роза красная”, то я не утверждаю чего-то о своих ментальных состояниях (mental states), напротив, я говорю о вещах.

Из этого Мур заключает, что понятия должны быть абсолютно отличны от ментальных состояний и абсолютно тождественны с самим миром. Понятия есть *genus per se*. При этом он не отрицает, что они могут быть объектами мысли, просто это не является их существенным свойством. Если мы перестаём думать о понятиях, то они сами и связи между ними сохраняются. Поэтому отношения между нашими ментальными состояниями и миром вообще нерелевантны для объяснения истины. Кроме того, не для всех случаев это отношение нужно. Примером таких случаев Мур считает арифметические истины. Таким образом, “кажется необходимым рассматривать мир как состоящий из понятий”²⁵⁰ и “существование логически подчинено истинности”, так как оно само есть понятие²⁵¹. Мур даже говорит фразу, которая ставит под сомнение справедливость характеристики его как сторонника теории истины как тождества: “понятие не может быть последовательно описано ни как существующее, ни как часть существующего, так как оно включает в себя понятие существования”²⁵². Учитывая, что Мур выше рассматривает возможность характеризовать арифметические истины как свободные от существования, то было бы точнее сказать, что понятия и существования не отождествляются им, а второе является подмножеством первого. Развивая это учение, Мур даже утверждает, что “существовать значит просто находиться в определённой логической связи”²⁵³.

²⁵⁰ Moore. *Op. cit.* P. 180, 182.

²⁵¹ Существенно позднее Мур подробнее разберёт этот вопрос в Kneale W., Moore G.E. *Is Existence a Predicate?* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1936. *Supplementary Volumes*. Vol. 15. P. 154–188.

²⁵² Moore. *Op. cit.* 181.

²⁵³ Это определение вызывает естественные ассоциации со знаменитым “существовать значит быть значением квантифицированной переменной” У. В. О. Куайна. Однако для Мура тут процедура квантификации не так важна, что показывает пример с арифметикой.

Второй вывод, который из своего рассуждения делает Мур: суждение есть сложное понятие. Он, правда, подробно не развивает это положение.

Героем второй половины статьи Мура является Кант. Английский философ считает, что его теория имеет много общего с теорией восприятия Канта. Мур пишет, что поддерживает возражения Канта против причинного объяснения и считает единственным законным объяснением объяснение через логическую связь понятий. Сырой материал чувств Мур заменяет понятиями — но главное отличие состоит в том, что Мур отрицает единство объяснения (*unity of conception*), как в кантовской форме, так и, в особенности, в гегелевской²⁵⁴. Мур критикует основания кантовского различения между эмпирическими и априорными суждениями²⁵⁵. Неверно считать, что только априорные суждения являются всеобщими и необходимыми, так как если завтра окажется, что существует тело, которое не имеет тяжести, это будет означать, что мы всё время совершали ошибку, но само суждение как таковое не изменится, дело не в том, что в реальности множество вещей обладало неким атрибутом, а потом перестало обладать²⁵⁶. С другой стороны, относительно арифметических истин можно сказать, что, когда числа впервые были изобретены, то люди ещё могли сомневаться в том, что “ $2+2=4$ ”, а сейчас опыт научил нас, что это так. Таким образом, эмпирические суждения также являются необходимыми и всеобщими, и все понятия даны в опыте²⁵⁷. Мур предлагает иное основание деления: эмпирические суждения включают в себя эмпирические понятия, т.е. такие понятия, которые могут существовать в актуальной части времени и пространства²⁵⁸. Мур также замечает, что разделение суждений на априорные и эмпирические изоморфно разделению их на гипотетические и категорические. Он не согласен сводить гипотетические суждения к

²⁵⁴ Не до конца ясно, что тут Мур имеет в виду. Ниже он соглашается с трансцендентальной дедукцией Канта, значит тут не она имеется в виду. Идёт ли тут речь об идеалистическом аргументе или о просто критике всеохватных схем — сложно сказать точно.

²⁵⁵ Тут Мур совершает ту же ошибку, что и М. Шлик, смешивая апостериорные и эмпирические суждения.

²⁵⁶ Тут историк аналитической философии должен вспомнить про апостериорную необходимость, существование которой доказывал С. Крипке.

²⁵⁷ Moore. *Op. cit.* P. 189.

²⁵⁸ Это положение само по себе означает, что Мур уже расстался с тезисом о нереальности времени.

категорическим, и даже называет опровержение этого тезиса одной из целей статьи, хотя он специально этим не занимается.

Брэдли не оставил статью без внимания и ответа. Намереваясь объяснить свою позицию, он написал молодому философу письмо: “Первый [аргумент], кажется, состоит в том, что отделение значения (meaning) от существования, требуемое для суждения, предполагает предшествующее суждение. Ну, конечно, это может быть так — для психологического суждения, но, опять же, может и не быть, и обычно так не бывает... Я предполагаю, что моё выражение “вычленишь” и т.д., было понято как подразумевающее вычленение и предыдущей идеи тоже. Я никогда не имел этого в виду... Но я принимаю, что мой способ выражения был неточен.”²⁵⁹

Важным итогом “Природы суждения” был переход Мура от метафизического холизма к атомистическому плюрализму²⁶⁰ и теории истины, плохо совместимой с тезисом о нереальности времени. Однако чтение этого текста с очевидностью показывает, что его автор не занимает отчетливо реалистической позиции, которая появится у него к 1903 году. Однако ясно, что человеку с критическим и аргументативным, как у Мура, стилем философствования очень сложно было бы долго придерживаться взгляда, изложенного в статье. В некотором смысле, её можно рассматривать как доведение до абсурда идеалистической точки зрения на истину, доведение, которое уже делает невозможным последовательный идеализм и ведёт философа к прямому реализму.

Так, например, не ясно, как теория истины как тождества может сохранить различие истины и лжи. Например, некто верит в то, что жизнь на Земле возникла шесть тысяч лет назад. Это суждение очевидно ложно, и теория истины должна эту ложность описывать. Получается, этому

²⁵⁹ Цит по. Baldwin T., Preti C. G.E. Moore. Early Philosophical Writings. Cambridge: Cambridge University Press.2011. P. xxvii–xxviii.

²⁶⁰ Thomas B. G.E. Moore. Arguments of the Philosophers. Routledge. 1999. P. 25.

суждению соответствует некий факт, отрицательный факт²⁶¹. Поэтому мы можем считать это суждение ложным. Но постулирование отрицательных фактов не только чрезмерно раздувает онтологию, но, введённое ad hoc, не позволяет нам понять, в силу чего мы можем иметь какое-то отношение к этим отрицательным фактам, которые по самой своей природе не могут быть даны нам в опыте.

Но, главное, что вызывает вопрос в позиции Мура 1899 года: зачем называть элементы мира понятиями? Если убрать это нестандартное словоупотребление и называть “понятиями” ментальные состояния, а события (или факты) мира сделать тем, что делает суждения истинными или ложными (truth-makers), то мы получим корреспондентскую теорию истины.

Знал ли Мур о критике, которую ему адресовал Пирс, и повлияла ли она на эволюцию его философских взглядов? У нас нет данных, которые могли бы помочь дать ответ на этот вопрос²⁶². Сложно представить, что молодой философ обошёл вниманием собственную публикацию в международном издании, и не посмотрел, что написал его соавтор. Что касается вопроса о влиянии, то, во всяком случае, в 1899 году Мур ещё отождествлял реальность и истину, а в 1903, после выхода словаря, он их различает в “Опровержении идеализма”. Вне всякого сомнения, значительную роль сыграла появившаяся уже в “Природе суждения” реалистическая тенденция в творчестве самого Мура. Возможно, не стоит быть, как некоторые исследователи²⁶³, гиперкритичным к

²⁶¹ Такова была точка зрения раннего Рассела, от которой он впоследствии отказался. Об этой проблеме см. Бродский И.Н. Отрицательные высказывания. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973; Логинов Е.В. Нет ли в комнате носорога? // Финиковый Компот. 2016. № 11. С. 40–49.

²⁶² Я благодарю Арсения Хитрова за консультацию по поводу содержания рукописей Мура начала XX века, хранящихся в библиотеке Кембриджа (MS Add.8330 1). Пирс там, увы, не упоминается. В рукописи “Work” написано “1901: (...) “Truth” May 14–23.” и “July 30 – Aug. 10. Finish Spirit & Truth”. Упоминается работа над статьями для словаря Болдуина в рукописи “Chronological List of my Philosophical Writings”.

²⁶³ Томас Болдуин в свете самых ранних статей и выступлений Мура пришёл к выводу, что реальное положение дел было более сложным. (Baldwin T. G.E. Moore. (The Arguments of Philosophers). Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 1999. P.1). Это, однако, не значит, что не могло быть так, что Мур, внутренне не веря в тезисы идеализма, несколько лет отстаивал их, так как не находил достаточных доводов против. Но уже в 1903 году такие доводы были обнаружены, и он с легким сердцем завершил свой идеалистический период.

автобиографическому заявлению Мура, что позиция, заявляющая о нереальности времени, со студенческих лет казалась ему чудовищной²⁶⁴.

Аналогично, у нас нет данных, кроме приведенных выше, знал ли Пирс о работах Мура. Совершенно точно можно утверждать, что он, как минимум, знал об идеях, изложенных в “Природе суждения”, но никаких следов какого-то интереса к работам молодого англичанина мне обнаружить не удалось. При этом мы можем фиксировать, например, тот факт, что их обоих интересовало опровержение идеализма, и этот интерес был напрямую связан с Кантом²⁶⁵. Однако их точки зрения на проблему и доводы, которые они приводили, не обнаруживают ничего общего.

²⁶⁴ Moore G.E. An Autobiography // The Philosophy of G.E. Moore. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942. P. 14.

²⁶⁵ См. фрагмент Пирса “Кант и его опровержение идеализма” (1.35–1.39). Большая часть текста датируется о. 1890 года.

Глава 2. Уильям Джеймс и аналитические философы

Вне всякого сомнения: прагматизм в первые два десятилетия XX века приобрел всеевропейский лоск, став самой настоящей философской модой. Во Франции²⁶⁶, где новинка воспринималась по преимуществу как зарубежная версия поворота к действию, противостоящего университетскому спиритуализму, в Италии²⁶⁷, в которой прагматизм сросся с художественным модернизмом, в странах немецкого языка²⁶⁸, в России²⁶⁹, в Болгарии²⁷⁰

²⁶⁶ Несмотря на то, что две, быть может, самые знаменитые и влиятельные статьи Пирса, “Закрепление убеждений” и “Как сделать наши идеи ясными”, были первоначально опубликованы по-французски в журнале “Revue Philosophique”, который редактировал знаменитый психолог Теодюль Рибо, работы Пирса не пользовались во Франции какой-либо серьезной известностью. Исключение составляют логик и математик Луи Кутюра (вероятно, Кутюра узнал о Пирсе из переписки с Расселом, в которой последний, называя американского философа одним из крупнейших умов XIX века и советуя Кутюра сборник “Studies in Logic”, всё же сетовал, что Пирс породил заблуждения, встречающиеся в работа Джеймса и Шиллера), и метафизик, автор термина “жизненный порыв” Андре Лаланд, написавший о Пирсе статью в 1906 году. Небольшую главу основателю прагматизма посвящает М. Эбер в своём “Прагматизме” 1908 года. Но до публикации в 1967 г. книги Жака Деррида “О грамматологии”, в которой было сказано, что основатель прагматизма далеко продвинулся в сторону деконструкции, Пирс не пользовался во Франции большой славой. Совсем другая судьба была у идей Джеймса. Джеймс состоял в переписке с Бергсоном, его идеи звучали в унисон с концепциями Эдуарда Леруа и Анри Пуанкаре, с философией действия Мориса Блонделя, который сам называл своё учение “прагматизмом”, правда, видимо, не ассоциируя это название с философией, рождённой в Новом свете. См. Girel M. Peirce’s Reception in France: just a Beginning // *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 15–23; Эбер М. Прагматизм, исследование его различных форм: англо-американских, французских, итальянских и его религиозного значения. Издание второе. М.: ЛКИ. 2010; Деррида Ж. О грамматологии. / Пер. с фр. и вступительная статья Наталии Автономовой. М.: AdMarginem. 2000. С. 171.

²⁶⁷ Особую важность для развития итальянского прагматизма имел журнал “Leonardo”, выходивший с 1903 по 1907 г. См. James W. Papini and the Pragmatist Movement in Italy // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. 1906. Vol. 3. №. 13. P. 337–341; Gullace G. The Pragmatist Movement in Italy // *Journal of the History of Ideas*. 1962. Vol. 23. №. 1. P. 91–105; О логических и эпистемологических идеях итальянских прагматистов, более близких к Пирсу, чем к Джеймсу см. Zanoni C. P. Development of Logical Pragmatism in Italy // *Journal of the History of Ideas*. 1979. Vol. 40. №. 4. P. 603–619.

²⁶⁸ Среди немецкоязычных корреспондентов Джеймса был В. Вундт, Э. Мах и Вильгельм Иерусалим, переводчик Джеймса. Последний и стал наиболее видным сторонником прагматизма в немецких землях. К сторонникам Джеймса можно также отнести Юлиуса Гольдштайна (Julius Goldstein) и Гюнтера Якоби (Günther Jacoby). Заслуживает отдельного внимания история создания из прагматизма удобной мишени для критики, что было характерно для немецких авторов от М. Шелера до М. Хоркхаймера и М. Хайдеггера. Иронично, что сегодня, во многом из-за влияния Ричарда Рорти, некоторые авторы пытаются переосмыслить фундаментальную онтологию сквозь призму прагматизма. См. Okrent M. Heidegger’s Pragmatism. Understanding, Being, and the Critique of Metaphysics. Ithaca: Cornell University Press. 1988; Oehler K. Notes on the Reception of American Pragmatism in Germany, 1899-1952 // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1981. Vol. 17. No. 1. P. 25–35; Freyberg S. Peirce in Germany: A Long Time Coming // *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 28–33.

²⁶⁹ Кроме литературы, приведённой во введении, см. некоторые тексты: Лапшин И.И. Философское значение психологических воззрений Джэмса // Джэмс У. Психология. Пер. с англ. И.И. Лапшина. СПб.: Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Часть XXXIX. 1896. С. 1–35; Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. (Первая публикация — 1922 г.); Габрилович Л. Е. О крайнем солипсизме // *Вопросы философии и психологии*. 1912. Кн. 112. С. 213–249; Яковенко Б.В. Современная американская философия. Обзор // *Логос*. 1913. Кн. 3–4. С. 269–345; Яковенко Б.В. Философская система Жозиа Ройса // *Новые идеи в философии*. СПб., 1914. Сб. 17. С. 81–135; Франк С.Л. Прагматизм как гносеологическое учение // *Новые идеи в философии*. Сб. №7.

выходили статьи и книги, посвящённые прославлению и критике нового направления в философии. Самые разные авторы пытались сравнивать идеи американских сочинителей с концепциями, составившими “золотой фонд” философии. Для итальянского, как и для французского и русского восприятий прагматизма, была характерна увязка его с учениями А. Бергсона и Ф. Ницше. Такая популярность во многом связана с популяризаторскими талантами Джеймса и его авторитетом как психолога²⁷¹. Существенную роль в распространении прагматистских идей сыграл прошедший в первых числах сентября 1908 года Третий интернациональный философский конгресс в Гейдельберге, особенно сильно повлиявший на немецкое и русское восприятия прагматизма. На этой площадке лидер неокантианцев Вильгельм Виндельбанд столкнулся с прагматистами Шиллером и Ройсом.

Словом, если взять западную философию этого периода в целом, то удалить из неё прагматизм невозможно, не допустив тем самым серьёзного искажения реального положения дел. Однако если мы присмотримся более внимательно к национальным традициям перечисленных стран, то окажется что, изучая каждую из них в отдельности, мы можем легко не учитывать тексты, посвящённые прагматизму, и ничего существенного не потеряем. Философы Франции и Германии имели множество собственных тем для работы, некоторые из которых, конечно, пересекались с прагматизмом, но никакие не нуждались в нём. То же можно сказать и об отечественных

Теория познания III. 1913. С. 115–157; Бердяев Н. О расширении опыта // *Вопр. философии и психологии*. 1910. № 3. С. 381; Спор о прагматизме // *Рус. мысль*. 1910. № 5. С. 135. Исследования: Стейла Д. Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм // *Вопросы философии*. 2012. №1. С. 129–144; Антонов К.М. Концепция религиозного опыта У. Джеймса в русской религиозной мысли первой трети XX века // *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия*. 2015. Вып. 5 (61). С. 91–111.

²⁷⁰ Mladenov I. *Conceptualizing Metaphors: On Charles Peirce's Marginalia*. London and New York: Routledge. 2006. P. 174–177; Mladenov I. The First Steps of Peirce in Bulgaria. From Ivan Sarailiev to Today // *European Journal of Pragmatism Studies*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 46–50; Tashev A. The two pragmatisms in the philosophy of Ivan Sarailiev // *Sign Systems Studies*. 2013. Vol. 41. № 4. P. 433–445.

²⁷¹ Многие авторы предполагают считать, что именно “Принципами психологии” завершается отделение психологии от философии — см. Klein A. *Divide et Impera! William James's Pragmatist Tradition in the Philosophy of Science* // *Philosophical Topics*. 2008. 36 (1). P. 129-166; Karler C.J. *Scientists of Mind*. Urbana. 1986.

авторах²⁷². В меньшей степени это верно для итальянской философии, но всё же “магический прагматист” Панини, например, был скорее философским писателем, чем собственно философом, а журналист Джузеппе Преццолини всё же менее значимая фигура, чем Бенедетто Кроче или Винченцо Джоберти. Ещё меньшей известностью пользовались логически и эпистемологически ориентированные прагматисты Джованни Вайлати и Марио Кальдерони.

Однако удалить прагматизм из истории британской философии рубежа веков не так просто. В этой главе мы остановимся на философах, мысливших под Юнион Джеком, прежде всего, на критике прагматизма Дж. Э. Муром и Б. Расселом. Если до этого нас интересовали по большей части скрытые связи между основателями аналитической философии и Ч. С. Пирсом, то теперь мы обратимся в открытой журнальной полемике, которую британцы развернули против У. Джеймса.

Необходимо, прежде всего, отметить, что Рассел и Мур вовсе не были единственными британскими философами первой половины XX века, которые обратили внимание на американскую философскую новинку. Прежде всего, когда кто-то думает о связи прагматизма и островной философии, приходит в голову Людвиг Витгенштейн и мыслители его круга, ведь именно они прославились своим вниманием к практике и проблеме значения, что характерно и для прагматистов. Но есть ли тут реальная историческая связь, или речь идёт о коэволюции? Мы точно знаем, что Витгенштейн, например, ценил психологические и религиоведческие работы Джеймса. Многие авторы предполагают, что Витгенштейн был знаком с прагматизмом Пирса благодаря Фрэнку Рамсею. Существует достаточно достоверные данные, позволяющие утверждать, что Витгенштейн посещал однажды лекцию Дьюи об образовании, и мы знаем, что австриец критиковал психологические взгляды американца в лекциях по философской психологии

²⁷² Кроме того, ужасы Первой мировой войны и революций меньше всего, вероятно, побуждают думать в оптимистическом джеймском духе. Это, конечно, касается философов всех европейских стран, не только России.

1946–1947 г. Первое влияние, однако, сегодня изучено досканально, и довольно сложно добавить к известному что-то новое²⁷³. О сюжете Витгенштейн–Дьюи, если работать в историческом, фактическом ключе, а не в концептуальном, не стоит говорить подробнее, чем только что было сказано. Самым перспективным кажется сюжет Витгенштейн–Пирс, который последнее время стал объектом пристального внимания исследователей. Наиболее обстоятельной является недавняя работа итальянской исследовательницы Анны Бонкомпаньи, ученицы Розы Калькатерры, “Витгенштейн и прагматизм”²⁷⁴. Эта книга, ставит, на мой взгляд, точку в вопросе об отношении Витгенштейна к прагматизму. На материале “Nachlass” ей удалось показать, что после 1930-х взгляды Витгенштейна действительно эволюционировали в сторону чего-то похожего на пирсовскую эпистемологию и особенно сильно результат этого движения заметен в “О достоверности”; однако для подтверждения гипотезы о ключевой роли в этих изменениях влияния увлечённого Пирсом Рамсея у нас недостаточно данных. В то же время, подчеркивает Бонкомпаньи, ни о каком тождестве витгенштейнианства и прагматизма говорить не приходится: если для всех прагматистов существенно, что не существует строгого различия философии и науки, имеется своего рода междисциплинарный континуум, то для Витгенштейна в любой период его творчества было важно подчеркивать глубокое, сущностное различие между делом философа и делом учёного. Что касается отношения Рамсея и прагматизма, то эта проблема тоже хорошо освещена в литературе²⁷⁵. Окончательную точку в этом вопросе ставит

²⁷³ Goodman R. Wittgenstein and William James. Cambridge University Press. 2002. См. также посвящённый этой теме специальный выпуск "European Journal of Pragmatism and American Philosophy" Vol.4, Num. 2. 2012. Недавние работы отечественных исследователей освещают связь учения Витгенштейна о свободе воли и прагматизма: Мишура А.С. Воля — это не опыт: поздний Витгенштейн и философия действия // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4(32). С. 309–317; Чугайнова Ю.И. Понятие воли в раннем и позднем периодах философии Л. Витгенштейна // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. №1. 2016. С. 91–96.

²⁷⁴ Boncompagni A. Wittgenstein and Pragmatism. On Certainty in the light of Peirce and James, Palgrave Macmillan, 2016.

²⁷⁵ См. Суровцев В.А. Предисловие переводчика / Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 5-15; Кирюшенко В. Язык и знак в прагматизме. СПб: Из-ов ЕУ. 2008. С. 57; Tiercelin C. Chance, Love and Logic: Ramsey and Peirce on Norms, Rationality and the Conduct of Life / (Eds.) Persson J., Hermenèr G., Sjöstrand E. Against Boredom. 17 Essays. Stockholm: Fri Tanke. 2015.

масштабное исследование Шерил Мисак²⁷⁶. Мы знаем, что Рамсей был вдохновлён Пирсом, знания о философии которого он черпал из сборника “Chance, Love and Logic”, знаем, что он ссылался на основателя прагматизма в своей статье “Истина и вероятность”²⁷⁷ и в других работах, в том числе и в опубликованных посмертно. Однако в виду того, что тема прагматизма Рамсея получила недавно столь полное освещение в литературе, я счёл возможным не делать эту проблему предметом пристального внимания в настоящем диссертационном исследовании; не упомянуть об этом факте, впрочем, тоже было нельзя.

Кто же ещё на британских островах отреагировал на появление прагматизма? Для ответа на этот вопрос вернёмся на рубеж XIX–XX веков. Прежде всего, необходимо упомянуть оксфордского профессора Ф. К. С. Шиллера, чей гуманизм²⁷⁸, вероятно, является самым радикальным вариантом прагматизма²⁷⁹. Однако большая часть английских философов была настроена куда более критически. Хорошим примером тут является Брэдли, находившийся с Джеймсом в переписке и полемике ещё с 90-х годов XIX века²⁸⁰. Нельзя сказать, что они были на короткой ноге — хотя в письме Джеймс использует обращение “дорогой брат Брэдли”²⁸¹ и говорит, что

²⁷⁶ Misak Ch. Cambridge Pragmatism. From Peirce and James to Ramsey and Wittgenstein. Oxford: Oxford University Press. 2016.

²⁷⁷ Рамсей Ф.П. Философские работы / Пер. В.А. Суровцева. Томск: Из-во Том. ун-та, 2003. С.115.

²⁷⁸ Schiller F.C.S. Humanism: Philosophical Essays. MacMillan, 1903; Schiller F.C.S. Plato Or Protagoras?: Being a Critical Examination of the Protagoras Speech in the Theætetus with Some Remarks Upon Error. B. H. Blackwell, 1908; Schiller F.C.S. Our human truths. Columbia University Press. 1939.

²⁷⁹ Как верно отмечает Мельвиль, “популярность Шиллера в США была ничтожной, <...> В Англии «гуманизм» Шиллера не имел большого успеха, и, несмотря на кипучую литературную деятельность, Шиллер приобрёл всего несколько последователей”. Мельвиль Ю.К. Прагматизм — философия субъективного идеализма // Современный субъективный идеализма. Критические очерки. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957. С. 43.

²⁸⁰ В 1893 году они обменялись небольшими критическими репликами в “Mind”. Брэдли выражал восхищение работой Джеймса (речь идёт о “Принципах психологии”) и подчеркивал её связь с теорией Карла Штумпфа. Аргумент Брэдли направлен против теории простого тождества, обнаруженной им у Джеймса. Джеймс считал, что “любая теория, которая обосновывает сходство тождеством, а не тождество — сходством, должна потерпеть неудачу”. Брэдли возражал, что Джеймс перечислил не все возможные альтернативы. В частности, упущенной оказывается позиция, согласно которой сходство и различие являются неразделимыми, образуя диалектическое единство. Джеймс в ответ высказал своё недоумение таким упреком. Bradley F. H. On Professor James' Doctrine of Simple Resemblance // Mind. New Series. 1893. Vol. 2. №. 5. P. 83–88; James W. Mr. Bradley on Immediate Resemblance // Mind. New Series. 1893. Vol. 2. №. 6. P. 208–210.

²⁸¹ Sprigge T.L. James & Bradley: American Truth and British Reality. Chicago and La Salle, Illinois: Open Court. 1993. P. 587. Цит. по Thayer H.S. Review // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1995. Vol. 31. №. 1. P. 205.

чувствует с ним общность против “неметафизического стада”. Отсылки к Брэдли в явном виде присутствуют во многих произведениях Джеймса. Иногда они ироничны, иногда серьезны²⁸². Брэдли реагировал не только на психологические идеи Джеймса, но и на собственно прагматистские. Так, в “*Essays on Truth and Reality*” (1914) он подробно разбирает теории истины Джеймса и Дьюи, а также радикальный эмпиризм²⁸³. Английский философ связывает, совершенно справедливо, прагматизм с психологической традицией, идущей от Александра Бэна, рассуждает о неоднозначности прагматизма, даже высказывает сомнения относительно того, не является ли он сам прагматистом²⁸⁴. К сожалению, в настоящем исследовании я не имею возможности подробно останавливаться на аргументах Брэдли.

Ещё одним английским автором, связанным с прагматизмом, был математик и философ Уильям Клиффорд. Он был одним из тех немногих людей, кто при жизни признавал Пирса гением²⁸⁵. Они встречались во время визита американского философа в Англию в 1875 году. У Пирса был экземпляр “*Lectures and essays*” Клиффорда, из которых, как заключил М. Фиш на основании анализа маргиналий, он читал только “*The Ethics of Belief*”²⁸⁶. Позднее именно это эссе станет у Джеймса мишенью для критики в “Воле к вере” за грубоватый пафос запрета верить во что-то, что не доказано.

²⁸² “[Брэдли] полагает, что эти погибшие существования делают мироздание богаче, — и это есть философия! Но в то время, как профессора Ройс и Брэдли и целая армия незлобивых и хорошо откормленных философов раскрывают перед нами Абсолютное и Действительное и так хорошо разъясняют наличность зла и горя, — единственные известные нам во вселенной существа, одарённые сознанием того, что такое мир, находятся в указанном мною положении. Их опыт — это абсолютно действительный момент мировой истории” — Джеймс У. Прагматизм. СПб.: “Шиповник”. 1910. С. 25; См. также James W. Will to Believe. New York ; London : Longmans, Green, & Co. 1910. P. 145; James W. A Pluralistic Universe. New York [etc.] Longmans, Green, and co. 1909. P. 68–81, 211–212, а также приложения А и В; James W. The Meaning of Truth: A Sequel to “Pragmatism”. New York. Longmans, Green. 1914. P. 53, 71.

²⁸³ Этот термин, на мой взгляд, очень хорошо объясняет И. Д. Джохадзе: “Какие-либо внеопытные (сверх-эмпирические) источники знания Джеймс отвергает — поэтому, собственно, он и называет свой эмпиризм «радикальным». Радикализм этот не следует понимать в смысле редукции опыта к чувственным данным. Напротив, для большинства прагматистов (Джеймса, Шиллера, Дьюи) характерно «инклюзивное», расширительное толкование опыта.” Джохадзе И.Д. «Прагматизм» У. Джеймса: основные идеи и их развитие // Философский журнал 2015. Т. 8. № 2. С. 36.

²⁸⁴ Bradley F. H. *Essays on truth and reality*. Oxford, Clarendon press. 1914. Раздел, более всего связанный с прагматизмом, воспроизводит статью Bradley F. H. *On the Ambiguity of Pragmatism* // *Mind*. 1908. Vol. XVII. № 2. P. 226–237. Статья Брэдли вызвала отклик. Так, уже в следующем номере “*Mind*” мы читаем ответы Альфреда Сиджвика и Ф. К. С. Шиллера.

²⁸⁵ Girel.Op. cit. P. 16.

²⁸⁶ Madigan T.J. W. K. Clifford and “The Ethics of Belief”. Cambridge Scholars Publishing. 2009. P. 107–112.

Среди литераторов, критиковавших в то время прагматизм, можно назвать Гилберта Кита Честертон, направившего против учения Джеймса звенящие строки своего “Ортодокса” (1908). В главе “Самоубийство мысли” Честертон говорит, что перечисление того, что уничтожает мысль, было бы неполным без упоминания прагматизма. Он согласен, что объективная истина — это ещё не всё, и сам использовал прагматический метод и потому намерен защищать его как предварительное руководство для ищущего истину. Ведь объективная истина — это ещё не всё, над нами властвует потребность верить в вещи, которые необходимы для человеческого ума. Среди них, несколько парадоксально заявляет Честертон, стоит упомянуть и объективную истину. Поэтому прагматизм есть словесный парадокс — прагматист заявляет, что заботится о потребностях человека, но одна из них состоит в том, чтобы быть чем-то большим, чем просто прагматистом²⁸⁷.

Именно в Англии сложился подходящий интеллектуальный климат для критического обсуждения прагматической теории истины и её предпосылок. Молодые аналитические авторы, Мур и Рассел, оказались перед соперником, с которым у них было одновременно и больше, и меньше общего, чем с Брэдли, из-под влияния которого они только что вышли. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и оба “бунтаря” сформулировали свои доводы против прагматизма.

2.1. Опровержение Мура и истина Джеймса

Трудно назвать более апрагматического британского автора начала XX века, чем Мур. Особенно хорошо это видно, если сравнить Мура с Джеймсом. Последний, как верно замечает Айер, стремился скорее передать ощущения от пережитых им событий и обратить внимание на факты, чем сформулировать схоластически точно те или иные принципы и произвести

²⁸⁷ Chesterton G.K. Orthodoxy. New York: John Lane company. 1909. P. 64. Я благодарю Ивана Фомина за то, что обратил моё внимание на это место. Джеймс был знаком с некоторым сочинениями Честертон (см. например., Джемс В. Прагматизм. Из-во “Шиповник”. 1910. С. 9).

логически выверенную дедукцию²⁸⁸. Джеймс мыслил в стихии жизни, а Мур, скорее, жил в стихии мышления. По его собственному свидетельству: “Я не думаю, что мир или науки когда-либо предлагали мне какие-то философские проблемы. То, что другие философы говорили о мире и науке, — вот что предлагало мне эти проблемы.”²⁸⁹ Если стилю Джеймса присуща мощь и глубина Атлантики²⁹⁰, то особенностью письма Мура всегда была строгость формулировок и подчеркнутый риторический аскетизм, в его текстах мы найдем тонкую иронию (скажем, по отношению к Гегелю), но никогда — весёлости и страсти. Эти две последние черты знакомы читателю Честертону, а глубины довольно у Брэдли. Этика Мура, одновременно утилитаристская и интеллектуалистическая, равно враждебна как эмотивизму логических позитивистов, так и религиозно-этическим взглядам Джеймса. Даже Рассел, сначала видевший в работе друга и коллеги “революцию” против “дедуктивного и догматического системосозидания” в этике²⁹¹, позднее отказался от этой оценки, считая этику Мура неспособной обосновать его, расселовский, пацифизм и другие исповедуемые им буржуазные социально-политические взгляды²⁹².

²⁸⁸ Ayer A.J. *The Origins of Pragmatism*. Freeman, Cooper and Company. 1968. P. 176; Сам Джеймс, считая, что история философии есть история борьбы разных темпераментов, разделил философов на любителей твердых фактов (эмпирики) и сторонников абстрактных и вечных принципов (рационалисты). По этой классификации сам Джеймс вне всякого сомнения относится к первым, а Мур — ко вторым. См. также Джемс В. *Прагматизм*. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии. Из-во “Шиповник”. 1910. С. 9–31; Отечественную оценку логики Джеймса См. Асмус В.Ф. *Алогизм Уильяма Джемса // Под знаменем марксизма*. 1927. №7–8. С. 53–85. Переиздано в Асмус В.Ф. *Историко-философские этюды*. М.: Мысль. 1984. 262–300; Асмус рассматривает философию Джеймса как усиление антирационалистических тенденций философии Анри Бергсона.

²⁸⁹ Moore G.E. *An Autobiography // The Philosophy of G.E. Moore*. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942. P. 14.

²⁹⁰ См. рецензию Рассела на книгу Эмиля Бутру “Уильям Джеймс”, в которой британец сетует: “Месяе Бутру, похоже, считал, что французский народ не сможет оценить Уильяма Джеймса в его коренной неотёсанности; вместо трансатлантической дикости, грубоватости, безыскусного юмора, простого демократического дружелюбия, которые делают его труды очаровательными (delightful), мы находим здесь невозмутимую гладь, лощёную вялость, стиль, в котором обычай и литературная традиция делают всякую настоящую мысль невозможной.” Russell B. *William James*. By Emile Boutroux / Russell B., Slater J.G. (Ed.), Frohmann B. (Ed.) *Logical and Philosophical Papers*. 1909-13. London, New York: Routledge. 1994. P. 306. Оригинал: Boutroux É. *William James*. Paris: A. Colin. 1911. Английский перевод книги вышел в 1912 году. В письме леди Оттолайн Моррелл от 28 октября 1912 года Рассел назвал работу Бутру “никчёмной маленькой книгой”. В “Истории западной философии”, много лет спустя после этой рецензии, Рассел опять подчеркнул “очаровательный (delightful) юмор” Джеймса, который нравился всем, кроме Дж. Сантаяны. См. Russell B. *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. New York: Simon and Schuster. 1967. P. 811

²⁹¹ Russell B. *Review of G.E. Moore, “Principia Ethica” // The Cambridge Review*. 1903. Vol. 25. P. 37.

²⁹² Хотя, судя по “Истории западной философии”, поздний Рассел сохранял элементы муровской критики этической системы Дж. С. Милля.

Однако в истории философии Джеймсу и Муру были уготованы в чём-то схожие роли. Оба стали основателями влиятельных англоязычных традиций философствования. Оба занимались психологией, правда, с разной степенью успеха. Оба внесли существенный вклад в метафизику свободы воли и в философию сознания. Что касается последней, то два важнейших термина, входящих в лексическое ядро современных философских исследований сознания, эпифеноменализм²⁹³ и супервентность²⁹⁴ приписываются, соответственно, Джеймсу и Муру. Парадоксально, но, вероятно, что Джеймс оказал несколько большее влияние на аналитическую философию сознания, чем Мур: идеи Джеймса о т.н. “mind-dust theory” считаются Дэвидом Чалмерсом предвосхищением современной проблемы комбинации²⁹⁵, а также существует несколько попыток прочтения психологических работ Джеймса в контексте нейрофилософии²⁹⁶. Иногда

²⁹³ Первым современным эпифеноменалистом считается Томас Хаксли, который, правда, эпифеноменалистом себя не называл, предпочитая для своей теории термин “автоматизм”. Общепринято, что медицинский, по тогдашнему узусу, термин “эпифеномен” впервые был применён по отношению к философскому автоматизму Ходжсона именно Джеймсом в главе “The Automaton Theory” “Принципов психологии” (1890) — James W. *The Principles of Psychology*. Vol. 1. New York: H. Holt and Company. 1890. P.128–129. Однако полезно осознавать, что термин “эпифеноменализм” был впервые использован одним из учителей Мура, Дж. Вардом в работе “Натурализм и агностицизм” (см. Ward J. *Naturalism and Agnosticism. The Gifford Lectures Delivered Before the University of Aberdeen in the Years 1896–1898*. Vol 2. London: Adam and Charles Black. 1906. P. 34). Кроме того, термин встречается у видного платоноведа и одного из поклонников Брэдли А. Тейлора (Taylor A. E. *Elements of metaphysics*. Second edition. New York: Macmillan. 1909. P. 813–833; оригинальное издание — 1903 год).

²⁹⁴ Вернее было бы сказать, что Мур имеет некое отношение к истории этого термина. Джон Сёрл пишет, что изначально термин “supervenience” использовался не в причинностном, как у него, Сёрла, смысле, а применялся в моральной философии для выражения идеи, что если два объекта различаются моральной ценностью, то должно быть что-то ещё, в чём они различаются (Searle J. *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book, The MIT Press. 2002. P. 125). Стоит отметить, что и в современной философии термин “supervenience” не обязательно означает причинные отношения. Более того, большинство авторов используют это понятие как раз затем, чтобы избежать необходимости обсуждать теорию причинности там, где можно было бы выразиться нейтрально. В противоположность им Сёрл принимает весьма определённый взгляд на причинность, утверждая, что теория причинности как регулярности есть одна большая нелепость, а настоящая причинность есть способность делать что-то случившимся (Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. New York: Cambridge University Press. 1983. P. 122–140). В качестве примера использования термина в моральной философии Сёрл приводит работы Мура и оксфордского философа Ричарда Хэара. В указанной работе Мура такого термина, однако, мы не встретим (Moore G. E. *The conception of intrinsic value* // Moore. G. E. *Philosophical Studies*. New York. Harcourt, Brace & Co. Inc. 1922. P. 253–275), а вот Хаар действительно его использует в указанном выше смысле (Hare R. M. *The Language of Morals*. Oxford: Clarendon Press. 1952. P. 145). Однако, как отмечает А. В. Кузнецов, в указанной статье “идея супервентных отношений выражается Муром довольно четко” (Кузнецов А.В. Проблема ментальной каузальности в аналитической философии сознания [Текст] : дис... кандидата философ. наук : 09.00.03 / Кузнецов А. В. М., 2016. С. 41).

²⁹⁵ David J. Chalmers *The Combination Problem for Panpsychism* / URL: consc.net/papers/combination.pdf (дата обращения 7.02.2017).

²⁹⁶ Neuroscience, Neurophilosophy and Pragmatism. Brains at Work with the World / T. Solymosi, J.R. Shook (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan. 2014; Pragmatist Neurophilosophy. American Philosophy and the Brain / T. Solymosi, J.R. Shook (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic. 2014.

“Принципы психологии” обсуждаются в связи с проблемой ментальной каузальности²⁹⁷.

Словом, у Мура и Джеймса есть немало точек притяжения и отталкивания. От этих общих характеристик перейдём к текстам Мура, связанным с прагматизмом. Прежде всего, Мур читал “Принципы психологии” и восхищался ими²⁹⁸. Но нас интересует не психология, а философия. Поэтому мы исследуем две статьи Мура. Первый текст, “Опровержение идеализма”, важен для нас в трёх отношениях: во-первых, в этом тексте Мур явным образом критикует Дж. Беркли, которого, как показано выше, прагматисты зачисляли в свой лагерь; во-вторых, текст направлен против тезиса “вселенная в каком-то смысле духовна”, с которым согласились бы и Джеймс, и Пирс; в-третьих, он атакует идеалистический довод, который мы выше приписали Пирсу, Брэдли и теперь может также смело атрибутировать и Джеймсу. Включение в настоящее исследование статьи “«Прагматизм» проф. Джеймса” уже в виду заголовка этого текста не нуждается в дополнительных обоснованиях.

“Опровержение идеализма”

Статья “Опровержение идеализма”²⁹⁹ считается самой радикально-реалистической статьёй Мура³⁰⁰. Именно в ней он придерживается тезиса, который вскоре после публикации статьи перестает его удовлетворять, о непосредственной данности сознанию материальных предметов. Переиздавая свою знаменитую работу в 1922 году, Мур писал, что по прошествии лет видит в ней немало ошибок, но всё же статья печатается без изменений, так как изменить её означало бы написать другую статью, а сторонники и критики Мура ссылаются именно на эту. Сказанное не означает, правда, что

²⁹⁷ Cooper W.E. James's Theory of Mental Causation // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1994. Vol. 30, №2. P. 349–370.

²⁹⁸ Moore G. E. An Autobiography / The Philosophy of G.E. Moore, Schilpp P.A. (Ed.) Evanston: Northwestern University Press. 1942. P. 29.

²⁹⁹ Moore G. E. The Refutation of Idealism // Mind. 1903. №12 (48). P. 433–453.

³⁰⁰ Борисова И.В. К публикации перевода статьи Дж. Э. Мура “Опровержение идеализма” //Историко-философский ежегодник. 1987. Из-во “Наука”. С. 246.

мы должны относиться к этой статье с пренебрежением, лишь как к переходному этапу развития муровской философии. Во-первых, вся она состоит из таких переходов. Во-вторых, её недостатки полностью компенсируются её достоинствами. Тезис, в ней защищаемый, не является явно контринтуитивным, как в случае с “Природой суждения”, и в то же время аргументация в его пользу не может быть рассмотрена как разочаровывающе-тривиальная как в случае с “Доказательством внешнего мира” и “Защитой здравого смысла”. Она не перегружена техническими нюансами и тактическими аргументативными маневрами как “Внешние и внутренние отношения”. Можно согласиться с тем, что исследуемая нами статья содержит некоторые положения, сформулированные без достаточной аргументации. Однако, как я постараюсь показать ниже, главный довод Мура может быть изложен без них, а значит, от них напрямую не зависит.

Автор статьи видит перед собой две мишени: философские идеи Дж. Беркли и Брэдли, классический и современный идеализм. Оба они согласны в том, что реальность в некотором смысле духовна, и основывают это убеждение на рассуждении, которое мы в настоящем исследовании называем идеалистическим доводом. Мур считает, что в основе этого довода лежит принцип “esse est percipi”. Без его истинности идеалистический довод оказывается лишь предположением. Поэтому Мур отказывается анализировать сам идеалистический тезис, а направляет свои доводы против тезиса “esse est percipi”. Он, полагает Мур, ложен. Если эту ложность можно было бы доказать, то вместе с тем была бы доказана и ложность всех без исключения идеалистических систем, а также сенсуализма и агностицизма. Это замечание весьма любопытно, так как показывает истинную цену характеристике аналитической философии как эмпиризма или позитивизма, однако оно слишком незначительно в текстологическом отношении, чтобы мы могли делать из него какие-то серьезные выводы.

Итак, идеализм основан на утверждении, что для любого Y , которое “esse”, верно, что оно же и “percipi”. Сам Мур тут рассуждает о

предципировании существования, возможность которого он доказывает в другой статье³⁰¹, однако такое описание идеализма напрямую не зависит от проблематичной и дискуссионной трактовки существования как реального предиката. Как, однако, следует понимать это утверждение? Следует ли нам сказать, что это просто номинальное определение, означающее, что слово “существовать” просто буквально значит “быть воспринимаемым”, также как “ругаться” означает “произносить бранные слова”? Это, однако, ничего не даёт нам в плане познания, ничего не проясняет, а только лишь устанавливает странную конвенцию, которая ничем, кроме семантического творчества идеалистов не поддерживается. Ясно, словом, что это значение анализируемой формулы не подходит.

Тогда можно предположить, что знаменитое суждение Беркли означает, что “percipi” входит в “esse” как часть его значения. Это значит, что из суждения “Y есть esse” аналитически выводимо, что “Y есть percipi”. Это значит, что в “esse” есть что-то ещё, некий X, который не тождественен “percipi”.

Не до конца, однако, ясно, как понимать это рассуждение Мура. Ясно, что речь не идёт об историческом факте того, что Беркли считал, что для духов существовать значит воспринимать. В данном случае, это выносится за скобки. Если этот второй смысл “esse есть percipi” — это понимание его как аналитического суждения, а приведённый выше вывод аналогичен выводу “из суждения «Y есть корова» логически следует, что «Y есть животное»”, то не ясно, почему Мур считает, что существует некий X, который является частью “esse”, но не является “percipi”, так как все коровы животные. Если мы понимаем отношение между существованием и воспринимаемостью теоретико-множественно, то ясно, что X есть то множество “esse минус percipi”, или множество всех животных, кроме коров, но не ясно, почему Мур считает, что из того, что Y реален, следует, что Y воспринимаем, так как из того, что Y есть животное, не следует, что Y есть корова.

³⁰¹ Moore G.E. Is Existence a Predicate? // Aristotelian Society Supplementary volume. 15. 1936. P. 154–188.

Мур, видимо, счёл, что “esse” представляет собой “органическое единство”, которое необходимой своей составляющей имеет “percipi”. Собственно, он сам заявляет именно такое толкование. Это значит, что аналогия с коровами и животными не работает. Мы должны понимать “esse есть percipi” не как аналитическое, а как необходимое синтетическое суждение.

Зачем же нам тогда, можно спросить, вводить этот X? Затем, чтобы избежать пустой тавтологии, и чтобы показать, что на деле мы имеем дело с двумя значениями “esse”: идеалистическим (esse-1) и обычным (esse-2). Esse-1 равно esse-2 плюс percipi.

Сам по себе этот анализ никак не показывает ложности берклианской формулы. Более того, он может показаться излишне техническим. Мур считает, что само по себе утверждение необходимой связи между esse-2 и percipi не является чем-то очевидно ложным. Именно на этом и играет идеалист. В самом деле, если существование некоего А всегда встречается вместе с воспринимаемостью этого А, то реалист, утверждающий, что А существует и без воспринимаемости, противоречит опыту. Реалист буквально противоречит сам себе: если $A=A'$, то тезис реалиста $A \& \text{не-}A'$ является противоречием в силу принципа подстановки. (Мур не рассуждает таким образом, но это является прямым следствием из того, что он на самом деле говорит) Таким образом, Муру нужен какой-то довод против отождествления А и А'. И он приводит его: если идеалист утверждает тождественность А и А', то это либо тавтология, либо нет, и второй способ означает, что в каком-то смысле А и А' различны. Идеалист, утверждая, что их не два, а одно, таким образом, ошибается³⁰².

³⁰² В таком виде этот довод звучит не слишком убедительно. Но достаточно расширить пример Мура. Представим, что мы видим стол. Согласно тезису идеалиста, стол = стол'. Мы отличаем стул от рядом стоящего стола, который тоже есть наше его восприятие. Но в чём отличие стула от стола? В нас этого отличия быть не может, так как мы никак не изменились. Значит, отличие в самих вещах, что предполагает их автономность от нас. Таким образом, мы обнаруживаем противоречие во взглядах идеалиста, который сначала утверждает, что $A=A'$, а потом вынужден сказать, что $A \neq A'$, т.е. стул не сводится к восприятию стула. Сам Мур не рассуждает в точности так, но такое рассуждение получается, если мы соединим его довод против отождествления существования и воспринимаемости с его дальнейшим рассмотрением вопроса о том, что ощущение синего отличается от ощущения зелёного.

Единственным способом, которым можно было бы спасти позицию идеалиста, считает Мур, это обратиться к гегелевскому тезису о различии тождественного: “В данном вопросе, как и в других, главная заслуга Гегеля перед философией состояла в том, что бы дать название и возвести в принцип тип заблуждения, к которому, как показал опыт, философы, наравне с остальной частью человечества, склонны. Неудивительно, что у него были последователи и поклонники”³⁰³. Таким образом, Мур не признаёт возможности утверждать нечто и отрицать утверждаемое в одном и том же отношении, как бы не назывался этот приём. Позитивный вывод, который из этого рассуждения делает Мур, состоит в требовании различать объект восприятия и само восприятие, или, если использовать его собственную терминологию, объект сознания (consciousness) и само сознание. Объект есть то, чем ощущения отличаются друг от друга. Сознание есть то общее, что есть во всех впечатлениях. Ощущение чего-то есть осведомлённость (awareness) о чём-то³⁰⁴. Однако ощущения словно бы прозрачны, вглядываясь в них, мы видим только лишь объекты сквозь них, словно бы перед нами пустота. Поэтому мы не можем сравнить между собой два ощущения — несколько осовременивая, можно сказать, что они невыразимы³⁰⁵.

Оценивая негативную часть статьи, нужно сказать, что приведённые в ней доводы могут считаться действительно работающими против идеализма Беркли и других авторов, верных принципу противоречия. Ясно, что Мур не оговаривает все детали своего довода и сегодняшние аналитические философы могли бы представить его куда аккуратнее и направить его на более исторически точное изложение имматериализма. Но всё же можно сказать, что берклианской основе идеализма и эмпиризма (а вместе с ними и

³⁰³ Op.cit. P. 443.

³⁰⁴ Термин “awareness” активно используется в современной философии сознания, особенно Н. Блоком в рассуждении о сознании доступа и феноменальном сознании. Я, однако, не берусь утверждать, что тут имеет место какая-то историческая преемственность.

³⁰⁵ Видимо, благодаря этим рассуждениям “Опровержение идеализма” иногда попадает в обзоры по проблеме квалиа. См. Tye M. Qualia // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Zalta E.N. (ed.), (URL — plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/qualia/ Дата обращения — 21.10. 2016).

прагматизма) брошен серьезный вызов. В меньшей степени, однако, эта критика попадает в того, в кого Мур, как представляется, действительно метил, а именно, в Брэдли. Дело в том, что последний считал мир явлений царством противоречия, и обнаружение противоречия в описании восприятия не ведёт для него к фатальным следствиям.

Первая статья, содержащая разбор “Опровержения идеализма” принадлежала Чарльзу Августу Стронгу, американскому философу и психологу, панпсихисту, который учился в Гарварде в 1880-х и испытал сильное влияние Джеймса и Дж. Сантаяны³⁰⁶. Стронг преподавал в двух университетах, которые традиционно ассоциируются с прагматизмом: в Чикагском и Колумбийском³⁰⁷. Стронг считает, что идеалисты должны быть благодарны Муру за то, что он лучше многих из них прояснил логические основания идеализма и следствия, которые вытекают из принятия этого учения. В целом, идеалист должен быть согласен с тем, что говорит Мур, особенно с суждениями, которые сам Мур считал достаточно абсурдными, чтобы кто-то мог с ними согласиться. Главное, что идеалист, соответственно, должен сделать — показать, что эти суждения не являются абсурдными.

Спросим себя, применимо ли рассуждение Мура к ментальным состояниям? Возьмём для примера боль. Можно ли сказать, что в этом случае мы тоже должны различать боль-объект и боль-ощущение? Кажется, теория Мура это предполагает. И это, говорит Стронг, не совсем неверно, так как мы действительно можем различать ощущение боли и осознание боли. Но важно, что это осознание есть работа мысли, а не чувства. Он опирается на теорию Джеймса о потоке сознания (или, как говорит Стронг, “поезда опыта, который конституирует мой ум”), из которой следует невозможность одновременного ощущения и осознания ощущения, ведь такое просто не дано нам в самонаблюдении. Сознания, о котором говорит Мур, т.е.

³⁰⁶Strong C.A. *Why the mind has a body*. New York, Macmillan; London, Macmillan & Co. 1903. P.vi–vii.

³⁰⁷Strong C.A. *Has Mr. Moore refuted idealism?* // *Mind*. 1905. Vol. 14. № 54. P.174–189. Другой американский отклик см. Perry R.B. *Moore on the refutation of Idealism* // *The Journal of Philosophy, psychology and scientific methods*. Vol I. No.3. 1904. P. 76–77.

сознания, существующего вместе со своим объектом, не существует. Тут Стронг ссылается на знаменитую статью Джеймса “Существует ли сознание”. Иными словами, мы можем утверждать, что объекты тождественны ощущению объектов, но не тождественны осознанию этого ощущения. Объекты и их ощущения не различаются уже потому, что такое различие предполагает субъект-объектное отношение, а таковое возникает только на уровне мышления, а не чувства. Идеализм защищён.

Доводы Стронга основаны на анализе опыта, на интроспекции; он рассматривает вопрос “с психологической точки зрения”³⁰⁸, в то время как Мур основывает свои доводы на законах логики. Мур не отрицает, что во внутреннем опыте мы не можем отследить разницу синего и ощущения синего, но доводы говорят нам, что они различны³⁰⁹. Не очень ясно также, почему для различия ощущения и его объекта необходимо субъект-объектное отношение.

Другой отклик на статью Мура мы находим уже у английского автора, идеалиста Гарольда Йоахима, в его книге “*Essay on the Nature of Truth*”, опубликованной в 1906 году. Мур упоминается в ней в связи с Расселом. Йоахим пишет, что Рассел в “*Философии Лейбница*”, “*Принципах математики*” и некоторых статьях в “*Mind*” пропагандирует некую “Новую Философию”, при этом ссылаясь на Мура как на её источник. Однако в “*Principia Ethica*” и муровских статьях Йоахим не обнаруживает ни новой логики, ни новой метафизики³¹⁰. Однако он всё же разбирает теорию, согласно которой ощущение даёт нам прямой доступ к реальности, правда, на материале введения в “*Принципы математики*” и статей Рассела против теории А. Мейнонга. Об “Опровержении идеализма” Йоахим говорит в связи отмежеванием собственной теории от субъективного идеализма³¹¹. Он

³⁰⁸Strong C.A. Op.cit. P. 179.

³⁰⁹ Кажется, что нет большой заслуги в том, чтобы обнаружить, что всё, с чем мы имеем дело, есть то, с чем мы имеем дело, и всегда, когда мы имеем с чем-то дело, оно таково, что мы имеем с ним дело. Из этого, однако, ещё нельзя сделать вывод, что наши дела с этим чем-то составляют суть этого чего-то. А именно этот переход совершается в идеалистическом доводе.

³¹⁰ Joachim H. *The Nature of Truth*. 1906. Oxford: Clarendon Press. P. 32

³¹¹ Joachim H. Op. cit. P. 61–62.

сравнивает доводы Мура с теми упреками Спинозе в том, что лампы и стулья не имеют духовных частей. Таким образом, главный довод Йоахима направлен против сведения всего идеализма к тезису “esse est percipi”.

Рассел и Мур написали отзывы на книгу Йоахима³¹². Для наших целей полезно обратиться к заметке Мура, в которой он приводит три суждения, которые они с Расселом рассматривают как истинные, и с которыми, как ему кажется, должен не согласиться Йоахим, либо признать, что он выбрал очень запутывающий способ выражения.

1. Некоторые факты таковы, что они никогда не были и никогда не будут частью чего-то опыта.
2. Некоторые факты, которые иногда составляют части нашего опыта, таковы, каковы они есть, не только в то время, когда они составляют часть нашего опыта. То же касается и истин относительно этих фактов.
3. Тот же самый факт может быть частью моего опыта в какой-то момент времени, потом перестать быть частью моего опыта, а потом снова стать его частью, как и частью опыта кого-то ещё, и всё же оставаться тем же самым фактом³¹³.

Любопытно, что в своём ответе на эту статью Мура Йоахим признал верным такую характеристику своего учения, что редко бывает в философских дискуссиях. Правда, он сделал несколько оговорок. Во-первых, Йоахим не считает, что Мур и Рассел используют запутывающую манеру выражения — скорее, они вообще никакую не используют. Йоахим сетует на то, что Рассел ссылается на Мура, который не изложил свои взгляды систематическим образом, и вообще не очень ясно, в чём состоит его пресловутый реализм. Йоахим отмечает, что будет с нетерпением и тревогой

³¹² Russell B. The nature of truth // *Mind*. 1906. XV (60). P. 528–533; Russell B. On the Nature of Truth Bertrand Russell // *Proceedings of the Aristotelian Society New Series*, Vol. 7. 1906–1907. P. 28–49; Moore G.E. Mr. Joachim's nature of truth // *Mind* (1907) XVI (62). P. 229–235; Taylor A.E. Truth and consequences // *Mind*. 1906. XV (57). P. 81–93; Ответ: Joachim H. A Reply to Mr. Moore // *Mind*. 1907. XVI (63). P. 410–415. См. также Griffin G. Bertrand Russell and Harold Joachim // *Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies*. N.S. 27. 2007–2008. P. 220–244.

³¹³ Moore G.E. Mr. Joachim's nature of truth // *Mind* (1907) XVI (62). P. 231.

ждать этого изложения. Это, следует признать, довольно верное замечание. Конечно, на тот момент Мур написал уже несколько “реалистических” статей, но нельзя сказать, что в них была представлена хоть сколько-то полная и исчерпывающая аргументация в пользу тех тезисов, на которых Рассел хотел возвести величественный дворец новой философии. Нужно сказать, что Мур так и не создал никакого метафизического трактата, но всё же “Некоторые главные проблемы философии” могут считаться своего рода компендиумом взглядов Мура, во всяком случае, начала второго десятилетия двадцатого века³¹⁴. Во-вторых, Йоахим отмечает, что не согласен с одной из сторон муровского метода, а именно, с тем, что Мур задаёт вопросы, требующие своим ответом либо “да”, либо “нет”. Йоахим считает, что метафизика имеет дело с куда более тонкими материями, и мышление в такого рода оппозициях должно быть признано неаккуратным. В-третьих, он приводит довод против понятия “внешнее отношение”, считая его внутренне противоречивым, вроде понятия “круглый квадрат” или “злая добродетель”. Если отношение действительно объединяет свои реляты и вместо двух получается одно, то реляты, по определению, не являются чем-то независимым от отношения. Если же отношение действительно является внешним, то к двум релятам просто добавляется третий³¹⁵.

Публикация книги Йоахима вызвала обширную дискуссию на страницах английских философских журналов. Параллельно длилась дискуссия, касающаяся разных сторон системы Брэдли и идеализма в целом, и обсуждение прагматизма. Можно сказать, что эти три темы — идеализм, прагматизм и истина — в это время слились в одну. В обсуждении, кроме

³¹⁴ Moore G.E. *Some Main Problems of Philosophy*. London, New York: George Allen & Unwin Ltd., The Macmillan Company. 1953.

³¹⁵ Мур отвечает на такого рода возражения в статье Moore G.E. *External and Internal Relations* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1919–1920. Vol. 20. P. 40–62. В современной историографии ранней аналитической философии наметилась тенденция пересматривать результаты “бунта против идеализма” в пользу Брэдли и его сторонников. Одним из доводов адептов такого ревизионистского подхода состоит в том, что Брэдли на самом деле и в противоположность тому, что писали Мур и Рассел, никогда не был врагом внешних отношений и сторонником внутренних (См. Candlish S. *The Russell/Bradley Dispute and its Significance for Twentieth Century*. New York, Macmillan Palgrave. 2007. 141–174). И если относительно Брэдли с таким взглядом можно согласиться, то случай Йоахима ясно показывает, что основатели аналитической философии не изобретали себе удобного виртуального врага, а спорили с заявленной в поле дискуссий позицией.

наших основных героев, участвовали сам Брэдли, А. Э. Тейлор, Шиллер, Мактаггарт. Нас, однако, интересует только часть этой обширной дискуссии, та часть, которая связана с полемикой отцов-основателей аналитической философии и Джеймса.

Критические аргументы Мура представлены главным образом в статье ««Прагматизм» профессора Джеймса»³¹⁶. Джеймс выступил против идеи истины как соответствия идей реальности благодаря копированию первыми последней, а Мур атакует разные версии необходимой связи между истинностью некоего мнения и его полезностью, а также то, что истина необходимо связана с возможностью эту истину установить. Последний тезис важен для защиты реализма как от прагматизма, так и от абсолютного идеализма³¹⁷.

Стоит сказать, что именно этот текст показывает тот скептический ум, о котором говорил Дж. Вард, один из муровских наставников³¹⁸. В своей критике Мур использует три основных приёма: поиск внутритекстуальных противоречий, анализ возможных значений критикуемого философского тезиса и контрпримеры из обыденной жизни. Применение первого приёма мы уже видели при разборе статьи «Природа суждения», со вторым мы познакомились, анализируя статью «Опровержение идеализма», а с третьим

³¹⁶ Moore G.E. Professor James' Pragmatism // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1907–1908. Vol. 8. P. 33–77.

³¹⁷ В одном из самых известных мест «Прагматизма» Джеймс пишет: «Из каждого слова вы должны извлечь его наличную стоимость (practical cash-value)». (Джеймс. Цит. соч. С. 38). Гегель в знаменитом пассаже из «Феноменологии духа» писал «...истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде, и в таком же виде спрятана в карман». (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект. 2008. С. 60). Я, конечно, не утверждаю, что Джеймс здесь перефразирует Гегеля, в конце концов, сам абсолютный идеалист заимствует это выражение из «Натана Мудрого» Г.-Э. Лессинга, да и метафора истины как денег встречается в сочинениях философов по крайней мере со времен Гераклита (22 DK; см. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука. 2014. С. 153, 295, 323), однако в данном случае, мне кажется, у нас есть некоторые основания подозревать текстологическую связь, хотя бы потому, что в «Плюралистической Вселенной» Джеймс разбирает учение Гегеля, тем самым обнаруживая свое знакомство во всяком случае с «Малой Логикой».

³¹⁸ «Вард, хотя он и поддерживал моё избрание в члены [колледжа], не был мной доволен. Когда я пришёл к нему после избрания, он сказал, что считает меня слишком скептическим, и что я, кажется, ищу дыры в общепринятых взглядах с удовольствием и гордостью, и это ему не нравится. В этом отношении он сравнил меня с Юмом» (Moore G.E. An Autobiography // The Philosophy of G.E. Moore. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942. P. 22) Нужно сказать, что в это время великий шотландец имел дурную репутацию радикального скептика, а оценка его творчества во многом была определена введением, которое Т. Грин написал к изданию «Трактата о человеческой природе», вышедшему в 1874 году.

мы пока ещё не сталкивались, хотя именно он принес Муру славу философа здравого смысла и обыденного языка.

Статья состоит из трех частей, и среди муровских сочинений имеет самую последовательную и сбалансированную структуру. Сначала Мур разбирает тезис о связи истины с полезностью (utility); потом переходит к доводам Джеймса против того, что истина есть нечто статичное и неизменное; и статья завершается рассмотрением вопроса о том, являются ли истины рукотворными (man-made products). Объектом анализа является, прежде всего, вышедшие в 1907 году лекции Джеймса “Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления”, в особенности лекции 2, 6 и 7, т.е. “Что такое прагматизм”, “Прагматизм и его концепция истины” и “Прагматизм и гуманизм”, посвящённая разбору взглядов Ф. К. С. Шиллера. Я не буду воспроизводить размышления Мура во всех подробностях, сосредоточившись, как я делал выше, на аргументах.

Мур считает, что Джеймс хочет предложить способ отличать истинные суждения от ложных, и способ этот состоит в том, что истинные суждения³¹⁹ “окупаются” (“pay”), а ложные — нет. Наиболее естественный способ понимать это, как кажется Муру, состоит в том, что каждое истинное суждение окупается по крайней мере однажды, и каждое суждение, которое окупается по крайней мере однажды, истинно. Ниже мы разберём доводы, которые Мур приводит против этих двух тезисов. Однако Мур видит ещё один смысл “окупаемости” — окупаемость в конечном счёте или в долгосрочной перспективе (“in long run”). И возможно, считает Мур, что все суждения, которые окупаются в конечном счете, истинны, но безусловно ложно, что все истинные суждения окупаются в конечном счете, если под этим имеется в виду, что они окупаются хотя бы однажды³²⁰.

Чтобы защитить свою точку зрения, Мур выдвигает несколько доводов против прагматической теории истины, но мы остановимся на двух

³¹⁹ Мур, вслед за Джеймсом, говорит об “идеях”, но, судя по примерам, речь, конечно, идёт о суждениях.

³²⁰ Moore G.E. Professor James' Pragmatism. P. 56.

“карточных” примерах и доводе, основанном на случае с книгой на полке, так как они представляют собой хорошие экземпляры аргументативного стиля основателя аналитической философии. Не менее важны и его доводы, касающиеся религии, так как для Джеймса очень важно, что прагматическую теорию истины можно использовать для обоснования эпистемологической валидности религиозного чувства.

Первый из “карточных” аргументов, “аргумент семерки бубнов”, направлен против тезиса, гласящего, что мы можем верифицировать все наши истинные суждения. Мы очень часто сомневаемся относительно событий прошлого: произошли или нет. Плохой игрок в вист обычно не замечает всех карт в игре. И в конце кона может оказаться так, что он или она не помнит, была ли у него или неё семерка бубей. И после того, как кон закончился и карты перемешаны, мы можем поставить вопрос: была ли у него или неё семерка бубей? Ясно, что ответ на этот вопрос может быть либо “да, была”, либо “нет, не было”. Что если мы не имеем возможности положиться на память игроков, например, прошла неделя или более с момента окончания игры? В таком случае, считает Мур, мы точно не можем проверить суждение “у него была семерка бубей”, даже если это суждение на самом деле является истинным³²¹.

Второй “карточный” пример направлен на разрушение связи истины и полезности. Мур предлагает нам теперь посмотреть не на лицо карты, а на рубашку, и задаться праздным вопросом: а сколько на ней нарисовано точек (представим, что там узор из множества точек)? Ясно, что в большинстве случаев ответ на этот вопрос будет совершенно бесполезен. Но это не значит, что ответ, скажем, “69 точек” не может быть определён по истинности³²².

Довод, основанный на примере с книгой, направлен против одного из возможных значений слов “в конечном счете”. Мур предполагает, что это может значить “несколько раз”. На это Мур отвечает, что существует

³²¹ Moore G.E. Op. cit. P. 37.

³²² Moore G.E. Op. cit. P. 45–46.

множество убеждений, которые могут быть полезны лишь однажды. Например, у Мура было истинное убеждение, что конкретная книга стоит на конкретной полке в 10.15 вечера 21 декабря 1907 года. Это убеждение отлично послужит ему в это время, и больше никогда не потребуется.³²³

Следующий довод Мура направлен на тезис “всё суждения, полезные в долгосрочной перспективе, истинны”. Мур пишет, что оно может быть истинным, но Джеймс не привёл для этого достаточных доводов. Кроме того, мы можем высказывать сомнения относительно этого тезиса: многие религиозные верования, такие как убеждения в существовании вечного ада, существовании Бога, счастливой жизни после смерти, были полезны для жизненных траекторий миллионов людей, но делает ли это их истинными? Может ли нечто ложное быть полезным в долгосрочной перспективе? Мур считает, что это вполне возможно. Примером этого может считаться дезинформация вражеской армии в ходе войны³²⁴. Или, например, из-за того, что ваши часы опаздывали, вы не успели на поезд, который, как потом выяснится, попал в аварию. Так, ложное суждение о времени может быть полезным³²⁵.

Важно обратить внимание на то, что Мур согласен считать, что многие из истинных суждений полезны и многие из полезных суждений истинны, но он не согласен считать, что все истинные суждения полезны, а все полезные суждения истинны.

Мур также обнаруживает текстологическое противоречие в тексте Джеймса. Джеймс сначала говорит, что истинно то, что полезно в конечном счете, из чего следует, по Муру, что то, что полезно только в короткой перспективе, не является истинным. А затем он утверждает, что некое мнение (*belief*) является истинным до тех пор, пока оно полезно, из чего

³²³ Moore G.E. *Op. cit.* P. 52–56. Такое понимание истины близко к определению истинного суждения как суждения, обладающего свойством неотменяемости или неоспоримости (“*indefeasibility*”), так как оно никогда нас не разочарует (6.485), определению, которое, как мы видели, Ш. Мисак и К. Хуквей считают ключевым для пирсовского понимания истины. Таким образом, мы можем с некоторым презентизмом считать этот пассаж также критикой одной из версий теории истины Пирса.

³²⁴ Moore G.E. *Op. cit.* P. 47, 54, 58.

³²⁵ Moore G.E. *Op. cit.* P. 48.

следует, что полезное в короткой перспективе всё же является истинным, хоть и недолго³²⁶.

Другая текстологическая неточность, обнаруженная Муром в “Прагматизме”, касается тезиса о подвижности и изменчивости истины, из которого буквально следует, что любое суждение может изменить своё истинностное значение. Однако в одном месте Джеймс прямо говорит, что суждения, включающие в себя чистые идеи, например, суждения арифметики, относятся к особой абсолютной и безусловной сфере³²⁷. Это, в целом, понятное исключение никак не объясняется Джеймсом, что позволяет Муру указывать на непоследовательность³²⁸.

Против самого тезиса об изменчивости истины Мур выдвигает тезис, гласящий, что нечто истинное, истинно всегда. Он согласен с тем, что мир изменчив, и что он, вероятно, мог бы быть лучше. Мур считает, что в этом вопросе Джеймс мог бы быть его союзником в борьбе против тех, кто отрицает реальность времени. Мур согласен, что сами идеи, или суждения, могут меняться, но только не истины, которые они выражают. Языковые выражения могут отсылать к разным истинам в разные моменты времени, но из этого не следует, что сами истины меняются³²⁹.

Относительно тезиса, гласящего, что “наши истины рукотворны (man-made products)” Мур замечает, что тогда и ложные суждения рукотворны, и никакой *differentia specifica* истинных суждений нами таким образом не устанавливается³³⁰. Он готов согласиться с общим тезисом, что все наши истинные убеждения, как и все другие ментальные состояния, зависят от предыдущих состояний сознания, т.е. от памяти. Но Джеймс, как кажется Муру, хочет сказать куда больше, что мы буквально делаем наши суждения истинными. Конечно, мы выносим суждения и имеем мнения, но из этого не следует, что мы делаем их истинными. Например, я думаю, что завтра будет

³²⁶ Moore G.E. Op. cit. P. 53.

³²⁷ Джеймс. Цит. соч. 128.

³²⁸ Moore G.E. Op. cit. P. 62.

³²⁹ Moore G.E. Op. cit. P. 66.

³³⁰ Moore G.E. Op. cit. P. 70.

дождь. Я вынес это суждение, но ясно, что я не играю никакой роли в том, чтобы оно стало истинным. Конечно, иногда я играю, замечает Мур, такую роль. Например, секретарь журнала мог быть уверен, что статья ««Прагматизм» профессора Джеймса» будет дописана, и Мур сделал это убеждение истинным, дописав статью³³¹.

Джеймс мог бы спросить Мура: а какое практическое значение имеет вопрос о семерке бубнов или точках на рубашке карты? Если никакого, то он и не имеет отношения к познанию. Познание начинается с какого-то беспокойства, какого-то сомнения, удовлетворение которого и есть дело науки. Так, например, можно ввести в оба «карточных» случая шулера и представить, что нам нужно доказать факт мошенничества. Мы знаем, что, если у него была бубновая семерка после того, как аналогичная карта ушла «в сброс», то он мошенничал. Или мы хотим определить меченные, краплёные карты, и тогда нас может интересовать узор на рубашке. Мур мог бы ответить, что он не отрицает возможности такого рода модификаций ситуации, но всё же верно, что есть вопросы, на которые мы никогда не узнаем ответа, суждения, которые нельзя проверить, знания, которые не несут в себе пользы, но всё же они однозначно являются либо истинными, либо ложными, и это не зависит от их полезности. Тогда гибель прагматизма от игральных карт похожа на гибель средней онтологии Платона от «волос, грязи, сора и всякой другой не заслуживающей внимания дряни» (Parmenides 130c). Джеймс мог бы атаковать пример с книгой, утверждая, что представимы ситуации, когда это убеждение ещё раз сослужит Муру хорошую службу, например, если потом он потеряет книгу и будет мысленно восстанавливать, когда он в последний раз её видел. Истинность этого суждения позволит Муру положиться на него и не испытать разочарования.

Насколько мне известно, современные Муру прагматисты не дали никакого ответа на эту статью. Джеймс знал, вероятно, об этой критике³³², но

³³¹ Moore G.E. Op. cit. P. 74.

³³² James W. The meaning of truth: a sequel to 'Pragmatism'. London Longmans, Green. 1909. P. xix, 282.

не удостоил её специальным ответом. Современные исследователи тоже не часто обращаются к этому ясному и действительно опасному для прагматической эпистемологии тексту³³³. Если историкам, специализирующимся на прагматической традиции может быть просто неудобно или неловко говорить о тексте, содержащем столь удачную критику оснований этой традиции, то причины невнимания со стороны историков аналитической философии для меня менее ясны.

Исключение составляет статья Тимоти Спригге (Sprigge), современного идеалиста, панпсихиста, ученика А. Айера. Спригге отмечает, что критика Мура, а также его остроты создали Джеймсу славу “легковесного философа”³³⁴. Он считает, что Джеймс имел столь же мало уважения к Муру, сколько Мур имел к Джеймсу³³⁵. Он указывает на то, что в предисловии к “Значению истины” Джеймс перечисляет Мура в числе авторов (в это число входит также и Мактаггарт), неспособных понять тезис, который они берутся опровергнуть. Характерно, что Рассел в этом перечислении не упомянут. Спригге также указывает, что прагматическое определение истины было создано в пику доказательству бытия Бога “от ошибки”, созданному Дж. Ройсом, и опиравшееся как раз на теорию истины как соответствия. Не зная этого, ранние аналитические философы оказались не на высоте замысла Джеймса. На это можно ответить, что прагматическое определение истины связано не только с реакцией Джеймса на абсолютный прагматизм, а является, прежде всего, вариацией на темы философии Пирса, сформулированные до первых публикаций Ройса. Но даже если бы это было

³³³ См, например, например, Misak C. *The American Pragmatists*. Oxford University Press. 2013. P. 101.

³³⁴ Спригге приводит в пример колкость: “если идея, что профессор Джеймс существует и имеет определённые мысли, была полезной, то эта идея была бы истинной, даже если такого человека, как профессор Джеймс, никогда не существовало” (Moore G.E. *Op. cit.* P. 60). Можно привести и другие похожие места, например: “если [я делаю истины истинными], то я, конечно, должен приложить руку и к Французской революции, и к рождению моего отца, и к тому, что профессор Джеймс написал книгу” (Moore G.E. *Op. cit.* P. 74). Не думаю, что это можно считать колкостью, скорее остроумием, которое кое-где блистает в сухом аналитическом тексте Мура. Это замечание заставляет, однако, задуматься о роли иронии в философской полемике. Так, мы практически нигде не находим прямой критики Гегеля в трудах Рассела и Мура, более того, последний, по собственному признанию, почти не читал его, но шутку Рассела про то, что в силу закона исключенного третьего нынешний король Франции либо лыс, либо не лыс, хотя гегельянцы, обожающий синтезы, могли бы сказать, что он носит парик, знает любой аналитический философ.

³³⁵ Sprigge T. James, aboutness, and his British critics // *The Cambridge Companion to William James* (Ed. Putnam R.A.). Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 130.

так, то это не отменяло бы критику Мура. Думаю, если бы он знал об идеях Ройса, то счёл бы их опровергнутыми в “Опровержении идеализма”.

Размышляя о теории Джеймса и доводах Мура, мы оказываемся перед выбором: прагматическая эпистемология описывает, как мы действительно познаём, а Мур указывает на то, что мы познаём, и каким свойствами оно обладает. Джеймс опирается на опыт научного исследования, Мур — на закон исключённого третьего. Джеймс мог бы спросить Мура: а почему мы так уверены в этом законе? Для нас, прагматистов, мог бы сказать Джеймс, законы логики есть сердце тех старых убеждений, с которыми мы сверяем все новые. Поэтому законы логики истинны, и верно, что семерка бубнов либо была, либо нет. Мур бы, не уделявший достаточно внимания вопросу о природе логического, мог бы обратиться к Расселу, и если бы он это сделал, то спор бы преобразовался в дилемму психологизма и платонизма. Более подробный разбор этого вопроса выводит нас за пределы историко-философского исследования в чистый концептуальный анализ. Коль скоро Рассел в его отношении к Джеймсу уже упоминался, самое время перейти к рассмотрению их взаимодействий, как личных, так и философских.

2.2. Геометрия, психология и истина: дискуссии Б. Рассела и У. Джеймса

2.2.1. Рассел и Джеймс в XIX веке

Элизабет Эймс в работе “Рассел в диалоге со своими современниками” приводит любопытную диаграмму, на которой отмечены даты начала и конца философских отношений Рассела с тем или иным визави. Она датирует начало “диалога” с Джеймсом 1890 годом, а конец, случившийся в 1922 году, отмечает пунктиром, так как Джеймс умер в 1909 году³³⁶.

В действительности, интерес Рассела к Джеймсу не утихал на протяжении всей его философской карьеры. Джеймс же, профессионально занимавшийся философией только на рубеже XIX и XX веков, не обращал на

³³⁶ Eames E.R. Bertrand Russell's Dialogue With His Contemporaries. Carbondale: Southern Illinois University Press. 1989.

молодого английского автора особенного внимания, хотя и принимал его, как мы видели выше, в своём доме, и впоследствии, как мы ещё увидим, однажды кратко ответил ему на критику. Состояли они и в переписке.

Относительно визита Рассела и его первой жены Алис Смит к Джеймсам мы знаем немного. Монк приводит странное обстоятельство, сопровождавшее этот визит: в ответ на письмо Рассела с просьбой принять их, супруга Джеймса, Элис, написала в ответ, что они будут “очень рады”, а потом вычеркнула почему-то слово “очень”³³⁷. О содержании этой беседы нам известно мало, но, учитывая, что в дальнейшем Джеймс писал Расселу письма, британец произвёл хорошее впечатление. Правда, нет никаких оснований предполагать, что беседа имела философский характер: этого не требовали правила хорошего тона, да и Рассел в то время куда больше разбирался в математике, чем в философии. Линда Симонс, биограф Джеймса, предполагает, что прагматист мог видеть в Расселе союзника по плюрализму и борьбе против абсолютного идеализма³³⁸. Она также указывает (на основе письма Рассела Джеймсу), что первый считал корнем их разногласий относительно религии разные требования, предъявляемые к Богу: Джеймс, согласно Расселу, хочет лишь такого Бога, которого можно любить, а Рассел хотел, прежде всего, иметь возможность уважать Творца всего сущего.

Войдя в 1896 году в дом Джеймса, Рассел прекрасно отдавал себе отчёт в том, с кем имеет дело. Он хорошо знал “Принципы психологии” и восхищался ими. В 1894 году мы застаём его в Париже, штудирующим этот труд. В Париже Рассел оказался в качестве почётного атташе в посольстве Великобритании и по воле своей бабушки, стремившейся предотвратить свадьбу наследника древнего рода и простой американки, Алис Смит, бывшей к тому же, на пять лет его старше. Кроме того, леди Рассел сообщила своему внуку о том, в роду Расселов было много людей, страдающих

³³⁷ Monk R. Bertrand Russell. The Spirit of Solitude. 1872–1921. The Free Press. 1996. P. 113.

³³⁸ Simon L. Genuine Reality: A Life of William James. 1998. P. 372.

душевными заболеваниями, и то же верно для семейства Смит, так что рассчитывать на здоровое потомство не приходится. Рассел был возмущен и обеспокоен. Франсис Бреннан и Николас Гриффин отмечают, что весьма маловероятно, что молодой человек, оказавшись в таких обстоятельствах, и читая при этом “Принципы психологии” не имел бы в этом деле, кроме научного, также и личного мотива³³⁹. Вряд ли, однако, этот последний был ведущим.

Исследователям доступен его личный экземпляр этой книги, весь покрытый карандашными пометами (всего их 450). Рассел пользовался двухтомником английского издания 1891 года. Во втором томе пометок больше, чем в первом. Судя по маргиналиям, более всего Рассела, работавшего в то время над своей диссертацией по геометрии, интересовали главы “Восприятие пространства” и “Необходимые истины и действия опыта”.

Большинство заметок не представляют для нас особенного интереса. Это вполне обычные рабочие пометки: “Цитировать”, “Важно”, “!!!”. Американизмы Джеймса помечены как “Янки!”. В одном месте, в котором Джеймс приводит большую цитату из книги Г. Х. Шнайдера “Der Menschliche Wille”, Рассел пишет: “Очень по-немецки!”. Находим мы среди них и личные признания. Рассел пишет о том, что он относит себя к аудиальному типу личности, представители которого не могут думать иначе, чем в словах, а чтобы вспомнить что-то, представляют, как они это проговаривают. Такие люди, по заверению Джеймса, не могут сформировать простейшего ментального образа, мысля исключительно вербально. В его дневнике в записи от 6 октября 1894 года читаем, что “Принципы психологии” убедили его в том, что артистический ум (mind) есть ум неразумный (non-intellectual), в то время как “помнящий ум” (remembering

³³⁹ Brennan F., Griffin N. Russell's marginalia in his copy of William James Principles of Psychology // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archive. N.S. 17. 1997–1998. P.123–170.

mind) более разумен. Затем он, однако, отмечает, что это различие привлекательно, но, вероятно, ложно или ошибочно.

Заметки обнаруживают круг чтения Рассела по философии в этот период: Брэдли, Карл Штумпф, один из кембриджских учителей Рассела психолог и философ Джордж Стаут, идеалист Томас Грин. Отдельные заметки наводят на мысль, что Рассел знаком со некоторыми деталями аргументации “Критики чистого разума”. В этот ранний период Рассел придерживается, в общем и целом, не очень определённых идеалистических взглядов. В вопросах, в которых Джеймс расходится с Брэдли, в том числе в упомянутом выше вопросе о природе сходства и тождества, Рассел принимает сторону Брэдли.

Работа с текстом американского психолога не прошла для Рассела бесследно: ссылки на “Принципы психологии” мы находим в “Опыте об основаниях геометрии”³⁴⁰, а также в статье “A priori в геометрии”³⁴¹, представляющей собой фрагмент, опубликованный вперед самого “Опыта...”. Последний представляет собой переработанный вариант ныне утерянной диссертации Рассела³⁴². Ещё в 1895 году у Рассела созрел план публикаций, который теперь называют тиргартеновской программой³⁴³. Рассел мыслил её как своего рода аналог гегелевского проекта системы, включающей в себя все науки, и, следовательно, выражающий собою всю полноту истины. По замыслу Рассела, система должна была состоять из двух серий книг: от чистой математики до психологии и серию, посвящённую социальным проблемам. Это значит, что ранний идеализм Рассела был скорее связан с идеализмом Мактаггарта, чем идеализмом Брэдли, так как Брэдли считал Абсолют невыразимым в суждениях и понятиях, а доступных только мистическому взгляду. “Опыт” должен был быть первым шагом в осуществлении этой программы. Во многом неудовлетворённость этой

³⁴⁰ Russell B. *An Essay on the Foundations of Geometry*. Cambridge: Cambridge University Press. 1897. P. 158, 170.

³⁴¹ Russell B. *The A Priori in Geometry* // *The Proceedings of the Aristotelian Society*. 3, No. 2. 1895–1896. P.97–112.

³⁴² Richards J.L. *Bertrand Russell's "Essay on the Foundation of geometry the Cambridge mathematical tradition* // *The Journal of Bertrand Russell Studies*. 1988. Vol. 8. P. 76.

³⁴³ Griffin N. *The Tiergarten Programme* // *The Journal of Bertrand Russell Studies*. 1988. Vol. 8. P. 19–34.

работой послужила причиной отхода Рассела от идеализма, произошедшего в 1898 году. Впоследствии он отзывался о своей диссертации как о проекте, который, за исключением некоторых деталей, был полностью провальным³⁴⁴. Другой причиной изменений его взглядов было изучение теории Эйнштейна.

Общий замысел диссертации состоял в защите необходимости и априорности математики от тех учёных, которые после открытия неевклидовых геометрий объявили свою науку произвольной и эмпирической. Так, Рассел обсуждает аксиомы метрической геометрии, в частности аксиому свободного перемещения (Axiom of Free Mobility), состоящую в том, что пространственные величины можно перемещать из одного места в пространстве в другое без искажения, или, иначе говоря, в том, что фигуры ни в каком смысле не зависят от своей абсолютной позиции в пространстве³⁴⁵. Другое название этой аксиомы — аксиома конгруэнтности. Согласно аксиоме евклидовой геометрии фигуры называются равными, если они совпадают. Но это, отмечает Рассел, достаточный критерий равенства только для тех величин, которые уже занимают одно и то же пространство. Поэтому нужно добавить “при наложении”, а это значит принять аксиому свободного перемещения. Но почему мы должны считать это положение аксиомой? В самом деле, что гарантирует нам, что при перемещении по чертежу фигура никак не деформируется? Мы повсеместно наблюдаем такую деформацию физических тел. На это Рассел возражает, что в случае изменения тел, действует не само по себе пространство, а физические причины: изменения в температуре, в давлении и т.д. Ясно, что если сдвинуть кусок льда поближе к костру, то он начнёт деформироваться, но точно такие же изменения произойдут с ним и в том случае, если мы, не двигая лед, поднимем возле него температуру. Геометр работает с чистым пространством, которое само по себе не может быть действующей причиной изменения фигуры. Поэтому в пространстве нет абсолютной позиции. Ясно,

³⁴⁴ Russell B. My philosophical development. London and New York: Routledge. 1995. P. 31.

³⁴⁵ Russell. An Essay on the Foundations of Geometry. P. 150.

однако, что треугольник, нарисованный на экваторе яйца, не может быть перемещен на, скажем, острый конец этого яйца без изменений. Поверхность яйца, таким образом, имеет две абсолютные позиции, два конца, которые определяются не вещами, которые их занимают, а эффектами, которые они оказывают на любую занимающую их вещь. Но требования существования такого абсолюта для геометрического пространства кажутся Расселу просто абсурдом.

(Заметим, что уже одно только это не совместимо с доктриной внутренних отношений, понятой в сильном смысле. Если у нас есть квадрат со стороной a , и квадрат со стороной $2a$, то площадь первого квадрата будет составлять $\frac{1}{4}$ площади второго. Это отношение является внешним по отношению ко всем другим фигурам на плоскости, а также к координатам самих квадратов. Рассел, впрочем, ещё не делает такого вывода, хотя в будущем он скажет, что его отход от идеализма столь же связан с тем, что идеализм не подходит для математики, сколь и с критикой, которую обрушил на идеализм Мур)

Но, быть может, дело не в различии физического и геометрического пространства, и мы можем по своей воли построить такую геометрию, в которой пространство всё же не было бы гомогенным. Предположим, длина некоего отрезка в некоей стандартной позиции — ds . Тогда в некоей позиции p длина отрезка будет равна $ds \cdot f(p)$, где $f(p)$ есть некая уже известная нам функция. Но как, спрашивает Рассел, мы определим позицию p ? Чтобы определить её, нужно изменение, к результату которого мы применим функцию $f(p)$. Таким образом, мы попадаем в порочный круг, что означает, что в основе этого возражения лежит ошибка. На самом деле, считает Рассел, построение такой новой геометрии не является угрозой для аксиомы свободного перемещения. Для двух величин, совпадающих при наложении в некоей стандартной позиции, верно, что они совпадут и в позиции p , так как

изменяющаяся функция преобразует их одинаковым образом³⁴⁶. Из этого рассуждения Рассел заключает, что отрицание аксиомы свободного перемещения ведёт к логическому и философскому абсурду, а также делает невозможной всю метрическую геометрию.

Далее Рассел рассматривает несколько возможных возражений против этой аксиомы. Одно из них касается проблемы неконгруэнтных подобий. Ясно, что пропорции левой и правой рук могут в точности совпадать, однако переставить их или наложить одну на другую не получится. Рассел “в лоб” атакует это возражение.

Коль скоро неконгруэнтные подобия, по условию, в каждом структурном элементе совпадают, их можно одинаково, например, вписывать в разные фигуры, то случаи правых и левых рук, треугольников на сферах и т.п. не представляют для аксиомы свободного перемещения реальной угрозы. Он также считает, что эти примеры показывают то, что хотел от них Кант, а он, по Расселу, хотел показать реляционную природу пространства³⁴⁷.

Другое возражение основывается на психологии восприятия. Предполагается, пишет Рассел, что психофизики установили, что у нас есть чувство темпоральной длительности, которое позволяет нам сравнивать разные отрезки времени непосредственно, не обращаясь к абсолютному мерилу, например, к равномерному движению. Поэтому нельзя предположить, что мы можем сравнить фрагменты пространства непосредственно, на глаз, и прийти к приблизительному выводу о равенстве

³⁴⁶ Russell B. An Essay on the Foundations of Geometry. P. 153.

³⁴⁷ Russell. Op. cit. P. 156. Это неверное понимание Канта. Рассел ссылается на работу Канта 1768 года “О первом основании различия сторон в пространстве” и тринадцатый параграф “Прологомен”, говоря, что в первом случае Кант хотел доказать только относительность пространства, а во втором — что пространство это форма созерцания. Однако на самом деле Кант существование неконгруэнтных подобий считал, говоря современным языком, фальсификатором лейбницианской теории относительности пространства, т.е. занимал позицию ровно противоположную той, которую ему приписывает в данном случае Рассел. Кант говорит, что “не определения пространства суть следствия положений частей материи относительно друг друга, а, наоборот, эти положения суть следствия определений пространства, и следовательно, тела могут иметь различия в свойстве, и притом подлинные различия, которые относятся лишь к абсолютному и первоначальному пространству” — Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Собрание сочинений в восьми томах. Том 2. “Докритические” произведения. М.: “Чоро”. 1994. С. 275; Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. М.: “Чоро”. 1994. С. 40—44. См также: Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М. Наследие. 1998. С. 7—8.

фигур, при этом не совершая наложения и, следовательно, перемещения. Против этого приводится, несколько доксографическим образом, точка зрения Джеймса, выраженная им в “Принципах психологии”: мы сравниваем пространственные величины через идеальное наложение. И хотя Рассел называет это “фундаментальным возражением”, оно не является для него логически необходимым, так как он блокирует психологический довод просто ссылкой на то, что такого рода сравнения не являются точными, а в геометрии нужна точность.

Второй раз, когда Рассел привлекает мнение Джеймса в качестве *argumentum ad veresundiam*, связан с третьей аксиомой метрической геометрии, аксиомой отрезка (The Axiom of Distance), согласно которой две точки должны определять уникальную пространственную величину, называемую отрезком. Если бы такой величины не существовало, измерение не было бы возможным. Точки, однако, в силу однородности пространства, не являются чем-то, что имеет собственную внутреннюю природу. Точка внутренне определена своим отношением к другим точкам, и если такое отношение уже дано, то оно не может измениться, не изменив природу точки. Поэтому между двумя точками можно провести только один отрезок. Угрозой для истинности аксиомы отрезка являются случаи, касающиеся сферического пространства. Кажется, что для двух диаметрально противоположных точек на сфере верно, что их можно соединить более, чем одним большим кругом (такие круги занимают в сферической геометрии то же место, что прямые в планиметрии). Рассел пытается показать, что даже в этом исключительном случае аксиома не теряет своей необходимости и всеобщности. Дело в том, что Рассел отрицает, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, определение, которое позволяет нам уравнивать дугу и прямую. Его отрицание основано на том, что, по его мнению, измерение длины дуги возможно, только если мы предполагаем, что она состоит из множества бесконечно малых прямых, сумма которых даёт длину дуги. То есть прямая оказывается условием возможности кривой

просто в силу устройства процедуры измерения. Теперь вернёмся к случаю с диаметрально противоположными точками. Через них проходит бесконечное множество больших кругов, но все они конгруэнтны и, в силу аксиомы свободного перемещения, равны. Тогда, говорит Рассел, ничего не запрещает нам сказать, что длина окружности каждого из этих кругов и есть искомый нами отрезок, который просто, в данном случае, не имеет своим воплощением какую-то конкретную фигуру в пространстве³⁴⁸.

В поддержку своей позиции Рассел цитирует Джеймса, говорящего, что отношения относятся к той же онтологической категории, что и его реляты, т.е. отношение между двумя пространственными фигурами есть пространственная фигура. Так, отношение между двумя точками есть линия, и ничего больше. Рассел замечает, что, если бы он сразу обратился к Джеймсу, то можно было бы тут же закрыть дискуссию об этой аксиоме, но он хотел показать, что тут есть логическая необходимость, а не просто психологический факт³⁴⁹.

Таким образом, ссылки на “Принципы” в “Опыте...” и в “A priori в геометрии” носят, скорее, барочный характер, а цитируемые идеи Джеймса, не необходимы для аргументации Рассела, и не являются специфичными для прагматизма. Поэтому нельзя сказать, что Джеймс оказал какое-то решающее влияние на ранние взгляды Рассела. Но всё же Рассел испытывал глубокое уважение и симпатию к личности Джеймса и ко многим его взглядам. И, как показывает чтение их переписки, эти чувства были вполне взаимны. Именно поэтому тон Рассела в критике прагматической теории истины несколько отличается от тона Мура, а Джеймс счёл необходимым и приватно, в письмах, и публично, в книге, ответить именно на критику Рассела, а не какого-то другого из многочисленных критиков прагматизма. После смерти Джеймса, Рассел держал в поле зрения посмертные публикации его работ,

³⁴⁸ Russell. Op. cit. P. 167–168.

³⁴⁹ Russell. Op. cit. 171.

рецензировал их, и по разным поводам возвращался к мыслям о месте Джеймса в истории философии.

2.2.2. Рассел и Джеймс в XX веке

2.2.2.1. Нейтральный монизм и теория познания

Из всех работ Рассела, за исключением двух статей собственно про прагматическую теорию истины, Джеймс чаще всего упоминается в книге “Анализ ума” (1921). В этой работе, идеи которой частично были обдуманы автором во время тюремного заключения за пропаганду пацифизма и частично же представлены в лондонских и пекинских лекциях, защищается нейтральный монизм — монистическая метафизика, утверждающая, что мир, в самой своей фундаментальной основе, не является ни ментальным, ни физическим, а состоит из нейтральных по отношению к этому дуализму сущностей, которые в одном отношении могут быть основой для ментального, а в другом — основой для физического. Когда Рассел впервые задумался об этой онтологии?

В письме к леди Моррелл от 9 июля 1912 г. Рассел перечисляет накопившиеся у него дела: “...письмо от русского логика, жалующегося на то, что он не получил извещение о Мат.конгрессе (моя вина!); множество запутанных заметок от школьного учителя о том, как учить геометрии, и письмо, в котором он спрашивает моего мнения; новая, посмертно вышедшая книга У. Джеймса; очень толстая книга по мат-ческой философии одного знакомого мне француза, полная критики меня, на которую я должен ответить; книга по неевклидовой геометрии одного итальянца; разные приглашения, которые создают проблемы и т.д.”³⁵⁰ Эта книга Джеймса — это

³⁵⁰ Monk R. Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872-1921. The Free Press. New York. London. 1996. P. 272. Это письмо примечательно не только в контексте исследования отношения Рассела к Джеймсу. Приходит в голову вопрос: что за русский логик мог водить знакомство с Расселом в 1912 году? Может быть, это Александр Васильев? Или даже Николай Васильев? Годы жизни обоих делают это возможным. Однако, скорее всего, речь идёт о другом человеке. В 1908 году на Международном конгрессе математиков в Риме Рассел, как он сам пишет, “стал другом” с Григорием (Гиршем) Борисовичем Ительсоном, физиком, математиком, философом, переводчиком

“Опыты о радикальном эмпиризме”. Прочитав её, Рассел задумался о нейтральном монизме.

Уже в 1913 году Рассел пишет рукопись “Теория познания”, ссылаясь на “Опыты о радикальном эмпиризме”³⁵¹. Он также упоминает работу “Анализ ощущений” Эрнста Маха, опубликованную в 1886 году. Рассел отмечает, что взгляды Маха кажутся ему идентичными взглядам Джеймса, хотя Джеймс и не ссылается на Маха и разработал свою теорию независимо от последнего³⁵². Он также упоминает работу Ральфа Перри “Современные философские тенденции: критический обзор натурализма, идеализма, прагматизма и реализма, вместе с кратким обзором философии Уильяма Джеймса”³⁵³ и сборник “Новый реализм” 1912 года. Он касается этой темы и в серии статей 1914 года “О природе знакомства”³⁵⁴. Начиная с “Анализа

Эйнштейна (Russell B., Griffin N. *The Selected Letters of Bertrand Russell: The Private Years, 1884-1914*. Routledge. Taylor & Francis group. London and New York. 2002. P. 308). При знакомстве Ительсон сообщил, что Луи Кутюра украл термин “логистика” (logistic) именно у него, и Рассел накормил своего нового небогатого знакомого обедом. Ительсон родился в г. Житомир в 1952 г. Существует предположение, что он изучал естественные науки в Петербурге у Менделеева, но точных данных по этому поводу у меня нет. В 1884 году он эмигрировал в Берлин, спасаясь, как говорят, от еврейских погромов. В 1904 г. он принимал участие во втором философском конгрессе в Женеве и третьем международном конгрессе математиков в Гейдельберге. В 1908 г. он делал доклад на третьем философском конгрессе в Гейдельберге, где мог встречаться с философом Борисом Яковенко и логиком Николаем Васильевым. На конгрессе состоялась международная презентация нового философского учения — прагматизма, осуществлённая Джосая Ройсом и Фердинандом Шиллером. В 1912 г. конгресс математиков состоялся в расселовском Кембридже, 22–28 августа. Сам Рассел, не входя в организационный совет, руководил секцией по философии математики. Ительсон принял участие в этом конгрессе, и именно на секции Рассела с докладом “Заметки о природе математики” (“Bemerkungen über das Wesen der Mathematik), дискутировал по поводу работ Пеано с Эрнстом Цермело (Kennedy H. (ed). *Peano: Life and Works of Giuseppe Peano*. Springer; 1980 P. 138), правда, уже на другой день, когда секцию вел не Рассел, а профессор Алессандро Падоа (E. Hobson W., Love A. E. H. *Proceedings Of The Fifth International Congress Of Mathematicians*. Vol. 1. Cambridge: at University Press. 1913). Ительсон умер 26 мая 1926 г. Знаменитый специалист по творчеству Рассела Николас Гриффин писал, что Ительсон не имел никогда академических постов (см. Anellis I. H. *Review of Nicholas Griffen (editor), The Selected Letters of Bertrand Russell, volume I: The Private Years, 1884-1914 // Modern Logic. Volume 5, Number 2 (1995), 215-219*). Справочник “Русско-еврейский Берлин”, напротив, указывает, что он преподавал в нескольких немецких университетах, был членом Союза русских евреев в Германии, для участников которого в 1922–1926 годах читал лекции о Спинозе, Соломоне Маймоне, Копернике, Морице Лацарусе и др. (Будницкий О., Полян А. *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)* / Олег Будницкий, Александра Полян. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 311, 438). Некоторые дополнительные данные содержатся также в статье Freudenthal G, Karachentsev T. G. *Itelson. A Socratic Philosopher // Symons J., Pombo O., Torres J.M. (Eds). Otto Neurath and the Unity of Science*. Springer. 2011. P. 109–126.

³⁵¹ Об истории этого текста см. Pears D. *Russell's 1913 Theory of Knowledge Manuscript / In Rereading Russell: Essay on Bertrand Russell's Metaphysics and Epistemology*. Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Volume XII, eds. C. Wade Savage and C. Anthony Anderson. University of Minnesota Press. 1989. P. 169–182.

³⁵² Russell B. *Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript*. London and New York. Routledge. 1992. P. 16.

³⁵³ См. переиздание: Perry R. *Present philosophical tendencies : a critical survey of naturalism, idealism, pragmatism and realism, together with a synopsis of the philosophy of William James*. New York: Longmans, Green. 1921.

³⁵⁴ Russell B. *On The Nature of Acquaintance. Preliminary description of experience // The Monist. № 24(1). No.1. 1914. P. 1–16; Russell B. On The Nature of Acquaintance. II. Neutral monism // The Monist. №24(2).1914. P. 161–187; Russell B. On The Nature of Acquaintance. III. Analysis of experience // The Monist. №24(3).1914. P.435–453; Russell B. *Definitions and methodological principles in theory of Knowledge // The Monist. №24(4).1914. P.582–593.**

ума” и до конца философской карьеры Рассела именно нейтральный монизм был островом стабильности в океане его изменчивых философских взглядов и симпатий³⁵⁵. Впрочем, и на этом острове иногда начинались междоусобицы. А так как Джеймс оказал на них решающее влияние, то это можно считать главным положительным воздействием прагматизма на аналитическую философию. Тем более что некоторые современные авторы, такие как Дэвид Чалмерс и Томас Нагель³⁵⁶, возродили интерес к расселианскому монизму, а вместе с ним к Джеймсу, имя которого, как отмечалось выше, связывают с проблемой комбинации. Полезно, однако, заметить, что современный панпсихизм и нейтральный монизм возникли по разным теоретическим мотивам. Первый является результатом совмещения каузального аргумента и аргумента представимости; второй был ответом на одновременный прогресс в физике и психологии. Физика открывает фундаментальные основы природы, человек является частью природы, следовательно, психология является частью физики. С другой стороны, физика как наука делается людьми и, следовательно, зависит от устройства их когнитивного аппарата, который изучается психологией, а значит идеалистический аргумент может вступить в силу, и физика оказывается зависимой от психологии. Такое рассуждение стоит за формулой “преодолеть противоречие идеализма и материализма”, которая встречается и у Маха, и у Джеймса, и у Рассела. Сегодня, когда идеализм является куда более маргинальной позицией чем на рубеже XIX и XX веков, такая постановка вопроса не кажется очень актуальной³⁵⁷.

³⁵⁵ Роберт Талли датирует развитие нейтрального монизма Рассела от 1914 до 1959 г. См. Tully R.E. Russell's Neutral Monism // in Nicholas Griffin (ed.), *The Cambridge Companion to Bertrand Russell*, Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 332–370. Так, в 1943 году Рассел, в ответ на критику У. Т. Стэйса, написал, что Стэйс критикует его “Познание внешнего мира” и “Анализ ума”, тогда как актуальные взгляды Рассела на нейтральный монизм отражены, скорее, в “Анализе материи”. Russell B. Reply to criticisms / *The Philosophy of Bertrand Russell* (The Library of Living Philosophers) (Eds.) P.A. Schilpp. N.-Y.: Tudor Publishing Company. Third Edition. 1951. P. 707–710. Любопытно, что именно “Анализ материи” пользуется популярностью у современных панпсихистов.

³⁵⁶ Nagel T. *Concealment and Exposure and Other Essays*. New York: Oxford University Press. 2002.

³⁵⁷ Последним представителем традиции британского абсолютного идеализма называли уже упомянутого нами Тимоти Спригге (McHenry L. Timothy L. S. Sprigge. *The Last Idealist?* // *The Philosopher*. Volume LXXXVII. No. 2). Сегодня идеалисты появляется в стане философов сознания. Так, например, иногда идеалистом называют

Приступая к изложению радикального эмпиризма Джеймса, нужно заметить, что сам он отмечал, что эта его позиция не следует напрямую из прагматизма³⁵⁸. С другой стороны, очевидно, что она ему не противоречит и имеет с ним одно настроение, один философский тон: мы можем решать философские проблемы путём изменения способа говорить о них, причём мотивы этого изменения должны быть сугубо практическими. Примером такого рода практического соображения может считаться принцип постулирования минимально необходимого для объяснения количества сущностей, то, что в махизме называлось принципом экономии мышления³⁵⁹. Более того, он сам говорит о прагматическом способе рассуждения как о дороге к нейтральному монизму, по которой начали идти Локк и Беркли.

Самой важной статьей “Опытов о радикальном эмпиризме” можно считать “Существует ли сознание?”³⁶⁰. В этой статье Джеймс утверждает, что термин “сознание” в современной психологии и философии утратил своё содержание, и следует от него отказаться. Рисуя историко-философскую картину широкими мазками, стоит сказать, что это, по большому счету, общая позиция прагматистов от Пирса, чьих взглядов мы касались выше, до Рорти, к которому мы ещё обратимся. Однако, на первый взгляд, это кажется не только радикальной, но и просто странной позицией. Особенно рельефно эта странность выступает тогда, когда мы сравниваем это суждение с тем,

Дональда Хоффмана (См. Кузнецов А. Конференция “На пути к науке о сознании”, 20 лет. Тусан, Аризона // [Электронный ресурс — hardproblem.ru/events/the-20th-conference/]). Любопытно, что Хоффман, как и Беркли, начинает с философии восприятия. Правда, стоит сказать, что сам Хоффман не торопится присоединяться к “друзьям идей” (Soph. 248a). Так, он пишет, что защищает гипотезу мультимодальных пользовательских интерфейсов (the hypothesis of multimodal user interfaces), противоположную гипотезе о верном отображении (hypothesis of faithful depiction), состоящую в том, что цель восприятия есть достижение соответствия истинным свойствам объективного физического мира. Это, однако, хотя само по себе весьма странно, ещё не делает Хоффмана идеалистом: “теория МПИ — не идеализм. Она не утверждает, что всё, что существует, является сознательным перцепциями. Она утверждает, что наши сознательные перцепции не должны быть похожи на объективный мир, какой бы ни была его природа” — Hoffman D.D. *Conscious Realism and the Mind-Body Problem* // *Mind & Matter*. 2008. Vol. 6(1). P. 100. Среди физиков маргинальной, но вполне уважаемой позицией считается гипотеза математической вселенной, проponentом которой является Макс Тегмарк (популярное изложение этой теории см. Tegmark M. *Our Mathematical Universe*. Knopf. 2014). Его также можно считать современным идеалистом.

³⁵⁸ Джеймс У. Прагматизм. С. 8

³⁵⁹ См., например, Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 82.

³⁶⁰ James W. Does "consciousness" exist? // *Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*. 1904. №1(18). P.477–491.

что в конце XIX века Джеймс спорил с автоматизмом, отстаивая, напротив, каузальную эффективность ментального. Как совместить элиминативизм с критикой эпифеноменализма? Если сознания нет, то как оно может быть каузально эффективным?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы понимаем под элиминативизмом. Обычно под этим понимают позицию, согласно которой сознания не существует. Однако Пол и Патрисия Черчленды, наиболее известные современные проponentы этого взгляда, много раз утверждали, что никогда не отрицали существование сознания. Однако когда они говорят так, это означает только то, что они никогда не отрицали различия между сном и бодрствованием, состоянием комы и более благополучным положением человека. Таким образом, они не отрицают, что сознание есть функция мозга³⁶¹.

Именно в таком, функциональном смысле, и предлагает понимать сознание Джеймс, отрицающий сознание в субстанциональном смысле. Современному философу сознания этот текст Джеймса мог бы напомнить знаменитую книгу Гилберта Райла "Понятие сознания"³⁶². Сначала Джеймс отмечает, что философы издавна понимали под духом и материей две субстанции, но потом Кант подорвал это разделение, введя

³⁶¹ Установочная статья Пола Черчленда "Элиминативный материализм и пропозициональные установки" начинается со слов "Элиминативный материализм есть тезис о том, что концепция нашего здравого смысла о психологических явлениях представляет собой радикально ложную теорию, теорию настолько фундаментально дефектную, что и принципы, и онтология этой теории, в конечном счете, будут заменены, а не просто редуцированы завершенной нейробиологией". Churchland P.M. *Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes* // *The Journal of Philosophy*. Vol. 78, No. 2. 1981. P. 67. Патрисия Черчленд в интервью рассказывает историю, что Брайан Маклахлин написал статью о сознании для "Кэмбриджской энциклопедии сознания". Он сказал, что Черчленды не верят в существование сознания, и Черчленд позвонила Маклахлину и спросила: "Ну, какого черта?". URL: integral-options.blogspot.ru/2012/08/interview-patricia-churchland-really.html (дата обращения: 28.02.2017). В другом интервью она прямо определяет сознание как функцию физического мозга: URL: skeptiko.com/237-patricia-churchland-sandbagged-by-near-death-experience/ (дата обращения: 28.02.2017). См. Churchland P.S. *Do We Propose to Eliminate Consciousness?* / In McCauley R. (Ed.), Churchland P.M. (auth.) Churchland P.S. (auth.), etc. *The Churchlands and Their Critics (Philosophers and Their Critics)*. Blackwell Publishers. 1996. P.298; Я также благодарю Пола Черчленда за пояснение их позиции в личной беседе на конференции "Проблемы сознания и свободы воли в аналитической философии", Гренландия, июнь, 2014 г. Отчёт о конференции см. Волков Д.Б., Деннет Д. Об организации конференции в Гренландии "Проблемы сознания и свободы воли в аналитической философии" // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 6. С. 3–7; Костикова А.А. Современная философия: Новый подход к исследованию, преподаванию, развитию (обзор опыта исследований аналитической философии сознания) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. №1. С. 77–84.

³⁶² Ryle G. *The Concept of Mind*. Routledge. 2009.

трансцендентальное Я. Однако для возникшей после Канта эмпирической психологии такое “Я” было совершенно неприемлемо, и многие авторы, такие как Шуппе, Ремке, Наторп, Мюнстерберг внесли свой вклад к обесцениванию термина “сознание”. Теперь он пригоден только для того, чтобы сказать, что у опыта есть некое содержание, которое нами познаётся. Собственно, “познание” и есть та функция, которую раньше называли “сознанием”. Отрицать сознание, говорить Джеймс, не значит отрицать, что у нас есть мысли.

Джеймс считает, что представление о “сознания” было в своё время введено как ответ на вопрос о возможности познания, и если сегодня мы можем дать иное, некартезианское объяснение этого процесса, то от теории, согласно которой у термина “сознание” есть референт, можно отказаться. Современная психология, с точки зрения Джеймса, может дать такое объяснение. Её соперниками поэтому оказываются не картезианцы, а последние сторонники сознания — неокантианцы. Характерны для литературы того времени и важны для нашей темы авторы, которых Джеймс выбирает в качестве примера защитников сознания. Это П. Наторп и Дж. Э. Мур. Джеймс цитирует его знаменитое рассуждение о различии синего как объекта и синего как сознания из разобранной нами выше статьи “Опровержение идеализма”³⁶³.

В противоположность постулированию сознания как некой сущности или как осведомлённости об объекте, логически (но не феноменологически) отделимой от самого объекта Джеймс определяет сознание как специальный тип взаимоотношений между частями опыта. На первый взгляд, звучит это неясно. Однако Джеймс поясняет, что речь идёт не об обыденном значении слова “опыт”, а о “чистом опыте”³⁶⁴.

³⁶³ James. Op. cit. P. 479.

³⁶⁴ Сложно сказать, имеем ли мы тут дело с сознательной инверсией кантовского словоупотребления, согласно обычному узусу которого “чистое” как раз полностью противоположно “опытному” (см. хотя бы рассуждения про чистое априори в В4). Мы точно знаем, что Джеймс читал Канта и хорошо знал во всяком случае основные его идеи, и уж тем более вероятно, что он отдавал себе отчёт в связи немецкого *rein* и английского *pure*.

“Чистый опыт” есть вещество (stuff), из которого состоит мир, утверждает Джеймс. Любые отношения есть отношения между несколькими фрагментами этого вещества, а познание тогда есть динамическое отношение, в котором мы условно можем выделять познающее и познаваемое. Они, однако, имеют общую, хотя и не единую природу. Точка, оставаясь одной точкой, может принадлежать двум прямым, тогда и только тогда, когда эти прямые пересекаются — этой аналогией Джеймс хочет пояснить способ, которым нейтральный монизм разрешает логический парадокс в теории репрезентации: если мы сторонники существования сознания, говорит Джеймс, то мы должны утверждать, что в момент созерцания мною комнаты, одна и та же комната существует одновременно и в моём уме, и в физическом мире. Выше мы видели, что этот парадокс Мур использовал в качестве довода против идеализма. Мур, однако, полагал, что сознание есть то, что останется от ментального акта, если из него вычесть объектное содержание. Джеймс же, напротив, полагает, что деление опыта на сознание и не-сознание происходит не путём вычитания, а путём сложения. “Я познаю, что А” означает, что “Я” и “А” каким-то образом встретились, и эту встречу стало уместно называть познанием. Стоит также обратить внимание на то, что утверждение Джеймса, что репрезентируемое и репрезентирующее суть количественно одно, смыкается с теорией истины как тождества, к которой мы уже имели случай обращаться. Различие, однако, состоит в том, что в изложении Джеймса эта точка зрения лишена проблемы доступа, которую мы обсуждали в связи с Муром.

Ясно, что такая точка зрения ведёт к следствиям, парадоксальным для любого человека, воспитанного на философии Нового времени. Так, мы вынуждены утверждать, что, когда я познаю протяжённый предмет, скажем, обдумывая геометрическую задачу, ментальный образ фигуры является протяжённым, а когда я рассуждаю о воде, мой дух становится влажным. Джеймс стойко принимает эти выводы.

Можно спросить: в каком смысле Джеймс, автор “Плюралистической Вселенной”, и Рассел, реалист, поднявший, по его собственному выражению, бунт против идеалистического монизма и теории внутренних отношений, могут быть монистами? На этот вопрос есть простой ответ. Монизм Рассела, Джеймса и Маха, нейтральный монизм, есть позиция, согласно которой каждый элемент мира имеет природу, нейтральную по отношению к оппозиции ментального и физического. Это, однако, ничего не говорит о том, сколько вещей существует в мире, и могут ли они существовать отдельно и независимо друг от друга. Поэтому нейтральный монизм вполне совместим с точкой зрения реализма, согласно которой в мире существует множество партикулярий, а не Единое, будь то посюстороннее Единое, Дух, как у Гегеля, или же вневременное Единое, Реальность, как у Брэдли.

Стоит оговориться, что основания расселовского и джеймсовского плюрализмов разные. Рассел отпирается на критику теории внутренних отношений и, соответственно, на теорию внешних отношений. Идеализм не устраивает его, прежде всего, своей философией математики. Джеймс всецело полагается на свою убежденность, обоснованную концепцией воли к вере, что мир мог бы стать лучше, а значит, он может меняться, т.е. он не завершён, а, следовательно, и не един, а множественен.

Можно сказать, что нейтральный монизм является попыткой разрешить противоречие, которое возникает, когда мы хотим ответить на вопрос о месте сознания в нашем мире. Если мы утверждаем, что всё в мире является в том или ином смысле физическим, то сознания, вероятно, не существует, так как оно, согласно данным интроспекции, не является чем-то физическим; оно, по определению, является чем-то приватным (и Рассел, и Джеймс используют этот способ различать ментальное и физическое). Однако сознание существует, как говорит нам всё та же интроспекция. Главная идея нейтрального монизма состоит в том, чтобы сказать, что противоречия не возникает, так как мы говорим о существовании в разных смыслах: в отношении сознания всё существует как сознание, а в отношении материи

всё существует как материя. Таким образом, различие ментального и физического перестаёт быть онтологическим примитивом, и становится в известной степени иллюзорным.

Завершая рациональную реконструкцию и возвращаясь к исторической, стоит сказать, что сегодня нейтральный монизм часто рубрицируют как вид дуализма свойств или даже как панпсихизм³⁶⁵. Если последняя классификация верна, то нейтральный монизм, точно так же как и современный конститутивный расселианский панпсихизм, отрицает свои основания, начиная с безусловной достоверности существования сознания как мыслей и приходя к реальному существованию чистого опыта и как сознания, и как материи, что означает иллюзорность самого этого разделения³⁶⁶. Рассмотрение этого интересного вопроса, однако, лежит за пределами задач настоящего исследования.

Выше я назвал нейтральный монизм островом стабильности в океане изменчивых взглядов Рассела. В действительности, однако, это не совсем так: на пути к этой тихой гавани философу пришлось преодолеть сомнения и разочароваться в контрдоводах, которые пришли ему в голову при первом знакомстве с этой концепцией. Иными словами, Рассел не сразу стал адептом нейтрального монизма. И не совсем верно было бы вслед за проф. Колесниковым считать, что “Рассел был готов принять нейтральный монизм уже в своих первых философских опытах”³⁶⁷.

Свои критические соображения по поводу тезиса Джеймса–Маха Рассел высказывает в серии статей под общим названием “О природе знакомства”. В ней он анализирует проблемы, связанные с различием знания как знакомства и знания как описания, а точнее с постулированием существования первого типа знания. Для нашей темы важно, что само это

³⁶⁵ См., например, Прист С. Теории сознания. пер. А.Ф.Грязнова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

³⁶⁶ Для дискуссии см. Кузнецов А. В. Аргумент против конститутивного панпсихизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 60–68; Дмитриева А. А. Шаткие основания тезиса о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 50–59.

³⁶⁷ Колесниковым А.С. Философия Бертраана Рассела. Л.: Изд-во ЛГУ. 1991. С. 148.

различие терминологически было позаимствовано Расселом именно у Джеймса, хотя английский философ и внёс существенные изменения в значения этих терминов. Однако этот факт не упоминается самим Расселом ни в собственно статье “Знание по знакомству и знание по описанию”³⁶⁸ (1911), ни в посвящённой этому различию главе “Проблем философии” (1912). Насколько я могу судить, историки, указывающие на факт заимствования, основываются на том, что в “Принципах психологии” Джеймс действительно использовал такие термины. Поскольку это является фактом и поскольку Рассел развивал эпистемологические сюжеты, связанные с этим различием, всегда как бы “рядом” с нейтральным монизмом и критикой прагматизма, то, вероятно, можно считать заимствование в высокой степени вероятным.

Эймс указывает на те изменения, которые Рассел вносит в терминологию американского психолога. Для последнего это было различие между неопределенностью прямо представленного опыта, который есть то, что он есть, непосредственное переживание бушующего вокруг нас жизненного пространства, и опосредованностью, искусственностью, концептуальной нагруженностью знания по описанию. Рассел наделил момент непосредственности логической и познавательной непогрешимостью, так как в нём, собственно, ещё нет утверждения или отрицания чего-либо³⁶⁹. У Джеймса знание по знакомству тоже не могло быть ошибочным, но оно не было и когнитивным, но докогнитивным.

Определив этот терминологический нюанс, перейдём к содержанию “О природе знакомства”, материалом для которого послужило в том числе и уже упомянутая выше рукопись 1913 г. Как сам Рассел заявляет в начале первого текста, опубликованного в январе 1914 года, цель этой работы состоит в защите определённого анализа простейшего из составляющих опыт

³⁶⁸ Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910–11. № 11. P. 108–128.

³⁶⁹ Eames E.R. Op.cit. P. 196. Эймс также отмечает влияние психологии Джеймса на теорию восприятия времени, которую Рассел представляет в пятой лекции “Нашего познания внешнего мира”.

отношений, специальное название которого вынесено в заголовок статьи. Знакомство есть двойственное отношение между субъектом и объектом, такое, что для него не требуется, чтобы субъект и объект были в чём-то сродны. Если мы вспомним идеалистический довод, то станет ясно, что такая формулировка несовместима с метафизическим идеализмом. Субъект, продолжает Рассел, есть нечто “ментальное” (он берёт это слово в кавычки), в то время как объект есть нечто нементальное. Объект может быть представлен в прошлом или быть вне времени, как универсалии или абстрактные логические факты.

Этой теории, с тогдашней точки зрения Рассела, противостоят три позиции. Во-первых, это теория Маха и Джеймса, согласно которой нет отдельного отношения, такого как знакомство. В основе ментальной жизни не лежит исследуемое Расселом отношение. Во-вторых, это теория, согласно которой непосредственный объект есть нечто ментальное, столь же ментальное, сколь и субъект. В-третьих, это теория, согласно которой между субъектом и объектом существует некая третья сущность, “содержание” (“content”), которая сама является по природе ментальной. Это, соответственно, нейтральный монизм, идеалистический монизм и дуализм. Первая из перечисленных гипотез кажется Расселу самой сильной.

Рассел указывает на то, что слово “опыт” пришло в философию из обыденного языка, и на нём ещё видна “грязь его уличного существования, несмотря на то, что его мыли и чесали беспокойные философы”. (На мой взгляд эта фраза является хорошим примером стиля внука лорда Джона Рассела, дважды премьер-министра Великобритании). Изначально “философия опыта” противостояла априорной философии, продолжает Рассел. Но в итоге философия опыта стала заниматься всем, что мы только хоть в каком-то смысле сознаём, и этим воспользовался немецкий и английский идеализм. Философы идеалистического толка, согласно Расселу, играли на двусмысленности слова “опыт”, с одной стороны, означающего то, что существует лишь в моём уме, а, с другой стороны, ассоциирующегося с

выражением “отсылать к опыту”. “Восстание против идеализма” должно уничтожить эту двусмысленность и учредить реализм. Когда мы смотрим на мир, вынося за скобки то, что мы этот мир познаём, и забываем о всех уроках, которые можно вынести из истории философии, то представляется очевидным, что мир состоит из отдельных вещей и людей, что вещи и люди имеют разную природу, что познание не может быть причиной бытия познаваемого, так как есть многое, что мы никогда не познавали и опыта о чём мы не имеем, а оно, всё же, есть. Говоря о сознании, Рассел, как и Мур, использует глагол “aware”.

Критические доводы против нейтрального монизма мы встречаем во второй части статьи, опубликованной в апреле 1914 г. Сначала мы встречаемся с примером, который сегодня часто используется для пояснения собственной позиции Рассела как нейтрального мониста³⁷⁰. Однако изначально Рассел придумывает этот пример для описания позиции, которой он собирается оппонировать. Ментальное и физическое согласуется в нейтральном монизма так же, как два каталога имён на почте: географический и алфавитный. И там и там есть имя NN, но окружение даёт нам либо топоним, либо имя собственное. Так и в мире: идея стула есть тот же стул, взятый в ином контексте. По числу это один и тот же объект.

Рассел отмечает, что, согласно Джеймсу, непосредственное знание не есть собственно знание, что знание, согласно ему, есть отношение между двумя кусками опыта, состоящее в том, что один из них ведёт к другому посредством определённых посредников. В этом он видит “идеалистическую привычку” к описанной выше двусмысленности понятия “опыт”.

Чтобы опровергнуть нейтральный монизм, Рассел обращается к следующим доводам: он не согласен считать, что есть что-то не- или докогнитивное в прямом восприятии. Напротив, когда я вижу красное, в этот момент я узнаю что-то новое по отношению к красному, которое я видел до

³⁷⁰ Irvine A. D. Bertrand Russell // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015. Edward N. Zalta (Ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/russell/>>.

этого, и которое хранится в моей памяти. Если знание есть отношение между познающим и познаваемым, то как возможна ошибка, ведь она, считает Рассел, предполагает, что познаваемое есть нечто нереальное, а нереальное есть просто ничто. Неясно также, говорит английский философ, как быть с познанием абстрактных объектов, которые не могут иметь материального измерения по своей природе. Аналогичная трудность возникает с познанием объектов памяти: если я сейчас вспоминаю то, что было час назад, акт моего воспоминания-знакомства не может быть нумерически тождественен тому, о чём я вспоминаю. То же касается вопроса о том, как отделить моё настоящее восприятие от всех вещей в мире. То, что я сейчас воспринимаю некое ЭТО, не может быть также и публичным ЭТО, так как другой человек будет воспринимать ЭТО с иной позиции, иной перспективы. Утверждать обратное, считает Рассел, значит смешивать универсалии и партикулярии.

Другой аргумент Рассела основан на интроспекции. Между видимым цветом и тем же самым цветом, который невидим, разница, как кажется, состоит не в разных отношениях этого цвета к другим цветам или к другим объектам опыта, а в том, что вижу ли я этот цвет или нет, т.е. это прямая и непосредственная разница. Если нейтральный монизм верен, продолжает Рассел, то ум, который бы имел только одно переживание (*one experience*), был бы логически невозможен, так как ментальное есть сеть внешних отношений, которая не может быть представлена унитарным элементом. И поэтому для сторонников этой метафизики очень сложно показывать, что отличает, собственно, мой опыт во всей его совокупности, от всего того, что моим опытом не является. Любопытно, что аргументы Рассела, по сути, извлечены, так сказать, из идеалистического арсенала.

Доводы, которые приводит Рассел, кажутся несколько несмелыми. Вероятно, это связано с тем, что ему необходимо лишь осуществить указанный выше семантический сдвиг в терминологии и защитить реалистическую эпистемологию, с которой нейтральный монизм вполне совместим. Он даже соглашается с нейтральными монистами в их критике

дуалистических теорий репрезентации и, соответственно, познания: “я не думаю, что когда некий объект известен мне, в моём уме существует нечто, что может быть названо “идеей” этого объекта, обладание которой конституирует моё знание этого объекта”. В своих собственных доводах он тоже не слишком уверен, допуская, например, что довод от памяти может быть отвергнут Джеймсом путём простой переформулировки его позиции.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в лекциях о логическом атомизме Рассел выражает сомнения относительно нейтрального монизма и обещает своим слушателями, что в скором времени докопается до истины. Он также отмечает, что “всё более и более склонен думать”, что нейтральный монизма — это правда³⁷¹. В этих лекциях видно, что он серьезно обдумывает возможность признать такую метафизику возможным компромиссом между новой психологией, т.е. бихевиоризмом, и новой, релятивистской физикой. Но окончательного ответа он всё же не даёт.

В четвертой лекции, посвящённой суждениям с более чем одним глаголом и убеждениям, Рассел обращается к проблемам, связанным с построением надежной теории убеждения, в частности, к вопросу о том, являются ли сами убеждения фактами или их можно редуцировать к другим фактам? Сам Рассел не признаёт такую редукцию возможной. Однако представители прагматизма и нейтральные монисты, с его точки зрения, отрицают существование такой вещи как убеждение в том смысле, в котором об это говорит Рассел. Свои взгляды он черпает из чтения “Опытов о радикальном эмпиризме” Джеймса и “Опытов об экспериментальной логике” Дж. Дьюи. Согласно их воззрениям и бихевиоризму, “быть убеждённым в том-то и том-то” значит действовать так-то и так-то. Когда прагматисты рассуждают об убеждении, они говорят об убеждениях в существовании неких объектов, например, Бога. Этот взгляд, согласно Расселу, нельзя согласовать с тем фактом, что существуют ошибки, так как тогда бы убеждение в бытии, скажем, пегаса, было бы ничем, так как пегас есть ничто,

³⁷¹ Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. Routledge. 2010. P. 122.

а это абсурдно. Впрочем, продолжает Рассел, взгляд прагматистов трудно опровергнуть, и возможно, с ними можно согласиться, но он пока не чувствует готовности это сделать. Он также упоминает статьи “О природе знакомства” и сообщает, что хотел бы переписать их, так как не считает все изложенные в них аргументы достаточно хорошими. Главным своим доводом он называет то, что, избавившись от термина “сознание”, мы не сможем объяснить употребление местоимений “это” и “то”. Впрочем, он допускает, что это можно согласовать с нейтральным монизмом, просто он не знает, как.

Тема нейтрального монизма всплывает и в последней, восьмой лекции курса, названной “Экскурс в метафизику: о том, что есть”³⁷². Рассел пишет, что целью всего его проекта было обоснование логического атомизма и последовательное применение бритвы Оккама. Так как же в этом ключе можно рассуждать о том, что есть³⁷³? Прежде всего, так можно понять Рассела, нужно посмотреть, что говорят об этом лучшие научные теории. Физика учит нас, что то, что мы считаем реальным, например, столы и стулья, на самом деле есть лишь констелляции элементарных частиц. Психология же, напротив, говорит нам, что то, что мы считаем нереальным, например, фантомы и галлюцинации, ничем не отличаются от обычных чувственных данных, кроме того, что у них нет отношений с другими чувственными данными, но сами по себе они ничем не отличаются. Эти рассуждения и приводят Рассела к теме нейтрального монизма, истинность которого для него всё ещё остаётся под вопросом. Он утверждает лишь, что чувствует, что некоторые затруднения могут быть разрешены. Так, например, он говорит о том, что если бихевиоризм верен, что аргумент от существования фактов, описываемых суждениями, включающими в себя два глагола, не проходит. Более сильным является аргумент от индексикальных

³⁷² Russell B. Op. cit. P. 110–125.

³⁷³ Можно предположить, что Куайн отсылается к этому заголовку в своей знаменитой статье “On what it is”.

выражений и об отличие моего опыта от всего остального, но и в нём Рассел сомневается.

Другой работой переходного периода от критики нейтрального монизма к его принятию является статья “О пропозициях: что они собой представляют и каким образом обозначают”³⁷⁴. В ней Джеймс выступает сначала как противник, потом как неожиданный, говоря языком отечественной историографии прошлого века, попутчик, а ближе к концу и вовсе оказывается союзником. Джеймс появляется вместе с американскими реалистами и американским же психологом Дж. Уотсоном в контексте обсуждения проблемы значения. Рассел защищает точку зрения, согласно которой значения слов можно редуцировать к значению образов, т.е. к чему-то ментальному. Противниками такой позиции оказываются Джеймс и Уотсон, согласно которым ничего специфически ментального не существует, а значениями слов являются те или иные поведенческие акты. Против этого Рассел выдвигает два аргумента. Во-первых, он старается доказать нецелесообразность устранения образов из онтологии. Сначала он прибегает к аргументу *ad hominem*. Он утверждает, что Уотсон просто сам не обладает достаточно сильным воображением, и поэтому утверждает, что никто не способен ко внутренней жизни. Он ссылается на опыты психолога Фрэнсиса Гальтона, согласно которым способность учёных к наглядному воображению ниже, чем у среднего человека, так как учёные привыкли работать с абстрактными объектами и куда лучше чувствуют себя в области мышления, чем в области чувств. Как мы знаем, Рассел таким образом описывал и самого себя.

Отметив это обстоятельство, британский философ переходит к эпистемологической стороне своего довода. Он не отрицает, что образы доступны только через интроспекцию и что это приватные сущности. Однако приватность может быть разной степени. Одно дело аудиальные образы,

³⁷⁴ Russell B. On Propositions: What They Are and How They Mean // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes 2. 1919. P. 1–43.

которые более публичны, другое дело, например, моя боль или моё воображение, которые доступны только мне. Но даже в случае боли мы можем находить хорошие публичные корреляты. А значит, нельзя исключать образы только на том основании, что они приватны. Во-вторых, неясно, как ребёнок может с помощью поведенческого научения обучиться работе с отсутствующими объектами. Допущение существования образов позволяет это сделать, поэтому мы не можем исключить их из онтологии. В связи с этим обсуждением он снова вспоминает Джеймса, говоря, что согласен с его тезисом о том, что ментальное и физическое различаются не по своему составу, а по способу реализации причинности³⁷⁵. Рассел свидетельствует о том, что этот взгляд очень привлекателен, и он приложил множество усилий, обдумывая его. В этом он подходит очень близко к прямому признанию истинности нейтрального монизма, но всё же ещё не совершает его.

Далее Джеймс упоминается в связи с разработкой теории убеждения³⁷⁶. Сначала Рассел рассматривает проблему содержания убеждения. Он говорит, что А. Мейнонг различал акт (или субъект), содержание и объект, реалисты вроде него самого и Мура отвергают содержание, оставляя только акт и объект, американские реалисты оставляют только объект, а идеалисты — только акт и содержание. Его, однако, больше не устраивает анализ Мура, так как акт, или субъект, есть что-то эфемерное, существование чего признается догматически, в то время как все вводимые сущности, согласно методу логического атомизма, должны быть логически сконструированы, а не постулированы. Аргументы Джеймса, говорит Рассел, усилили эту убеждённость. Вероятно, имеются в виду доводы из “Существует ли сознание”, которые мы обсуждали выше. Таким образом, тут он тоже

³⁷⁵ Есть некоторое противоречие в аргументе Рассела от отсутствия. Он говорит о том, что если бы познание строилось по принципу стимул-реакция, который защищает Уотсон, или познающий-познаваемое, который защищает Джеймс, то мы вряд ли бы смогли объяснить природу отрицательных суждений, столь важных для науки и обыденной жизни. Ничто, говорит он, есть действительно ничто, и поэтому дуальная схема, конъюнкция не будет работать. Но при этом сам Рассел в этот период признаёт весьма барочную онтологию, включающую в себя отрицательные факты, и приводит весьма любопытную аргументацию в пользу их неустранимости. Иными словами, он признаёт, что суждение “Я не трубка” истинно в силу факта, что я не трубка, отличного от, например, положительного факта, что я пишу эту диссертацию. В то же время Джеймс смотрит на отрицательные суждения как на регулятивные принципы, т.е. ему не нужно вводить ничто в качестве truth-maker’a отрицательных суждений.

³⁷⁶ Russell B. Op. cit. P. 25–27.

соглашается с автором “Принципов психологии”, но всё же не делает этого со всей определенностью. Сразу после этого признания он вновь повторяет довод, согласно которому с точки зрения, защищаемой Джеймсом, нельзя отделить мой опыт от всего того, что не есть мой опыт. Он также замечает, что истинность теории убеждения Джеймса могла бы быть сильным аргументом в пользу прагматизма.

Было бы неверно утверждать, что Рассел отказывался от своих доводов из “О природе знакомства”. Вот характерная одна мысль оттуда: “Джеймс всюду рассматривает скорее знание вещей, чем знание истин”³⁷⁷. Это суждение будет важно и для полемики британского и американского авторов о природе истины, к которой мы обратимся в следующем подпараграфе. Не отказался он и от некоторых своих представлений о природе сознания и опыта. В “Истории западной философии” (1945) Рассел писал, что различие между умом и материей пришло в философию из религии³⁷⁸, и теперь должно быть упразднено как необоснованное. Джеймса он называет уже потому достойным занять высокое место среди философов, что он первым осознал это обстоятельство³⁷⁹. И в 1945 году, так как и в 1914, Рассел не устраивает джеймсовская трактовка опыта, в том числе он не согласен, что “чистый опыт” годится в качестве термина, для обозначения нейтрального вещества мира³⁸⁰. Он всё ещё считает это словоупотребление пережитком идеализма, и считает, что нейтральный монизм, утверждающий, что всё есть опыт, не может объяснить, кто же переживает, например, невидимую сторону луны, или можно ли считать “данным в опыте” то, что я пережил, но забыл. За исключением такой трактовки опыта Рассел согласен с метафизикой Джеймса.

³⁷⁷ Russell B. On The Nature of Acquaintance. II. Neutral monism // The Monist. №24(2).1914. P. 186.

³⁷⁸ Russell B. A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. New York: Simon and Schuster. 1967. P. 833.

³⁷⁹ Russell B. Op.cit. P. 812.

³⁸⁰ С этим был согласен другой сторонник нейтрального монизма, реалист и в каком-то смысле ученик Джеймса Ральф Перри.

Перенесёмся в 20-е годы XX века. В 1921 году выходит книга “Анализ ума”, в которой он признаёт истинность нейтрального монизма. Рассела, не оставляющего мечту, одновременно гегельянскую и позитивистскую, о единой науке, видимо, привлекала возможность соединить психологию и физику некой единой метафизикой, которая могла бы не умалять достоинства ни молодой науки о душе, ни почтенного естествознания. Нейтральный монизм, главным представителем которого Рассел называет Джеймса, готов предоставить онтологию для такого соединения. Как и в “Опытах об основании геометрии”, многие отсылки к Джеймсу тут не носят какого-то особенного характера, Рассел просто ссылается на самую фундаментальную из известных ему психологических работ. К “Принципам психологии” Рассел обращается, обсуждая различные психологические феномены, такие как образы, инстинкт, память, привычка, убеждение, интроспекция, воля и т.д. Обсуждая теорию эмоций, Рассел присоединяется к теории Джеймса-Ланге, согласен он и с джеймсовым взглядом на природу воли. В этой работе Рассел также продолжает критику психологии Уотсона и защиту эвристичности интроспекции, используя Джеймса в качестве союзника. В собственно психологических вопросах, как и в собственно физических Рассел и не претендует на оригинальность, его цель — систематизировать современные ему научные представления о человеке и мире, связать их между собой и укоренить в какой-то общей метафизике. Поэтому о характере обращения Рассела к текстам Джеймса можно сказать то же, что и о характере его обращения к работам Уотсона, З. Фрейда, К.-Г. Юнга, Дж. Стаута, Н. Данлепа и некоторых других психологов. Мы не встречаемся с Джеймсом даже в тех главах, в которых это было вполне ожидаемо, например, в главе, посвящённой проблеме истины и ложности. Однако в некоторых существенных аспектах Рассел обращается к Джеймсу не столько как к психологу, сколько как к метафизику. Рассмотрим эти аспекты.

В целом, эту работу можно представить как попытку ограничить выводы “Опровержения идеализма” применительно к сознанию. В самом

деле, муровское требование различать сознание и объект сознания может быть применено и к ментальным сущностям. Например, я представляю себе нечто красное. Если представление красного и представленное красное может быть различно, то нельзя, так можно понять Мура, их отождествлять, это нарушение законов логики, уступка гегелевскому способу мышления. Рассел, принимая рассуждение Мура для вещей, хочет сказать, что для сознания оно не годится. И вот почему: мы не имеем надежных эмпирических и концептуальных оснований принимать в свою онтологию сознание вообще.

Первая глава “Анализа ума” называется “Современная критика «сознания»”. В ней он рассуждает о широко распространённой точке зрения, которой он и сам раньше придерживался, что “ментальное” характеризуется тем, что оно есть нечто, что уместно назвать “сознанием” (consciousness), будь то отношение к объектам или всепроникающее качество психических феноменов. Эту точку зрения Рассел отвергает³⁸¹. Одной из целей его работы является опровержение тезиса о фундаментальности различия ума (mind) и материи. Он пытается показать, что то, что принято считать материальным, на самом деле является не субстанцией, а системой партикулярий (particulars), аналогичных по своей природе ощущениям (sensations)³⁸². Дуализм ума и материи предлагается заменить дуализмом физической и психической (или мнемической) причинности. Рассел приводит джеймсовский пример с воображаемым огнём, который не может сжечь физическую палку. Правда, считает Рассел, нужно скорректировать Джеймса: различие ментального и физического лежит не в характере их действий, а в характере причин, их порождающих³⁸³. Второй пункт, в котором британский философ желает скорректировать взгляды философа американского, это природа вещества, из которого состоит мир. Как и в уже рассмотренных нами текстах, Рассел считает, что это вещество нельзя называть “опытом”, даже

³⁸¹ Russell B. *The Analysis Of Mind*. London: George Allen And Unwin Limited. 1922. P. 9.

³⁸² Russell B. *Op. cit.* P. 108.

³⁸³ Russell B. *Op. cit.* P. 137–138.

“чистым”. Вместо этого он предлагает использовать термин американских реалистов — “нейтральное вещество”³⁸⁴. Это вещество онтологически более примитивно, чем ум или материя, и является общим предком для обоих³⁸⁵. И ум, и материя являются логическими конструкциями. Партикулярии, из которых создаются эти конструкции, находятся в разных отношениях; некоторые из них изучаются психологией, другие — физикой. Психические явления отличаются двумя взаимосвязанными характеристиками: пассивностью, субъективностью и мнемической причинностью. Рассел допускает, что возможно установить, как мнемическая причинность вытекает из обычной физической причинности, но он не уверен в этом. Сознание тогда оказывается сложным и неуниверсальным феноменом, а наличие ума — это вопрос степени, главным образом, количества и сложности привычек. Все наши данные, как в физике, так и в психологии, подчиняются психологическому причинному закону, но физические причинные законы, по крайней мере, в традиционной физике, могут быть сформулированы только с использованием термина “материя”, которая никогда не является наблюдаемой, а лишь логической конструкцией³⁸⁶.

Что, кроме желания объединить физику и психологию, может привести кого-либо к такой метафизике? Судя по всему, Рассела вела всё возрастающая неуверенность в необходимости постулированной Муром и другими философами сущности под названием “сознание”. Мур, правда, специально не упоминается в этой работе, но выше мы видели, что этот реалистический взгляд Рассел связывал именно со своим другом. В “Анализе ума” Рассел критикует не Мура, но Brentano, цитируя знаменитое место из “Психологии с эмпирической точки зрения”, в котором австрийский философ вводит “интенциональность” в современную философию³⁸⁷. Согласно критикуемой Расселом точки зрения, в мысли о некоем объекте можно

³⁸⁴ Russell B. Op. cit. P. 6, 25.

³⁸⁵ Russell B. Op. cit. P. 10–11.

³⁸⁶ Russell B. Op. cit. P. 307–308.

³⁸⁷ Russell B. Op. cit. P. 14–15.

выделить акт, содержание и объект. Когда я думаю о Смите и когда я думаю о Брауне, акт мышления как таковой в этих двух случаях качественно один и тот же. Содержание отличается от объекта тем, что некое содержание существует в моём уме в тот момент, когда я думаю некую мысль, а объект — нет. Как и раньше, Рассел считает, что “акт” не является той сущностью, без которой мы не могли бы обойтись в онтологии сознания: эмпирически мы не наблюдаем ничего подобного, теоретически Рассел не удовлетворён доводами в пользу необходимости постулирования такой сущности. Акт есть “призрак субъекта, или того, что когда-то было полнокровной душой”³⁸⁸. Конечно, мысли собираются в “пучки” (bundles³⁸⁹), и мой “пучок” отличается от “пучка” Рассела, но это не значит, что моя личность (person) присутствует в каждой моей мысли, скорее, напротив, все мои мысли складываются в мою личность.

Второй критической довод Рассела касается отношения содержания и объекта. Референция мыслей к объектам не является, убеждён он, простой, прямой и эссенциальной, как это хотят представить Brentano и Meinong. Реалисты, пишет Рассел, изымают из онтологии содержание, тогда как идеалисты делают то же в отношении объекта. Сам Рассел был реалистом и остаётся им по отношению к ощущениям, но не по отношению к памяти и мыслям³⁹⁰. Таким образом, по отношению к мыслям, Рассел предлагает нам прислушаться к идеалистическому доводу: ничего не может быть познано мыслями, кроме самих мыслей. Таким образом, в отношении ощущений существуют, по Расселу, только сами объекты, а в отношении мыслей — только мысли, и на фундаментальном уровне это одно и то же. Этот взгляд он и приписывает Джеймсу, Дьюи и американским реалистам считая это новым словом в философии и большим открытием³⁹¹.

³⁸⁸ Russell B. Op. cit. P. 18.

³⁸⁹ Это, разумеется, знаменитый юмовский образ.

³⁹⁰ Russell B. Op. cit. P. 20.

³⁹¹ Russell B. Op. cit. P. 22, 143.

Любопытно, что современный панпсихизм был ответом на неспособность физикалистской онтологии реагировать на различного рода феноменологические аргументы (аргументы от представимости, аргумент от знания и т.д.), в то время как нейтральный монизм Рассела возник как реакция на первые серьезные успехи экспериментальной психологии бихевиористского толка. Примечательно также, что материалистический вызов философы начала века видели в новой науке о духе, тогда как идеализм исходил в основном от некоторых интерпретаций эйнштейновской физики. О материализме Рассел пишет, что он “редок среди философов, но в определённый период распространён среди людей науки”³⁹². Сегодня, согласно имеющимся данным, 56.5% аналитических философов являются физикалистами, при том что отрицают физикализм всего 27.1%, а 16.4% имеют какое-то другое мнение на этот счёт³⁹³. Нужно отметить, что современный панпсихизм опирается скорее на “Анализ материи”, другую книгу, выпущенную Расселом в 1927 г., в которой нейтральный монизм предстаёт в виде научного реализма³⁹⁴. Филипп Гофф указывает, что “этот новый взгляд был быстро забыт, возможно, потому что он не вписывался в физикалистский дух времени второй половины XX века”³⁹⁵. Исследователям ещё предстоит найти ответ на вопрос, почему идея, которую в разных версиях развивали Мах, Джеймс и Рассел, идея, которая встретила известное яростное противодействие со стороны будущего лидера советского государства, идея, привлекавшая таких учёных как Артур Эддингтон³⁹⁶, так быстро канула в лету. В целом, можно согласиться с Брюсом Кукликом и Н. С. Юлиной³⁹⁷, что дело в том, что нейтральные монисты представляли собой первый этап профессионализации философии в англоязычном

³⁹² Russell B. Op. cit. P. 10.

³⁹³ Bourget D., Chalmers D. What do philosophers believe? // Philosophical Studies. 2014. №170(3). P. 465–500; Отечественные философы, впрочем, уверены в обратном: только 32% из них, по версии опроса МЦИС, считают сознание физической сущностью — см. kot.sh/statya/1727/tak-ili-edak-mozhet-nikak.

³⁹⁴ см. Goff P. Consciousness and Fundamental Reality Forthcoming with Oxford University Press, Summer 2017. URL — philipgoffphilosophy.com/publications.html.

³⁹⁵ Goff P. Bertrand Russell and the problem of consciousness // S. Leach & J. Tartaglia (Eds.) Consciousness and the Great Philosophers. Routledge.

³⁹⁶ Eddington A.S. The Nature of the Physical World. MacMillan. 1928.

³⁹⁷ Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+. 2010. С.109.

академическом мире, они были первыми философами после отделения от философии психологии и ещё только искали свою дисциплинарную матрицу. Несмотря на то, что Рассел сделал очень много для разработки этой самой матрицы, он почти не применял её язык в собственно метафизической работе, ограничиваясь только экскурсами в онтологическую проблематику (не считая, пожалуй, проблемы универсалий, для разработки которой Рассел сделал довольно много) и индуктивными обобщениями данных психологии и физики. В целом, некоторое, пусть и с каждым годом ослабивающее влияние нейтральные монисты сохраняли до начала 50-х; и если сравнить их работы с текстами теоретиков тождества и сменивших их функционалистов, то прогресс философии, во всяком случае технический, будет очевиден.

2.2.2.2. Дискуссия о проблеме истины

Вопрос об истине, связывающий в единый узел метафизику, эпистемологию и философию языка, относится к числу самых фундаментальных научных проблем. Философы, изучающие эту тему, пытаются ответить на вопросы: что есть истина? что делает истинное истинным (truth-maker problem)? какого рода объекты могут быть истинными или ложными (слова, или суждения, или высказывания, или предложения, или вещи, или мысли, или личности и т.д.)? является ли истина свойством суждений или целью познания? если первое, то что это свойство добавляет к смыслу суждения? если второе, то отличается ли истина от полезности или успешности?

Эта тема не является сама по себе отличительной особенностью аналитических философов или философов XX века. Схоласты, скажем, постоянно писали трактаты или разбирали “вопросы”, касающиеся истины. Но всё же, чтобы понять архитектонику самой этой проблемы, лучше всего обратиться не к ним, а к философам Нового времени. Спиноза в первой книге “Этики” определяет истинную идею, как идею, согласную со своим идеатом,

т.е. предметом (I, def. 6)³⁹⁸. В определениях, предваряющих вторую книгу, он добавляет, что адекватная идея есть такая идея, которая, будучи рассмотренной без отношения к объекту, имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи. К этому определению Спиноза предлагает объяснение: “Я говорю внутренние признаки для исключения признака внешнего, именно согласия идеи с своим идеатом”. Теорема 32 из второй части связывает истину и Бога, но для нас важно, что истинность через согласие идеи и обозначаемой ею вещи является внешней характеристикой истинности. Это положение важно и для одного кантовского аргумента, который поможет нам лучше понять, в чём же заключается проблема истины.

Кант согласен с тем, что “соответствие познания с объектом есть истина” (B236). Но, как и Спиноза, Кант считает это лишь внешним, “номинальным” (B82), определением истины. Эта теория даёт нам лишь негативную эвристику: если утверждение (у Канта — Erkenntnis, познание) не находится в соответствии с тем предметом, к которому оно отсылает, то это утверждение является ложным. Но что такое истинное утверждение? Это, по Канту, плохой вопрос, на который дают бессмысленные ответы. Требование дать такое определение Кант считает содержащим в себе противоречие: требование всеобщего критерия истинности может быть выполнено только по отношению ко всеобщему, т.е. по отношению к форме познания, но истина по самой своей природе мыслится по отношению к материи. Кант даёт то, что он называет логическим критерием истины: “соответствие познания всеобщим и формальным законам рассудка и разума”, иначе рассудок будет себе противоречить. Этими законами занимается аналитика. Выражаясь более современно: мы не можем дать достаточного условия истины, только необходимое. Таким образом, всю ситуацию будущих исследований истины аналитическими философами Кант мог бы описать так: “один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето” (B83).

³⁹⁸ Спиноза Б. М.: Академический проект. 2008. С. 57, 101, 333.

Различие на формальную и материальную стороны проблемы принимает и Рассел. В “О пропозициях” он говорит, что формальный аспект связан с отношением формы суждения к форме его объективного коррелята, тогда как материальный, который, по его словам, педалируют прагматисты, связан с действиями истинных и ложных суждений. Он подчеркивает, что его рассмотрение будет касаться первого, но не второго аспекта. В “Анализе ума” он различает формальный, внешний, критерий истинности, т.е. соответствие, и требование дать внутренний критерий, на роль которого выдвигаются самоочевидность и согласованность³⁹⁹.

Таким образом, проблема истины *prima facie* состоит в определении того, что делает некоторые суждения истинными: внешние факты или же внутренние свойства суждений? Для такой постановки вопроса характерно, что мы смотрим либо на суждения и факты, либо на суждения и суждения. Прагматический подход к этой проблеме состоит в измерении масштабирования: мы должны определить место истины в процессе познания вообще, а не в кванте этого процесса. При этом важно отметить, что прагматизм Пирса, скорее, имел дело с природой значения, а акцент на истине был сделан Шиллером, Дьюи и, ярче всего, Джеймсом⁴⁰⁰.

Выше мы видели, как Пирс защищал теорию истины как соответствия от критики молодого Мура, и как он пытался дополнить эту теорию положением о вероятностном характере истины и пришёл к определению истины как абстрактного предела исследований, исходя из которого мы могли бы сказать, что некое знание нас никогда не подводило. Важно понимать, что Джеймс и Пирс по-разному смотрели на природу универсалий⁴⁰¹. Семиотическая теория Пирса, сердце его философии, постулирует существование как абстрактных первичностей, так и

³⁹⁹ Russell B. *The Analysis Of Mind*. London: George Allen And Unwin Limited. 1922. P. 261.

⁴⁰⁰ Copleston F. *A History of Philosophy*. Vol. VIII. *Modern Philosophy: Empiricism, Idealism, and Pragmatism in Britain and America*. Image Books. Doubleday. P. 305; Гавин У. Уильям Джеймс, 1842-1910 // *Американская философия*. Под ред. Марсубяна А. Т. и Райдера Дж М.: Идея-Пресс. 2008. С. 172

⁴⁰¹ “Линия Пирса” и “линия Джеймса”, в целом, являются устойчивыми топами в исследованиях по американской философии. См. например, Труитт У. Предшественники постмодернизма и его связь с классическим американским прагматизмом // *Вопр. философии*. 2003. № 3. С. 165–166.

третичностей, которые обеспечивают законосообразное постоянство в природе. Подобной спекулятивной метафизики мы не встретим в текстах Джеймса: когда он говорит, что значением знака являются его практические последствия, то речь идёт о конкретных практических, чаще всего чувственно воспринимаемых действиях.

Несмотря на то, что, строя свою эпистемологию, Пирс принимает во внимание рутину научного работника, но всё же оценивает он её с точки зрения будущего идеального научного сообщества, ясно давая понять, что это идеал, предел, теоретическая фикция, а не какое-то действительно возможное множество людей. Джеймс же смотрит на учёного не из светлого будущего, а из обыденности настоящего, заботясь о связи уже имеющихся истин с новыми данными. Поэтому его теорию истины можно суммировать так: истина есть то, во что нам хорошо было бы верить. Но что это значит? Джеймс как бы говорит: тут нет ничего сложного. “Хорошо было бы верить” означает просто “это нас удовлетворяет”. Поэтому “удовлетворённость” становится важной частью его теории истины. Джеймс считает, что введение этого элемента в теорию истины не только позволяет нам объяснить, что она есть, но и зачем она нам нужна, почему мы можем стремиться быть убеждёнными скорее в истине, чем в обратном⁴⁰².

Этот акцент на настоящем, который можно увидеть в теории истины Джеймса, показывает и то, почему для него была столь важна теория воли к вере. Иногда, рассуждает Джеймс, мы должны решить: принимать ли некое положение как истинное или не принимать. Мы не можем ссылаться тут на будущее идеальное научное сообщество, не можем описывать вероятность истинности и тому подобное. Обычно, согласно Джеймсу, в таких ситуациях на кону — жизнь.

Вот мы и перечислили важнейшие элементы теории истины Джеймса: практические следствия, удовлетворённость, согласование с прошлыми

⁴⁰² Flowers E., Murphey M.G. A History of Philosophy in America. Vol. II. New York: Capricorn Books, G.P. Putnam's Sons. 1977. P. 673

истинами, воля к вере. Рассмотрим их все, начиная с последнего.

Учение о воли к вере изложено Джеймсом в лекциях, позднее опубликованных в качестве эссе: “Воля к вере” (1897), “Чувство рациональности” (1897), “Стоит ли жить” (1895)⁴⁰³. Целью его рассуждений в этих текстах было показать, что мы можем быть рациональны даже в принятии своих нерациональных по содержанию убеждениях. Существуют ситуации, в которых вы просто должны выбрать тот или иной набор суждений, и действовать так, словно бы они были истинными.

Может сложиться впечатление, что речь идёт об экстремальных ситуациях. Например, когда мы хотим спасти кого-то, тонущего в проруби, мы должны быть уверены в истинности множества суждений, касающихся морального и физического порядка вещей. Но Джеймс не приводит подобных примеров. Он говорит, например, о получении нами предложения принять участие в экспедиции к Северному полюсу. Тут нужно решиться, в противном случае, группа уйдёт без нас. То же самое происходит и в ситуациях жизненно важного выбора. Мы должны принять решение жить так, как будто бы Бог есть, или так, как будто бы его нет. Скептик может возразить нам, сказав, что можно всю жизнь воздерживаться от выбора. Джеймс мог бы сказать, что в таком случае, скептик всё же, в противоположность своему заверению, совершил выбор, а именно, он не признал божественное откровение и живёт без Бога в сердце. Но Джеймс этого не говорит. Вместо этого он различает две эпистемологические установки: избегать заблуждений и принимать истину. Брезгливость по отношению к ошибкам не должна парализовать наше желание искать истину. Мы должны быть открыты по отношению к истине, особенно в случаях выборов, которые определяют всю нашу жизнь. Можно спросить: касается ли этот выбор только вопросов религии? Стивен Т. Дэвис считает, что нет, не только⁴⁰⁴, и я не вижу поводов с ним не согласиться. Сам Джеймс упоминает

⁴⁰³ James W. The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy. New York: Dover Publications, 1956.

⁴⁰⁴ Дэвис С.Т. Бог, разум и теистические доказательства. М.: Наука, Восточная литература. 2016. С.228.

также, что воля к вере может помочь нам разрешить казус между моральным реализмом и моральным скептицизмом, естественно, в пользу первого.

Одним из авторов, которых Джеймс критикует в “Воли к вере”, является У. К. Клиффорд, математик, которого мы уже упоминали в связи с его высокой оценкой логического таланта Пирса. Клиффорд утверждал, что любое суждение заслуживает принятия ровно настолько, насколько мы располагаем свидетельствами его истинности. Джеймс возражал, что иногда мы не обладаем всей полнотой информации, но всё же должны принимать решение. Выбор, о котором идёт речь, должен быть живым, значащим, необходимым. Тогда мы, честно осознавая беспочвенность как принятия, так и отрицания некоего положения, а также нелепость воздержания от выбора, всё же сможем выбрать то или иное.

Прежде чем пойти дальше, необходимо отмежевать аргумент воли к вере от внешне чем-то похожего на него аргумента “пари Паскаля”. Целью Б. Паскаля было подобрать довод, который мог бы убедить неверующего в том, что стоит верить. На это Джеймс замечает, что “когда религиозная вера начинает выражаться языком игорного стола, это значит, что она висит на волоске”. Целью же довода Джеймса было обосновать право на веру в случае отсутствия знания. Он отмечает, что эту доктрину строит принять во внимание, прежде всего, излишне скептически настроенным учёным, тогда как религиозным людям, напротив, стоило бы уменьшить количество суеверий, к коим они питают склонность⁴⁰⁵.

Мы могли бы спросить Джеймса: а почему такая срочность? В самом деле, почему нельзя по понедельникам быть христианином, по вторникам — язычником, по средам — атеистом, а в другие дни вообще не думать о божественных предметах? Или почему нельзя всю жизнь прожить атеистом, а перед смертью принять какую-то религию? Ответ Джеймса, вероятно,

⁴⁰⁵ Это не значит, что Джеймс отрицательно оценивал философию Паскаля в целом. В других местах он соглашается, например, со знаменитым рассуждением о том, что у “сердца” есть свои резоны, о которых разум не знает. О Паскале и “философии сердца” см. Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика. 1994.

состоял бы в том, что эти два случая — разные. Мы можем изменить убеждения, если ситуация выбора будет живой, уникальной и необходимой, как в нашем примере с умирающим атеистом. А вот менять веру каждый день значит строить свою жизнь так, словно бы и не было никакой веры.

Второй вопрос, возникающий по отношению к этому учению, связан с тем, а нельзя ли с его помощью доказывать рациональность также и атеистических убеждений? Джеймс не говорит об этом, но не ясно, как бы он мог обосновать отрицательный ответ. Айер отмечает, что рассуждение Джеймса даёт атеисту то же, что и теисту⁴⁰⁶. С другой стороны, Джеймс всё же допускает, что, с эмоциональной точки зрения, верить в Бога лучше, чем не верить, так как Бог может выступить гарантом справедливости, и верить в мир без Бога хуже, чем в мир с Богом⁴⁰⁷. Если серьезно отнестись к этому рассуждению, то получится, что ситуация религиозного выбора всё же не является интеллектуально нейтральной, как того требует учение о воли к вере. Джеймс, конечно, говорит, по своему обыкновению, о том, что выбор между материализмом и спиритуализмом заключается не в схоластических тонкостях, а в эмоциях. Но что неинтеллектуального в том, чтобы оценить свои эмоциональные реакции разные суждения и выбрать наиболее эмоционально приемлемое из них? Более того, Джеймс приводит и неэмоциональные доводы в пользу незавершённости мира: наше знание о нём (во всяком случае пока) не является полным, а знание является частью мира, следовательно, мир не является чем-то полным⁴⁰⁸. А неполнота, по Джеймсу, оставляет место Богу⁴⁰⁹.

Не совсем ясно также можно ли сказать, что религиозные люди обладают правом на веру в силу того, что они совершили выбор в условиях неопределенности? Спросить это не значит поставить под сомнение право на

⁴⁰⁶ Ayer A. The Origins of Pragmatism Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce and William James. Palgrave Macmillan UK. 1968. P. 183.

⁴⁰⁷ Джеймс. Цит. соч. С. 69.

⁴⁰⁸ Джеймс. Цит. соч. С.104, 156–157. Он приписывает эту мысль Лотце.

⁴⁰⁹ В целом, Джеймс концептуализирует Бога как радикальную возможность мира быть иным. Сама по себе эта мысль не является чем-то оригинальным, в разных формах мы встречаем её у Николая из Кузы, Лейбница, Шеллинга и т.п.

свободу совести, это значит усомниться в том, что это право может быть фундировано фактом совершения выбора. Ясно, что статистическое большинство людей, имеющих устойчивые взгляды по любому вопросу, в том числе и по вопросу о существовании Бога, не выбирали быть убеждённым в Его бытии или небытии. Это люди, перефразируя Хайдеггера, в эти убеждения как-то попали или в них как-то выросли⁴¹⁰. Не ясно, может ли теория Джеймса дать право на веру этим людям, или она применима только к тем, кто пришёл к неким убеждениям путём сознательной делиберации.

Открытым также остаётся вопрос о применимости учения о воли к вере к другим метафизическим вопросам. Так, сам Джеймс, например, использует его в своей теории свободы воли.

Другой важный аспект теории Джеймса касается учения о практических следствиях. Это учение связано с тем, как Джеймс понимает правило Пирса. Он трактует его так: “чтобы добиться полной ясности в наших мыслях о каком-то предмете, мы должны только рассмотреть, какие практические следствия содержатся в этом предмете, т.е. каких мы можем ожидать от него ощущений и к какого рода реакциям со своей стороны мы должны подготовиться”⁴¹¹. Сегодня общепризнанно, что это существенно отличается от аутентичной точки зрения Пирса. Но именно в свете так использованного учения Пирса, Джеймс и строит свою теорию истины. Он согласен, что истина есть соответствие идей и действительности (и в этом смысле он не отрицает корреспондентскую теорию), но не согласен, что это соответствие имеет характер копирования. Что, в самом деле, копирует, например, идея “эластичность пружины часового механизма”? Джеймс предлагает считать, что соответствие естественнее понимать как верификацию; истинные идеи, следовательно, суть те, которые можно подтвердить, подкрепить, проверить. Таким образом, Джеймс не столько

⁴¹⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. М. Академический проект. 2011. С. 12.

⁴¹¹ Джеймс. Цит. соч. С.34.

отрицает теорию соответствия, сколько считает её неполной или даже тривиальной. Истина, считает он, не есть что-то статическое, она есть событие проверки, которое случается с идеями. Мы уже видели, как Мур указывал на неточности и слабости этого рассуждения. Джеймс действительно тут не совсем ясен. Не ясна, например, онтологическая природа истины — это событие нашего опыта? свойство идей? свойство суждений? Эта неясность сама по себе не являлась бы опасной, если бы не приводила к возможности сконструировать из высказываний Джеймса такую философию, которая не смогла бы устоять перед критикой Мура. Но всё же даже если мы отложим доводы английского философа в сторону, как сделал это сам Джеймс, то всё равно мы столкнёмся со сложностями однозначного изложения прагматической теории истины. С одной стороны, Джеймс допускает, что не все наши убеждения поддаются непосредственной проверке⁴¹², а, с другой, пишет, что, как все дороги ведут в Рим, так все проверки, в итоге, должны приводить к чувственным проверкам⁴¹³. Как согласовать одно с другим? Вполне возможно, что на этот вопрос может ответить теория старых истин, к рассмотрению которой мы сейчас перейдём.

Требование согласованности новых истины с прошлыми я считаю центром прагматической теории истины, поскольку именно в этой точке Джеймс ближе всего подходит, с одной стороны, к эпистемологии “Закрепления убеждений”, а, с другой, — предвосхищает теорию сети убеждений У. В. О. Куайна. По Джеймсу, истины становятся истинными потому, что они “помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям опыта”⁴¹⁴. Истина как бы растёт в нас. У нас всегда уже есть некоторый запас убеждений, и нам случается сталкиваться с фактами или мыслями, которые либо сами не согласуются с нашими убеждениями, либо обнаруживают уже имеющуюся несогласованность. В таком случае, мы пытаемся изменять старые мнения или каким-то суждением непротиворечиво

⁴¹² Джеймс. Цит. соч. С. 131.

⁴¹³ Джеймс. Цит. соч. С. 132.

⁴¹⁴ Джеймс. Цит. соч. С. 41.

соединить наши убеждения с новым фактом. Именно в свете этого рассуждения следует понимать знаменитое определение истины как того, что работает. Джеймс подчеркивает, что мы должны стремиться минимизировать изменения в своих убеждениях. Но, с другой стороны, мы не должны отказываться от очевидного, игнорировать его. Таким образом, истина есть то, что позволяет нам справиться с интервенцией нового факта в наш опыт. Сам Джеймс использует тут милитаристские метафоры, говоря, что истина есть “миротворец”⁴¹⁵. Критерием истинности является личная удовлетворённость, но именно в этом, специальном смысле: после согласования своих убеждений мы перестаём тревожиться по этому поводу, все наши убеждения приходят к гармонии, по крайней мере, по какому-то конкретному вопросу на какое-то конкретное время. “Всякое новое мнение, — говорит Джеймс, — признаётся «истинным» ровно постольку, поскольку оно удовлетворяет желанию индивида согласовать и ассимилировать свой новый опыт с запасом старых убеждений”⁴¹⁶.

Такое изложение вызывает вопросы. Например, почему мы считаем истиной способ согласования нового факта со старыми убеждениями? У Джеймса есть ответ на этот вопрос: потому что факты вообще не могут быть истинными и ложными, они просто есть, просто происходят. Истина всегда касается наших оценок происходящего, а не самого происходящего. Другой вопрос, который сразу приходит в голову: какова природа этих “старых истин”? Может сложиться впечатление, что это чистые априорные формы или даже врождённые идеи. Но тогда Джеймс был бы явно непоследователен. Он рассуждает о “самых старых слоях истины”, даже о “палеонтологии” истины, но говорит, что они сами когда-то были гибкими и пластичными и были приняты, так как принесли человечеству удовлетворение. Эти истины и составляют здравый смысл, который можно до некоторой степени считать априорным относительно каждого отдельного

⁴¹⁵ Джеймс. Цит. соч. С. 43.

⁴¹⁶ Джеймс. Цит. соч. С. 44.

акта познания или, шире, действия⁴¹⁷. Джеймс даже набрасывает что-то вроде кантовской таблицы категорий, перечисляя наиболее важные для нас понятия, обладающие всеобщей применимостью и лежащие в основе языка: вещь, тождество и различие, рода, сознания, тела, время, пространство, субъекты и атрибуты, причинное воздействие, мир фантазии, действительность. Предполагается, что мы должны отталкиваться от них в любом рассуждении, но это не значит, что в какой-то момент список не мог бы быть дополнен или даже полностью пересмотрен. Последнее, хотя и является логически возможным, практически, всё же, маловероятно. Так, например, Джеймс упоминает неудачу попыток заменить “допотопное” понятие причинности на понятие “закона”⁴¹⁸. Из-за учения о старых истинах Джеймс и называет прагматическую теорию истины генетической.

Н. С. Юлина указывает, что теория старых истин также может быть способом защиты против попытки показать, что прагматическая теория истины, ведущая к антиреалистическим следствиям, противоречит естественнонаучному реализму, который Джеймс принимает, например, в своих психологических работах. Дело в том, что старые истины достались нам в наследство от прошлых поколений, т.е. они оказались эволюционно выгодны, а значит, они не противоречат объективным условиям развития организма⁴¹⁹. Похожий эволюционный аргумент Джеймс использует и против эпифеноменализма⁴²⁰. Однако, кажется, этот довод не учитывает возможности наследования эволюционно невыгодных признаков⁴²¹.

Джеймс также постоянно педалирует мысль о множественности истины и что истины как чего-то отдельного от этих множеств не

⁴¹⁷ В другом месте Джеймс называет настоящим априорным элементом мышления (cognition) интерес, так как его мы не извлекаем из мира — James W. Remarks on Spencer's definition of mind as correspondence // *The Journal of Speculative Philosophy* Vol. 12, No. 1. 1878. P. 6. Клоппенберг указывает, что это первая статья, в которой Джеймс выразил свои прагматические идеи: Kloppenberg JT. James's Pragmatism and American Culture, 1907–2007 / In: Stuhr J. 100 Years of Pragmatism: William James's Revolutionary Philosophy. Bloomington: Indiana University Press. 2010. P. 8.

⁴¹⁸ Джеймс. Цит. соч. С.112.

⁴¹⁹ Юлина Н.С. Философская мысль в США: XX век. М. Канон+. 2010. С. 82.

⁴²⁰ См. Беседин А.П. Насколько силен эволюционный аргумент против эпифеноменализма? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2016. № 2. С. 32–40.

⁴²¹ Удивительно, но некоторые психологи и сегодня не учитывают возможности этого возражения. Примером может служить работа Н. Хамфри — Хамфри Н. Сознание. Пыльца души. Карьера Пресс. 2014.

существует. Своё рассуждение Джеймс иллюстрирует так: существует множество латинских слов и правил латинской грамматики, но не существует латыни как таковой. Вопрос “что такое истина?”, согласно Джеймсу, не является реальным вопросом⁴²². Таким образом, он соглашается с выводом Канта, хотя и на иных основаниях⁴²³.

Как отмечает Ш. Мисак, в самых удачных пассажах своих сочинений Джеймс проясняет, что он характеризует истину как то, что является человеческой ценностью, но не как то, что тот или иной человек может время от времени находить ценным. Утверждая, что истина всегда выгодна (*expedient*), он имеет в виду, что она выгодна в долгосрочной перспективе (*in the long run*)⁴²⁴. Нужно правда, отметить, что это замечание Джеймс делает в работе, опубликованной уже после выхода в свет критических статей Мура и Рассела. К содержанию последних мы сейчас и переходим.

Критика Расселом прагматической концепции истины представлена в двух статьях: “Трансатлантическая «истина»” и “Прагматизм”. Напомню, что к этому моменту Рассел уже отверг идеалистическую теорию истины как когеренции. Таким образом, он отверг один из самых популярных вариантов внутреннего критерия истины. В это же время он продолжает свои активные занятия математикой и постепенно становится тем философом, которого увидел молодой Витгенштейн в 1911 г. Рассел довольно много занимается общественной деятельностью, но в 1907 году он терпит сокрушительное поражение на выборах⁴²⁵ и полностью отдаётся научной работе. Он бросает все свои силы на доказательства теорем, которые в будущем составят

⁴²² Джеймс. Цит. соч. С. 147.

⁴²³ Предпринятая реконструкция, вне всякого сомнения, является интерналистской со всеми вытекающими недостатками. Оправданием такого подхода может служить тот факт, что экстерналистские объяснения прагматической концепции истины ещё менее убедительны. Луи Менанд, например, связывает джеймсовский взгляд на истину, с одной стороны, с протестантизмом и, с другой, с крушением политических и социальных идеалов американцев после Гражданской войны (Menand L. *The Metaphysical Club*. Ferrar, Straus and Giroux. N.Y. 2001. P. 89). Ясно, что, хотя это предположение весьма любопытно, его крайне сложно подтвердить.

⁴²⁴ James W. *The meaning of truth: a sequel to “Pragmatism”*. London Longmans, Green. 1909. P. vii; Misak S. *The American Pragmatists*. Oxford University Press. 2013. P. 59.

⁴²⁵ Впрочем, как пишет Монк, Рассел на самом деле не хотел избрания, и никогда бы ни пошел на выборы, будь хоть какой-то шанс войти в парламент. Целью его кампании было привлечение внимания к правам женщин, и цель эта была, по его мнению, достигнута. Monk R. *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872–1921*. The Free Press. New York. London. 1996. P. 190.

“Principia mathematica”. Удивительно, что у него вообще нашлось время и силы на рассмотрение общих вопросов о природе знания и истины.

“Трансатлантическая «истина»”

Первая статья Рассела против прагматической теории истины вышла в свет в качестве рецензии на “Прагматизм” под названием “Трансатлантическая «истина»”⁴²⁶, и позднее была переиздана под названием “Концепция истины Уильяма Джеймса” в сборнике расселовских статей⁴²⁷. Изменение названия связано с тем обстоятельством, что первый вариант вообще не принадлежал Расселу. Первый, аллитерирующий в оригинале заголовок придумал Генри Бакстон, редактор “The Albany Review”. Какое было изначальное название статьи точно неизвестно; Рассел позднее писал, что оно было очень простое, т.е. возможно, ближе ко второму варианту. Изначально статья представляла собой доклад, прочитанный Расселом 23 октября на собрании диалектического общества в Оксфорде. В аудитории присутствовал Фердинанд Шиллер, который одобрил идеи доклада, считая, что Расселу удалось сформулировать ясные и убедительные доводы против прагматизма. В январе 1908 года, когда статья вышла, оксфордец написал Расселу, что он всё ещё считает эту работу лучшим из имеющихся антипрагматических текстов, но он тоже основан на непонимании, хотя и не на таком глубоком, как текст Мура⁴²⁸.

В целом, статья представляет собой довольно остроумный и ироничный памфлет человека, оскорблённого не достаточным, как ему показалось, почтительным отношением к истине, кое он обнаружил в

⁴²⁶ Russell B. Transatlantic “Truth” // The Albany Review. 1908. P. 393–410.

⁴²⁷ Russell B. William James’s conception of truth // Philosophical essays. London ; New York : Longmans, Green. 1910. P. 127–149.

⁴²⁸ Russel B., Moore G.H. (Ed.) The Collected Papers of Bertrand Russell, Volume 5: Toward Principia Mathematica, 1905–08. Routledge; 1 edition. 2014. P. 456–468. В марте 1908 года Шиллер написал рецензию на “Трансатлантическую «истину»” под названием “The Tribulations of Truth” в тот же “The Albany Review”. Ответ Рассела не был опубликован в начале века и сейчас вошёл в собрание сочинений философа. В этих заметках Рассел не напрямую, но фактически объявляет Шиллера в догматизме (“Ваш аргумент показываешь лишь то, что если Вы правы, то я ошибаюсь. С этим я согласен”) и заявляет, что в отличие от Шиллера, он и Джеймс принимают существование реальных фактов, которые сопротивляются нашему познанию. The Collected Papers. P. 735–742.

“Прагматизме” Джеймса. Впрочем, нельзя преувеличить критичность Рассела: со многим он готов был согласиться. Например, его устраивает и эмпирический настрой Джеймса, и его приверженность индукции, и глава о “Едином и многим”. В целом, он положительно оценивает и главу о здравом смысле. Рассел согласен, что наука, философия и здравый смысл — всё это в каком-то смысле истинно. Но он не согласен с тем, как Джеймс развивает эту идею, говоря, что, коль скоро это столь различные области, то и само понятие “истина” требует пересмотра. Рассел так оценивает степень своего согласия с Джеймсом: “Я принадлежу, с некоторыми оговорками, к «жесткому типу» мышления. <...> Я согласен с «жесткой частью» прагматизма и полностью не согласен с его «мягкой» частью”. Иными словами, он не согласен с тем, что Джеймсу удаётся примирить жесткий и мягкий типы философии, что заявлено в первой лекции “Прагматизма”. Прагматизм, пишет Рассел, представляет собой, с одной стороны, метод и привычку мышления, а, с другой, — определённую теорию истины. Метод вызывает у Рассела согласие “до определенной степени”, вторая же есть “существенная новинка и действительно важна”. Но начинается он с метода.

Рассел хвалит Джеймса за то, что последний отворачивается от абстракций, от словесных решений, от плохих априорных аргументов, от фиксированных принципов, закрытых систем, лицемерных абсолютов. Он обращается к конкретным фактам, к действию. Это всё вызывает у Рассела симпатию. Но такая непредубеждённость прагматизма, его открытость оборачивается абсолютным догматизмом, когда речь заходит о самом, как считает британский философ, фундаментальном вопросе философии, вопросе о природе истины. В фундаментальных вопросах, тут же добавляет Рассел, догматизма очень трудно избежать, “и я не порицаю прагматистов за то, что не могло бы быть иначе; но я возражаю против их призыва к критикам быть более непредубеждёнными, чем это есть, или чем это могло бы быть”⁴²⁹.

⁴²⁹ Russell B. William James's Conception of Truth. P. 130—131.

Впрочем, тут же несколько парадоксально утверждает Рассел, Джеймс насколько мало догматичен, насколько философ вообще может быть.

В каком смысле нужно понимать прагматический критерий истины как убеждения, принятие которого влечёт за собой хорошие практические последствия? Это можно, говорит Рассел, понимать в смысле французского прагматиста Эдуарда Ле Роя (Le Roy), как критерий истины, а можно — в смысле Шиллера, как именно значение (meaning) истины. Джеймс, согласно Расселу, согласен с Шиллером, хотя и не вдаётся в обсуждение разницы критерия и значения. Рассел понимает, что Джеймс не отрицает напрямую теорию истины как соответствия реальности, но это соответствие он понимает не как интеллектуальное, а как практическое.

Против последнего Рассел возражает. Неясно, говорит он, как можно определить, являются ли следствия хорошими. Многие деятели французской революции были последователями Руссо, и их убеждения вне, всякого сомнения, изменили мир в долгосрочной перспективе⁴³⁰. Очень трудно оценить, были ли эти изменения благом или нет; куда проще доказать путём прямого исследования работ Руссо, что общественный договор — это миф. Таким образом, как критерий истины прагматическая теория не годится.

Теперь обратимся к утверждению, что прагматическая теория определяет не критерий, а значение истины. Представим, что я принимаю прагматический критерий истины, и некто убеждает меня, что какое-то суждение является полезным. И я, следовательно, принимаю его как истинное. Не является ли, спрашивает Рассел, очевидным, что существует переход от положения “это суждение полезно” к положению “это суждение истинно”. Если такой переход есть, говорит Рассел, то очевидно, что “полезность” не есть то же самое, что “истинность”. Джеймс как бы не может определиться, является ли, с точки зрения его доктрины, суждение “истина есть полезность” тавтологией или нет. Если да, то большая часть его книги, в

⁴³⁰ Здесь мы видим, как молодой Рассел уже использует антирусоистскую риторику, которая будет важной частью его “Истории западной философии”.

том числе и рассуждения о божественном существовании, оказываются бессмысленным. Если нет, то где аргументы в пользу такого объединения двух разных терминов?

Различие критерия и значения, считает Рассел, носит фундаментальный характер для эпистемологии. Свойство А есть критерий для свойства В, когда А и В принадлежат одному и тому же объекту. И А есть полезный критерий для В, когда с помощью него легче понять, имеет ли объект В, чем непосредственно узнавать, обладает ли он В. Представим, что нам нужно выяснить, есть ли определённая книга в библиотеке. Каталог будет критерием наличие этой книги, как показывает практика, небезгрешным. Но ясно, что когда вы говорите, что эта книга есть в библиотеке, это значит не то, что она упомянута в каталоге. Вы имеете в виду нечто иное, а именно, что книга находится на одной из полок в этом здании. Критерий поиска книг бесполезен без наличия самих книг. Прагматист, говорит Рассел, похож на человека, настолько увлечённого сравнительным исследованием библиотек, что утратил интерес к чтению и призывает отказаться от книг в пользу каталогов.

Прагматический критерий истины, согласно изложению Рассела, оказывается совершенно неприменимым в метафизике. Рассмотрим, например, вопрос о существовании других людей. Прагматически, меня удовлетворяют следствия из утверждения об их существовании. Но если я размышляю над проблемой солипсизма, истинность (в прагматическом смысле) суждения “существуют другие люди” не может меня удовлетворить. Я хочу, чтобы другие люди действительно существовали. Прагматизм не может, считает Рассел, отличить “действительно” от “мне удобно так думать”. С другой стороны, убеждение, что солипсизм ложен, может быть истинно, даже если я на самом деле единственный человек во вселенной. Эти эпистемологические странности являются результатом смешения Джеймсом фактов и истин. Факты — это книги в библиотеке, а истины — это записи в каталоге. Истины могут представлять факты, но только до тех пор, пока вы

не захотите прочесть какую-то из книг. Прагматисты убеждают нас, говорит Рассел, в том, что вера в Абсолют есть истина, но не в том, что существует Абсолют как факт⁴³¹.

Несмотря на то, что Рассел хвалит Джеймса за приверженность индукции, он считает, что от правильности такого метода познания нельзя перейти к принятию прагматизму. Конечно, результатом индукции являются суждения, которые можно назвать работающими гипотезами. Но, во-первых, работающие гипотезы составляют только часть наших убеждений, а не все, как считают прагматисты. Во-вторых, дальновидные люди не особенно-то доверяют тому, что является лишь гипотезой. В-третьих, прагматисты, считает Рассел, неправильно понимают значение выражения “работающая гипотеза”. Когда учёные говорят, что некая гипотеза работает, они имеют в виду, что из этой гипотезы мы способны сделать выводы, которые можно верифицировать; когда же это говорят прагматисты, то имеют в виду, что эффекты, в том числе эмоциональные, от веры в её истинность хороши.

Суммируем вышеизложенное. Полезность и анализ последствий не очень хорошие критерии истины, так как нам сложно оценить, какие последствия хорошие, а какие — нет. Нет никаких априорных оснований считать, что истина необходима должна быть полезна. И хотя полезность гипотез важна для индуктивных наук, верный анализ индукции не ведёт нас к прагматизму.

“Прагматизм” Рассела

Если Мур в своей статье против Джеймса анализирует скрытые значения прагматической теории истины, почти не вдаваясь в самые тонкие и одновременно основополагающие эпистемологические контroversы, то Рассел действует ровно наоборот: он не рассматривает вопрос “как можно понять текст Джеймса”, он прямо атакует весьма определённое понимание прагматизма. И это довольно пронизательное понимание. Если в

⁴³¹ Russell. Op.cit. P. 142.

“Трансатлантической «истине»” Рассел как бы присматривается к прагматизму, то в статье 1909 года он уже действует в полную силу⁴³². Именно эта статья показывает, на мой взгляд, что Рассел очень хорошо понимает идеи Джеймса. Достаточно сказать, что он, пусть и в несколько ином виде, перечисляет те же элементы прагматической теории истины, что и мы рассмотрели выше. Таким образом, если иногда он и допускал упрощение прагматистской философии, то делал это со знанием дела. И поскольку расселовское понимание прагматизма очень близко к тому, что я изложил выше, сразу перейдём к изложению его контрдоводов, пропустив анализ части статьи, посвящённой, главным образом, представлению взглядов Джеймса.

Против доктрины воли к вере Рассел выставляет различие между действием на основании некой гипотезы и убеждённости в истинности этой гипотезы. Когда я должен выбирать, например, пойти мне налево или направо, и у меня нет никакой возможности узнать, какая же из дорог ведёт к моей цели, я, так или иначе, выберу либо левую, либо правую. Третьего не дано, таково условие эксперимента. Значит, я на самом деле выберу одну из дорог, и мой выбор, моё действие может оказаться либо истинным, либо ложным. Но это не значит, что я, выбрав, скажем, правую дорогу, буду убеждён, что выбрал правильно. Моё убеждение остаётся нейтральным, что запрещается в доктрине воли к вере, а значит, она ложна. Наши действия основаны на вероятностных предположениях, а этого-то Джеймс и не учитывает⁴³³.

Второй довод Рассела (он не нумерует их) касается идеи Джеймса о том, что нужно не только избегать ошибок, но и знать истину. Этот аргумент, говорит Рассел, направленный на поддержку доктрины воли к вере, на самом деле, основан на двусмысленности глагола “знать”. С одной стороны, он

⁴³² Russell B. Pragmatism // Edinburgh Review. № 209. 1909 P. 363—388. Перепечатано в Philosophical essays. Publisher London; New York: Longmans, Green. 1910. P. 87—126.

⁴³³ При этом уже в Новое время философы использовали понятие вероятности в эпистемологических построениях. См., например, Юм Д. Исследование о человеческом познании / Юм Д. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Канон+. 2009. С. 110–117.

может означать, что мы обладаем знанием тогда, когда наши убеждения соответствуют реальности. Но представим, что некто верит, что фамилия последнего премьер-министра начинается на “Б”, но делает он это потому, что верит, что прошлым премьер-министром был мистер Артур Бальфур. Таким образом, некто прав, но он прав на ложном основании. Никто не скажет, что он знает, что фамилия министра начиналась на “Б”. Точно также убеждение, вообще ни на чём не основанное (что предполагается рассуждением Джеймса), вообще не является знанием, даже в том случае, если оно вдруг оказывается истиной⁴³⁴.

Строго говоря, Джеймс не утверждает, что доктрина воли к вере позволяет ему сказать, что он знает, что, например, Бог существует. Но он действительно говорит о нашей тяге к истине, которая служит основанием его доктрины воли к вере, и если Расселу удаётся обрушить это основание, то вместе с ним рухнет и всё здание.

Третий довод Рассела связан с тем, что доктрина воли к вере приводит к заключению, что разные люди должны иметь несовместимые убеждения. Речь идёт об одной из характеристик, которую Джеймс приписывает ситуации выбора, с которой может иметь дело его доктрина, — о жизненности (living). Джеймс имеет в виду, что для жителя США его времени, выбор между верой в Махди (последнего преемника Мухаммеда в исламе, аналога мессии) и отказом от веры в него, не является чем-то жизненным. Рассел верно подмечает, что тогда люди всего мира обречены иметь несоизмеримые верования. Этот расселовский довод показывает, что

⁴³⁴ Этот довод чем-то напоминает знаменитые теперь случаи Геттиера, с той, однако, разницей, что Геттиер был, конечно, куда более радикален, показав, что даже в том случае, когда мы верим в истинное суждение на некоем рациональном основании, мы всё равно можем не иметь знания. Впрочем, в примере Рассела некто тоже имеет основания считать, что фамилия министра начиналась с Б. Нельзя, правда, отрицать, что технически рассуждение Геттиера построено куда лучше. См. Геттиер Э. Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Пер. с англ., нем. М.: “Дом интеллектуальной книги”. “Прогресс-Традиция”. 1998. С. 231–234. Другое место, в котором Рассел излагает пример, похожий на случай Геттиера — Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. New York: W. W. Norton & Company. 1940. Глава XVI.

попытки защитить Джеймса на основании того, что Рассел не понимал роли “жизненности” в его теории, несостоятельны⁴³⁵.

Разобравшись с волей к вере, Рассел переходит к прагматической теории истины. Он выказывает уважение к тому, что прагматисты при построении теории истины учитывают факт существования ошибок, чего не делают идеалистические теоретики истины, вроде Йоахима. Однако Расселу не нравится, что Джеймс подчиняет истину этике, связывая её с хорошими последствиями, а этику основывает на психологии, связывая хорошее с удовлетворением. Как и в предыдущей статье, Рассел считает это связанным с неверным истолкованием смысла индукции. Индукция основана на фактах, а это значит, что истины факта должны быть истинными в непрагматическом, а корреспондентском смысле. На это Джеймс может отвечать, что факты просто есть, сами по себе они не истинны и не ложны. Рассел готов принять это в том смысле, что простая теория соответствия не может раскрыть всех аспектов истины. Он повторяет тут свой довод от двусмысленности термина “работает”. Когда учёный говорит, что его гипотеза “работает”, он имеет в виду, что следствия из его теории истинны, а не ложны, а не то, что она даёт эмоциональное удовлетворение. А это значит, что нам никуда не деться от объективных фактов.

Другой его довод направлен против утверждения, что прагматизму удалось установить значение термина “истина”. Рассел считает, что тут дело опять в двусмысленности, на сей раз, в двусмысленности термина “значение”. Одно дело сказать, что “облако означает дождь”, а другое — что “pluie означает дождь”. Это совершенно разные типы значения, общее между ними только то, что нечто указывает на другое нечто. Когда мы спрашиваем, что значит некое слово, мы хотим знать, что на уме у человека, который использует это слово. Джеймс и другие прагматисты, по мнению Рассела, смешали эти значения, говоря, что всегда, когда есть истинное убеждение, всегда есть от него та или иная польза, и, следовательно, слово “польза”

⁴³⁵ Дэвис С.Т. Бог, разум и теистические доказательства. М.: Наука: Восточная литература. 2016. С. 214–237.

значит то же, что и “истина” в том же смысле, в котором “pluie означает дождь”. Однако рассуждать так означало бы сказать, что облако есть то же самое, что и дождь.

Рассел также обращает внимание на различие между выражениями “быть истинным” и “быть тем, о чём думают, что оно истинно”. С его точки зрения, аргументация Джеймса показывает лишь то, что суждения, обладающие вторым свойством, могут оказаться ложными, даже если они приносят нам удовлетворение. Это смешение подводит, считает Рассел, прагматизм к опасной черте, за которой начинается абсолютный идеализм. (Рассел не использует этот термин, но прямо говорит о Гегеле и “триалектике” Шиллера). Прагматически истолкованные термины перестают указывать на что-то, что находится на земле, а ссылаются на объекты сознания каждого конкретного прагматиста, так же как у идеалистов они ссылаются на сущности, существующие только в воображении самих идеалистов. Таким образом, идеалисты и прагматисты, желая уничтожить различие реальности и видимости, на самом деле воскрешают его в новом облики: они вынуждены различать реальность как таковую и реальность для нас.

Джеймс и правда не очень ясен в вопросе о существовании независимой от нас реальности: с одной стороны, он определенно признаёт, что нечто сопротивляется нашей экспансии, мир не даёт нам навязывать свою волю, но, с другой стороны, реальность всё равно оказывается результатом нашего выбора, чем-то исключительно пластичным и податливым. Можно пытаться защитить Джеймса, различив два вида независимости. (1) Независимость первого рода появляется как утвердительный ответ на вопрос: “останется ли что-то в мире, если все люди внезапно умрут”. В таком виде онтология Джорджа Беркли тоже оказывается реализмом, так как в таком случае останется Бог. Чтобы не нарушать традицию и отнести философию Беркли всё же к идеализму первого рода, мы можем спросить: “будет ли что-то в мире, если все сознающие существа

внезапно исчезнут”. (2) Независимость же второго рода является ответом на вопрос: “зависят ли объекты нашего познания от нас”. Тут прагматический ответ будет “да”, в том смысле, в каком мы сами определяем тему, задачи и цели исследования, выделяем предмет из многообразия опыта.

Но как тут понимать отношение зависимости? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какую позицию мы занимаем в споре о различии между внутренними и внешними отношениями. Идеалисты утверждают, что все отношения являются внутренними отношениями, т.е. реляты, входящие в них, полностью изменятся, если убрать отношение. Реалисты же отстаивают теорию внешних отношений, согласно которой существуют отношения, называемые внешними, при исчезновении которых реляты не перестают существовать. Джеймс со всей определённо высказывается в пользу теории внешних отношений⁴³⁶. Но в такие онтологические тонкости Рассел в своей критике не входит.

Зато Рассел находит место для политико-этического аргумента. Поощряя демократический дух прагматизма, британец осуждает схожесть его с бисмарковской и ницшеанской доктриной воли к власти. Он считает, что в прагматическом сообществе справедливость становится производной от интересов сообщества, а не независимой конституэтой этих интересов. Для международной политики, считает Рассел, это совершенно неприемлемо.

А что Джеймс? Джеймс знал содержание первой из рассмотренных нами статей, и обсуждал его со своим учеником Горацием Калленым. В январе 1908 г. Каллен писал Расселу о результатах этого обсуждения, и Рассел ответил, что не видит, что он мог сказать Джеймсу в ответ, так как рассуждения прагматистов касаются теории познания, а не логики, суждений (judgments), а не пропозиций (propositions). Это довольно странное замечание, так как сам Рассел, критикуя прагматистов, занимался как раз теорией познания, и всего несколько лет отделяют его от создания уже упомянутой рукописи “Теория познания”. Но, невзирая на это, замечания

⁴³⁶ Джеймс. Цит. соч. С.149–150; Юлина Н.С. Указ. соч. С. 71.

Джеймса действительно, увы, бессодержательны. Некоторый интерес представляет только маргиналия, гласящая, что полезность, в том смысле, в котором её понимает Рассел, играет “вторичную роль в прагматистской эпистемологии”⁴³⁷. Из письма от 26 января 1908, адресованного Джеймсом Шиллеру, мы узнаём первого с неприятной стороны: “...Я теперь полностью согласен с вами в том, что наши враги из абсолютистской школы не заслуживают ни уважения, ни милосердия. Их глупость сравнится разве что с их бесчестностью. Каллен писал мне, что этот чудовищный (egregious) Дж. Э. Мур уничтожал меня в Аристотелевском обществе. Каллен очень впечатлён <sic> Расселом. Мне кажется, что если прагматистское понятие истины имеет какую-то заслугу, то последняя состоит в том, что она избавляет мир от болезненных наростов (diseased Wucherungen), таких как эпистемология Мура, Рассела и Мейнонга”.

В том же году, в мае, во время своего визита в Великобританию, Джеймс побывал у Рассела и после этого прислал ему письмо, в котором утверждал, что вместо того, чтобы существовало некое одно отношение между реальностью и идеей, которое можно было бы назвать истиной, существует множество отдельных отношений, образованных “работающими” идеями с другими частями опыта. Кроме того, он признал, что прямая верификация чувственного присутствия есть вид “ведущей”, т.е. “работающей”, идеи. Важным также является письмо Джеймса Расселу от 4 октября 1909 г., в котором он выражает желание побеседовать с Расселом и перечитать главу про истину из “Принципов математики” (1903), так как он хочет лучше понимать взгляды Рассела, чем Рассел понимает его. Он отмечает также, что рецензия Рассела на работу Дьюи показывает, что британец ещё не постиг прагматическую теорию. Письмо содержит также фразу, которую Рассел потом будет часто вспоминать в ходе своей длинной

⁴³⁷ Russell B. The Collected Papers of Bertrand Russell, Volume 5: Toward Principia Mathematica, 1905–08. Routledge. 2014. P. 813.

жизни: “И мои последние слова тебе: «Прощайся с математической логикой, если ты хочешь сохранить связи с конкретной реальностью»”.

Рассел ответил на это письмо 6 ноября 1908 г. Он писал, что в “Принципах математики” Джеймс вряд ли найдёт что-то об истине, и извинился за то, что всё ещё не понимает прагматизм. Что касается математической логики и конкретной реальности, то предвыборная кампания дала ему достаточно связи с конкретной реальностью, и он думает, что такие связи являются скорее помехой для понимания общих характеристик вещей.

Существует также публичный ответ Джеймса на возражения. Увы, он столь же малосодержателен, как и изложенная выше переписка. Ответ содержится в главе “Два английских критика” работы “Значение истины”⁴³⁸. Речь идёт, увы, не о Расселе и Муре, а о Расселе и Ральфе Хоутри — экономисте, друге Кейнса и члене “Апостолов”, проявлявшем, как и многие участники этого общества, интерес к философии.

Свою статью Джеймс начинает с того, что хвалит остроумие, “аналитическую мощь” и тонкость расселовских рассуждений, основанных, правда, на непонимании его позиции: он не утверждает ничего столь глупого, что ему приписывает Рассел. С точки зрения прагматизма, поясняет Джеймс, хорошие последствия выступают не только знаком, не только критерием истины, но являются *causa existendi* наших убеждений, а не только их логической посылкой. Рассел, как и другие критики, говорит Джеймс, зря считает, что истинное убеждение в чем-то всегда должно предполагать существование этого чего-то. Любой конкретный подход к определению понятий предполагает, что они определяются в отношении каждого конкретного человека. Например, если я верю, говорит Джеймс, что Шекспир написал приписываемые ему пьесы, то прагматист, видя, что для меня это мнение работает, должен признать, что оно является истинным для меня, даже если он точно знает, что Шекспир никогда не писал пьес. Причиной

⁴³⁸ James W. The meaning of truth: a sequel to 'Pragmatism'. London Longmans, Green. 1909. P. 272–287.

ошибки Рассела Джеймс считает привычку своего критика к математическим абстракциям.

В этом формальном, публичном ответе Джеймс, “кажется, едва ли не готов признать, что убеждение, что нечто существует, может быть истинным даже если это не так (что было бы достаточным для опровержения прагматизма)”⁴³⁹. Возможно, это было бы так, если бы не теологический фон рассуждений Джеймса. Рассуждения Джеймса из “Прагматизма” и “Многообразия религиозного опыта” позволяют сказать, что Бог понимается им как радикальная новизна⁴⁴⁰, как абсолютная возможность, как то, что придаёт миру смысл. А это даёт нам право трактовать рассуждения Джеймса в экзистенциалистском духе. Чтобы не пускаться в размышления о смысле жизни, можно применить их, например, к красоте. Люди могут задаваться вопросами: “прекрасен ли мир? есть ли в нём настоящая красота? Спасёт ли она мир?” Сами по себе эти вопросы не кажутся набором бессмысленных слов, они могут быть живыми, значащими, необходимыми и не могут быть, предположительно, решены на интеллектуальных основаниях. Каждый может решить, живёт ли он так, словно бы мир достоин трепетного созерцания, или отрицать этот способ жизни. На таком пути, кажется, мы могли бы избежать доводов в пользу существования третьей позиции. Если это так, то Джеймс мог бы защититься от Рассела, — но он этого не делает.

На этом дискуссию Рассела и Джеймса можно было бы завершить, так как в 1910 г. американский философ умер. Однако и после его смерти Рассел ещё несколько раз возвращался к личности и взглядам американского психолога и философа, и делал он это с неизменной теплотой и уважением к первому и последовательной критичностью ко второму. Но нельзя сказать, что критика прагматизма была какой-то важной темой для Рассела после 1909 года. В сборнике “Почему я не христианин” (1957), в эссе “О

⁴³⁹ Sprigge T. James, aboutness, and his British critics // The Cambridge Companion to William James (Ed. Putnam R.A.). Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 132.

⁴⁴⁰ Идея Бога как будущего получила глубокое осмысление в богословии надежды Юргена Мольтманна. В этом смысле Бог есть ничто иное как абсолютная потенциальность. В противоположность этому Аристотель и Декарт, на разных основаниях, смотрели на Бога как на абсолютную актуальность.

католических и протестантских скептиках”, Джеймс цитируется в связи с его известным выражением “моральные каникулы” (moral holiday)⁴⁴¹. В главных эпистемологических работах своего зрелого периода, в “Исследовании значения и истины” (1940) и в “Человеческом познании” (1948), Рассел вообще не упоминает гносеологические идеи своего американского коллеги, несмотря на то, что в первой обсуждается прагматизм Дьюи, а во второй — Джеймс упоминается в связи с нейтральным монизмом⁴⁴². Времена изменились, Рассел пережил знакомство с Витгенштейном, серьезно изменившее его философские взгляды. Существует, однако, книга, в которой Рассел ещё раз обращается к Джеймсу. Это знаменитая “История западной философии в её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней”, книга, принёсшая своему автору Нобелевскую премию, всемирную известность и финансовое благополучие. Кратко остановимся на изложенных в ней идеях.

“История западной философии”

После известных обильных похвал Джеймсу, Рассел указывает, что он всё ещё не согласен с прагматической теорией истины. Учение о воли к вере является благопристойной, но всё же софистической защитой религии. Рассел считает, что у Джеймса в этом вопросе есть духовный предок, Руссо, который, можно сказать, выступает главным антагонистом “Истории западной философии” и назначен чуть ли не прародителем немецкого нацизма и итальянского фашизма. (Отметим в скобках, что другой либерально настроенный британский философ Исайя Берлин возводил иррационалистическую интеллектуальную традицию не к Руссо, а к Гаману, но Джеймса он относил как раз к рационалистам, вместе с Расселом, Бентамом, Миллем, Brentano, участниками Венского кружка и всеми

⁴⁴¹ Russell B. *Why I Am Not A Christian and Other Essays on Religion and Related Subjects*. London and New York: Routledge. 2004. P. 59.

⁴⁴² Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*. New York: W. W. Norton & Company. 1940; Russell B. *Human Knowledge: Its Scope and Limits*. London: George Allen & Unwin. 1948.

аналитическими философами⁴⁴³). Прагматическая защита религии не может быть принята не только атеистами, но и верующими, которые, по мнению Рассела, никогда не скажут, что верят в Бога, потому что это даёт им счастье, напротив, они скажут, что счастливы, и поэтому верят в Бога.

Представим, говорит Рассел, что я всю жизнь хотел встретить человека по имени Эбenezер Смит. Это по какой-то причине очень важно для меня. И вот однажды я встречаю в поезде некоего человека. Возможно, его зовут Эбenezер Смит, но я этого не знаю. Я могу поверить, что его зовут Эбenezер Смит, ведь я стремлюсь не только избегать ошибок, но и иметь истинные убеждения. Ясно, что вероятность того, что этого человека зовут Эбenezер Смит, крайне мала. Но, подчеркивает Рассел, Джеймс не обсуждает понятие вероятности, что очень странно, так как, на самом деле, именно степень вероятности определяет принятие или непринятие того или иного убеждения. Введение вероятности в эпистемологию означает, что всегда существует нейтральная позиция, что подрывает основной аргумент Джеймса в пользу воли к вере.

Против определения истины как того, что имеет хорошие последствия, Рассел предлагает уже известные нам доводы с незначительными изменениями. К ним он добавляет только то, что прагматическая теория приводит к дурной бесконечности. Чтобы она работала, нужно, чтобы мы могли обладать истиной относительно того, являются ли некие последствия хорошими или нет. Это значит, что мы должны посмотреть, какие последствия у этих последствий и так далее. Кроме того, некое убеждение, например, о существовании Санты, может в широком смысле удовлетворять нас и без того, чтобы Санта существовал на самом деле. В целом, заключает Рассел, “учение Джеймса — это попытка возвести постройку веры на фундаменте скептицизма, и, как все подобные попытки, она ведёт к

⁴⁴³ Берлин И. Северный волхв. И. Г. Хаманн и происхождение современного иррационализма. Ад Маргинем Пресс. 2015. С. 19.

ошибкам”. Корень этой ошибки — берклианский идеализм и игнорирование существования независимых от человека фактов.

Прежде, чем перейти к заключению относительно дискуссий первых аналитических философов с Джеймсом, нужно обозначить, что, критикуя прагматические теории истины и значения, они, в целом принимая корреспондентскую теорию и верификационизм, не были столь радикальны, как вскоре будут логические позитивисты. Мур признавал истинными суждения здравого смысла, например, что его тело существует в прошлом. Ясно, что о прямой верификации тут речи не идёт. Рассел не считал, что то, что не может быть верифицировано, бессмысленно, и что два суждения, имеющие одну и ту же верификацию, значат одно и то же. Сами суждения восприятия не могут быть проверены, напротив, они служат основанием для всякой возможной проверки. Обратное, с точки зрения Рассела, предполагает бесконечный регресс. Относительно второго положения: суждения “звезды существуют вне нас” и “звезды существуют только в моём восприятии” имеют одну и ту же верификацию, но разное значение. Принцип верификации, таким образом, является достаточным, но не необходимым условием осмысленности.

Дискуссии Джеймса и английских философов составили важную эпоху в развитии как прагматизма, так и аналитической философии. Прагматизм приобрёл славу легкой философии, полной неточных определений и страдающей от отсутствия строгих аргументов. Стало ясно, что, несмотря на безусловный талант Джеймса как философа, защищать прагматизм так, как он, было уже нельзя. Что касается аналитической философии, то значимость дискуссии с прагматистами можно сравнить со значимостью развития аналитического метода и спорами с абсолютными идеалистами. При этом эти дискуссии, их содержание и конкретные доводы не будут непосредственно важны для философов эпохи Куайна, эпохи Рорти и его наследников, для современности, даже несмотря на то, что расселианский монизм сегодня снова привлекает внимание. Исторический парадокс состоит в том, что

первым аналитикам удалось опровергнуть эпистемологию прагматизма, но при этом не уничтожить сам дух прагматизма, в то время как им не удалось опровергнуть онтологию абсолютного идеализма⁴⁴⁴, но удалось уничтожить его дух, и сегодня существуют прагматисты, а идеалистов старого толка практически нет.

Ещё один парадокс, связанный с этой дискуссией, состоит в том, что и Рассел, и Мур позднее выдвинули учения, чем-то похожие на прагматизм. В случае Мура это было упомянутое выше учение суждениях здравого смысла, функционально схожих со старыми истинами Джеймса⁴⁴⁵. Рассел же в “Человеческом познании” вводит пять постулатов научного вывода, которые не являются ни логическими, ни эмпирическими: постулат квазипостоянства, постулат отделимых (separable) причинных линий, постулат пространственно-временной непрерывности в причинных линиях, структурный постулат, постулат аналогии⁴⁴⁶. Нам нет нужды вдаваться в детали этих постулатов, так как и сам Рассел не уверен в их количестве, происхождении и формулировках. Важно лишь, что они принимаются потому, что работают, т.е. делают возможной науку.

⁴⁴⁴ Блестящее исследование этого вопроса см. Stewart Candlish. *The Russell/Bradley Dispute and Its Significance for Twentieth Century Philosophy*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007.

⁴⁴⁵ Moore G.E. *A Defence of Common Sense*/ in J. H. Muirhead (Ed.) *Contemporary British Philosophy*(2nd series), London: Allen and Unwin. 1925. P. 193–223. Reprinted in *Philosophical Papers* and in *G. E. : Selected Writings 106-33

⁴⁴⁶ Russell B. *Human Knowledge Its Scope and Limits*. Taylor & Francis. Routledge. 2009. P. 429.

Глава 3. “Натуралистическая революция”

3.1. В ожидании европейцев

В прошлых главах мы проследили наиболее важные аспекты дискуссий между отцами-основателями прагматизма и аналитической философии. Главной внешней особенностью этих дискуссий является тот факт, что они происходили между представителями двух философских лагерей, географически разделённых океаном. Единственным исключением из этого правила является английский прагматист Ф. К. С. Шиллер⁴⁴⁷. Американские поездки Рассела, Мура и тем более Витгенштейна, как и английские визиты Джеймса ситуацию существенно не меняют. Между героями второй главы, а также между Пирсом и Муром не менее чёткой была и концептуальная граница — они отстаивали разные теории истины.

Теперь мы приступаем к исследованию этапа, в котором граница между аналитической философией и прагматическим движением проходит не по Срединно-Атлантическому хребту, а внутри взглядов каждого из вовлечённых философов. Логические позитивисты проявляли интерес к прагматической теории знаков Морриса и очень “американской” философии науки Перси У. Бриджмена. Со своей стороны даже самые спекулятивные прагматические философы, такие как Джосайя Ройс, интересовались новой математической логикой, разработанной аналитическими философами, и её философскими следствиями. В этой главе мы проанализируем относительно нашего предмета общую обстановку в американской философии 20–50-х годов XX века, а затем разберёмся с двумя сюжетами: критикой аналитичности У. В. О. Куайном и М. Уайтом и теорией свободы воли

⁴⁴⁷ Но, как совершенно верно отмечает А. С. Богомолов: “английский прагматизм оказался гораздо беднее идеями, чем его американский контрагент. Прежде всего, потому, что центральная для прагматизма категория практики оказалась здесь фактически не затронутой теоретическим анализом, а занявшие её место категории “личность” и “гуманизм” были слишком уж родственны другому мощному течению — персонализму”. Богомолов А.С. Английская буржуазная философия XX века. М.: “Мысль”. 1973. С. 122. См. также Sturt H.C. (Ed.) *Personal idealism: philosophical essays by eight members of the University of Oxford*. London, Macmillan and Co., Lim. 1902.

последнего. Поэтому первый параграф этой главы носит обзорный характер и не претендует на детальное изложение аргументов и взглядов упоминаемых в ней философов, в то время как второй и третий параграфы, напротив, ориентированы на детальное, насколько нам позволяют рамки диссертационной работы, исследование конкретных сюжетов. Выбор именно этих сюжетов обусловлен тем, что атака на критерии аналитичности представляется нам поворотным пунктом в истории синтеза прагматизма и аналитической философии, событием, после которого облик англоязычной философии претерпел существенные изменения, последствия которых ощущаются и сегодня. Иногда в историографии это событие называют “натуралистической революцией”⁴⁴⁸. Анализ проблемы свободы воли, детерминизма и моральной ответственности Мортонем Уайтом представляет собой показательный пример, как аналитический философ и прагматист может смотреть на классическую метафизическую проблему. Анализ, с одной стороны, новой, неклассической, эпистемологической и философско-лингвистической проблемы аналитичности, а, с другой стороны, традиционной проблемы свободы даст нам объёмное видение “революционной” ситуации.

3.1.1. Джон Дьюи и закат прагматизма

Пирс и Джеймс по своему воспитанию и стилю философствования принадлежали к XIX веку. Иное дело Дьюи. Это был человек века XX. Но первая половина XX века отличалась от второй так же, как и первая половина XIX или, скажем, IV века до н.э. от вторых половин соответствующих веков. А Дьюи умер в 1952 году, и это был, вне всякого сомнения, человек своего времени. Вместе с ним отошла в тень — как мы увидим в следующей главе, ненадолго — национальная американская традиция, которую Дж. Сантаяна

⁴⁴⁸ Или “натуралистическим поворотом”, Haack S. The Two Faces of Quine's Naturalism // Synthese 94, no. 3. 1993. P. 335–356; Hacker P.M.S. Passing by the Naturalistic Turn: On Quine's Cul-de-Sac // Philosophy. 2006. 81(2). P. 231–253; Leiter B. Introduction. The Future of Philosophy. / In The Future of Philosophy. (Ed.) Leiter B. Oxford: Clarendon Press. 2006. P. 2.

называл “элегантной” (*genteel*)⁴⁴⁹. Философы вступили в эпоху, которую современные журналисты называют Американским веком, Атомным веком, Космическим веком, а гражданские историки — эпохой Холодной войны.

Со смерти Джона Дьюи многие авторы, пишущие об англоязычной философии XX века, отсчитывают темную эпоху в истории прагматизма. Точка зрения, согласно которой между Дьюи и Рорти не существовало хоть сколько-то заметных философов-прагматистов, получила в современной историографии название “теория затмения” (*eclipse view*)⁴⁵⁰. Нет никаких сомнений, что за пределами сообщества исследователей прагматизма, эта точка зрения является довольно широко распространённой. Во многом своей популярностью она обязана как раз Ричарду Рорти, открыто декларируемой целью деятельности которого было возрождение прагматизма, а возрождать можно только то, что является мёртвым. В этом подпараграфе мы разберёмся с тем, что живо и что мертво в теории затмения.

Сразу скажем, что полностью ошибочной её не назовёшь. Достаточно сказать, несмотря на то, что Дьюи был назван американскими газетчиками “философом Америки”⁴⁵¹, а советскими — “верным защитником капитализма” и “ярким врагом социализма”⁴⁵², тот тип философии, которым занимался Дьюи, начал терять актуальность ещё при его жизни. Отчасти верно утверждать, что Дьюи “пережил” свою философскую славу, как иногда говорят о Фихте, Шеллинге, Брэдли, Питере Стросоне и некоторых других авторах⁴⁵³. Для этого были некоторые основания, как имманентные системе Дьюи, так и внешние по отношению к ней. Начнём с первых.

⁴⁴⁹ Santayana S. *The Genteel Tradition in American Philosophy* / in Santayana S. *The Genteel Tradition: Nine Essays* by George Santayana. Edited by Douglas L. Wilson. Cambridge: Harvard University Press. 1967.

⁴⁵⁰ Talisse R. *A Pragmatist Philosophy of Democracy*. London: Routledge. 2007. P. 131; Misak. *American pragmatists*. P. 156.

⁴⁵¹ Хикман Л. Цит.соч. С.232; См. также Fott D. *John Dewey: America's Philosopher of Democracy*, Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield. 1998.

⁴⁵² Например, Малькова З. Прагматизм и педагогика // Учительская газета. 9 мая 1963. “Чем больше мужала Советская власть, тем в большую ярость приходил Дьюи”. См. также Корнфорт М. В защиту философии. Изд-во иностранной литературы. 1951; Лингарт И. Американский прагматизм. Из-во иностранной литературы. 1954; Мельвиль Ю.К. Прагматизм — философия субъективного идеализма // Современный субъективный идеализма. Критические очерки. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957. С. 33–139.

⁴⁵³ И в отношении каждого из них это верно лишь в некоторой степени.

Для многих обитателей ivory tower было неясно, как можно развивать дьюианскую философию, которая при этом никак не была похожа на завершённую систему. В полном соответствии с идиосинкразией, которую питал автор “Опыта и природы” к дуализмам, писать о нём одновременно очень просто и очень сложно. Простота заключается в относительной ясности его позиции по всем вопросам, по которым он высказывался, в обширности его таланта и интересов, в примечательности личности. Трудность же хорошо выражают Э. Фловерс и М. Мёрфий: “<зрелые взгляды Дьюи> кажутся одним радикальным (sweeping) тезисом, повторяемым на разные лады”⁴⁵⁴. И тезис действительно был радикальным. Реформа философии, которую предлагал Дьюи, означала столь тотальную реконструкцию дисциплинарного поля, что от философии как таковой уже ничего не оставалось. Она становилась журналистикой, литературной и общественной деятельностью, политикой, в других своих аспектах — психологией, в которую Дьюи сделал довольно существенный, хотя и уступающий по значимости джеймсовскому, вклад, и социологией. Чем больше он становился публичным, общественным деятелем, политическим мыслителем, тем меньше его проекты были привлекательны для следующего поколения метафизиков и теоретиков познания. В некоторой степени он был интересен этикам, но и в этой науке ситуация менялась неблагоприятным для поклонников Дьюи образом. Молодым людям, которые хотели разбираться в истории именно философской традиции и исследовать именно философские проблемы, такой подход не казался чем-то привлекательным⁴⁵⁵. Дьюи, в

⁴⁵⁴ Murphey M.G., Flower E. A History of Philosophy in America. Vol. II. Capricorn Books. New York. G. P. Putnam's Sons. 1977. P. 892.

⁴⁵⁵ Н. С. Юлина верно подмечает, что “у философии Дьюи не было серьезных оппонентов с сильным теоретическими контраргументами. Просто со сменой интересов, проблематики и общего интеллектуального климата, сложившегося к середине XX века, она была отодвинута в тень, стала казаться вышедшей из моды”. Юлина. Ук.соч. С. 190. Так, однако, произошло не потому, что идеи Дьюи были логически совершенны и обладали иммунитетом к опровержению (а если это было бы так, это было бы лучшим показателем их самопротиворечивости). Философы новой волны были ориентированы, прежде всего, на логическое обоснование своих тезисов, а широкие спекулятивные исторические реконструкции Дьюи просто не воспринимали как тип аргументации. Кроме того, не стоит забывать и о критике Рассела, которая представляется мне весьма убедительной. Впрочем, не все с этим согласны, см. Burk T. Dewey's New Logic: A Reply to Russell. University Of Chicago Press; Reprint edition. 1998. См. также Johnston J.S. John Dewey's Earlier Logical Theory. State University of New York Press. 2014.

итоге, как не парадоксально для автора, много занимавшегося тем, что мы сегодня называем метафилософией, не сумел предложить программу исследований, как это сделали островные, кабинетные философы⁴⁵⁶. Можно было писать о Дьюи, но сложно было писать как Дьюи. Даже верный Сидней Хук отказался от метафизики “Опыта и природы” и стал искать союзника сначала в марксизме, в потом и в экзистенциализме. То же можно сказать и о Джиме Корке⁴⁵⁷, и о Максе Истмене⁴⁵⁸, начавшего с синтеза троцкизма и прагматизма, и закончившего, как и Хук, и Дьюи, радикальным антимарксизмом. Те же, кто пытались развивать натуралистическую метафизику в духе “Опыта и природы”, не имели прямых учеников и не смогли предложить чего-то существенно нового⁴⁵⁹.

Начинающие философы смотрели на восток, через океан: на Кембридж, Берлин и Вену, на Варшаву, чуть позднее — на Оксфорд. Сыграли свою роль очарование и харизма Витгенштейна, эзотерический характер его учения, сочетающий в себе привлекательную революционность с возможностью быть истолкованным в качестве исследовательской программы. У австрийского философа довольно быстро появились американские ученики: Норман Малкольм, Морис Лазеровиц, Чарльз Стивенсон и др.⁴⁶⁰ Оригинальные же американские философы этого поколения, такие как Куайн, У. Селларс, Уайт, Гудмен, предложили программы философского метафизического исследования, отличные от “островной” программы поворотом к сциентизму, фаллибилизму и

⁴⁵⁶ В конце XX века ситуация несколько изменилась. Люди, которые хотели быть профессиональными философами, и в этом качестве заниматься феминизмом, “черной философией”, квир-теорией и т.п., видели в аналитической традиции метафилософское препятствие для своего карьерного роста. Помощь они нашли как раз в метафилософии Дьюи, хорошо подходящей в качестве фона для философских занятий проблемами социальных меньшинств. См. Pratt S.L. *Inquiry and Analysis: Dewey and Russell on Philosophy // Studies in Philosophy and Education*. №17. 1998. P. 101–122. Главная трудность для исследователя этой дискуссии состоит в том, что Дьюи и историки, ему симпатизирующие, постоянно обвиняют Рассела в том, что он не понимает того, что критикует. Мой же опыт чтения этих текстов свидетельствует, скорее, о том, что это Дьюи не удавалось сформулировать свою мысль так, чтобы избежать тех формулировок, которые атакует Рассел.

⁴⁵⁷ Jim Cork J. *John Dewey and Karl Marx / In John Dewey: Philosopher of Science and Freedom*. 1950. P. 331–350.

⁴⁵⁸ Именно он перевел на английский “Истории революции” и “Преданную революцию” Льва Троцкого.

⁴⁵⁹ См., например, Buchler J. *Metaphysics of Natural Complexes*. 2 edition. Albany: State University of New York Press. 1990.

⁴⁶⁰ Glock H-J. *The Influence of Wittgenstein on American Philosophy / In Cheryl Misak (Ed.), The Oxford Handbook of American Philosophy*. Oxford University Press. 2010.

конструктивизму, программы, которые мы можем ретроспективно реконструировать как синтез национальной американской философии и европейских новинок. Дьюи, конечно, не исчез полностью из интеллектуального пространства, став своего рода живым символом автохтонной философии.

В этом отношении его судьба схожа с судьбой Рассела. Поэтому биограф знаменитого уроженца Уэльса Рей Монк называет Дьюи “американским Расселом”⁴⁶¹. Оба в юности пережили увлечение квазигегельянским идеализмом, оба в молодости опубликовали работу о Лейбнице, после чего отошли от идеализма в сторону натурализма и сциентизма. Дьюи создал себе репутацию философскими и психологическими работами, опубликованными ещё в XIX веке, Рассел — своим логическим и эпистемологическим достижениям начала XX века. Конвертировав научный капитал в политический, Дьюи и Рассел смогли стать интеллектуалами мирового значения, потеряв при этом живую связь с фундаментальной наукой⁴⁶². Стоит отметить также и сходство их политических и педагогических взглядов⁴⁶³. Например, оба участвовали в борьбе за права женщин. Эту общность, правда, не стоит переоценивать: Дьюи поддерживал участие США в Первой мировой войне в то время, когда Рассел был осуждён за пацифистские взгляды.

Несмотря на эти общие черты Дьюи и Рассел никогда не были друзьями и даже, по всей видимости, не ощущали себя соратниками в философии. Рассела и Джеймса связывали отношения, близкие к дружеским.

⁴⁶¹ Monk R. Bertrand Russell. The Ghost of Madness. 1921-1970. The Free Press. 2001. P. 223. См. также Mckenney J.L. Dewey and Russell: Fraternal twins in philosophy // Educational Theory. 9 (1). 1959. P. 24–30.

⁴⁶² “Иронично, — пишет Монк, — что как только Рассел стал изолирован от остальных философов, философия сама по себе начала становиться более расселианской” — Monk R. Op.cit. P. 43.

⁴⁶³ Поскольку эта работа задумана, прежде всего, как исследование по истории эпистемологии и метафизики, я не имею возможности хоть сколько-то подобно разбирать связь политико-педагогических идей Дьюи и Рассела. См. Dewey J. Review of “Education and the Good Life”. “A Key to the New World” // The New Republic, 46. 1926. P. 410–411; Green J.L. Dewey, Russell and the Integration of 'the Social' // Educational Theory. 29. 1979. P. 285–296. Интересную дискуссию см. Hager P. Why Russell didn't think he was a philosopher of education // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives. n.s. 13. 1993–1994. P. 150–167; Woodhouse H. Russell as a philosopher of education: Replay to Hager // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives. n.s. 14. 1994–1995. P. 193–205; Идеи Рассела и Дьюи сегодня используются в т.н. теории критического мышления, важном педагогическом изводе современной философии, см. Hare W. Bertrand Russell on Critical Thinking // Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy, <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Educ/EducHare.htm> [URL — дата обращения 15. 01. 2017].

Рассел посещал Джеймса в Новом свете, Джеймс — Рассела в Старом. Их письма, даже будучи посвящёнными философским вопросам, производят впечатление личных. Существует множество биографических линий, связывающих этих двух людей: так, в доме леди Оттолайн Морелл были рады не только Расселу, но и брату Уильяма, писателю Генри Джеймсу.

Совсем иного рода отношения связывали Рассела и Дьюи, который был старше первого на тринадцать лет. Обстоятельства несколько раз сводили этих философов вместе. Впервые они встретились в 1914 г., во время визита Рассела в Гарвард. Тогда британский философ в целом положительно оценил личность и философский талант Дьюи⁴⁶⁴. Независимо друг от друга они посещают молодую Советскую Россию и публикуют свои впечатления о ней, и оба затем читают просветительские лекции о философии, науке и политике в Китае. Чтобы представить себе характер этих лекторских туров скажем, что спектр расселовских тем протирался от анализа деятельности партии большевиков до теории гравитации Эйнштейна. Это был стиль *hominum universalium* XX века, синтетических умов, совмещавших в себе склонность к широкому взгляду на мир с отсутствием потребности в построении окончательной системы, научную и историческую эрудиции с легким стилем и природным ораторским талантом. В таком же ключе работал и Дьюи. Собственно, именно благодаря Дьюи Рассел получил возможность читать лекции в Китае, и он же помогал Расселу и его спутнице Доре Блэк во время болезни философа⁴⁶⁵.

Другой примечательный эпизод их взаимоотношений случился в 1940 году, когда Рассела отстранили от преподавания за излишне, как казалось

⁴⁶⁴ Martin J. The Education of John Dewey. Columbia University Press. 2003. P. 275; Монк о встрече в Чанша пишет, что философы отобедали, и Дьюи после этого сказал Сиднею Хуку, что Рассел бесчувственен по отношению к другим людям, а Рассел сообщил Оттолайн Моррел, что в 1914 году Дьюи понравился ему больше всех из американских философов, а теперь он не может его выносить” — Monk R. Bertrand Russell. The Ghost of Madness. 1921-1970. The Free Press. 2001. P.591.

⁴⁶⁵ Martin J. The Education of John Dewey. Columbia University Press. 2003 P. 324.

некоторым, свободные взгляды, высказанных в книге “Брак и мораль”, Дьюи начал кампанию в поддержку своего коллеги и соперника⁴⁶⁶.

Остановимся кратко и на научной стороне их взаимоотношений. В первые два десятилетия XX века, как мы видели, прагматизм был новым и активно обсуждавшимся учением. В это время Рассел и Дьюи обменялись несколькими критическими высказываниями. В 1909 г. Рассел пишет рецензию на сборник под редакцией Дьюи “Исследования по логической теории”. В 1916 году Дьюи выпускает книгу “Опыты по экспериментальной логике”, содержащую критическую оценку взглядов Рассела⁴⁶⁷. В 1919 г. Рассел публикует обширную рецензию, утверждая, что Дьюи смешивает психологию и логику, и поэтому мало что понял в его работе⁴⁶⁸. В 1920 г. в Пекине Дьюи читает курс лекций о выдающихся, с его точки зрения, философах современности: Джеймсе, Бергсоне и Расселе. О последнем он прочёл две лекции, общую и о политических аспектах мысли британского философа. Рассел был выбран как антипод первых двух философов. Дьюи обращал внимание на то, что рационалистическая социально-политическая философия Рассела, с его точки зрения, противоречит либерально-социалистическим взглядам британца, как верность аристократии противоречит склонности к демократии⁴⁶⁹.

В середине 20-х интерес к прагматизму несколько снижается. Рассел продолжал, как мы видели, упоминать Джеймса, писал он о Дьюи⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ Dewey J., Kallen H.m. The Bertrand Russell Case. N.-Y. Viking Press. 1941; Irvine A.D. Bertrand Russell and Academic Freedom // Russell: the Journal of the Bertrand Russell Archives. N.S. 16. 1996. P. 5–36;

⁴⁶⁷ Разбор учения Рассела о познании внешнего мира и попытку ответа на критику прагматизма см. Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press. 1916. P. 281–197, 347–348. Анализ этой части спора см. Zaslów J. Russell and Dewey on the Problem of the Inferred World. // Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies. № 32. 2012. P. 55–68.

⁴⁶⁸ Russell B. Dewey’s “Essays in Experimental Logic” // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. Vol.16. No. 1. 1919. P. 5–26.

⁴⁶⁹ Dewey J. Russell’s philosophy and politics // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Studies. № 11. 1973. P. 3–20. Обсуждение другой трудности, замеченной Дьюи в педагогической теории Рассела — противоречия между ролью инстинкта и ролью интеллекта — см. в статье Woodhouse H. On a suggested contradiction in Russell’s educational philosophy // Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies. 1974. P. 3–14.

⁴⁷⁰ Упомянут Дьюи и в уже анализируемом нами “Прагматизме” Рассела. Комментарий, разворачивающий аргументацию “Прагматизма” именно против Дьюи, см. Duran J. Russell on Pragmatism // The Journal of the Bertrand Russell Archives. № 14. 1994. P. 31–37. Другие работы Рассела о Дьюи: Russell B. Dewey’s New Logic // The Philosophy of John Dewey (Library of Living Philosophers Volume I), Paul Schilpp (Ed.). Open Court; 3rd Revised ed. edition. 1999. P.135–156. Переиздание, оригинал был издан в 1939 году. Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth.

Американский философ в долгу не оставался⁴⁷¹. Однако аргументы, высказанные в этих работах, не новы в сравнении с теми, что мы анализировали в прошлой главе. Эти тексты изящны, полны риторических достоинств и по-своему интересны. Много в них и личных обид, и упреков в искажении позиции, и действительного непонимания. Для истории взаимодействия прагматизма и аналитической философии они не имеют решающего значения, поэтому я не буду разбирать их. Важен сам факт: полемика вокруг прагматической теории истины продолжалась по инерции, не втягивая новых участников со свежими идеями. Характерно и то, что практически с самого начала дискуссии и Рассел, и Дьюи обращались не только к прямым концептуальным доводам, но и использовали упреки, касающиеся политического контекста и более или менее спекулятивных и схематических историко-философских реконструкций. Терминологическая новация Дьюи — “оправданная утверждаемость” (warranted assertibility) — особого значения не имела. Центр философского интереса сместился. Набирало силу движение, участники которого называли себя “философскими внуками” Рассела: Венский кружок и его окружение.

Внешние обстоятельства заката прагматизма можно разделить на имманентно философские (но внеположенные по отношению к системе Дьюи) и общекультурные. Первые являются более важными для нашего

New York: W. W. Norton & Company. 1940. Главы XXI и особенно XXIII; Russell B. *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day* New York: Simon and Schuster. 1945. Глава XXX; Russell B. *Human Knowledge: Its Scope and Limits*. London: George Allen & Unwin. 1948. Часть вторая, глава XI, и часть пятая, глава VI. Две последние книги, поздние работы Рассела, часто недооценивают. Но, в действительности, по проблематике, стилю и духу они очень напоминают работы аналитических философов середины XX в., Куайна и Селларса, таким образом, их никак нельзя назвать несвоевременными размышлениями. Так, например, в “Человеческом познании” Рассел связывает возникновение дизъюнкции с состоянием неуверенности, а негацию с подавлением двигательных импульсов, что напоминает куайновское возведение негации к негативному подкреплению. Встречаются там и элементы натурализованной эпистемологии. Это, конечно, неудивительно, так как Куайн посещал гарвардские лекции 1940 года и занимался у Рассела в семинаре. О восприятии поздних идей Рассела см. McLendon H.J. *The Philosopher among Philosophers* // Russell: *The Journal of the Bertrand Russell Archives*. Vol. 34. 2014. P. 5–34.

⁴⁷¹ Dewey J. *Experience and Nature*. George Allen And Unwin, Limited. 1929. P. 57; Ответ на критику в “An Inquiry into Meaning and Truth” см. Dewey J. *Propositions, Warranted Assertibility, and Truth* // *The Journal of Philosophy*. Vol. 38. No. 7. 1941. P. 169–186.

исследования, поэтому прежде чем перейти к ним, кратко остановимся на вторых.

Из внешних, социальных обстоятельств назовём возрастание роли сложных машин в жизни западного человечества. Машинные эти требовали программирования, программирование требовало математической логики. В военном отношении это означало не только новые виды наступательного и оборонительного вооружения, но и рост сложности шифров и их роли в военном деле. Всем известен вклад Алана Тьюринга; менее известно, что Куайн тоже работал, хотя, конечно, не столь успешно, шифровальщиком во время Второй мировой войны. В то время закладывались основы для будущей цифровой революции. С этим же связано и углубление различия между гуманитариями и техническими специалистами.

Во многом поэтому некоторые органистические метафоры Бергсона и Дьюи и их телеологические системы перестали казаться актуальными. Возврата к механицизму как таковому, однако, ни в культуре в целом, ни в философии в частности не произошло. Если подыскивать, по манере философов XIX века, какое-то слово для обозначения этого типа философии, то можно было бы выбрать слово “электризм”. Электризм представляет собой взгляд на мир, куда более утончённый, чем механицизм, и более озабоченный строгостью, чем телеологизм. Электрический ток есть направленное движение частиц, и эта метафора хорошо поясняет наш предмет: чем больше акцент делался на “направленности”, тем больше эта философия была прагматической. Чем больше на “частицах” — тем больше было “аналитичности”. Впрочем, изобретение такого рода названий и прояснение их значений давно уже не является обязательным для историков философии.

Другое обстоятельство, определившее крах классического прагматизма, — профессионализация философии и усиление специализации

внутри неё⁴⁷². Пирс и Джеймс не имели базового философского образования, что во многом определило аморфность их “пантеона” релевантных авторов, отсутствие строго очерченного круга проблем и явного различия между приемлемой и неприемлемой формами философской работы. Если наиболее значимым текстом прагматизма рубежа веков можно считать “Прагматизм” Джеймса, работу, написанную для широкой образованной публики, то “Две догмы эмпиризма” Куайна, работу, которую считают судьбоносной для прагматизма и аналитической философии и самой знаменитой философской статьей XX века, нельзя назвать иначе, чем философией для философов. Британская философия “уходит в себя”, начиная с Мура, американская — начиная с К. И. Льюиса⁴⁷³. Дьюианский прагматизм, с его приверженностью широкому стилю, не смог адаптироваться к новому образу философии: медленно прогрессирующей дисциплины, планомерно продвигающейся от решения одной загадки к решению другой посредством логического или концептуального анализа. Аналитическая философия в течении XX века становилась всё более и более технической дисциплиной, и люди, которые хотели противостоять этому, такие как Ричард Рорти, призвали вернуться к более популярной философии, к прагматизму Дьюи и Джеймса.

Однако всё же главное событие, определившее судьбу прагматизма XX века, — это эмиграция ряда аналитических философов, логиков и теоретиков науки из Европы в США. Нужно отметить, что эмиграция началась ещё в интербеллум и продлилась и после войны, так, в 1958 году в США прибыл

⁴⁷² В качестве гипотезы можно предположить, что профессионализация англоязычных философов была, прежде всего, связана с ростом значимости математической логики и экспериментальной психологии. Если это так, то логика сыграла в становлении академической философии в странах английского языка ту же роль, что историко-философская наука — в развитии немецкой и французской академической философии. Об этом см. Шнайдер У.И. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке // Логос. 34(43). 2004. С.61–90; Фабиани Ж.-Л. Философы республики // Логос. 34(43). 2004. С. 91–122. Эта гипотеза позволяет также понять, почему европейская философия, прежде всего французская, в 50-х и 60-х годах была вынуждена реагировать на успехи новых социальных и гуманитарных наук (прежде всего лингвистики и социологии), а англо-американская философия в то же время обращается к появляющейся из критики бихевиоризма когнитивной науке.

⁴⁷³ Murphey M.G., Flower E. A History of Philosophy in America. Vol. II. Capricorn Books. New York. G. P. Putnam's Sons. 1977. P. 891.

Пол Фейерабенд. Но всё же основной причиной эмиграции, конечно, был расцвет антисемитизма в Старом свете⁴⁷⁴.

В 1931 году в Америку приехал Герберт Фейгль. В 1935 году эмигрировал Рудольф Карнап, в 1937-ом к нему присоединился Карл Гемпель. В 1938 году прибыли Феликс Кауфман, Филипп Франк, Ханс Райхенбах. В 1939 году в Новый свет прибыл Альфред Тарский, в 1940-ом — Курт Гёдель и Макс Блэк. Последний вместе с Норманом Малькольмом создали в Корнельском университете анквав витгенштейнианства в Америке. В военное время в США жили и работали Рассел и Мур.

Любопытно, что именно лекции Мура приятно поразили некоторых молодых философов. Мортон Уайт, учившийся в оплоте дьюианства, в Колумбийском университете, описывает, что знакомство с философией Мура (как и с идеями Тарского) было для него как глоток свежего воздуха⁴⁷⁵. Родерик Чизолм вспоминает: “Во время моего пребывания в Гарварде, университет посетили несколько известных гостей. Бывал там Альфред Тарский. Рудольф Карнап ввёл семинар; Герберт Фейгль помогал ему. Филипп Франк также был там. Я помню его как очень доброго человека, но его философские интересы отличались от моих. Бертран Рассел посетил нас на семестр, и я навеки пропал в философии (was lost to philosophy forever). Но один человек впечатлил меня даже больше, чем Рассел. Этим человеком был Д. Э. Мур, который прочитал лекцию в Гарвардском философском клубе в 1941–1942 учебном году. Это была лекция “Несколько форм скептицизма”⁴⁷⁶

⁴⁷⁴ Никак нельзя согласиться с мнением профессора В. А. Суровцева, считающего, что “идеология тоталитарных режимов диктатуры пролетариата и фашизма была несовместима с принципами здравого смысла, на котором основывалась аналитическая философия” (Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=185 (дата обращения 07.01.2017)). Я не вижу в идеологии фашизма или диктатуры пролетариата ничего, что было бы несовместимо с логическим позитивизмом или взглядами Тарского. Более того, некоторые венцы, особенно Нейрат, придерживались левых политических взглядов. Причиной эмиграции был именно антисемитизм, а не “здравый смысл” или расхождения в философских взглядах.

⁴⁷⁵ Morton W. A Philosopher’s Story. Pennsylvania State University Press. 1999. P. 52–59. Ср. это со оценкой советского историка философии: “Муру принадлежит ещё и весьма сомнительная «честь» быть родоначальником того ужасно утомительного, скучного, нудного, как осенний дождь, способа философствования, который с его легкой руки утвердился в английской философии” — Богомолов. Цит.соч. С. 131.

⁴⁷⁶ Чизолм пишет “Some Forms of Scepticism”, тогда как опубликованная статья называется “Four forms of scepticism”.

<...>. Слушая эту лекцию, я знал, что это была настоящая философия, и я тщетно старался записать каждое слово”.⁴⁷⁷

Существует самые разные оценки значения этой эмиграции для философии. Так, Х. Робинсон пишет, что “аналитическая философия <...> промаршировала по философским учреждениям, как готское войско”.⁴⁷⁸ Хилари Патнэм же вспоминает, что такой подход верен только в том случае, если нас интересует “внутреннее развитие аналитической философии”, тогда как на самом деле “логических позитивистов было очень мало и их особенно не замечали”. Правда, он же признаёт, что разница между его образованием и образованием тех, кто учился в Гарварде на пять лет позже (Патнэм учился в 1948–1949 учебном году), была колоссальна: “<они> пришли из среды, которая была мне неизвестна”. Он связывает это с влиянием Мортон Уайта, который включил в курсы идеи Остина (сам Остин посетил Гарвард в 1954–1955 г. со знаменитой лекцией “How to Do Things with Words”) и Стросона, а также отправлял студентов на стажировки в Оксфорд.⁴⁷⁹

Иными словами, даже если приезд европейцев не был катастрофой в обыденном смысле слова, это точно была катастрофа в смысле математическом: это качественное изменение объекта при плавном изменении параметров, от которых он зависит⁴⁸⁰. Нужно, однако, обозначить примечательный факт: многие из европейцев, прибыв в США, начали усиливать “прагматические” элементы своей философии. Особенно явно это видно в творчестве Карнапа и Фейгла, в прошлой главе мы уже отмечали “прагматическую” тенденцию в поздних работах Рассела. Мы не будем подробно останавливаться на этом, так как, во-первых, эти тенденции всё же не были столь сильны, как прагматические элементы в творчестве Куайна и Уайта, наших главных героев; во-вторых, это хорошо освещено в

⁴⁷⁷ Chisholm R. Self-Profile / In Roderick M. Chisholm (auth.), Radu J. Bogdan (eds.)-Roderick M. Chisholm-Springer Netherlands. 1986. P. 4.

⁴⁷⁸ Робинсон Х. Кант в Новом Свете // Кантовский сборник. 1995. Вып. 19. С. 87.

⁴⁷⁹ Putnam H. A Half Century of Philosophy / Daedalus. Vol. 126, No. 1. American Academic Culture in Transformation: Fifty Years, Four Disciplines. Winter. 1997. P. 175–20.

⁴⁸⁰ Арнольд В.И. Теория катастроф. Итоги науки и техн. Сер. Соврем. пробл. мат. Фундам. Направления. 1986. том 5. С. 221 (Электронный ресурс — mathnet.ru/links/0c3eb9cd8fd43e3525b7a096c4342ba7/intf41.pdf)

литературе⁴⁸¹, и это освещение показывает, что “прагматизация” философии, например, Карнапа, носила чисто внешний характер, т.е. почти не имела прямой исторической связи с классическим прагматизмом, чего нельзя сказать о философии Куайна и Уайта. Но вернёмся в 30-е годы.

Было бы ошибочно утверждать, что Дьюи был полностью враждебен или не имел никакого отношения к логическому позитивизму. Дьюи принимал участие в конференциях логических позитивистов, в 1939 году публиковался в “The International Encyclopedia of Unified Science”. У его инструментализма и философии, которую развивали венцы, есть много общего. Это философии, ориентированные на науку, тепло относящиеся к логике и эмпиризму. Было нечто общее и в их политических взглядах, а именно некоторая тяга к социализму. С другой стороны, например, Отто Нейрат был куда “левее” Дьюи. Логика Дьюи, понимаемая как теория исследования, для европейцев казалась чем-то устаревшим, уступающим математической логике. Дьюи, в свою очередь, отвергал ценность логических исследований в узком смысле, за что ещё в начале века удостоился упрека от Пирса⁴⁸². В молодости Дьюи слушал лекции Пирса по логике, но они казались ему излишне математическими. С годами его пренебрежительное отношение к формальной логике становилось тем сильнее, чем больших успехов она достигла в глазах других. Это ясно видно в таких книгах как “Logic: The Theory of Inquiry” (1938), “Knowing and the Known” (1949, в соавторстве с Ф. Бентли), а также в книге “Unmodern Philosophy and Modern Philosophy”, над которой философ работал в начале 1940-х, но которая стала достоянием научного сообщества только в 2012 г.⁴⁸³

Таким образом, “теория затмения” права в том, что прагматизм не смог противостоять прибывшим из Европы идеям, и ещё при жизни Дьюи начинал

⁴⁸¹ Limbeck-Lilienau C. Carnap’s Encounter with Pragmatism // Vienna Circle Institute Yearbook. 2012. 16. P. 89–111.

⁴⁸² 8.188 — официальная рецензия на “Исследования по логической теории”. 8.239–8.244 — личное обращение, в том числе: “Я нахожу, что Вы и Ваши ученики предаётесь тому, что мне кажется похожим на дебош неряшливого мышления.”

⁴⁸³ См. спецвыпуск журнала, специально посвященного этому вопросу: European Journal of Pragmatism and American Philosophy. Vol. 5, N. 1, 2013.

с ними смешиваться. Другая правда этой теории состоит в том, что именно с выступления Рорти началось новое идеологическое размежевание прагматистов и аналитических философов.

И всё же “эlegantная” традиция не умерла полностью. В отличие от Рассела, сумевшего создать стиль и проблематику, Дьюи удалось создать догматическое учение. Кроме уже упомянутых Хука и Корка, стоит указать на коллектив Колумбийского университета, казавшийся молодому Мортону Уайту таким косным: М. Коэн, Э. Нагель, И. Эдман, Дж. Г. Рэнделл и др. Другими продолжателями традиции можно считать семантика Чарльза Морриса и историка идей Артура Лавджоя, изучавшего философию в Гарварде под руководством Джеймса и Ройса.

В Чикагском университете, в котором Дьюи проработал много лет, и в котором некоторое время преподавал Карнап, трудился Чарльз Хартсхорн, которого аналитические философы знают как автора одной из современных версий онтологического доказательства бытия Бога, теологи — как одного из теологов процесса, а историки прагматизма — как крупнейшего издателя Пирса. В том же университете в начале 40-х учился Ричард Рорти, написавший под руководством Хартсхорна магистерскую диссертацию о философии Уайтхеда. После этого Рорти отправился в Йель, где под руководством другого крупного издателя Пирса, Пола Вайса, написал работу “Понятие потенциальности”. К Рорти мы вернёмся в четвертой главе.

Ещё один важный автор, имевший одно время отношение к Йельскому университету, — это Уилфрид Селларс, сын Роя Селларса, одного из американских реалистов. Логике, в том числе премудростям “Principia mathematica” и модальной логике, Селларса-младшего учил соавтор К. И. Льюиса К. Г. Лэнгфорд. Среди многих влияний, которые впитал в себя Селларс, был и прагматизм, существенно повлиявший на его восприятие философии Канта. Ему удалось создать т.н. прагматический реализм и вслед

за Пирсом обрушиться на “миф о данных”⁴⁸⁴. Ученики Селларса сегодня развивают как аналитическую философию (прежде всего, это супруги Чёрчленд⁴⁸⁵), так и аналитический прагматизм (речь, прежде всего, идёт о т.н. Питтсбургской школе).

Однако всё же наиболее важные для прагматизма авторы работали в Гарварде. Это У. В. О. Куайн и Мортон Уайт. В Гарварде учился и Нельсон Гудмен, позднее преподававший в университете Пенсильвании. Но прежде чем перейти непосредственно к ним, стоит кратко остановиться на идеях Альфреда Уайтхеда и Кларенса Ирвинга Льюиса, ведь именно эти авторы задавали тон в гарвардской философии 20–30-х годов.

3.1.2. Альфред Уайтхед и американская философия

Редко вспоминают, что первый человек, причастный к аналитической философии, переехал в США ещё в 1925 году, и этот переезд никак не был связан с деятельностью НСДАП, а был обусловлен карьерными соображениями. Этим человеком был Альфред Уайтхед — талантливый математик, эрудит, блестящий лектор и эссеист. Наше описание американской философии первой половины XX века было бы неполным без него. Уайтхеда часто исключают из списков аналитических философов, так как он “не слишком хорошо вписывается в традицию аналитической философии, как её обычно понимают”⁴⁸⁶.

Однако его связь с аналитической философией вполне очевидна: он был соавтором “Principia mathematica” и одним из учителей Куайна⁴⁸⁷. С Расселом его объединяет не только авторство “PM”, но и нелюбовь к британскому метафизическому идеализму. Когда авторы манифеста Венского кружка перечисляли тех, кто, по их мнению, способствовал

⁴⁸⁴ Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1997. См. также Селиванов Ю.Р. Миф о данном // Историко-философский альманах. 2012. Т. 4. С. 176–196.

⁴⁸⁵ Пол Чёрчленд написал у Селларса диссертацию “Persons and P-Predicates”.

⁴⁸⁶ Martinich A. P., Sosa D. (Eds.) Analytic Philosophy: An Anthology. Oxford: Blackwell. 2001. P. 5

⁴⁸⁷ О вкладе Уайтхеда в логику см. Quine W. V. O. Whitehead and the Rise of Modern Logic / In P. Schilpp (ed.), The Philosophy of Albert North Whitehead. Chicago: Open Court, 1941. P. 125–164; Church A. Review of W. V. Quine, ‘Whitehead and the Rise of Modern Logic’ // Journal of Symbolic Logic 7 (2). 1942. P.100–101.

развитию научного миропонимания, они упоминули и Уайтхеда⁴⁸⁸. Его работы по философии науки, такие как “Понятие природы” (1920) или “Принцип относительности” (1922) выполнены вполне в аналитическом жанре. “Наука и современный мир” (1925) бросает вызов научному материализму, что, однако, не может быть основанием для исключения автора из сонма аналитических философов.

Рудольф Метц в работе “Сто лет британской философии”⁴⁸⁹ обсуждает взгляды Уайтхеда в главе “Новый реализм”, вместе с идеями Мура и Рассела. Мортон Уайт включает Уайтхеда в сборник “Век анализа”; правда, вместе с Муром, Расселом, Витгенштейном и Карнапом туда попали Пирс, Джеймс, Гуссерль, Дьюи, Кроче, Бергсон, Сартр и Сантаяна⁴⁹⁰. Такой выбор объясняется любопытным замыслом этой книги. Уайт заимствует у Исаяи Берлина архилоховское различие между философами–ежами и философами–лисицам. “Ежи” хотят получить ответ на один великий, большой вопрос. “Лисицы” же ориентированы на маленькие вопросы. Парадигмальным примером “ежа” Уайт считает Кроче, а “лисицы” — Мура. К первому типу он присоединяет Сантаяну, Бергсона, Гуссерля, Сартра и Уайтхеда. Ко второму — Карнапа, Рассела и Витгенштейна. Прагматисты, с точки зрения Уайта, занимают срединную позицию, а поэтому их идеи могут служить той средой, в которой ежи могут ужиться с лисицами.

Очень взвешенная оценка вопроса о соотношении философии процесса и аналитической философии даётся авторами сборника “Процесс и анализ: Уайтхед, Хартсхорн и аналитическая традиция”⁴⁹¹. Анализируя связи Уайтхеда и Хартсхорна с аналитическими философами, они приходят к выводу о том, что философия процесса представляет собой определённую доктрину, утверждающую нередуцируемую асимметрию становления и бытия, онтологию события, в то время как аналитическую философию лучше

⁴⁸⁸ Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. 2 (47). 2005. С.15.

⁴⁸⁹ Metz R. A Hundred Years Of British Philosophy. George Allen And Unwin Limited. 1938

⁴⁹⁰ The Age of Analysis: 20th Century Philosophers / M. White (ed.). Boston: Houghton Mifflin, 1955.

⁴⁹¹ Shields, George W. (ed.) Process and Analysis: Whitehead, Hartshorne, and the Analytic Tradition. Albany: State University of New York Press. 2003.

всего понимать как методологическое движение, призывающее философов сконцентрироваться на аргументации и подтверждении своих тезисов и широко использующее методы логического, лингвистического и концептуального анализа. Учение Уайтхеда и Хартсхорна не противоречит этому призыву; кроме того, они используют современную логику.

Сравнивая тексты Уайтхеда и текстов “образцовых” аналитических философов, стоит обратить внимание на то, что различие, прежде всего, будет касаться стилистической и жанровой пропасти, которая лежит между зачастую огромными спекулятивно-историческими полотнами “позднего” Уайтхеда и конкретными небольшими исследованиями, принятыми в аналитической философии Куайна, Селларса или П. Грайса. Если говорить о системе отсылок, в которую встроены тексты Уайтхеда, то она напоминает ту, что мы можем видеть у Мура и раннего Рассела: это оппозиция системе Брэдли и, в общем и целом, дружественное отношение к реалистами разного толка. Кроме того, отдельные элементы системы Уайтхеда напоминают эпистемологию Куайна⁴⁹². Таким образом, даже если Уайтхед не является “образцовым” аналитическим философом, он всё же может быть включён во множество “аналитические философы” как нетипичный его представитель. О чём же была эта философия?

В американский период мыслью Уайтхеда владел “гераклитовский”⁴⁹³ образ потока⁴⁹⁴, который он рассматривал как первое дотеоретическое

⁴⁹² Ср., например, рассуждения Уайтхеда об образной рационализации с куайновским холизмом: “В естественных науках этот строгий метод есть бэконовский метод индукции, метод, который, если его применять последовательно, оставил бы науку там, где он её нашел. Бэкон упустил игру свободного воображения, контролируемого требованиями связности и логики. Истинный метод открытия подобен полету аэроплана. Он начинается на земле отдельного наблюдения, летит в разреженном воздухе образных обобщений, и снова приземляется для новых наблюдений, становящихся более пронизательным благодаря рациональной интерпретации” — Whitehead A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. Corrected edition by D. R. Griffin and D. W. Sherbourne, New York: Macmillan. 1978. P. 5. “Вся совокупность наших так называемых знаний или убеждений, начиная от самых случайных фактов географии и истории и заканчивая глубочайшими законами атомной физики или даже чистой математики и логики, — это сооружение, созданное человеком, которое только краями соприкасается с опытом” — Куайн У.В.О. *Две догмы эмпиризма / С точки зрения логики*. М.: Канон+. 2010. С.75. Ср. К. И. Льюис пишет, что “концепции, подобные логическим, которые в наименьшей степени подвержены изменению в силу открытия новых уровней опыта, представляют собой наиболее стабильные из наших категорий; но ни одна из них не находится вне возможности изменения” — Льюис К.И. *Прагматическая концепция аргюти // Эпистемология и философия науки*. 2014. № 4. С. 230.

⁴⁹³ Многие гераклитоведы XX века отрицали аутентичность учения о потоке, относя его к дефектам платоновского и стоического пониманий учения Гераклита, так как тезиса о всеобщности потока не содержится во фрагментах,

обобщение, сделанное человечеством, и отражающее первичный целостный опыт, прояснение которого является предельной целью философии. Это приводит Уайтхеда к убеждению, что процесс, а не субстанция является метафизическим фундаментом мира, убеждению, которое затем было развито в панпсихистскую онтологию событий. Уайтхед вообще серьезно относился к проблеме соотношения обыденного опыта и его выражений в религии и искусстве с научной картиной мира. Любовь к Гераклиту и желание дополнить научное миропонимание благодаря ресурсам других форм духовной активности не сделали из Уайтхеда поклонника Гегеля⁴⁹⁵. Прусскому идеалисту, учение которого он, видимо, воспринимал через призму идей идеалистов британских, он предпочитал “островных” классиков: Локка и Юма.

Их влиянием, однако, всё не ограничивалось: философия Уайтхеда впитала в себя некоторые идеи, высказанные американскими авторами. Впрочем, в большинстве случаев лучше говорить не о влиянии, а о коэволюции вследствие разработки одних и тех же проблем. Его связь с Пирсом мы частично затрагивали в первой главе. Испытал Уайтхед и влияние, впрочем, неопределяющее, учения Дж. Сантаяны⁴⁹⁶. С Дьюи их связывает относительное сходство педагогических идей⁴⁹⁷, а также построение онтологии с помощью понятия “событие” и общая нелюбовь к старым философским дуализмам (“бифуркации”, как называет это Уайтхед).

считающихся подлинными, а образ реки относится не к миру в целом, а к душам: “в изначальной формулировке символ реки выражал не изменение «всех вещей», а иллюстрировал «поток сознания», точнее поток чувственных восприятий в «сенсорной» душе–испарении” — Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. С.384. Это, правда, никак не противоречит Уайтхеду, учитывая его любовь к джеймсовской метафоре потока сознания.

⁴⁹⁴ См., например Whitehead A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. Corrected edition by D. R. Griffin and D. W. Sherbourne, New York: Macmillan. 1978. P. 208. Книга вышла, как уже было сказано, в 1929 году, но исследователи традиционно ссылаются на издание 1979, исправленное и прокомментированное. Сейчас Paul A. Bogaard и Jason Bell готовят критическое издание работ Уайтхеда, выход первого тома был анонсирован на 2016 год, но так и не состоялся.

⁴⁹⁵ Имеется в виду знаменитое “Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которого бы я не принял бы в свою «Логикку” — Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. Партийное издательство. 1932. С. 246.

⁴⁹⁶ Особенно она заметна в работе Whitehead A.N. *Symbolism, its Meaning and Effect*. Cambridge University Press. 1958.

⁴⁹⁷ Юлина, С. 243; Hendley B.P. *Dewey, Russell, Whitehead: Philosophers as Educators*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois. U.P. 1986.

В декабре 1936 года Дьюи выступил на симпозиуме Американской философской ассоциации, посвящённом философии Уайтхеда. В статье, опубликованной на основании этой речи, прагматист хвалит Уайтхеда за попытку преодолеть дихотомию реализма и идеализма, но, в целом, осуждает его метод. Последний кажется Дьюи излишне математизированным. Экспериментальная физика, считает он, а не математика, должна стать моделью философствования. В противном случае, мы ставим нечто статическое, математику, над процессуальностью жизни⁴⁹⁸.

Но всё это — довольно поверхностные отношения. Действительно глубока была лишь его связь с Джеймсом. По характеру это влияние можно сравнить с тем, как изменились взгляды Рассела под влиянием американского психолога. От отношений Рассела и Джеймса отношения Уайтхеда и Джеймса отличаются, прежде всего, тем, что соавтор Рассела не оставил нам таких очевидных следов своей нелюбви к прагматическому учению об истине.

Джеймс казался ему очаровательным (adorable) гением⁴⁹⁹, настоящим символом философии и науки XX века⁵⁰⁰. Уайтхед ставит его заслуги на одну доску с успехами Декарта и Юма⁵⁰¹. С первым Джеймса связывает уникальное место, которое они оба занимают в истории философии: и Декарт, и Джеймс были родоначальниками, считает Уайтхед, новых движений в философии. Декарт изменил всю философию, заинтересовав пишущих на метафизические темы вопросами субъективности, и тем самым лишив их способ мысли характерного для Средних веков и античности объективизма. (Спинозу и Лейбница Уайтхед исключает из истории

⁴⁹⁸ Dewey J. Whitehead's Philosophy // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association Vol. 10. 1936. P. 170–177.

⁴⁹⁹ Whitehead A.N. Science and Modern World. Pelican Mentor Book. 1948. P. 2.

⁵⁰⁰ Это мнение, а также мнение Дьюи, высказанное им в упомянутых пекинских лекциях, входит в противоречие с моим заявлением, что Джеймс был человеком XIX века. Видимо, либо я, либо Дьюи и Уайтхед совершили ошибку в рассуждении. Мне представляется, что второе более вероятно, так как их суждения были высказаны в первой половине XX века, и они не имели возможности оценить масштабы движения, которое породили работы Рассела и Мура. Именно их можно считать подлинными философскими символами XX века; Джеймс же, увы, вдохновил не такое большое количество профессиональных мыслителей.

⁵⁰¹ Whitehead A.N. Science and Modern World. Pelican Mentor Book. 1948. P. 147; Whitehead A.N. Adventures of Ideas. The Free Press. 1967. P. 186.

посткартезианской философии именно потому, что субъективизм не был душой их систем). Джеймс же в статье “Существует ли сознание?” поставил под сомнение основу картезианской философии, само сознание, и тем самым открыл новую эпоху в философии⁵⁰². Если Декарт очистил сцену для великих систем эпохи Разума от средневековых декораций, то Джеймс, с точки зрения Уайтхеда, убрал декорации картезианской пьесы ради философии будущего.

В “Способах мышления” Уайтхед ставит Джеймса в один ряд с величайшими философами Запада, соединившими в себе, по его мнению, внимание к достижениям своих предшественников и оригинальность, — Платоном, Аристотелем, Лейбницем. При этом, если последний предстаёт в изложении Уайтхеда интересующимся всем на свете книжником, то основание заслуг Джеймса он видит не столько в обширных знаниях учений прошлого, сколько в “дивной чуткости” по отношению к идеям современников и в жизненном опыте, извлечённом из путешествий, и живого, личностного, сердечного общения с людьми. Набрасывая портрет Джеймса, Уайтхед пишет любопытную, но, увы, оставленную без пояснения фразу: “Он интуитивно открыл ту великую истину, над которой бьётся современная логика”⁵⁰³. Это не самое ясное место, но речь, вероятно, идёт о теоремах К. Гёделя, так как несколько выше мы читаем, что логика “терзается воплощённым в формальном доказательстве открытием, что каждое конечное множество посылок обязано требовать понятий, которые исключены из сферы непосредственного действия этого множества”. Несмотря на странный способ выражения, избранный Уайтхедом, в этом предложении, как представляется, говорится именно о теореме о неполноте. Это возможно, так как ко времени написания “Способов” работа Гёделя уже

⁵⁰² Whitehead A.N. Science and Modern World. Pelican Mentor Book. 1948. P. 142–144.

⁵⁰³ Whitehead A.N. Modes of Thought. New York: Free Press/Macmillan Publishing. 1968. P. 2–3. Русский перевод дан по изданию Уайтхед А. Избранные работы: Пер. с англ./ Сост. И.Т. Касавин: Общ. редактura и вступит. ст. М.А. Кисселя. М. Прогресс. 1990.

была опубликована. Если это так, то алогизм Джеймса предстаёт в несколько неожиданном свете, учитывая логико-математический авторитет Уайтхеда⁵⁰⁴.

Свою знаменитую книгу “Процесс и реальность” Уайтхед начинает с благодарности авторам, чьи мысли оказали на него существенное влияние. Он называет английских и американских реалистов, а также говорит, что находится в долгу перед Бергсоном, Джеймсом и Дьюи: “Одной из моих забот было спасти их образ мысли (type of thought) от обвинения в антиинтеллектуализме, который — правильно это или нет — ассоциируется с ним”⁵⁰⁵.

Влияние Джеймса, по мнению Джона Лэнго, привело к тому, что в философии Уайтхеда произошёл перенос акцента с окулярной метафоры, характерного для Декарта и новоевропейской философии, к памяти, что объединяет Уайтхеда с Бергсоном⁵⁰⁶. Философию Уайтхеда можно представить как реакцию человека, воспитанного в XIX столетии, на теорию относительности и психологию рубежа веков. Это создаёт особый стиль и колорит метафизики процесса. Последняя, однако, оказалась востребована не в аналитической философии, а в академической теологии, особенно Чарльзом Хартсхорном, чьё учение создавалось “в противовес протестантской

⁵⁰⁴ Одна из загадок истории логики XX века состоит в практически полном отсутствии какой-либо существенной реакции Рассела и Уайтхеда на работы Гёделя. Оба они, видимо, были знакомы с полученными Гёделем результатами, а значит вряд ли могли не понимать их значения. Однако замечания, которые они делают по этому поводу в разных местах, несколько удивляют. Ясно, что Рассел в 30-е годы занимался больше проблемами общественной жизни, чем логикой и философией, а Уайтхед ушёл в построение своей спекулятивной философии. Однако всё же какую-то содержательную реакцию можно было бы ожидать. Особенно разочаровывающим в этом отношении является сборник *The Philosophy of Bertrand Russell (Library of Living Philosophers)*, P. Schilpp (ed.), New York: Tudor, 1951, в котором есть знаменитая статья Гёделя “Russell's mathematical logic”. Всякий, кто знаком с этой замечательной книжной серией, знает, что каждый её том устроен следующим образом: сначала идёт автобиография философа, которому он посвящён, затем следуют статьи, написанные об идеях этого философа разными известными авторами, а потом сам философ отвечает на все эти статьи. Рассел так и делает в отношении всех опубликованных статей, кроме одной, кроме статьи Гёделя. Его примечание на странице 741 гласит, что у него нет времени на ответ, но в целом, он давно не занимался логикой, а Гёделя он называет очень способным. Существуют и другие места, в которых Рассел был спрошен относительно Гёделя (например, в переписке с математиком и логиком Леоном Хенкиным), но они не добавляют ясности. В литературе существует достаточно устойчивое мнение, что Рассел просто не понял работу Гёделя. См. *The Manzano M., Sain I., Alonso E. (Eds.) Life and Work of Leon Henkin: Essays on His Contributions*. P.20. В отношении Уайтхеда ситуация менее ясна. Если он действительно считал, что теорема Гёделя говорит о том, что существуют рационально непознаваемые вещи и нам нужна воля к вере, то он, конечно, превратно трактовал результаты Гёделя. См. Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982.

⁵⁰⁵ Whitehead A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. Corrected edition by D. R. Griffin and D. W. Sherbourne, New York: Macmillan. 1978. P. xii.

⁵⁰⁶ Лэнго Дж. Уайтхед // *Американская философия*. Под ред. Марсубяна А. Т. и Райдера Дж М.: Идея-Пресс. 2008. С. С. 306. Это некоторая неточность, конечно, см. память у Локка.

неортодоксии Пауля Тиллиха и Ричарда Нибура⁵⁰⁷, и в континентальной Теории, особенно, в философии Жюль Делёза⁵⁰⁸.

3.1.3. Строгая импликация и прагматические а priori К. И. Льюиса

На 1929 год пришёлся не только великий перелом на всех фронтах социалистического строительства, но и публикации двух важных для философии XX века работ: “Процесса и реальности” Уайтхеда и книги К. И. Льюиса “Ум и мировой порядок”⁵⁰⁹. Значения первого труда мы коснулись в предыдущем подпараграфе, а второй обсуждался — в контексте истории философской терминологии, а именно в связи с карьерой термина “квалиа”, — в первой главе. С Уайтхедом Льюиса связывало не только место работы, Гарвардский университет, но и некоторые философские предпочтения: внимание к процессуальности (которое, однако, не было для него, как для Уайтхеда, цементирующим⁵¹⁰), профессиональный интерес к математической логике, склонность к архитектурным построениям и достаточно высокая оценка творчества Джеймса. В этом параграфе я кратко разберу идеи Льюиса в свете его взаимоотношения с прагматизмом и аналитической философией.

Сразу стоит отметить, что, в отличие от Уайтхеда, эти отношения являются куда более явными: Льюис был студентом Джеймса, Ройса и Сантаяны, свою теорию он называл “концептуальным прагматизмом”, и параллельно с её разработкой он внёс существенный вклад в математическую логику, критикуя некоторые идеи “Principia mathematica”: его достижения в этой области настолько серьезны, что Майкл Данн, один из самых влиятельных логиков наших дней, включил его в число величайших логиков

⁵⁰⁷ Юлина. Цит. соч. С. 245.

⁵⁰⁸ Делёз Ж., Складка. Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесл. В.А. Подороги. Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М: издательство «Логос». 1997. С. 94. Утверждается, что Уайтхед разработал третью великую логику события. См. также Stengers I. Thinking with Whitehead: a free and wild creation of concepts. Harvard University Press. 2011.

⁵⁰⁹ Lewis C.I.. Mind and the World Order: Outline of a Theory of Knowledge. New York: Charles Scribners. Reprinted by Dover Publications, New York. 1956.

⁵¹⁰ Особое внимание уделяет этому аспекту философии Льюиса Сандра Розенталь Rosenthal S.B. C.I.Lewis in Focus. The Pulse of Pragmatism. Indiana University Press. 2007.

всех времен⁵¹¹. Этическая система, построенная на основе концептуального прагматизма, достигает своей зрелой формы к середине 40-х⁵¹². В это время Льюис расценивается как достойный конкурент теряющему популярность этику Дьюи⁵¹³. Уже этого достаточно для того, чтобы сказать, что философия Льюиса представляла собой синтез оригинальных идей прагматического толка и методов, выработанных представителями аналитического движения. Но чтобы понять действительное место Льюиса в истории американской философии и философии XX века в целом более отчетливо, следует проследить тщательнее эти связи.

Начать можно с того, чтобы спросить: а что сам Льюис думал об отношении прагматизма и аналитической философии? Ответа на этот вопрос мы, увы, видимо, не узнаем, так как сам термин “аналитическая философия” был при жизни Льюиса ещё не столь популярен как сегодня. Однако мы знаем его отношение к логическому позитивизму благодаря статье 1941 г. “Логический позитивизм и прагматизм”. Эта работа написана с несколько отстранённых позиций, хотя у читателя и не возникает сомнения относительно того, какую сторону автор считает правой, а какую — ошибающейся. Начинает он с любопытного в свете нашей темы признания: “Попытка характеризовать любое философское движение есть до некоторой степени сомнительное предприятие, а сравнение двух движений есть вдвойне сомнительное”⁵¹⁴. Сложно, говорит Льюис, определить, чем является прагматизм, и чем является логический позитивизм: нельзя назвать их ни доктринами, ни методологиями. Скорее это сообщества индивидуальных мыслителей, согласных по одним вопросам, и расходящихся по другим; кроме того, меняющих свои взгляды. Льюис, однако, считает, что такое

⁵¹¹ Кроме Льюиса Данн называет Аристотеля, Буля, Фреге, Тарского, Гёделя и Лукасевича. См. Данн М. У нас всё слишком хорошо получается (перевод и подготовка А. А. Беликова, Е. В. Логинова, А. В. Мерцалова) // Финиковый Компот. № 10. 2016. С. 61. Примечательно также, что Данн был, вместе с Дугласом Хофштадтером, научным руководителем диссертации Дэвида Чалмерса, одного из самых ярких проponentов аргументов от представимости.

⁵¹² Lewis C.I. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. La Salle, IL: Open Court. 1946.

⁵¹³ White M.G. Value and obligation in Dewey and Lewis // *Philosophical Review*. 1949. 58(4). P.321–329.

⁵¹⁴ Lewis C.I. *Logical Positivism and Pragmatism* // *Collected Papers of Clarence Irving Lewis*, edited by John D. Goheen and John L. Mothershead, Jr., Stanford: Stanford University Press. P. 92.

сравнение можно провести, если ограничить рассмотрение логического позитивизма рассмотрением взглядов Рудольфа Карнапа. Тогда можно будет найти четыре основания для сравнения: эмпиризм, сфера науки, значимость метафизики, статус этики и морали. И прагматизм, и логический позитивизм видятся Льюису безусловно эмпирическими направлениями в философии, все причастные философы согласны, что нечто, в конечном счете нечувственное, является бессмысленным. Различия касаются характера этого эмпиризма. Во-первых, прагматисты, за исключением Пирса (и, добавим, самого Льюиса), не придавали никакого значения теории аналитических предложений, важной для позитивистов в качестве средства сохранения математики в кругу наук. Во-вторых, прагматический акцент на человеческой активности в целом игнорируется логическим позитивизмом. В-третьих, и это главное, логические позитивисты не могут отличить синтаксическое, или лингвистическое, значение от собственно эмпирического. Карнап упирает не на опыт, а на протокольные предложения, не на значение того или иного термина, а на то, какие термины являются синонимами. Это, по Льюису, не позволяет логическим позитивистам выработать адекватный подход к науке. «Анализ подтверждения не может быть дан в одних только суждениях, выраженных формальным способом, потому что подтверждение не заканчивается на том, что значат предложения наблюдения, а определением их как истинных или заслуживающих доверия. Предположительно эмпирическая теория верификации или подтверждения, не учитывающая этого очевидного факта, лишена своей сути (Hamlet without the Prince)»⁵¹⁵. Разнятся взгляды логических позитивистов и прагматистов на отношения науки и философии: первые обращают внимание, прежде всего, на содержание науки, вторые — на её метод. В этом Льюис видит причину физикализма Карнапа, и отрицание физикализма прагматистами типа Дьюи. Если для Карнапа фундаментальным является язык физики, то для прагматистов — язык опыта.

⁵¹⁵ Lewis C.I. Op.cit. P. 98.

Третье основание для сравнение: отношение к метафизике. Известно, что логические позитивисты объявили метафизику набором бессмыслицы, а прагматисты предлагали свои варианты панпсихистской (Пирс), плюралистической (Джеймс) и натуралистической (Дьюи) метафизики. С другой стороны, Льюис не склонен упрощать позицию Карнапа. Если метафизику понимать как научное исследование вопросов, ответы на которые не могут быть получены путём наблюдения или экспериментов, то логические позитивисты, в противоположность своим собственным заявлениям, выдвигали метафизические суждения: например, физикалистский тезис или формулировки закона причинности⁵¹⁶. При этом, в целом, Льюис согласен, что многие метафизические системы прошлого включали в себя ошибки и спекуляции.

И, наконец, последний пункт: этика. Логические позитивисты допускают этику только в качестве психологического и социологического исследования этнических верований, в то время как прагматисты предпринимают попытки создать нормативную науку в эмпирическом духе, научным способом разработать новые ценности.

Какова же собственная роль Льюиса в истории аналитической философии? Отметим сперва некоторые внешние обстоятельства, знание которых поможет нам правильно оценить эту роль: Льюис спорил с М. Шликом о ценности верификации⁵¹⁷, с Р. Чизолмом — о природе чувственного восприятия⁵¹⁸, адаптировал для нового века некоторые идеи Пирса, в частности идею “видов значения”⁵¹⁹, которую потом стали использовать некоторые семантики⁵²⁰, предложил критерий аналитичности, с которым спорили Уайт, Куайн и У. Селларс⁵²¹. Мы также видели, как в 1919

⁵¹⁶ Этот тезис находит сочувственное понимание и у современных исследователей. См. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Из-во ВШЭ. 2011. С. 63-64.

⁵¹⁷ Lewis C.I. Experience and Meaning // The Philosophical Review. Vol. 43. No. 2. 1934. P. 125-146.

Ответ Шлика: Schlick M. Meaning and Verification // The Philosophical Review. Vol. 45. No. 4. 1936. P. 339-369.

⁵¹⁸ Lewis C.I. Professor Chisholm and Empiricism // The Journal of Philosophy. 45. 1948. P. 517-524.

⁵¹⁹ Lewis C.I. The Modes of Meaning // Philosophy and Phenomenological Research. Vol. 4. No. 2. 1943. P. 236-250.

⁵²⁰ Тондл Л. Проблемы семантики. Из-во “Прогресс”. М. 1975. С.63.

⁵²¹ Sellars W. Is there a synthetic a priori? // Philosophy of Science. 1953. 20(2). P.121-138.

году его идеи использовал Мур. В 1949 году Фейгл и У. Селларс включили его работы в сборник “Readings in Philosophical Analysis”. Однако всё же главный вклад Льюиса в аналитическую философию касается трёх связанных вещей: строгой импликации, релевантной логики и модальности.

Сегодня мы привыкли к тому, что аналитическая философия полна модальных аргументов. Пожалуй, трудно указать область, в которой они бы не обсуждались.

Но ярче всего, пожалуй, они представлены в философии сознания. Авторы, активно работающие в этой сфере, живо обсуждают вопрос: следует ли из представимости возможность⁵²² или модальные логики просто “дурачат”⁵²³ всем голову? Так, однако, было не всегда. Аналитическая философия, возникшая в английском Кембридже, родилась без всякой склонности к модально окрашенным рассуждениям. Этот оттенок, как будет ясно из последующего, она приобрела в Кембридже американском.

Британская аналитическая философия, как впрочем, и прагматизм, родилась в связи с эмпирическим⁵²⁴ истолкованием философских систем, родственных немецкому метафизическому идеализму. Философы же этого течения уделяли модальности особое внимание. Уже Кант писал, что “модальность суждений есть совершенно особая функция их” (B100), а ранний Шеллинг и вовсе исключил модальности из числа категорий⁵²⁵. Фреге, явно имея в виду таблицу суждений Канта и в противоположность ей, в “Begriffsschrift” (1879) пишет, что “...форма аподиктического суждения не имеет для нас значения”⁵²⁶. Необходимость математических и логических выражений вводится Фреге с помощью квантора всеобщности, а не с помощью специально задаваемой модальности. Ровно через двадцать лет

⁵²² Chalmers D. Does Conceivability entail Possibility // in (T. Gendler & J. Hawthorne, Eds) *Conceivability and Possibility*. Oxford University Press. 2002. P.145– 200.

⁵²³ Выражение Патрисии Черчленд “Bamboozled by modal logic” — URL: schd.ws/hosted_files/tsc2015/a0/Abstract%20Churchland.pdf (дата образования — 4.02.2017)

⁵²⁴ Что стоит только этот вопрос Мура: “что на земле Кант называет Разумом?” — Baldwin T., Preti C. G. E. Moore *Early Philosophical Writings*. 2011. P.xiii.

⁵²⁵ Шеллинг Ф.В.Й. О Я как принципе философии // Ф.В.Й. Шеллинг. Ранние философские сочинения. Пре. с нем. И.Фокина. СПб: Алетейя. С. 88.

⁵²⁶ Фреге Г. Логика и логическая семантика. Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: “ЛИБРОКОМ”. 2015. С.71.

после выхода в свет этой работы Фреге, “Mind” публикует уже известную нам статью “Природа суждения”, в которой Мур сводит необходимость к истинности. Сам Мур недолго, как мы видели, держался этой точки зрения, и уже в статье “Необходимость”⁵²⁷ он предпринимает нерешительную попытку её ревизии.

Но Рассел наследует программу редукции модальности к внутренним ресурсам логики, и в её духе строит систему “Principia mathematica”. Среди многих наследников этого грандиозного философского и математического памятника выделяются К. И. Льюис и Л. Витгенштейн. Каждый из них — по своему — вернул модальности особый статус. Я не буду тут рассматривать проект Витгенштейна⁵²⁸. Ключом же к идеям Льюиса является его критика понятия материальной импликации, одного из краеугольных камней “PM”.

Уже Диодор Кронос обращал внимание на парадоксы, которые возникают при определённом понимании связки “если... то”. В первой главе мы видели, как Пирс протестовал против расселовского понимания этой пропозициональной связки. Ретроспективно можно видеть тут некую связь, хотя Льюис в своей работе не ссылается на основателя прагматизма⁵²⁹. Но всё же именно идеи Льюиса открыли путь для двух новых направлений в логике: релевантной⁵³⁰ и модальной. Пирс, как мы видели, реагировал на ранний труд британца, в то время как профессиональное становление Льюиса прошло не только “у ног” американских философов золотого века, но и в изучении “PM”. Позднее он вспоминал: “Ройс был также ответственен за мой интерес к

⁵²⁷ Moore G.E. Necessity // Mind. 9. 35. 1900. P. 289–304.

⁵²⁸ Прекрасный концептуальный анализ модальных теорий Рассела, Льюиса, Витгенштейна, Карнапа, Куайна и Крипке см. Shieh S. Modality // The Oxford Handbook of The History of Analytic Philosophy. (ed.) Beaney M. Oxford University Press. 2015. P. 1043—1082. Тондл обращает внимание на то, что существует сходство между методом экстенционала и интенционала Карнапа и семантическим проектом Льюиса: и тот, и другой являются “распространением концепции Фреге на все языковые выражения, применительно к которым имеет смысл относительно самостоятельный семантический анализ” — Тондл Л. Проблемы семантики. Из-во “Прогресс”. М. 1975. С.178, 201–206.

⁵²⁹ Нам, однако, известно, что Льюис работал с неопубликованными рукописями Пирса и некоторые исследователи предполагают, что ему была известна концепция экзистенциальных графов и что некоторые базовые идеи модальной логики Льюис взял у Пирса. См. Brady G. From Peirce to Scolem. A Neglected Chapter in the History of Logic. Elsevier Science Bv. North-Holland. 2000. P. 13.

⁵³⁰ Сам термин “релевантная логика” был предложен, как принято считать, Д. Правитцем. Хотя Льюис тоже отметил введение важного термина “calculus of proposition”, который после 1912 года стал общепотребительным.

логике, или, по крайней мере, за направление, которое он принял. В 1910–11 годах я был ассистентом на двух его курсах по этому предмету, он вложил в мои руки одну из первых в Кембридже копий первого тома “Principia Mathematica”. Сегодня сложно оценить, какой новинкой была эта работа для всех нас”⁵³¹.

В 1912 году Льюис публикует новаторскую статью “Импликация и алгебра логики”, направленную против “PM” и использованного там понятия материальной импликации⁵³². Что же не так с понятием материальной импликации и с “PM” в целом?

Дело в том, что, согласно данному там определению, формула $p \supset q$ ложна тогда и только тогда, когда p — истинно, а q — ложно. Из этого следует, что (1) ложное высказывание имплицирует любое высказывание; и (2) истинное высказывание имплицируется любым высказыванием. Эти суждения являются поразительными (startling), как выражается Льюис, теоремами системы Рассела и Уайтхеда. Любой, кто видит их, считает Льюис, сразу понимает, что существует большое различие между алгебраическим и обычным смыслами импликации. Философская логика, в принципе направленная на создание формальных систем, выражающих те или иные философские интуиции и идеи, не может быть слепа к этому различию⁵³³. Проблема во многом связана с тем, как при материальной импликации понимается отношение равенства. Если p и q одновременно истинны или одновременно ложны, то они равны⁵³⁴. Это приводит к тому, что общезначимыми оказываются и закон утверждения консеквента — $p \supset (q \supset p)$ — и закон отрицания антецедента — $\sim p \supset (p \supset q)$. Не создавая

⁵³¹ Цит. по Curley E.M. The Development of Lewis' theory of Strict Implication // Notre Dame Journal of Formal Logic. Vol. XVI. Number 4. 1975. P. 517.

⁵³² Lewis C. I. Implication and the algebra of logic. Mind 21 (84). 1912. P. 522-531.

⁵³³ Есть и другие методологические проблемы, возникающие в связи с материальной импликацией: проблема экспликации понятия научного закона, проблема контрфактических суждений, определение диспозиционных предикатов. См. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. М. ИД “Форум”. 2016. С. 359–362. Интересный анализ последней проблемы см. см. Зайцев Д. В. Диспозиционность, энтимема и знание // Логические исследования. 2014. Т. 20. С.48–59.

⁵³⁴ Lewis C.I. The calculus of strict implication // Mind. 23(90). P.243.

формального противоречия, эти формулы, с точки зрения здравого смысла, весьма парадоксальны.

Чтобы разрешить этот парадокс, Льюис обращается к определению импликации через дизъюнкцию: $(p \supset q) = (\sim p \vee q)$. Сравним две дизъюнкции: (1) Или Цезарь умер, или Луна сделана из зелёного сыра; (2) Или Матильда не любит меня, или я люблю. Ясно, что из того, что неверно, что Матильда не любит меня, следует, что верно, что я люблю. Однако было бы в высшей степени странно утверждать, что из того, что Луна не сделана из зелёного сыра, следует, что Цезарь действительно умер, пусть это и так. Дизъюнкция (2) такова, что хотя бы один из дизъюнктов необходимо истинен. Собственно, уже тут появляется зародыш будущей модальной логики, так как модальность оказывается невыразимой с помощью одних только связок и кванторов. Суждение (1) не имеет чисто формального характера, его истинность зависит не столько от логики, сколько от фактов. Человек, незнакомый с историей, не был бы удивлён, если бы за ним скрывалось противоречие. Рассмотрение этих примеров приводит Льюиса к различию между, соответственно, экстенциональной и интенциональной дизъюнкциями. Отрицание экстенциональной дизъюнкции есть отрицание истинности каждого из его дизъюнктов. Так, например, (3) “Это моя шляпа, или меня зовут не Смит”, может быть ложно, если мы покажем этому Смигу, что шляпа принадлежит его однофамилице. Отрицание интенциональной дизъюнкции есть отрицание самого дизъюнктивного отношения. При этом каждая интенциональная дизъюнкция есть экстенциональная дизъюнкция, но не наоборот. Можно было бы сказать, что каждая интенциональная дизъюнкция является априорной, но это не так. Представим, говорит Льюис, что мы точно знаем, что 16 числа этого месяца будет тепло. Тогда верно, что “или сегодня не 16-ое, или сегодня тепло”.

Ясно, что интенциональная дизъюнкция имеет такое же отношение к инференциальной, или строгой, импликации, как экстенциональная дизъюнкция к материальной импликации. Например, суждение (2) “Или

Матильда не любит меня, или я любим” эквивалентно “Если Матильда любит меня, то я любим”.

Важно подчеркнуть, что Льюис не отрицает, что “PM” обладает внутренней когерентностью. Он лишь считает, что эта система не отражает отношения суждений в реальных рассуждениях так же, как, по мнению Льюиса, неевклидова геометрия не отражает свойства реального мира⁵³⁵. О каком же мире тогда говорит логика Рассела и Уайтхеда? О мире, отвечает Льюис, в котором всё, что возможно, всё реально. Эта логика не может быть применена к миру, в котором различается реальное и возможное, ложное и абсурдное. Система строгой импликации же применяется к миру, в котором различаются истинное и необходимое, ложное и бессмысленное, в котором существует контингентное⁵³⁶.

Чтобы построить хорошую логику, считает Льюис, нужно сделать несколько вещей: добавить строгую импликацию, объявить принцип “ $p \rightarrow (p \vee q)$ ” ложным и ограничить применимость законов де Моргана только экстенциональными дизъюнкциями. Используя негацию и конъюнкцию, Льюис построил пять систем строгой импликации, в том числе и S5, которая часто используется в доказательствах бытия Бога, так как в ней есть удобная аксиома $\diamond p \rightarrow \square \diamond p$, где под \rightarrow понимается строгая импликация⁵³⁷. Любопытны определения возможности и необходимости, которые он вводит в поздней работе “Символическая логика”, написанной в соавторстве с Лэнгфордом: возможно, что p , означает, что p логически представимо и не содержит в себе противоречий; необходимо, что p , означает, что отрицание p ведёт к противоречию⁵³⁸. Мы опустим чисто логические аспекты этих теорий и перейдём к обзору критики идей Льюиса.

⁵³⁵ Lewis C.I. Implication and the algebra of logic // Mind. 21(84). 1912. P.530. Это довольно странное заявление, так как к 1912 году СТО уже была создана.

⁵³⁶ Lewis C.I. The calculus of strict implication // Mind 1914. 23(90). P.240–247.

⁵³⁷ Впрочем, создатель современного модального онтологического доказательства Гёдель пользовался модификацией S4. См. также Kane R. The Modal Ontological Argument // Mind. New Series, Vol. 93, No. 371.1984. P. 336–350.

⁵³⁸ Это довольно сильно отличается от модальных теорий, например, Аристотеля и Фомы Аквинского, которые понимают возможность как то, что иногда есть, а иногда нет, а необходимость как то, что всегда есть, из чего

В 1914 году молодой Норберт Винер слушает лекции Рассела в Кембридже, после чего в 1915 и 1916 годах изучает философию в Гарварде. Тогда же он пишет небольшую, но довольно агрессивную статью, утверждая, что Льюис просто мало что понял в логической системе “PM”⁵³⁹. А главное он не понял различия, которое Винер объявляет, вполне обосновано, “сердцем и душой” логики Рассела, различия между пропозициональными функциями и пропозициями. Он также обвиняет Льюиса в том, что тот ищет некой тайной (occult) связи между постулатами и системой. Если мы принимаем постулаты, то мы должны, считает Винер, принимать и их следствия, если последние верно получены из первых. Винер видит отличие логики от геометрии: постулаты последней есть гипотезы, в то время как постулаты первой есть истины. Постулаты геометрии поэтому не являются пропозициями, они суть пустые формы для пропозиций, которые могут быть заполнены бесчисленным количеством способов. Он также считает, что материальная импликация адекватно отражает обыденное понятие об импликации. К этому, однако, он добавляет, что система Рассела не нуждается в строгой импликации, так как в “PM” уже есть её аналог. Дело в том, что пропозиция либо просто истинна, либо просто ложна, а не так, как считает Льюис, что в одном случае она истинна, а в другом — ложна. Это относится к пропозициональной функции, а не к пропозиции. Не понимая это, Льюис критикует то, что Рассел, собственно, и не утверждает. Под конец статьи он несколько понижает тон, и признаёт заслуги Льюиса перед логикой. Эта критика, однако, не учитывает, что Льюис критикует именно постулаты расселовской логики, а не связь постулатов и теорем.

Чёрч считает, что одним из недостатков “PM” был отказ от формулировки правила подстановки, а Льюис сформулировал это правило сначала для систем строгой импликации, а потом и для системы “PM”. Во “Введении в математическую философию” (1919) Рассел признал

следует, что за бесконечное время будет реализована любая возможность. Ничего такого нельзя вывести из определений Льюиса.

⁵³⁹ Wiener N. Mr. Lewis and Implication // Journal of Philosophy. 1916. 13. P. 656–662.

существенность формулировки принципа подстановки для “PM”⁵⁴⁰. Однако в этой же работе Рассел отвечает своему американскому коллеге, что во многом это спор о словах⁵⁴¹. Если наше использование слов согласовано с сами собой, то беспокоиться не о чем. Рассел понимает, что Льюис хочет дополнить определение импликации как связки, истинной либо при ложности антецедента, либо при истинности консеквента, некой связью между антецедентом и консеквентом. Рассел настаивает, что существует ли связь, о которой говорит Льюис, или нет, в любом случае математика не нуждается в ней, и, следовательно, из соображений экономии, мы не должны включать её в число фундаментальных понятий.

Более серьезную критику теории Льюиса осуществил Пост, который показал, что в логике Льюиса аксиома $(p \rightarrow q) = (\neg \circ q \rightarrow \neg \circ p)$ имеет следствие $\neg p = \neg \circ p$, что, конечно, совершенно неприемлемо, так как делает систему строгой импликации системой материальной импликации⁵⁴². Чтобы справиться с этим, Льюис отбрасывает понятие интенциональной дизъюнкции и принимает невозможность за примитив своей логики, определяя таким образом: $p \rightarrow q = \neg \circ (p \& \neg q)$. Увы, оказалось, что при этом в этой системе возникает парадокс строгой импликации: $\Box A \rightarrow (B \rightarrow A)$, $\Box \neg A \rightarrow (A \rightarrow B)$. Сам Льюис довольно тяжело переживал эту неудачу, но его идеи оказались полезны следующему поколению логиков и философов. В 1956 году, развивая идеи Льюиса, В. Аккерман построил одну из первых релевантных логик⁵⁴³. Уже в 1960-х века плеяде учёных — А. Андерсону,

⁵⁴⁰ Чёрч А. Введение в математическую логику. Пр. с англ. В. С. Чернявского, под В. А. Успенского. Москва. Издательство иностранной литературы. 1960. С. 150–151.

⁵⁴¹ Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy. Online Corrected Edition version 1.0. 2010. P.154–155.

⁵⁴² Curley E.M. The Development of Lewis' theory of Strict Implication // Notre Dame Journal of Formal Logic. Vol. XVI. Number 4. 1975. P. 525.

⁵⁴³ Begründung Einer Strengen Implikation Author(s): Wilhelm Ackermann Source: The Journal of Symbolic Logic, Vol. 21, No. 2 (Jun., 1956), pp. 113-128. В 1928 году И. Е. Орлов также построил релевантную логику, однако, без всяких явных отсылок к Льюису. См. Орлов И. Е. Исчисление совместности предложений, Матем. сб., 1928, том 35, номер 3-4, 263–286; Шуранов Б.М., Бирюков Б.В. У истоков логической релевантности: спор двух русских философов-естественников в 20-е годы XX столетия (И.Е.Орлов против А.Н.Щукарева) // Вестник Международного Славянского университета. 1998, № 4. С. 33-39. Бажанов В.А. И. Е. Орлов — логик, философ, учёный. Особенности научного поиска // Логические исследования. 2002. №9. С. 33–54. В 1950 году такую логику построил Мо-Шау Кей, а в 1951 — А. Чёрч. См. Meyer R.K. Improved decision procedures for pure relevant logics // Logic,

Н. Белнапу⁵⁴⁴, Р. Роутли, Р. Мейеру, Л. Максимовой, Е. К. Войшвилло, В. А. Смирнову, Е. А. Сидоренко и, главным образом, Майклу Данну, — удалось построить сначала когерентный синтаксис для релевантных логик, а потом и семантику.

Вернёмся, однако, к Льюису. Выше мы уже говорили о том, что существуют разные логики, разные геометрии, и, шире, разные аксиоматики. Выбор между ними, настало время добавить, осуществляется, по Льюису, согласно нашим целям. Это соображение прямо приводит нас к льюисовской теории априорного знания, к теории прагматического а priori⁵⁴⁵.

Как прагматист может защищать существование априорного знания? Татьяна Соколова отмечает, что “Льюис одним из первых в истории философии предлагает “смягчить” концепцию априорности так, чтобы избежать сомнительных метафизических предпосылок <...>”⁵⁴⁶. “Смягчение” это означает, что мы отказываемся считать, что нам доступен опыт вообще. Мы всегда находимся в каком-то фрагменте опыта. Коль скоро это так, то априорные положения оказываются необходимыми, но не всеобщими, и произвольными, но не контингентными. Будучи однажды приняты, прагматически априорные положения неуязвимы для опыта, так как они просто ничего не говорят о нём. Они не зависят от опыта в том смысле, что опыт не является их верификатором, не он делает их истинными: “<в символических системах> нет ничего, что мы не вложили бы в них сами, но они раскрывают нам значение наших обязательств”⁵⁴⁷. То, из чего исходит действие, не содержится в природе как таковой и не является непосредственным продуктом воздействия на нашу чувственность.

Meaning and Computation: Essays in Memory of Alonzo Church. С. Anthony Anderson, Michael Zelëny. Springer. 2001. P. 191—219.

⁵⁴⁴ Белнап Н. Как нужно рассуждать компьютеру, Об одной полезной четырехзначной логике // Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981; Беликов А.А. Некоторые расширения логики Данна-Белнапа // Логико-философские штудии. 2016. Т. 13, № 2. С. 168.

⁵⁴⁵ Lewis C.I. A Pragmatic Conception of the A Priori // The Journal of Philosophy. 20. P. 169–77. Русский перевод Т. Д. Соколовой — см. Льюис К.И. Прагматическая концепция а priori // Эпистемология и философия науки. Т. XLII. №4. 2014. С. 222–231.

⁵⁴⁶ Соколова Т.Д. Прагматическое а priori Кларенса Ирвинга Льюиса // Эпистемология и философия науки. Т. XLII. №4. 2014. С. 218.

⁵⁴⁷ Розенталь С.Б. К.И. Льюис. 1883-1964 // Райдер. С. 329.

Такая экспозиция проблемы позволяет Льюису сохранить традиционный список априорных истин без того, чтобы принимать сильные онтологические обязательства. Априорными он считает законы логики, аналитические суждения, арифметику, самые фундаментальные положения любой научной области. Однако обоснование их априорности отличается от кантовского или позитивистского: они истинны не в силу природы нашего разума и не в силу собственной тавтологичности. Они истинны в силу того, что мы назначили их истинными, приступая к тому или иному делу. Если же они не помогают нам успешно заниматься этим делом, то мы отбрасываем их, но не как ложные, а как бессмысленные. Поэтому к традиционному списку априорных истин Льюис добавляет также классификации и определения.

Любопытно, как в связи с этим он смотрит на законы логики и арифметику. Например, “закон непротиворечия говорит нам только то, что нечто не может быть одновременно белым и небелым, но он не говорит и не может сказать нам, является ли чёрное небелым или является ли мягкое или квадратное небелым”⁵⁴⁸. Законы логики являются процедурными принципами, парламентскими правилами мышления.

Чтобы защитить априорность математики, Льюис предлагает такой мыслительный эксперимент. Он приписывает его Дж. С. Миллю, однако, у этого автора мне не удалось обнаружить ничего подобного. Представим себе мир, в котором живет всемогущий и всезнающий демон, у которого есть одна страсть: каждый раз, когда он видит два объекта и два объекта, он подкладывает к ним пятый. В таком мире, мог бы сказать противник априорности математики, истинно, что “ $2+2=5$ ”. Но это, считает Льюис, не так. В мире демона Милля мы должны были бы лишь более строго, чем обычно, различать арифметику и физику.

⁵⁴⁸ Льюис. Ук. Соч. С. 223. Об этой проблеме на средневековом материале см. Маслов Д.К. Номинальное отрицание у парижских францисканцев 1320-х гг // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 151–161.

Это чем-то напоминает представление об априорности логических позитивистов, например, Айера. Отличие, однако, кроется в природе аналитичности. Позитивисты понимали аналитичность либо как тавтологичность, либо как отношение синонимии между двумя лингвистическими значениями, в то время как Льюис рассматривает этот вопрос с точки зрения прошлого опыта, привычек и целей того или иного деятеля мыслить те или иные понятия как содержащиеся друг в друге. Неясное значение содержится в понятии тогда, тогда существует привычка связывать это неясное значение с этим понятием. Эта привычка может измениться.

Эта теория кажется полной нестыковкой. Как, например, получается так, что “истинность” оказывается противоположной не “ложности”, как требует того закон исключённого третьего, который Льюис отстаивает, а “бесполезности”? Как получается так, что именно опыт, который не является верификатором априорных истин, в конечном итоге, служит тем, что убеждает нас отказываться от принятых ранее априорных убеждений? Чем существенно отличается человек, которого существование черных лебедей не убеждает в ложности суждения “все лебеди белые”, от человека, который отказывается убеждаться в материальности привидений — пример Льюиса — даже если их будут систематически фотографировать? Если нас не интересует неструктурированный априорным образом опыт (а по Льюису это так), то не обречены ли мы открывать в опыте только то, что уже сами туда вложили, а не подлинные связи, которые существуют помимо того, что они оказались даны нам?

Несмотря на туманность этих вопросов, сегодня теория прагматических а priori Льюиса привлекает авторов, которые хотят найти аргументы против разгромной, по мнению многих, критики кабинетной философии, которую предпринял Куайн. Вот к этой критике мы сейчас и переходим.

3.2. Аналитичность и значение

В этом параграфе я обращаюсь к идеям довольно большого количества авторов, но всё же среди них будут выделяться двое: У. В. О. Куайн и М. Уайт. Если имя первого широко известно и в настоящем исследовании мы уже много раз обращались к его работам, то Уайт пользуется куда меньшей славой, хотя и к его трудам мы уже прибегали в настоящей работе. Отечественному читателю Уайт известен много меньше, чем Куайн, хотя специалисты уже давно оценили его дарование⁵⁴⁹. Он был другом и коллегой Куайна, исследуя те же вопросы, но несколько в другом ключе. Если Куайн мог легко переходить от математической логики к онтологии, то Уайт боролся против формализма в течение всей своей профессиональной карьеры. С другой стороны, Куайн, при всём его известном политическом консерватизме⁵⁵⁰, был чужд политической философии, тогда как Уайт много работал в этой области, развивая идеи Дьюи и К. И. Льюиса. Но близость гения Куайна всё же отразилась не только на темах, которые занимали Уайта, но и на его стиле. Сражаясь против использования математического символизма в философских рассуждениях, Уайт всё же размышлял чрезвычайно скупой, шаг за шагом, филигранно отделявая каждую мелочь в своих теориях. Если его прагматизм целиком принадлежит к традиции Джеймса, то построение текста больше всего напоминает смешение индивидуальных стилей таких философов, как Куайн и Джордж Эдвард Мур. Прежде чем перейти непосредственно к проблеме аналитичности, нужно кратко обозначить, какие отношения связывают каждого из двух наших главных героев с аналитической философией и прагматизмом.

Относительно Уайта эту проблему довольно просто решить. Он сам питал интерес к различного рода философским ярлыкам и не стеснялся

⁵⁴⁹ Ермоленко Д. В. Современная буржуазная философия в США (критический очерк). М.: Международные отношения, 1965. С. 3; Мельвилль Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм. У истоков американской буржуазной философии XX века. М.: Издательство Московского университета, 1968. С. 13.

⁵⁵⁰ Murphey M. The Development of Quine's Philosophy. Dordrecht: Springer, 2012. P. 23.

называть себя ни прагматистом, ни аналитическим философом. О его принадлежности к обеим традициям красноречиво говорят как круг его референтных авторов, так и список проблем, которые он обсуждал в своих работах. В студенчестве он вместе с товарищами организовал клуб, который они сами считали Нью-йорским отделением Венского кружка⁵⁵¹. Сам себя он аттестует как аналитического философа и историка идей, специалиста по Дьюи⁵⁵². Его книга об инструментализме пользуется большим уважением у специалистов⁵⁵³. Ярче всего его желаний объединить прагматизм и аналитическую философию, американский дух и европейские идеи выразилось в работе “Toward Reunion in Philosophy”⁵⁵⁴.

Другое дело Куайн. Этот автор славится своим подозрительным отношением к истории философии. Куайн никогда специально и глубоко не изучал прошлое нашей дисциплины, не испытывал потребности вслушиваться в голос своей эпохи и всматриваться в памятники эпох прошедших. Поэтому разместить его в том или ином философском лагере не так просто, это всегда будет иметь некоторый элемент принуждения и прескрипции.

Так, Л. Б. Макеева пишет, что Куайн был “первым и крупнейшим представителем аналитической философии, родившимся в США”, что его философия “образует синтез из определённых установок логического позитивизма и прагматизма”⁵⁵⁵. Боррадори пишет, что “Куайн открыто демонстрирует свою двойственную сущность: будучи главой философско-аналитиков, вооружённый самой изощрённой Венской логикой, пересаженной на почву Америки, Куайн оставался прагматиком и сторонником метода экспериментальной верификации”⁵⁵⁶. С Льюисом и Уайтхедом Куайна связывали внешние, академические отношения, с

⁵⁵¹ White M.G. A Philosopher's Story. Penn State University Press. 1999. P. 34–35.

⁵⁵² White M.G. Op.cit. P. 60.

⁵⁵³ White M.G. The Origin of Dewey's Instrumentalism. Columbia University Press. 1943.

⁵⁵⁴ White M. Toward Reunion in Philosophy. Harvard University Press. 1956.

⁵⁵⁵ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Из-во ВШЭ.2011.С. 78.

⁵⁵⁶ Боррадори Дж. Американский философи. М.: Дом интеллектуальной книги. 1994. С. 21.

Карнапом и Расселом — внутренние, дружеские. В молодости его настолько захватили идеи “Principia mathematica”, что Чарльз Стивенсон предлагал Куайну назвать его первую дочь “Принципия”⁵⁵⁷. Куайн никогда не занимался, как Джеймс, Шиллер, Дьюи, Уайт или Рорти, пропагандой прагматизма. С другой стороны, Куайн подорвал репутацию концептуального анализа, который многие считают сердцем и душой аналитической философии.

Куайн довольно тщательно изучал логические сочинения Пирса и даже работал с архивом философа. Время от времени он ссылался на него. Читал Куайн и “Прагматизм” Джеймса который не произвёл на него особенного впечатления.

Работу “Онтологическая относительность” Куайн начинает с выражения уважения к идеям Дьюи, особенно подчеркивая, что разделяет натурализм этого философа. Именно в выражении солидарности со взглядами Дьюи, Куайн высказывает свою знаменитую максиму: “Нет места для первой философии”⁵⁵⁸. Он также обращает внимание на то, что знаменитый аргумент Витгенштейна против индивидуального языка был предвосхищён Дьюи ещё в 1920-е годы. Учитывая полубожественный статус Витгенштейна в значительном сегменте тогдашнего англоязычного философского сообщества, это лестное сравнение. И в его появлении нет ничего странного, так как текст статьи готовился в качестве лекций в честь Дьюи.

В “Двух догмах эмпиризма” мы читаем, что следствием отказа от догм является “сдвиг к прагматизму” и что “Карнап, Льюис и другие принимают прагматическую точку зрения относительно вопроса о выборе между лингвистическими формами, научными каркасами; но их прагматизм останавливается перед воображаемой границей между аналитическим и синтетическим. Отрицая такую границу, я поддерживаю более

⁵⁵⁷ Quine W.V.O. Logical Correspondence with Russell // Russell. 8(1):225. 1988. P. 227.

⁵⁵⁸ Quine W.V.O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. Vol. 65. No. 7. 1968. P. 185.

последовательный прагматизм. У каждого человека есть научное наследие плюс непрерывная стимуляция чувств; и те размышления, если они рациональны, что руководят им при подстраивании своего научного наследия, чтобы оно соответствовало непрерывным чувственным стимулам, являются прагматическими”⁵⁵⁹. В последнем предложении, выражающим одну из основных идей “эмпиризма без догм”, легко увидеть парафразу джеймсова учения о старых истинах.

3.2.1. Первая догма эмпиризма

Широко известно, что в работе “Две догмы эмпиризма” Куайн подверг критике строгое различие синтетических и аналитических суждений и верификационистскую теорию значения⁵⁶⁰. По мнению многих, это одна из самых, если не самая, цитируемая и обсуждаемая философская статья XX века. Сразу изложим основной аргумент Куайна без всяких исторических прелюдий.

Существует некоторая сложность в том, как это сделать. Как справедливо отмечает В. В. Васильев, “аргументация Куайна представляет собой перечисление и критику попыток содержательного определения аналитических положений”⁵⁶¹. Я, однако, попробую представить главную, на мой взгляд, мысль, стоящую за этими перечислениями и критикой.

Многие авторы признают существование суждений, которые можно правильно охарактеризовать как аналитические. Аналитические суждения суть суждения, истинность которых зависит только от законов логики и от значений входящих в них терминов. Что значит быть истинным на основе значений? Это значит, что значение одного термина “содержится” (включается, являются частью и т.п.) в значении другого термина. То есть

⁵⁵⁹ Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева, под общ. ред. В.А. Суровцева. М. “Канон+”. 2010. С.45, 80.

⁵⁶⁰ Quine W. V. O. Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review Vol. 60, No. 1. 1951. P. 20-43. Русский перевод:

⁵⁶¹ Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерки феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом “Либроком”. 2014. С. 68.

синонимия входящих в некое высказывание терминов отличает это высказывание от простой тавтологии. Тогда разумно сказать, что это высказывание истинно в силу законов логики и синонимии входящих в него терминов. Но что такое синонимия?

Определение синонимии нуждается в определении значения так же, как определение значения нуждается в определении синонимии. Таким образом, хотя наше рассуждение “непосредственно не содержит круг, но очень его напоминает. Оно, образно говоря, напоминает форму замкнутой в пространстве кривой”⁵⁶². Куайн показывает также, что подобные трудности ждут нас и в том случае, если мы решимся полагаться не на синонимию, а на модальность необходимости. Дополнительную трудность доставляют нам непрозрачность отношения референции. Довод можно суммировать так: сторонники аналитических суждений должны дать чёткий критерий аналитичности, не основанный на круге, и позволяющий нам однозначно классифицировать любое суждение либо как аналитическое, либо как синтетическое. Пока такого критерия не предоставлено, различием аналитических и синтетических суждений можно пренебречь.

Когда смотришь на этот довод со стороны, трудно понять, почему он потряс такое количество мыслителей и столь серьезно изменил ландшафт мировой философии. Легко сказать: допустим, этот довод верен, но что из этого следует? Какое отношение этот довод имеет к таким разным областям как метафизика, метафилософия, эпистемология, этика, логика и эстетика? Кажется, что тут нет никакой связи. В конце концов, природа аналитичности есть очень специальный и технический вопрос. Чтобы оценить его важность и то, почему последствия оказались столь поразительными, нужно посмотреть на этот довод в историческом контексте. Это, однако, не выходит за рамки моего исследования, так как без такого рода предыстории понять смысл довода Куайна чрезвычайно трудно. А именно этот довод лежит в сердце куайновского и уайтовского прагматизма.

⁵⁶² Куайн. Две догмы. С. 58.

3.2.2. Значение, смысл и бессмыслица

В этом подпараграфе мы пойдём по следам, оставленным самим Куайном в “Двух догмах” и в других его работах. Сначала я представлю краткую историю понятия аналитичности, а затем дам экспозицию тех проблем, которые были связаны с проблемой значения в ранней аналитической философии в контексте, во-первых, антипсихологического движения; во-вторых, переводческих и интерпретационных трудностей. Куайну удалось, как мне кажется, затронуть нить, тянущуюся в славное прошлое современной философии, в философию Нового времени. И именно этим объясняется интенсивность реакции профессиональных философов на эту работу Куайна: одним кажется, что он покушается на самую суть философии, на память о светлейших моментах её истории, другим — что, отбрасывая ветхие представления донаучной эпохи⁵⁶³, Куайн открывает путь к философии будущего.

3.2.2.1. Краткая история аналитичности

Зерна теории аналитичности, по-видимому, можно искать в декартовой концепции самоочевидности⁵⁶⁴ и в локковском учении о максимах и “пустячных” (trifling) пропозициях⁵⁶⁵. Но всё же историю этого понятия лучше всего начинать с Лейбница, резко противопоставлявшего истины разума и истины факта и сделавшего это противопоставление одним из

⁵⁶³ В настоящей работе я выношу за скобки критику аргумента Куайна, так как моей целью является не оценка валидности и релевантности его аргументации, а рассмотрение её места в истории взаимоотношения прагматизма и аналитической философии. Bennett J. *Analytic-Synthetic* // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*. Vol. 59. 1958–1959. P. 163–188; Walsh W. H. *Analytic/Synthetic Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*. Vol. 54. 1953–1954. P. 77–96; Katz J. *Where Things Stand Now with the Analytical/Synthetic Distinction* // *Synthese*. 28. No. 3/4. 1974. P. 283–319; Quinton A. *The "A Priori" and the Analytic* // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*. Vol. 64. 1963–1964. P. 31–54; Grice H.P., Strawson P.F. *In Defence of a Dogma* // *Philosophical Review*. LXV. 1959. P. 141–158; Putnam H. *The Analytic and the Synthetic* // *Putnam H. Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 1975. P. 33–69; Карнап Р. *Постулаты значения* / Карнап Р. *Значение и необходимость*. М.: Из-во ЛКИ. 2007. С. 341–330; Чалмерс Д. *Сознающий ум*. М.: УРСС. 2013; С. 81–82; Аргамасова А.А. *Две лжедогмы эмпиризма* // *Философские науки*. 2013. №8. С. 125–140.

⁵⁶⁴ См., например, Декарт Р. *Сочинения в двух томах*. Том 1. М.: Мысль. 1989. С. 260, 314–316.

⁵⁶⁵ Locke J., Phemister, P. (Editor). *An Essay concerning Human Understanding*. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 380–395.

краеугольных камней своей методологии. В 33 параграфе “Монадологии” читаем:

“Есть также два рода истин: истины разума и истины факта. Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны, и противоположное им возможно. Основание для необходимой истины можно найти путём анализа, разлагая её на идеи и истины более простые, пока не дойдём до первичных.”⁵⁶⁶

Это разделение наследует Дэвид Юм⁵⁶⁷. В “Исследовании о человеческом познании” он пишет: “Все объекты, доступные человеческому разуму или исследованию, по природе своей могут быть разделены на два вида, а именно: на отношения между идеями и факты. <...> К <первого> рода суждениям можно прийти благодаря одной только мыслительной деятельности, независимо от того, что существует где бы то ни было во вселенной. <...> Факты, составляющие второй вид объектов человеческого разума, удостоверяются иным способом, и, как бы велика ни была для нас очевидность их истины, она иного рода, чем предыдущая. Противоположность всякого факта всегда возможна, потому что она никогда не может заключать в себе противоречия, и наш ум всегда представляет её так же легко и ясно, как если бы она вполне соответствовала действительности.”⁵⁶⁸

Важно, что и у Лейбница, и у Юма это различие играет существенную роль в их системах (что отличает их, например, от Локка, для которого учение о максимах не занимает центрального места, а скорее является приложением к основному набору тезисов и аргументов).

Лейбницу и Юму наследует Кант. Знаменитый кёнигсбергский философ, как известно, основной вопрос своей главной работы формулирует

⁵⁶⁶ Лейбниц Г. Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: Мысль. 1982. С. 418.

⁵⁶⁷ Васильев В.В. Влияние Лейбница на философию Юма // Историко-философский ежегодник. 1993. Т. 1992. С. 18.

⁵⁶⁸ Юм Д. Исследование о человеческом познании. М.: “Канон+”. 2009. С. 25–26.

так: “как возможны синтетические суждения а priori?”⁵⁶⁹. Чтобы поставить такой вопрос, необходимо признавать различие аналитических и синтетических суждений, что Кант и делает.

Несколько упорядочивая кантовские рассуждения в “КЧР” и “Прологоменах”⁵⁷⁰, предложим, вслед за А. И. Сырцовым, три основания, по которым различаются аналитические и синтетические суждения: по содержанию, по принципу, по назначению.⁵⁷¹ Если для некоего субъектно-предикативного суждения верно, что содержание его предиката входит в содержание субъекта, принципом его истинности является априорный закон противоречия и оно лишь проясняет, но не увеличивает наше знание, то это суждение является аналитическим.

Кант также различает тавтологии и аналитические суждения: вторые основываются на тождестве, но это неявное тождество, тождество, как говорит Кант, требующее экспликации⁵⁷². Это различие в дальнейшем составило большую трудность⁵⁷³. Стоит обратить внимание на то, что Кант не говорит, что все суждения вообще разделяются на аналитические и синтетические. Речь идёт только о категорических суждениях, которые могут быть утвердительными или отрицательными, а не о гипотетических или разделительных. И, хотя Кант прямо этого не говорит, речь не может идти о конъюнктивных суждениях. Любопытно также, что различие это Кант не делает предметом специального анализа в своих логических лекциях, хотя в них, конечно, встречается в чём-то похожее деление на проблематические,

⁵⁶⁹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том II. Часть 1. Критика чистого разума. М. “Наука”. 2006. С. 73

⁵⁷⁰ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том II. Часть 1. Критика чистого разума. М. “Наука”. 2006. С. 61–71; Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть как наука // Иммануил Кант. Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. Из-во “Чоро”. 1994. С. 18–28. Существенно, что в других русских изданиях, ориентированных на изначальный перевод В. С. Соловьева, важный для нашей темы фрагмент содержится в параграфе 4. См. Кант И. Прологомены. М.: “Академический проект”. 2008. С. 24–25.

⁵⁷¹ Сырцов А. К вопросу об аналитических суждениях. // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139–140. С. 68–87. См. также Чугайнова Ю.И., Логинов Е.В., Воронин А.А., Басов А.С., Бурмина К.В., Саттар А.С., Мерцалов А.В. Прологомены ко всякому знанию, могущему называться априорным // Финиковый Компот. №11. 2016. С. 5.

⁵⁷² Кант И. Начало сочинения по третьей рукописи. / Иммануил Кант. Собрание сочинений в восьми томах. Том 7. Из-во “Чоро”. 1994. С. 450–453.

⁵⁷³ Куайн. Две догмы. С. 48–49.

ассерторические и аподиктические суждения⁵⁷⁴. Не говорит он и о значении слов⁵⁷⁵. Кроме того, аналитичность у Канта не равняется необходимости: необходимая связь субъекта и предиката ещё не означает аналитичности такого суждения, что хорошо видно на примере математических суждений⁵⁷⁶. При этом все аналитические суждения в то же время являются необходимыми в силу своей априорности.

Нельзя сказать, что эти кантовские дефиниции были приняты философами безоговорочно. Так, уже Соломон Маймон и Фридрих Шлейермахер высказывали критические аргументы против теории аналитических суждений⁵⁷⁷. В немецком метафизическом идеализме различие аналитических и синтетических суждений не играло существенной роли, хотя иногда и использовалось в качестве одной из всем известных спекулятивных фигур, аллюзии на основополагающий для авторов этого направления кантовский текст⁵⁷⁸. В австрийской философии первой половины XIX века мы встречаем это различие у Бернарда Больцано, а во второй половине столетия им пользовался Франц Brentano⁵⁷⁹. Конечно, к

⁵⁷⁴ Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Иммануил Кант. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Из-во “Чоро”. 1994. С. 309. О связи двух этих делений см. также Том 7. С. 400–401. И легко понять, почему в логике Кант не рассматривает это различие: “Это деление необходимо в отношении критики человеческого рассудка, а потому заслуживает быть в ней классическим; вообще-то я не знаю, где бы ещё оно имело значительную пользу” — Том 4, С. 25.

⁵⁷⁵ Кант обычно говорит о понятиях, а не о словах. Из параграфа “О дефинициях” видно, что Кант противопоставляет слово, которое может быть лишь обозначением (Bezeichnung) вещи, понятию, которое является скрытым суждением (B756–757).

⁵⁷⁶ Любопытно, что статус суждения “A=A” у Канта оказывается двойственным. Например, в “Пролегоменах” он высказывается в том духе, что это суждение можно понимать как синтетическое — Том 4, С. 21–22.

⁵⁷⁷ Бархатков А. И. Критика С. Маймоном теории аналитических суждений И. Канта // Кантовский сборник. 2013. №3. С. 7–15; Зигварт Х. Логика. Том 1. Учение о суждении, понятии и выводе/Пер. с нем. И. А. Давыдова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 131; Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное: Пер. с нем. / РАН. ИНИОН. Лаб. теории и истории культуры. М.: ИНИОН, 1994. С. 260–262.

⁵⁷⁸ Так, Шеллинг в статье “О возможности формы философии вообще” различает аналитическое, синтетическое и смешанное. См. Шеллинг Ф.В.Й. О возможности формы философии вообще // Ф.В.Й. Шеллинг. Ранние философские сочинения. Пре. с нем. И. Фокина. СПб: Алетейя. С. 21.

⁵⁷⁹ Brentano Ф. Избранные работы. / Составл., перев. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 112; Smith B. Austrian Philosophy The Legacy of Franz Brentano Open Court Publishing Company Chicago and LaSalle, Illinois. 1994. P. 299–334; Künne W. Analyticity and Logical Truth from Bolzano to Quine / In The Austrian Contribution to Analytic Philosophy, Textor, M. (ed), London, Routledge. 2006.

различию аналитического и синтетического прибегали и неокантианцы⁵⁸⁰. Не брезговал им и Гуссерль⁵⁸¹.

Несмотря на некоторую критику, исследуемое нами различие стало общим местом в философских работах рубежа XIX – XX веков. Вот, например, обычная работа по логике, написанная Джоном Невиллом Кейнсом, отцом знаменитого Джона Мейнарда Кейнса. В этой работе со ссылками на Брэдли, Томаса Грина и Александра Бэна осуждается природа анализа в аналитических суждениях⁵⁸².

Переломным моментом в истории аналитичности следует считать работу Фреге, которая хронологически предшествовала работам некоторых уже названных авторов⁵⁸³. В начальный период своей деятельности йенский логик считал арифметику аналитической наукой, полагая, вслед за Кантом, геометрию синтетической. Аналитичность понимается Фреге как то, что следует из логических законов и принятых определений. Он, однако, не говорит о значении, так как логические законы истинны независимо от любого опыта, в том числе, не зависят от значения слов.

Рассел радикализировал программу Фреге, взявшись дедуцировать из логики не только арифметику, но и всю математику, включая неевклидову геометрию. Как система Фреге пала жертвой парадокса Рассела, так система Рассела–Уайтхеда не устояла перед следствиями работы Гёделя. Однако был достигнут важный результат: была предложена логическая нотация, позволяющая мыслить суждение шире, чем отношение субъекта к предикату, мыслить его функционально. Следующий важный шаг был сделан

⁵⁸⁰ С исторической точки зрения о различии аналитических и синтетических суждений писал Виндельбанд. Виндельбанд В. История новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 2: О Канта до Ницше. М.: «Гиперборея», «Кучков поле», 2007. С. 60. Коген довольно много рассуждал о нашем предмете; укажем самый, пожалуй, концентрированный фрагмент: Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический Проект. 2012. С.395–426. Э. Кассирер говорил о логике тождества (аналитической) и логике отношений (синтетической). Кассирер Э. К вопросу о логике символического понятия / Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С.414–437. В России в неокантианском духе интересную статью против понятия аналитичности написал Анатолий Сырцов. Сырцов. Ук. соч.

⁵⁸¹ См., например., параграф 6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект. 2009. С.40–42.

⁵⁸² Keynes N.J. Studies And Exercises In Formal Logic. Macmillan And Company Limited. 1900. P.53–56.

⁵⁸³ Фреге Г. Основоположения арифметики // Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. унив. издательство. 2008. С. 126–238.

Витгенштейном, чей авторитет придал новую жизнь понятию “тавтология”⁵⁸⁴. Для нас наиболее важными являются следующие афоризмы “Трактата”:

“6.1. Предложения логики суть тавтологии.

6.11. Предложения логики, следовательно, ничего не говорят. (Они являются аналитическими предложениями.)”⁵⁸⁵

В связи с этим весьма странным кажется утверждение, содержащееся в афоризме 6.375: “<...> для двух цветов невозможно находиться одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета<...>”. Это возможно только в том случае, если суждения “это место не есть в одном и том же отношении красное и не красное” и “это место не есть в одном и том же отношении красное и зелёное” равны, что явно не соответствует действительности. Закон противоречия может поддерживать первое, но не второе, которое основано не на логике, а на значениях слов “красный” и “зелёный”.

Любопытно, что в позднем творчестве Витгенштейна вообще не идёт речи об аналитичности. Это понятие ни разу не упоминается в “Философских исследованиях”, хотя там и говорится иногда об анализе. Один раз об аналитичности говорится в “Философской грамматике”: “Не говорю ли я то же, что и Кант имел в виду, говоря, что $5+7=12$ не аналитическое, а синтетическое a priori?”⁵⁸⁶

Однако логические позитивисты приняли учение раннего Витгенштейна о тавтологической природе логики и добавили к ним эмпирическое понятие “значение”, что позволило им создать эмпиризм нового типа. Философия такого рода не принималась ни ранним, ни поздним Витгенштейном. Зрелая форма логического позитивизма была создана

⁵⁸⁴ См. “ЛФТ” с афоризма 4.46 до 4.4661, 5.1361 по 5.152, с 6.1 по 6.3751. А. Чёрч считает, что именно этому автору мы обязаны появлением тавтологий в логике.

⁵⁸⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: “Канон+”. 2008. С. 180.

⁵⁸⁶ Wittgenstein L. Rhees R. (Ed.) Kenny A. (Transl.) *Philosophical Grammar*. Part I: The Proposition, and its Sense. Part II: On Logic and Mathematic. Berkley and Los Angeles. University of California Press. 1973. P. 404.

Карнапом, студентом Фреге, испытавшим влияние Рассела и Витгенштейна. Как и многие авторы того времени, Карнап отрицал существование синтетических суждений априори. Однако ему удалось представить и позитивную программу, а не только преодолевать метафизику средствами логического анализа языка. Именно выполняя её, Карнап обращается к семантике, где формулирует понятие аналитического суждения, отличного от тавтологии. Он делает это в нескольких разных работах разными способами; мы воспользуемся “Философскими основаниями физики”, так как это одна из последних работ философа: “...утверждение «все собаки — животные» обосновывается путём указания на то, что в нашем языке термин «собака» понимается как термин, включающий в своё значение признак «быть животным». Таким же образом обосновывается аналитическая истинность утверждения «единорог имеет один рог на голове». Истинность аналитического утверждения вытекает из значений его терминов, без всякой ссылки на какое-либо исследование мира”⁵⁸⁷. Естественно, не только Карнап, но и Айер, и Райхенбах предложили свои определения аналитичности, но всё же роль Карнапа в этой истории куда значительнее⁵⁸⁸.

Не только логические позитивисты занимались этой проблемой. Мы уже видели попытку переопределить априорное и аналитическое у Льюиса. В 1936 году Дональд К. Уильямс, работавший в то время в университете Калифорнии, публикует в “Analysis” небольшую статью, в которой показывает, что различие аналитических и синтетических суждений не является исчерпывающим⁵⁸⁹. В этом же году на страницах “Proceedings of the Aristotelian Society” Ч. Д. Брод, А. Портеус и Р. Джексон обменялись мнениями по вопросу “существуют ли синтетические априорные истины?”⁵⁹⁰

⁵⁸⁷ Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. М.: ЛКИ. 2008. С. 243.

⁵⁸⁸ См. Айер А. Язык, истина и логика. М: “Канон+”. С. 102–124; О первом этапе критики логического позитивизма см. Соколова Т.Д. Понятие а priori в философии логического эмпиризма и его первые критики // Epistemology & Philosophy of Science. 2015. №3 (45).

⁵⁸⁹ Williams D.C. Analysis, Analytic Propositions, and Real Definitions // Analysis Vol. 3, No. 5. 1936. P. 75–80.

⁵⁹⁰ Broad C.D., Porteous A.J.D., Jackson R. Are there Synthetic a priori Truths? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes Vol. 15, 1936. P. 102–153; развитие этой дискуссии см. статью Джексона, в которой автор пытается показать, что не существует аналитических суждений: Jackson R. Are There Analytic Propositions? // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 39. 1938–1939. P. 185–206; Эту работу рецензировал

Главные сомнения авторов этих работ были связаны с природой понятий и теорией пропозиций. В 1944 году выходит работа ученика Э. Кассирера и Э. Нагеля эпистемолога Артура Папа, содержащая критику теории аналитичности Шлика.⁵⁹¹

В 1950 году Куайн делает в Торонто доклад “Две догмы эмпиризма”, который через год выйдет в качестве статьи. В следующем параграфе мы увидим, что некоторые философы, окружавшие Куайна, опередили его с публикацией критики аналитичности. Однако не только гарвардская группа работала в этом направлении. В уже знакомом нам по первой главе колледже Брин Мор (Brunn Mawr) в 1951 году прошел симпозиум по синтетическим суждениям априори на встрече Американской философской ассоциации, там Селларс читал свою статью “Существуют ли синтетические а priori?”, в которой в том числе критикуется понятие аналитичности Льюиса⁵⁹².

В случае всех крупных авторов от Лейбница до Карнапа мы видим, что понятие аналитичности занимает одно из важнейших мест в их системах. Мы также видели, что с развитием понятия аналитичности, усиливался лингвистический компонент, появился акцент на значении. Если у Лейбница и Юма вообще речи не идёт о языке, у Канта появляется речь о понятиях и суждениях, у Фреге и Витгенштейна речь идёт о логике и математике, и, наконец, у Карнапа и Льюиса при построении семантики появляются языковые значения.

К. Х. Лэнгфорд, соавтор Льюиса, Langford C.H. There Analytic Propositions? by Reginald Jackson // The Journal of Symbolic Logic, Vol. 6, No. 2. 1941. P. 68.

⁵⁹¹ Pap A. The Different Kinds of A priori // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5. См. также Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. Перевод с англ. Е. Е. Ледникова. М.: Идея-Пресс, 2002.

⁵⁹² Sellars W. Is there a Synthetic a Priori? // Philosophy of Science. № 20 (2). 1953. P. 121–138. Работы была замечена молодым Ноамом Хомским — Chomsky N. Reviewed Work: Is There a Synthetic a Priori? // The Journal of Symbolic Logic Vol. 22. No. 4. 1957. P. 402.

3.2.2.2. Краткая история значения

Редко кто отважится отрицать важность лингвистической компетенции. За неспособность к языку Рене Декарт лишил животных души⁵⁹³. Картезий и его последователи оставили теоретикам языка богатое наследие, но куда более влиятельной оказалась теория Джона Локка⁵⁹⁴. Локк считал, что слово является знаком понятия в уме. Например, слово “треугольник” означает мою мысль о треугольнике (в данном случае это будет архетип, или прообраз⁵⁹⁵), а та, в свою очередь, происходит от множества видимых мною треугольных вещей и моей способности к рефлексии. Когда эти мысли излагаются в контексте проблемы универсалий, то их характеризуют как “концептуализм”⁵⁹⁶. Теория Локка была чрезвычайно полезна и существенно ослабила эссенциализм, дав учёным, уже несколько столетий выжимавшим всё, что можно, из трудов Аристотеля, Августина и Боэция, новую мишень для критики. Так, современников Локка не устраивали сомнительные, с точки зрения теологии, следствия этой теории⁵⁹⁷. Но не это было основной причиной отказа от локковской философии языка.

Теория Локка покоится на двух китах: тезисе о существовании в уме общих идей, таких как идея треугольника вообще, и тезисе об обозначении словами идей, а не вещей. Атакуя первый тезис, Беркли показал, что мы не можем представлять себе “треугольник вообще”⁵⁹⁸. Позднее Кант научил философов говорить о схематизме чистого рассудка: “Понятию о треугольнике вообще не соответствует никакой образ треугольника” (B180). Усложнение представлений о природе сознания подтолкнуло философов к отказу от локковской теории значения. Несмотря на попытки локковедов доказать, что на самом деле взгляды Локка как на значение, так и на природу сознательного опыта были более утончёнными и учитывали некоторые

⁵⁹³ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 283.

⁵⁹⁴ Которая сама в известной степени является изложением аристотелевского взгляда.

⁵⁹⁵ Locke J. An Essay concerning Human Understanding. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 361–363.

⁵⁹⁶ Обсуждение этого взгляда см. Mackie J.L. Problems from Locke. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 130–134.

⁵⁹⁷ Беседин А.П. Беркли как философ Просвещения // Философские науки. 2014. № 5. С. 24–34.

⁵⁹⁸ Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль. 1978. С. 161–165.

приведённые впоследствии возражения⁵⁹⁹, большая часть современных философов считает его теорию устаревшей.

Ещё больший урон нанесли концепции Локка исследования по эпистемологии и теории знака. Наиболее существенны тут, как мне кажется, два аргумента. Первый можно назвать аргументом от необходимости. Его впервые сформулировал Лейбниц в своём ответе Локку. Опыт не даёт нам знания о необходимости. Мы фактически обладаем знанием о необходимости. Следовательно, существуют знания не из опыта⁶⁰⁰. Позднее этот довод был воспроизведён Кантом (В5). Применительно к нашей теме это означает, что если бы значениями слов были идеи, то мы не могли бы иметь необходимые знания ни о чём, кроме, пожалуй, врождённых идей, существование которых Локк отрицал. А между тем нам кажется, что мы о многом можем говорить с необходимостью, например, что солнце восходит на востоке и завтра взойдет там же. Сложилось так, что подобных взглядов придерживался и Готлоб Фреге, один из отцов логической революции рубежа XIX и XX веков.

Фреге считал основой своей научной деятельности следующее рассуждение. Кто-то, опознавая нечто как истинное, тем самым выносит некоторое суждение. То, что опознается как истинное, всегда есть мысль. Невозможно опознать нечто как истинное до того, как схватить это нечто. Мысль никому не принадлежит. Одна и та же мысль может быть схвачена несколько раз разными людьми⁶⁰¹.

Другой довод можно назвать аргументом от адекватности. Когда я говорю, что “на столе стоит чашка”, я хочу сказать именно о столе и чашке, а не о моих идеях “стол” и “чашка”. Ничего не гарантирует, что у меня и у собеседника одно и то же понятие о чашке, а между тем нам кажется, что мы

⁵⁹⁹ Ott W. R. *Locke's Philosophy of Language*. N. Y.: Cambridge University Press, 2003, Mackie J.L. *Problems from Locke*. P. 108–123.

⁶⁰⁰ Лейбниц Г. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 81.

⁶⁰¹ Frege G. *Über Sinn und Bedeutung* // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. N. F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50; Фреге Г. *Логико-философские труды*. Новосибирск: Сибирский университет. изд-во, 2008. С.28–32; Frege G. *Posthumous Writings*. (trans. Long and White, ed. Hermes, Kambartel, and Kaulbach). Oxford: Basil Blackwell. 1979. P. 251–252.

говорим об одном и том же. Эти соображения были сформулированы Дж. С. Миллем⁶⁰², их развивал⁶⁰³ Фреге, и они же легли в основу критики тезиса “значения — в голове”⁶⁰⁴.

Чарльз Пирс считал, что Милль существенно запутал вопрос о значении, отказавшись от различий, сделанных схоластами⁶⁰⁵. Это мнение Пирса может поразить тех, кто знаком с его собственными разработками по этой теме, много более путанными, чем миллевские. Но вавилонское смешение в философии значения действительно существует, и по исторической иронии оно связано с появлением аналитической философии.

Фреге различил Sinn (смысл) и Bedeutung (значение) знака. Рассел перевёл это как “meaning” и “denotation”⁶⁰⁶. Возможно, его вели ассоциации с теорией имён Милля. Милль использовал слово “denotation” для точного значения, а “connotation” для сопутствующего. На схожесть теорий Фреге и Милля указывал А. Чёрч⁶⁰⁷. В “Логико-философском трактате” Витгенштейн, следуя терминологии Фреге⁶⁰⁸, хотя и не разделяя его концепцию⁶⁰⁹, использовал слово “Bedeutung” для объекта, который является значением имени⁶¹⁰ (3.203, 3.261, 3.263, 3.3). В английском переводе Ч. К. Огдена,

⁶⁰² Mill J.S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I-III) // The Collected Works of John Stuart Mill, Volume VII / Ed. by J.M. Robson, Introduction by R.F. McRae. Toronto: University of Toronto Press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 24–25; Милль критиковал не Локка, а Гоббса, но именно за положение, что значениями имён являются идеи, а не вещи. Милль ценил Локка как критика эссенциализма, но считал неудовлетворительной его теорию абстракции, которая, как отмечалось выше, является фундаментом локковой теории значения.

⁶⁰³ Хотя именно Милль является главным оппонентом Фреге по многим вопросам теории языка.

⁶⁰⁴ Putnam H. The meaning of 'meaning' // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1975. 7. P. 131–193; Putnam H. Meaning and Reference // The Journal of Philosophy. 70, no. 19. 1973. P. 699–711.

⁶⁰⁵ См. его статью в Baldwin J. M. (Ed.) Dictionary of philosophy and psychology; including many of the principal conceptions of ethics, logic, aesthetics, philosophy of religion, mental pathology, anthropology, biology, neurology, physiology, economics, political and social philosophy, philology, physical science, and education; and giving a terminology in English, French, German, and Italian. Vol. 2. New York: Macmillan. 1902. P. 528.

⁶⁰⁶ Russell B. On denoting // Mind. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 483.

⁶⁰⁷ Чёрч А. Введение в математическую логику. Пр. с англ. В. С. Чернявского, под В. А. Успенского. Москва. Издательство иностранной литературы. 1960. С. 313.

⁶⁰⁸ Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. N. Y: Columbia University Press. 2000. P. 58.

⁶⁰⁹ Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996. P. 236–239.

⁶¹⁰ Я не рассматриваю здесь концепцию значения Витгенштейна, а только сами слова и их перевод, который, на мой взгляд, привел к путанице. Поэтому я позволил себе не учесть знаменитые дискуссии между Норманом Малькольмом и Питером Уинчем и вынести за скобки указания на то, что Фреге и автор “ЛФТ” понимают под “Bedeutung” разные вещи (Hacker P. M. S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 191–219). Витгенштейн считал, что предложения имеют смысл, но не имеют значения, тогда как Фреге считал значением предложений абстрактные объекты Истину и Ложь. Смыслом предложения Витгенштейн считал согласованность с положением дел. Афоризм 4.061 показывает, что Витгенштейн отказывается от симметрии между истиной и ложью, которая была у Фреге. Насколько я понимаю, такие расхождения у них были

выполненном при участии Дж. Э. Мура и Ф. П. Рамсея, в этом месте было использовано слово “meaning”. Перевод афоризма 6.126 четко закрепляет соответствие “Sinn” и “sense”, “Bedeutung” и “meaning”. Это же лексическое решение было воспроизведено и в переводе Д. Ф. Пэрса и Б. Ф. Макгинесса. Слово “sense” у Рассела либо не играло технической роли, либо использовалось с приставкой “non”⁶¹¹. Иногда слово “Sinn” и производные от него, вообще устойчиво переводящиеся в “ЛФТ” как “sense” и производные от него⁶¹², переводится как “meaning”, как в афоризме 3.328⁶¹³. У Огдена “unsinnig” переводится как “meaningless” в 5.5351, причём в том же самом предложении то же “unsinnig” переводится как “senseless”. Особенно сильно разница между английским переводом “Трактата” и словоупотреблением Рассела видна в написанном последним “Введении”, в котором, говоря

по крайней мере уже в 1913 году (я имею в виду письмо от 29.11.1913). Но то, что Витгенштейн реформировал теорию значения, ещё не значит, что он как-то существенно иначе использовал слово “Bedeutung”. Питер Хакер в эссе о поздней философии Витгенштейна пишет: “Как и Фреге, Витгенштейн в “Трактате” неверно использовал понятие значение (meaning) или Bedeutung” (Hacker Op.cit. 2004. P. 228). Этого “как и Фреге” вполне достаточно для моих рассуждений. В личной переписке со мной Хакер указал также, что а) когда Витгенштейн обсуждал теорию Фреге, то он использовал слово “meaning”; б) обсуждение проблемы Bedeutungskörper выглядело бы странным при переводе, отличном от “meaning-body”; в) всегда, считает Хакер, нужно держать в уме, что говорить о “reference” или “denotation” имени как о его “Bedeutung”, есть очень странный способ выражаться. Ни в коем случае не ставя под сомнение чувство языка профессора Хакера, я всё же хотел бы заменить, что говорить о “meaning-body” тоже не есть самый обычный способ выражаться. Кроме того, даже пользуясь английским, Витгенштейн иногда оставлял “Bedeutung” без перевода (Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. 2nd edition. Oxford: Basil Blackwell. 1979. P. 111–112). В литературе встречаются случаи, когда носители языка сознательно исправляют перевод “meaning” на “reference”, считая последний вариант более естественным (например, Morris M. Routledge Philosophy GuideBook to Wittgenstein and the Tractatus Logico-Philosophicus. London. Routledge. 2008. P. 71–72, 367, где речь идёт о переводе на английский написанного по-немецки письма Рассела Фреге).

⁶¹¹ Это создаёт некоторую путаницу в русском переводе, в котором сначала словом “смысл” передаётся слово “meaning”, а потом и слова “sense” и “nonsense” передаются как “смысл” и “бессмысленный” (Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск. Сибирское университетское издательство. 2007). Мне кажется, расселовское “nonsense” близко к слову “абсурд”. Знаменитые “бессмысленные” (unsinnig) философские предложения “Трактата” (4.003) переводятся на английский как “senseless” (Огден) и “nonsensical” (Пэрс/Макгинесс). В не менее известном заключении Рудольфа Карпапа о бессмысленности предложений метафизики используется слово “sinnlos”, которое Артур Пап переводит как “meaningless” (Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // Erkenntnis, № 2. S. 219–241; Carnap R. The Elimination of Metaphysics through Logical Analysis of Language” (transl. by Pap A.) в Logical Positivism (ed. Ayer, N.-Y.: Free Press. 1959. P. 60–81). То же слово в “ЛФТ” (4.461) переводят как “with-out sense” и “lack sense”, а в 5.132 и 5.1362 как “senseless” и как “no sense”. Строго говоря, Витгенштейн различает “sinnlos” и “unsinnig”. Так, тавтологии (4.461) и законы вывода (5.132) являются sinnlos, но это не делает их unsinnig (4.461), как философские вопросы (4.003), скептицизм (6.51) или пропозиции типа “есть только один 1” (4.1272) и “Сократ тождественен” (5.473), но это различия не выдержано в переводах. Возможно, поэтому оно перестало использоваться в дальнейшем, хотя философы продолжали различать два вида бессмыслицы. Например, Айер говорил, что аналитические суждения бессмысленны (senseless), но не так, как метафизические (Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М.: Канон+. 2010. С. 113). Представляется поучительным, что ранние аналитические философы, желая устранить бессмысленные метафизические положения, пользовались для этого орудием, порождающим такую путаницу.

⁶¹² Кроме слова “sinnvolle”, которое у Огдена устойчиво переводится как “significant” (например, 3.13, 3.326, 3.4, 4, 5.1241). Пэрс и Макгинесс исправляют на конструкции типа “have sense”, “with sense”.

⁶¹³ У Пэрса и Макгинесса исправлено на “the point of”.

“meaning”, он, как кажется, имеет в виду “Sinn”, у которого есть психологическая сторона, не интересующая логика. Относительно Витгенштейна традиция устоялась, и в своём переводе “Философских исследований” Э. Энском тоже использовала слово “meaning” для передачи “Bedeutung”⁶¹⁴. Огден в работе, написанной в соавторстве с литературным критиком А. А. Ричардсом, и опубликованной через год после издания английского перевода “ЛФТ”, описывая учение Фреге, переводил “Sinn” как “meaning”, а “Bedeutung” как “indication”⁶¹⁵. Рассел иногда тоже использовал такой вариант.⁶¹⁶

Важно, что ни “denotation” Рассела, ни “meaning” Огдена не были ошибками. Это вполне допустимые переводы. Дело в том, что, как пишет А. Стролл, само слово “meaning” двусмысленно и может означать как лингвистическую единицу, которая может обладать смыслом (connotation/sense), так и объект, к которому отсылают или который упоминают⁶¹⁷. Однако причина, побудившая Огдена выбрать именно “meaning”⁶¹⁸, остаётся для меня загадкой. Опирался ли он на обыденное словоупотребление⁶¹⁹ или сыграл свою роль Рамсей⁶²⁰, я не знаю. Возможно,

⁶¹⁴ Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations*, bilingual / Trans. G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte. Oxford: Blackwell, 2009.

⁶¹⁵ Ogden C.K., Richards I.S. *The Meaning of Meaning*. N.-Y. A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc. 1946. P. 274. Витгенштейн был не в восторге от этой книги, считая её слишком поверхностной (см. его письма Расселу от 7.4.1923 (McGuinness B. (Ed.) *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951* [4 ed.]. Wiley-Blackwell. 2008. P. 137).

⁶¹⁶ Например, в Appendix A в “*The Principles of Mathematics*” (Russell B. *The Principles of Mathematics*. 2e ed. N.Y. W.W. Norton & Company. 1938.P. 475).

⁶¹⁷ Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Columbia University Press. New York. 2000. P. 26. Стролл приводит внушительный список возможных переводов: “Sinn” можно передать как “sense”, “meaning,” “concept,” “intension,” “connotation,” and “designation”; “Bedeutung” как “meaning,” “referent,” “nominatum,” “object,” “extension” и “denotation.” Майкл Бини приводит также “semantic value”, “semantic role”, “truth-value potential” (Beaney M. (Ed.) *The Frege Reader*. Oxford: Blackwell. 1997. P. 36). В одном старом философском словаре я обнаружил предложение считать “import” хорошим переводом для “Bedeutung”. В словарной статье “import” называется синонимом “meaning” и “signification”. Автором статьи был известный в то время шотландский логик Роберт Адамсон (Baldwin J. M. *Dictionary of philosophy and psychology*. Vol. I. N.-Y. The Macmillan Company. London. 1901.P. 525). Пирс считал “purport” синонимом для “meaning” (5.402).

⁶¹⁸ При том, что он, вне всякого сомнения, осознавал двусмысленность слова “meaning”, о чём свидетельствует одно из примечаний — Ogden C. K., Richards I. S. *The Meaning of Meaning*. N.-Y. A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc. 1946. P. 21–22.

⁶¹⁹ Джеймс Конант, один из лидеров движения “New Wittgenstein” в переписке со мной выдвинул предположение, что Витгенштейн указывал Огдену использовать в переводе “ЛФТ” настолько мало технических терминов, насколько это вообще возможно. Кроме того, отметил Конант, “Bedeutung” появляется в “ЛФТ” разных контекстах, что делает невозможным его перевод как “denotation”. Такой взгляд на “ЛФТ” весьма любопытен, но его теоретические основания уже были раскритикованы Хакером, Г.-И. Глоком, Я. Хинтиккой и другими знатоками. Мне остаётся только добавить, что идея, что “ЛФТ” есть текст с небольшим количеством терминологии,

если бы не имевшее место недопонимание между Огденом, Расселом и Витгенштейном⁶²¹, то результат был бы иным. Но сам факт, что в двух текстах, входящих в джентльменский набор аналитического философа, в “Об обозначении” и в английском переводе “ЛФТ”, существует указанное выше различие, не может не породить замешательства.

Со временем ситуация ещё более запуталась. В 1948 году Макс Блэк публикует свой, ставший впоследствии классическим, перевод статьи “Über Sinn und Bedeutung”, используя слова “sense” и “reference”⁶²². Опасность такого переводческого решения сразу была отмечена специалистами⁶²³. Через год вышел ещё один перевод, который выполнил Герберт Фейгль. Он использовал “sense” и латинское “nominatum”, которое Фейгль заимствовал из “Значения и необходимости” Карнапа. Позднее Блэк согласился с Чёрчем, что “denotation” является более удачным переводом, чем его “reference” или “nominatum” Фейгля⁶²⁴.

В 1970-е дискуссия о переводе “Bedeutung” приобрела массовый характер и историко-философский оттенок. В ней приняли участие Майкл Даммит, Питер Гич, Уильям Нил, Дэвид Белл, Питер Лонг, Роджер Уайт и другие философы. В настоящий момент, несмотря на то, что “meaning” считается “официальным” переводом⁶²⁵, другие не теряют своей

не соответствует моему опыту чтения “ЛФТ”. Однако это не означает, что идея того, что именно обыденное словоупотребление было мотивом для перевода Огдена, неверна.

⁶²⁰ Таково мнение профессора Шерил Мисак, которое она высказала в переписке со мной. К её мнению я могу добавить, что в эссе “Когерентная теория истины” Рамсей использовал слово “meaning” как эквивалент словосочетания “propositional reference” (Ramsey F. P. (auth.), Rescher N., Majer U. (eds.) *On Truth: Original Manuscript Materials (1927–1929) from the Ramsey Collection at the University of Pittsburgh*. Springer: Netherlands. 1991. P. 29). Но эссе посвящено не Витгенштейну, написано позднее, сам термин относится к суждениям, а не к именам.

⁶²¹ Stenius E. Review: Wittgenstein and Ogden // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 25, No.98 1975. P. 62–68.

⁶²² Frege G. Sense and reference // *The Philosophical Review*. 1948. Vol. 57. №3. P. 209–230.

⁶²³ Church A. Review: “A translation of Frege's *Über Sinn und Bedeutung*. Introductory Note by Max Black” // *The Journal of Symbolic Logic*. 1948. Vol. 13, No. 3. P. 152–153.

⁶²⁴ Black M. Review: *Readings in Philosophical Analysis* by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars // *The Journal of Symbolic Logic*. 1949. Vol. 14, No. 3. P. 184–185.

⁶²⁵ Решающим для переводчиков Уайта и Лонга оказался аргумент от обыденного словоупотребления.

Использование “meaning” позволяет избежать в переводе резкого перехода от технического “Bedeutung” к обыденному, которое Фреге тоже использует. Кроме того, это согласовывается с тем, как это слово переводится в случае Витгенштейна (Beany M. (Ed.) *The Frege Reader*. Oxford: Blackwell. 1997. P. 36–46).

популярности. По моим наблюдениям, среди “неофициальных” самым влиятельным заслуженно является “reference”⁶²⁶.

Это краткое историческое рассмотрение должно было научить нас, ввиду каких исторических обстоятельств философы больше не могли быть менталистами относительно значения, и тому, какая путаница существует относительно терминологии в этом вопросе.

3.2.3. Тарский, Гудмен и Уайт об аналитичности

На рубеже 30-х и 40-х годов Гарвардский университет собрал под своей крышей плеяду мыслителей, чьи работы обладают первостепенной важностью для истории логики, аналитической философии и прагматизма второй половины XX века. Особенно примечателен для нас коллектив, работавший в 1940–1941 учебном году. В это время в Гарварде одновременно преподавали Рассел⁶²⁷, Тарский, Дональд Уильямс, Генри Шеффер, Ральф Перри, Куайн и Льюис. Уайтхед уже ушёл в отставку, но продолжал заниматься со студентами, давая философские вечера каждый четверг в своих комнатах в “Hotel Ambassador”. Там же бывали Мур, Гербарт Фейгл и Филипп Франк. Свои диссертации писали Чизолм, Нельсон Гудмен и Дональд Дэвидсон. Карнап, Куайн и Тарский образовали регулярную дискуссионную группу. Куайн в своих воспоминаниях пишет, что Карнап читал манускрипт “Введения в семантику”, а Тарский и сам Куайн предлагали критические аргументы против его понимания значения и аналитичности⁶²⁸.

⁶²⁶ В русском тоже есть два варианта: “денотат” (Фреге Г. О смысле и денотате // Семиотика и информатика. Вып. 8. М. 1977. С. 181–210) и “значение” (Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс Год: 2000. С. 215–230). Насколько я знаю, первый более популярен среди лингвистов, а второй более распространён в нашей логической и философской литературе. И хотя такой перевод создаёт известные проблемы, он укоренён в традиции перевода немецкоязычной философии. См., например, место из “Трез духовидца...”, где Кант говорит, что “либо слово «дух» есть слово без всякого смысла (Sinn), либо оно имеет только что указанное значение (Bedeutung)” (Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.2. М.: Чоро. 1994. С. 209). См. также В195.

⁶²⁷ Детальный анализ того, как Рассел получил возможность прочесть свои гарвардские лекции 1940-ого года см. Stevenson M. D. "My personal ruin passes unnoticed": Russell, Harvard, and the 1940 William James lectureship // Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies. № 36. 2016. P. 45–64.

⁶²⁸ См. Isaacson D. Quine and Logical Positivism // Roger F. Gibson Jr. The Cambridge Companion to Quine. Cambridge University Press. 2006. P. 234–235.

Далее следует военная пора, во время которой Мортон Уайт обменивается письмами с Тарским, обсуждая проблему аналитичности. После войны, в 1947 году проблема всплывает в другой, на сей раз трехсторонней, переписке между Куайном, Уайтом и Гудменом. Результаты, полученные на семинаре 1940–1941 годов и в двух переписках, заложили фундамент для трёх статей, направленных против жёсткого различия аналитических и синтетических суждений. Следуя хронологии, сперва я проанализирую письмо Тарского к Уайту, а затем — статьи Гудмена и Уайта.

3.2.3.1. “Философское письмо” Альфреда Тарского

Одно из обстоятельств, делавших пребывание Тарского в США весьма трагичным, состояло в том, что его семья осталась в оккупированной Польше⁶²⁹. И хотя к 1944 году Варшава уже была освобождена советской армией, знаменитый логик всё ещё не получил никаких известий от родных. Личная часть письма пронизана волнением за их судьбу. Но всё же большая часть текста посвящена исключительно техническим философским проблемам.

Формально письмо является ответом на заданный Уайтом вопрос, касающийся книги Феликса Кауфмана “Методология социальных наук”. В этой работе Кауфман, среди прочего, пишет, что термин “истина”, применительно к аналитическим суждениям, имеет значение, радикально отличное от того, которое он имеет в случае суждений синтетических. Тарский считает, что “Кауфман (как и другие «философы») не имеет достаточной «логической культуры» и не думает достаточно ясно для того, чтобы обсуждать проблемы подобного рода”. Ситуация, считает он, должна измениться, “если проблемы будут сформулированы здравым, рациональным способом в терминах логики, физики, психологии, ест”. Впрочем, он признаётся, что и сам не очень хорошо понимает проблему. Технически можно задать множество истинных предложений для какого-то языка и

⁶²⁹ White M. A philosophical letter of Alfred Tarski // Journal of Philosophy. 1987. 84. P. 28–32.

определить, что у этого множества есть два подмножества: истинные логические суждения и истинные экстралогические суждения. Но что это значит? Это зависит от того, как определить, что значит выражение “А значит в В не то же, что в С”. Это представляется великому семантику слишком сложным. Являются ли, спрашивает он, суждения типа “Всё, что обладает цветом, протяженно” необходимыми? Это зависит от того, как понимать необходимость.

Сам же он считает, вслед за Миллем, что логические и математические истины не отличаются в своём истоке от эмпирических. И то, и другое есть ни что иное как обобщение опыта. На ранней стадии развития люди учатся логическим терминам типа “не” и “или”, определяя, что нечто есть, например, белое, а другое нечто не есть белое. А при, например, плохом освещении иногда нельзя решить, является ли определённая вещь белой или нет. Так люди обучаются дизъюнкции.

В целом, он чувствует себя готовым отвергнуть логические аксиомы на том же основании, на котором отвергаются физические гипотезы: если обнаружится, что они имеют внутреннюю несогласованность, или если они будут противоречить опыту. Правда, опыт никогда не может принудить нас отказаться от той или иной гипотезы. Мы всегда можем принять некие *ad hoc* гипотезы (такого термина Тарский, правда, не использует), которые бы позволили нам сохранить свою убеждённость. Мы можем указать на некие скрытые параметры, или подвергнуть сомнению условия эксперимента, или точность инструментов, с помощью которых он был поставлен. Конечно, аксиомы логики обладают такой степенью общности, что они крайне редко сталкиваются с опытом напрямую. Однако Тарский не видит никакого принципиального отличия между ними и эмпирическими суждениями. Он допускает, что некий будущий опыт может дать нам повод изменить даже самые фундаментальные законы логики. Например, это могут быть данные квантовой физики.

Тарский также считает, что многие люди могли бы согласиться с его мнением, например, Карнап. Однако этот автор видит фундаментальное различие между изменением логики и отказом от физической теории, состоящее в том, что изменяя логику, мы изменяем лишь язык описания, чего не происходит в случае отказа от некой физической теории. Это связано с представлением Карнапа о природе значения, с которым Тарский не спорит, но не считает, что из него следует необходимое Карнапу различие.

3.2.3.2. Нельсон Гудмен о значении

В своей работе⁶³⁰ Гудмен исследует вопрос о том, при каких условиях два имени или два предиката в обыденном языке обладают одним и тем же значением и приходит к выводу, что ему неизвестен удовлетворительный ответ на этот вопрос. Например, если мы допустим, что два термина имеют одно значение тогда, когда они указывают на одну и ту же платоновскую идею или некую реальную сущность, то это не поможет нам, так как мы, считает Гудмен, не можем узнать, указывают ли два термина на одну и ту же платоновскую идею.

Вторая попытка определить сходство по значению состоит в предположении, что два термина ссылаются на одну и ту же локковскую идею. Так, галлонный клюв есть только у пеликанов, и можно было бы сказать, что выражения “быть пеликаном” и “иметь галлонный клюв” синонимичны, но мы можем легко представить себе воробья с галлонным клювом. Кроме того, не ясно, что мы можем, а что не можем себе представить. Можем ли мы, например, представить себе звук, который никогда не слышали? Более серьезная трудность связана с тем, что за многими словам не стоит определённого ментального образа: на что, например, ссылается слово “умный”? Третью попытку определить сходство по значению Гудмен называет теорией понятий (concept): два предиката различаются в значении тогда, и только тогда, когда мы можем представить

⁶³⁰ Goodman N. On Likeness of Meaning // Analysis. Vol. 10. No. 1. 1949. P. 1–7.

(conceive) что-то, что подходит под один предикат, и не подходит под другой. Представимость отличается от воображения, так как мы можем представить себе пятимерное тело, но не можем его вообразить. Однако аналогично, считает Гудмен, мы можем представить себе круглый квадрат, ведь представимость связана с описанием, а мы можем описать круглый квадрат как прямоугольник, у которого четыре равных стороны, и каждая точка на этих сторонах равно удалена от центра. Можно сказать, что такие определения самопротиворечивы и потому не представляют подлинных понятий, на что Гудмен отвечает, что самопротиворечивость (inconsistency) такого типа может быть определена только лишь с помощью сходства по значению, которое мы и пытаемся понять.

Четвертая попытка: два предиката имеют то же значение, если и только если ничто возможное не подходит под один, подходя под другой. В этом случае мы не судим о возможности по представимости, но о представимости по возможности. Эта теория, однако, двусмысленна. Если я знаю, что два предиката применяются в точности к одному и тому же набору индивидов, то возможность того, что будет некий индивид, который подходит под один предикат, и не подходит под другой предикат, исключена. Возможность, которая никогда не будет реализована, есть очень странная возможность.

Тогда Гудмен предлагает такое определение: два предиката имеют одно значение, если и только если они применяются в точности к одним и тем же вещам. Изменения в эмпирическом мире не затрагивают убедительность этого определения: поедание пирожков не изменяет экстенционал “пирожка”, так как в него входят все пирожки прошлого, будущего и настоящего. Это не значит, что экстенционал (extension) термина есть его значение; так для установления экстенционала нам нужно знать, что термин значит. Кроме того, кентавр и единорог имеют один и тот же экстенционал, явно не имея одного и того же значения. Экстенциональная идентичность оказывается необходимым, но недостаточным критерием тождества по значению. Для описанных трудных случаев должно работать

объяснение через сопряжённые физические вещи, или вторичные экстенсионалы: значения “кентавра” и “единорога” различаются, так как различаются экстенсионалы выражений “картина, изображающая кентавра” и “картина, изображающая единорога”. Такое решение позволяет нам ответить на вопрос без обращения к призрачному понятию “значения”. Можно спросить: а как быть с загадкой Фреге? Гудмен предлагает изящное решение: Утренняя звезда и Вечерняя звезда отличаются вторичными экстенсионалами: изображение первой не есть изображение второй.

Если объяснение, данное Гудменом, верно, то нет двух слов, имеющих одно и то же значение. Из этого следует, что нет двух предикатов, обладающих свойствами взаимозаменяемости без изменения истинностных значений. Схожесть значений оказывается вопросом степени. Отсюда Гудмен заключает, что не существует аналитических суждений, так как не существует двух терминов с одним значением и не существует двух терминов, чьи значения включали бы друг друга, так как это бы означало, что у них одинаковые вторичные экстенсионалы, что, по Гудмену, невозможно. Всё, на что мы можем рассчитывать, это существование повторений (вроде “А есть А”) и суждений, которые можно было бы назвать приблизительно аналитическими.

3.2.3.3. Мортон Уайт о ненадежных дуализмах

Впервые Уайт представил результаты своей работы на заседании Фуллертонского клуба (Fullerton Club) в колледже Брин Мор в 14 мая 1949 года. Опубликована работа в сборнике под редакцией Сиднея Хука, посвящённом 90-летнему юбилею Джона Дьюи⁶³¹. Этот факт, видимо, обусловил привязку текста к творчеству автора “Опыта и природы”. Уайт начинает с того, что говорит, что Дьюи провёл большую часть жизни, “охотясь” на дуализмы, и Уайт обязуется разоблачить дуализм

⁶³¹ White M. The Analytic and Synthetic: an Untenable Dualism / In Hook S. (Ed.) John Dewey: Philosopher of Science and Freedom. A Symposium. N.-Y.: The Dial Press. 1950. P. 316–330.

аналитического и синтетического как бы в честь Дьюи, даже несмотря на то, что тому, быть может, это и не понравится. Дьюи никогда не искал поддержки у сторонников формальной логики, а теперь именно они продолжают, считает Уайт, его дело. Он также говорит о восстании, которое он, вместе с Куайном и Гудменом, поднимает против строгого различения аналитических и синтетических суждений.

Две вещи в современной философии называют “аналитическими суждениями”: логические истины в узком смысле (например, “ p или не- p ” и т.п.) и случаи существенной (essential) предикации (например, “Все люди есть животные”, “Каждый брат есть мужчина” и т.п.). Уайта интересует, прежде всего, суждения второго типа. Он прямо увязывает их с пустячными пропозициями Локка. Предполагается, что случаи существенной предикации можно получить из логических истин путём подстановки.

1. Каждое А есть А;
2. Каждый человек есть человек;
3. Каждый человек есть рациональное животное.

Такая подстановка основана на синонимии терминов “человек” и “рациональное животное”. Куайн, пишет Уайт, требует объяснить ему, что такое синонимия и дать бихевиористический критерий таковой. Сам Уайт не столь категоричен: он просто хотел бы получить такое объяснение синонимии, после которого он бы понимал её лучше, чем до этого объяснения. Он также отмечает, что если такой критерий будет найден, то факт синонимии всё равно будет устанавливаться эмпирически; истинность аналитического суждения, таким образом, всё равно будет зависеть от истин факта. Рассматриваемая проблема должна быть отделена от проблемы синонимии в искусственных языках, в которых мы просто решаем, что то или иное выражение есть синоним другого выражения. Естественный же язык не имеет книги правил, и словари нам тут не помощники.

Уайт специально рассматривает теорию аналитичности, предложенную К. И. Льюисом в работе “Анализ знания и оценки” (1946). Как и

“революционеры”, Льюис отвергает конвенционализм логических позитивистов, противопоставляя ему менталистский критерий аналитичности, с которым Уайт не согласен. Суть этого критерия состоит в том, что для выяснения истинности суждений типа “Все люди есть рациональные животные” нужно лишь поставить “эксперимент в воображении”: попытаться помыслить себе человека, который бы не был рациональным животным. Это невозможно, значит свойство “быть рациональным животным” существенно для человека, неотделимо от него. Значит, мы имеем дело с аналитическим суждением⁶³². Но как понимать это “невозможно”? Как понимать тут мыслимость? Уайт пишет: “Я подозреваю, что это воззрение приводит нас к простому интуитивному озарению для определения того, что каждый из нас в отдельности может себе представить”⁶³³. Уайт также не согласен считать, что аналитические суждения суть те, чьи отрицания самопротиворечивы, так как в суждениях типа “неверно, что каждый человек есть рациональное животное” нет ничего похожего на “А и не-А”. Т.н. аналитические суждения отличаются от истинных синтетических суждений только степенью дискомфорта, который нам доставляют их отрицания, но тогда о строгом различии речи быть не может. Столь же неудовлетворительным, с точки зрения Уайта, оказывается следующий критерий: “если мы увидим что-то, что не будет рациональным животным, мы не назовём это что-то человеком”. Уайт предлагает нам вообразить себя антропологом, который работает с туземным племенем, зная переводы слов “человек”, “рациональный”, “животное”, “двуногое” и “без перьев”. Предположительно, на вопросы “Назовёте ли вы нечто человеком, если оно не будет двуногим без перьев?” и “Назовёте ли вы нечто человеком, если оно не будет рациональным животным?” ответ будет один: “нет”. Как нам в этом случае отличить истинное синтетическое суждение “Человек есть двуногое без перьев” от предположительно аналитического “Человек есть

⁶³² См. Lewis C.I. An Analysis Of Knowledge And Valuation. The Open Court Publishing Company. La salle, Illinois. 1946. P. 152.

⁶³³ White M. The Analytic and Synthetic: an Untenable Dualism. P. 323.

рациональное существо”? Речь, по Уайту, может идти только о разнице в степени уверенности в абсурдности отрицания этих суждений, но различие в степени не есть строгое различие⁶³⁴.

А значит, считает Уайт, мы должны признать, что различие аналитических и синтетических суждений есть различие в степени, и тогда “аналитическая философия не будет строго отделена от науки”⁶³⁵. А это и есть цель “революционеров”.

Эпистемология и метафилософия важны не сами по себе, а постольку поскольку они позволяют нам что-то исследовать. Куайн обратился к общей метафизике, исследуя отношения тождества, референции, пространства и времени, тогда как Уайт попытался разобраться в одном из частных метафизических вопросов, в вопросе о свободе воли.

3.3. Прагматическая концепция свободы воли М. Уайта

Идеи Уайта, касающиеся этого предмета, изложены в работе 1993 года “Вопрос о свободной воле. Холистский взгляд”⁶³⁶. Я не буду разбирать каждый ход, сделанный в этой монографии, а изложу общую логику рассуждения философа. Как ясно уже из названия, книга Уайта представляет прагматистский, холистический, или, как он сам его иногда называет, корпоративистский (corporatism), взгляд на проблему свободы воли и детерминизма. Этот подход, считает автор, одновременно развивали разные философы, но, прежде всего, конечно, Куайн. Сторонники этого взгляда утверждают, что природа наших научных теорий такова, что не существует случая, когда партикулярные суждения соотносятся с опытом; всегда речь идёт о конъюнкции этих суждений, они сталкиваются с опытом “вместе”⁶³⁷. Поэтому мы должны отбросить идею редукции нашего знания к отдельным суждениям, правильно описывающим опыт. Догма редукционизма тесно

⁶³⁴ Ср. с одним из контраргументов против критики Куайна в Grice H.P., Strawson P.F. In defense of a dogma // *Philosophical Review*. 1956. № 65 (2). P. 141–158.

⁶³⁵ White M. P. 330.

⁶³⁶ White M. *The Question of Free Will. A Holistic view*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

⁶³⁷ Куайн У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М.: Канон+. 2010. С. 77.

связана с догмой различия аналитических и синтетических суждений.

Если холизм Куайна распространялся на эмпирические науки, логику, математику, то Уайт распространил его на мораль и эмоциональную сторону человеческого существования. Некто может отвергать моральный вывод на основании опыта или морального чувства, а также усомниться в посылках, которые привели к такому заключению. В конце концов, мораль — это тоже тип опыта. В нормальных условиях каждое должное событие сопровождается ощущением должного⁶³⁸.

Уайт связывает моральный закон с терминами “должен” и “можешь”. Вообразите, что некто даёт добрый совет Цицерону: Цезарь — тиран, а всякий, у кого есть возможность, должен убивать тиранов, следовательно, убей Цезаря. Значит ли это, что положение “ты должен убить тирана” логически включает в себя положение “ты свободен убить тирана” в том же смысле, в котором положение “тиран — человек” включает в себя положение “тиран — животное”? Ответ Уайта — нет, тут нет такого включения. Данная связь суждений основана на моральном законе, который гласит: “Каждое действие, которое должно совершить, есть действие, которое совершается свободно”⁶³⁹. Итак, каждый раз мы имеем силлогизм: все должные действия — свободны; *A* — должное действие; следовательно, *A* — свободное действие. При этом принимать или не принимать большую посылку — дело культуры, а не логики. Только так возможна правильная моральная дедукция. Моральный закон можно принимать или не принимать, и это объяснит нам, как реально работает суждение “должен — значит, можешь”.

Применительно к свободе воли это положение означает: нам не разрешить эту проблему на основе одних только чувственных данных, нужно ещё моральное чувство⁶⁴⁰. Часто звучащее требование “укажите мне на свободное действие”, “укажите мне на причину” несостоятельно. Много страниц Уайт посвящает доказательству того, что суждение “должен —

⁶³⁸ White M. Op. cit. P. 90.

⁶³⁹ Ibid. P. 4.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 88.

значит, можешь” не является аналитическим ни в каком философски интересном смысле. Рассуждение о долге и свободе содержит дескриптивные, моральные и логические части. Покажем это на примере.

0. Цицерон не делал выбор убить Цезаря и не убивал его (дескрипция факта).

1. Каждый гражданин, у кого есть возможность совершить убийство тирана, обязан это сделать (моральный принцип).

2. Цезарь — тиран (описание факта).

3. Цицерон — гражданин (описание факта).

4. Цицерон имеет возможность убить Цезаря (описание факта).

Следовательно:

5. Цицерон обязан убить Цезаря.

Тут начинаются проблемы. Все согласны, говорит Уайт, каким должен быть шаг 6, но на различных основаниях. Можно считать, что это рациональный принцип, вечная аналитическая истина, а можно, как предлагает Уайт, считать его контингентным, таким, что отрицание его не приведёт к нонсенсу. Если это рациональный принцип, то мы не сможем понять, на каких основаниях мы постоянно наблюдаем нарушения того, что объявили необходимым. Тогда мы должны признать контингентность:

6. Кто бы ни был должен убить другого, он свободен убить этого другого (моральный или рациональный принцип).

Следовательно:

7. Цицерон свободен убить Цезаря.

Теперь подумаем о свободном действии:

8. Если Цицерон выбирает убить Цезаря, то он убьёт его; и Цицерон может выбрать убить Цезаря; и если Цицерон не выбирает убивать Цезаря, то он не убьёт его; и Цицерон может не выбрать убивать Цезаря (анализ термина “свободен” из 7).

Следовательно:

9. Цицерон может выбрать убить Цезаря.

Тут нас ожидает вилка.

10. То, что Цицерон не выбрал убить Цезаря, случилось не потому, что он был каузально принуждён к этому событием, которое считается в нашей культуре извиняющим событием (*appropriate precluer*).

Тут мы должны были бы привести 10*, где содержался бы список приемлемых для нашей культуры извиняющих событий: эпилептический припадок, гипнотическое или наркотическое состояние, в которое деятель впал без своего согласия. Полный вариант этого списка — предмет полевого антропологического исследования. Поэтому список никогда не может быть окончательным. Строго говоря, высказывание 10* является эллипсисом, который следует заполнить. Другим примером предложения с эллипсисом является “Цезаря не любили”. Мы всегда можем спросить: “Кто?”. Но все другие исключаящие события должны быть похожи на эпилепсию, наркотическое опьянение или гипноз⁶⁴¹. Они отличаются от других, неизвиняющих поводов. Для примера возьмём ситуацию, когда “Цицерон не выбрал убить Цезаря, потому что боялся выбрать убийство”. Сравним это с другой ситуацией: “Цицерон не выбрал убийство тирана, потому что страдал психическими проблемами, не позволяющими ему совершить выбор”. Второй случай поддерживается законом “Все, подверженные болезни отсутствия выбора, не могут сделать выбор”. Но нет такого закона, как “Все, кто боится сделать выбор, не делают его”. Иными словами, извиняющее событие должно быть таким, чтобы оно без поддержки других условий, само по себе обладало способностью к отмене выбора. Страх же требует дополнительных условий (например, “человек всегда теряется, когда ему страшно”), как и отмена действия стандартного извиняющего события (например, “деятель устойчив к этому наркотику”). Кроме того, страх может быть частью выбора, например: “кошелёк или жизнь”. Деятель испытывает страх смерти и выбирает отдать кошелек, страх здесь послужит причиной

⁶⁴¹ White M. The Question of Free Will. A Holistic view. P. 40

выбора, тогда как извиняющее событие должно сразу отменять выбор. Но многие философы настаивают, что условие 10* не является достаточным основанием для свободы. Чтобы быть свободными, говорят они, нужно:

10'. То, что Цицерон не выбрал убить Цезаря, случилось не потому, что он был каузально принуждён к этому каким-либо событием (анализ суждения 9).

Следовательно, детерминизм, как универсальная причинная связь, ложен:

11. Не каждое событие в истории деятеля имеет своей причиной некое другое событие (из 10').

Чтобы сравнить теории 10* и 10', считает Уайт, нужно обратиться к методологии Джеймса. Он понимает её так. Лучшая теория должна: 1) лучше организовывать наш эмоциональный и чувственный опыт; 2) согласовываться с прошлым опытом; 3) быть простой и элегантной.

Теория 10* согласовывается с эмоциональным опытом, а 10' имеет проблему. В первой теории мы сможем четко сказать, что вот этот деятель был свободен и обязан, а другой не был, у нас есть чёткий механизм для этого. Например, это может быть некий свод законов. Теория 10* не противоречит здравому смыслу: все мы убеждены, что одни выборы можно сделать, другие нет. По второму пункту тоже “выигрывает” первая теория, ведь вторая не может объяснить, почему некоторые действия не являются должными. Индетерминист утверждает, что мы никогда не сможем сказать, что действие было несвободно, а значит, если остальное наше рассуждение верно, то все долженствования всегда остаются в силе⁶⁴². По третьему пункту победа достаётся второй теории, так как в 10* есть длинный список, что затрудняет её полное представление и делает её не очень изящной. Однако в

⁶⁴² См.: Ibid. P. 102. Мне кажется, что это довольно странное рассуждение: оно возвращает нас к стандартному аргументу, перечеркивая то, что нам удалось достичь с помощью анализа. Куда удобнее для Уайта было бы, напротив, утверждать, что коль скоро 10' не предлагает нам механизма определения, что ничто внешнее не заставило деятеля отказаться от поступка, то консеквент всегда будет ложен, а значит, можно сделать вывод, что всегда будет ложно, что Цицерон не выбрал убить Цезаря, а значит, условие 9 всегда ложно, а значит, никто никогда ничего не должен.

итоговом зачёте выигрывает 10*. А значит, детерминизм и свобода могут быть согласованы.

Кроме этой основной линии (от критики аналитичности через анализ необходимо извиняющих событий к своеобразному компатибилизму), книга полна специальных контраргументов. Так, например, Уайт защищает детерминизм от аргумента последствий Питера ван Инвагена. Он считает, что основная ошибка этого автора — неправильное понимание проблемы наследования причинности (ancestral determination). Уайт формулирует его так: совместимо ли положение о свободе с положением, что мы всегда определены чем-то, что находится вне нашего контроля? Сам аргумент последствий он видит так. Для каждого момента во времени существует внелингвистическое положение дел физического мира. Если предполагаемые действия человека несовместимы с положением мира в тот момент, когда он родился, то по закону природы нельзя будет совершить действия, а значит, он несвободен. Уайт не уверен, что можно доказать такого рода детерминизм, но даже если можно, то холистическая теория свободы такова, что аргумент последствий для нее неопасен. Ведь из

1. Детерминизм верен.
2. Цицерон выбрал не убивать Цезаря.
не следует, что
3. Он не мог выбрать убить Цезаря.

Ведь тогда бы мы вернулись к 10'. Мы можем указать, почему Цицерон решил не убивать: например, потому, что его друзья решили сделать это за него. Очень может быть, считает Уайт, что аргумент последствий верен относительно свободы действий, но точно ошибочен для свободы выбора и свободы воли.

Другая мишень Уайта — случай Франкфурта. Он рассматривает его как пример сверхдетерминации, который ставит под сомнение необходимость тезиса альтернативных возможностей для свободы воли. А

этот тезис нужен Уайту, иначе сложно понять, наличие какого именно выбора делает нас свободными. Но существует техническое решение проблемы, поставленной Франкфуртом. Если бы анализ суждения “Цицерон свободен убить тирана” исчерпывался бы только “если Цицерон решает убить тирана, то он убивает его”, то теория Уайта была бы под угрозой. Но мы выделили ещё и другие условия, в частности “если Цицерон решает не убивать тирана, то он его не убивает”. Поэтому нам не нужно бояться случая Франкфурта. Нам нужно включить способность отказаться от действия внутри процесса принятия решения, и тогда контрфактический аргумент, считает Уайт, не будет работать.

Неудачной признает Уайт и сделанную Муром попытку состыковать детерминизм и свободу воли, используя так называемый условный (conditional) анализ. Мур считал, что он может решить проблему, указав на эквивокацию термина “могу” (can).

1. Я могу пробежать десять километров.
2. Я не могу пробежать сто километров.

В первом случае речь идёт о способности, которую я могу использовать, а могу не использовать. Во втором — о реальной физической невозможности. Если тезис детерминизма будет иметь в виду “могу” в первом смысле, то нет ничего проще, чем согласовать это со свободой⁶⁴³. Уайт видит несколько способов понять аргумент Мура, и все они ведут в тупик. Можно понять так: “Цицерон может выбрать убить тирана” означает, что “если Цицерон выберет выбрать убить тирана, то он выберет убить тирана”. Такая трактовка приводит нас к дурной бесконечности⁶⁴⁴. Другая попытка трактовать “может выбрать” как “существует возможность делать определенный выбор”, причём “возможность” понимается в эпистемологическом смысле, а именно: “если Цицерон попытается узнать, не выберет ли Цицерон убить тирана, то Цицерон не придёт к уверенности, что

⁶⁴³ Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. С. 306.

⁶⁴⁴ White M. The Question of Free Will. A Holistic view. P. 32.

Цицерон выберет убийство тирана”. Однако что такое “попытается узнать” как не “может попытаться узнать”? Значит, анализируя “может убить”, мы пришли к “может попытаться узнать”, то есть не сделали никакого прогресса в объяснении “может”. Приводя эти аргументы, Уайт, однако, не согласен с той критикой, которую направил против Мура Джон Остин. Последний полагал, что использование “can” и “could” в значении способности к действию вульгарно и чрезмерно отягощает речь. Вместо них куда лучше использовать “may” и “might”. Но это никак не затрагивает, считает Уайт, анализа Мура.

Отличаются взгляды Уайта и от теории свободы воли Джеймса. Уайт их объясняет так. Джеймс, распространив свой прагматизм на сферу когнитивных убеждений, не сделал этого для эмоциональной сферы и сферы морали, используя их в качестве источника оснований для тех суждений о мире, которые мы не можем проверить общенаучным способом. Поэтому он считал, что долг, сожаления и другие моральные чувства с необходимостью влекут онтологическое бытие возможностей, и если что-то, например, детерминизм, мешает такому следованию, то препятствие стоит отбросить. Но если мы сделаем для морали то, что уже сделали для познания, детерминизм будет спасён, а мораль не пострадает. Эта ошибка заставила Джеймса отрицать так называемый мягкий детерминизм (мы в какой-то степени и иногда свободны, а в какой-то степени и иногда — нет). Но такой вывод не учитывает наше естественное убеждение в том, что иногда мы можем сделать то, что выбрали сделать, а иногда нет. В конечном счёте, считает Уайт, его теория лучше согласуется с эпистемологией Джеймса, чем собственная теория Джеймса.

Однако и теория Уайта не лишена недостатков. Неполный список извиняющих событий делает возможным отказ от выбора, отказ от выбора делает возможным выбор, выбор делает возможным свободу, а та, вместе с моральным законом, делает возможным долг. Таким образом, общество дважды участвует в механизме свободы: оно формирует список извиняющих

событий, оно творит моральные законы. Это означает, что метафизическая проблема полностью стала проблемой социологической теории. Это плохая судьба для метафизики.

Защищая совместимость детерминизма и свободы воли от теории 10', Уайт пояснил, как можно мыслить такую совместимость в случае отказа от действия. Это позволяет уйти от некоторых неаккуратных формулировок, приводящих к принятию индетерминизма. Но содержательно теория Уайта сама похожа на тот эллипсис, которого хотела избежать, прибегая к 10*. В краткой форме она выглядит так: я свободен тогда, когда никто конкретный не мешает мне совершить действие. Благодаря Уайту мы можем понять, как совместить это суждение с детерминизмом. Но понять, какой механизм стоит за свободным действием, нельзя. А это значит, что он может анализировать только очень крупные события, очень большие фрагменты нашего опыта, такие как убийство. Рассмотрим пример. Я вращаю монету костяшками пальцев. А — действие перемещения монеты с указательного на средний, а В — от среднего к безымянному. Я вовсе не совершаю каждый раз новый выбор, прежде чем совершить действие. До какого предела нечто может рассматриваться как кандидат на свободное действие? Даже если я совершаю некий акт выбора перед А, то уже дальше мои пальцы крутят монету сами, повинувшись привычке. Значит ли это, что существует онтологическая разница между А и В? Тогда во всех действиях такого типа и при отсутствии извиняющих событий начальный момент будет свободным, тогда как все другие — нет? Это значит, что в прогулке от дома до метро вы свободны только в первом шаге, тогда как все остальные действия полностью зависимы. Это весьма контринтуитивный вывод.

3.4. Уроки “революции”

История аналитической философии, рассмотренная от фрегевского почину через логический позитивизм и философию обыденного языка к

философии, развиваемой группой Куайна, может напомнить заинтересованному наблюдателю саморазрушающуюся метамеханическую скульптуру Жана Тэнгли. Исследовательские программы сменяли друг друга, мандаты философского парламента переходили из рук в руки. Выше я уже описывал, что не только гарвардские философы работали над проблемами аналитичности, необходимости и природы логики. Однако Куайну и близким к нему мыслителям удалось выиграть у своих коллег конкуренцию. Ими был предложен набор наиболее ясных аргументов, отсылающих к бихевиористской наглядности и логическому кругу, затрагивающих существенные сюжеты, развиваемые философами, начиная, по меньшей мере, с Нового времени, связанных с математической логикой, лингвистикой⁶⁴⁵, естественными науками и автохтонным американским прагматизмом. Критикуя идеи предшественников, Куайн и товарищи показали, какая философская практика следует из истинности их опровержений — и многим это понравилось. Пожалуй, только работа Селларса могла бы конкурировать тут с результатами гарвардских авторов — но интересы автора “Эмпиризма и философии сознания” лежали несколько в иной сфере, где он и преуспел.

Нет сомнений в том, что эпистемологические взгляды Куайна оказали существенное влияние на характерное для второй половины XX века подозрение по отношению к ментальному. Нервом рассмотренной выше аргументации является положение, что постулирование значения как некой ментальной сущности порождает лишь иллюзию объяснения, так как мы объясняем наблюдаемые феномены, слова и коммуникацию,

⁶⁴⁵ Другой стороной куйановской критики понятия значения, а вместе с ней и аналитичности и синонимии, является его знаменитое учение о неопределенности перевода. Кратко его можно представить так. Куайн принимает постулат “без тождества нет сущности”. Две сущности называются тождественными, если они занимают одно и то же положение в пространстве-времени. Два множества называются тождественными, если они состоят из одних и тех же сущностей. Поскольку ни значения, ни пропозиции не занимают положения в пространстве и времени, то они не являются тождественными, значит, они не могут быть значениями квантифицированной переменной, а значит они не существуют. Какое отношение это рассуждение имеет к переводу? Самое прямое. Если не существует ни значений, ни пропозиций, то не существует ничего, что связывает суждения “идёт дождь” и “it is raining”.

ненаблюдаемыми, ментальными⁶⁴⁶, чья “...объяснительная ценность <...> несомненно иллюзорна”⁶⁴⁷. При этом мы не можем смешивать значение с референцией⁶⁴⁸.

Нельзя, правда, сказать, что Куайн элиминирует значения. В конце концов, языковые выражения что-то значат, это просто факт. Именно этим и занимается лексикограф — изучает значения слов, в отличие от формального лингвиста, который изучает только синтаксис. Куайн не отрицает семантику как таковую. Куайн пытается построить новую, подлинно научную, как он это понимает, экстерналистскую теорию значения. Как же нужно понимать значения, если это не ментальные сущности? По Куайну, значения есть свойства поведения, носители значений не слова, а предложения, и значения тесно связаны с условиями установлением истины. Такое представление получило название теории “стимульного значения” (stimulus meaning). Куайн даёт такое определение: “утвердительное стимульное значение предложения для данного говорящего <...> есть класс всех стимуляций <...>, которые вызвали бы его согласие.”⁶⁴⁹

Можно ли на основании проанализированной выше критики сказать, что Куайн, Гудмен и Уайт отрицают аналитичность и аналитические суждения как таковые? Нет, это было бы неверно. Их вывод состоит в том, что различие аналитических и синтетических суждений есть различие нежёсткое и зависящее от контекста.

Куайн пишет: “Таковы мои взгляды на аналитичность и, шире, необходимость и сущность. Когда мы приступаем к некоему конкретному исследованию или спору, мы привносим в него набор неявных убеждений, возможно, вместе с рабочими гипотезами. Мы предполагаем, что всё это разделяется нашими соработниками или собеседниками, и в

⁶⁴⁶ Harman G. Quine on Meaning and Existence, I. The Death of Meaning // The Review of Metaphysics, Vol. 21, No. 1. 1967. P. 124–151.

⁶⁴⁷ Куайн У.В.О. О том, что есть / С точки зрения логики. М.: Канон+. 2010. С. 35.

⁶⁴⁸ Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма / С точки зрения логики. М.: Канон+. 2010. В том же сборнике см. также статью “Проблема значения в лингвистике”. С. 82.

⁶⁴⁹ Quine W.V.O. Word and Object. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 2013. P. 29

противоположность этим всеми разделяемым положениям существуют положения спорные, которые являются предметами изучения или дискуссии. Наречие “необходимо” обычно служит для вынесения на рассмотрение положений первого типа, или логических следствий из них, в противоположность утверждениям, являющимися предметом споров. Полезность этого различия очевидна, но следует держать в уме его зависимость от сиюминутных обстоятельств”⁶⁵⁰

Куайн предлагает субститут аналитичности — “стимульную аналитичность” (stimulus-analytic), говоря, что “назовёт предложение стимульно аналитическим для некоторого субъекта, если он после всякого стимула <...> согласится с ним, или ни с чем”⁶⁵¹. На основании этого положения Куайн определяет и стимульную синонимию, разрывая таким образом круг, на который он указал в “Двух догмах”. Однако решение это немного стоит, ведь Куайн считает, что такого рода аналитические суждения не могут найти применения в эпистемологии, хотя и отмечает их полезность при изучении языка.

В начале XXI века критика Куайна не принимается множеством философов. Ещё меньше авторов привлекает собственное куайновское решение проблемы аналитичности. Однако, с точки зрения развития философии XX века как академической дисциплины, влияние рассмотренного в начале этого параграфа аргумента нельзя недооценивать. Взгляды множества современных авторов сформировались в проблемном поле, заданном Куайном. Есть попытки защищать некую относительную аналитичность, такую, в которой аналитическое суждение может стать синтетическим, или наоборот⁶⁵². Но это Куайну и нужно. Раз границу можно

⁶⁵⁰ Quine W.V.O. Reply to Herbert G. Bohnert / The Philosophy of W.V. Quine. (The Library of Living Philosophers. Volume XVIII). Hahn L.E., Schilpp P.A. La Salle, Illinois: Open Court. 1986. P. 94.

⁶⁵¹ Quine W.V.O. Word and Object. The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London, England. 2013. P. 49. В “Roots of Reference” Куайн сужает свое понятие аналитичности: “предложение является аналитическим, если *каждый* (курсив Куайна — Е.Л.) узнает, что оно истинно через изучение составляющих его слов” — Quine W.V.O. The Roots of Reference. La Salle, Illinois: Open Court. 1990. P. 79.

⁶⁵² Bergström L. Quine and the a priori / in A Companion to W.V.O. Quine, edited by Gilbert Harman and Ernie Lepore, John Wiley & Sons, 2014; BonJour L. In Defense of Pure Reason. London: Cambridge University Press. 1998; Васильев В.В. Сознание и вещи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2014. С. 67–69.

перейти, значит, она не закрыта наглухо, как у Канта и Карнапа. В этом смысле можно сказать, что Куайн, несмотря на свой консерватизм и жёсткость в других вопросах, в этой части своей эпистемологии проявляет большую либеральность. То же можно сказать и о теории свободы воли Уайта, которая начинается с чистого и сухого концептуального анализа, а заканчивается списком социальных конвенций, которые могут варьироваться от общества к обществу.

Однако такая политика может Куайну и Уайту многого стоить. Всё зависит от того, что в точности означает выражение “matter of degree”. Например, агрегатные состояния воды зависят от температуры. Значит ли это, что не существует такой вещи, как фазовый переход? Нет, не значит. Само по себе отсутствие чётких различий не означает отсутствия различий вообще. Это верно для биологических видов, для рас, для классов и социальных групп — почему это должно быть неверно для языка и познания? Но Куайн, Гудмен и Уайт хотят сказать, что, чтобы мы не назвали “аналитическим суждением” и как бы не отделили их от “синтетических”, нам всё равно не удастся дать пример, полезный для науки. В ответ сторонники концептуального анализа должны лишь показать, что это не так.

Другим следствием либеральности Куайна является то напряжение, которое ощущает читатель его “Двух догм” между критикой первой и второй догм эмпиризма. Из первого кортежа критических аргументов Куайна следует отсутствие строгих различий аналитических и синтетических суждений. Из второго кортежа следует, что научные теории соприкасаются с опытом лишь по краям. Можно сказать, что логика и математика оказываются под ударом возможного опыта. Однако сложно придумать теорию фальсификации логики такую, чтобы она не использовала саму логику. Таким образом, хотя в теории законы логики и можно пересмотреть, практически это оказывается у Куайна невозможным, особенно если учесть

его известную лояльность первопорядковой логике предикатов и нетерпимость к различным модальным системам.

Вообще, чем больше мы вглядываемся в систему Куайна, тем более традиционной кажется схема, которая стоит за ней, несмотря на то, что её часто представляют революционной, а сами тексты Куайна нередко содержат радикальные лозунги и призывы. Он говорит о врождённых склонностях⁶⁵³, даже о предустановленной гармонии⁶⁵⁴. Можно сказать, что отличие его взглядов от взглядов новоевропейских философов есть скорее вопрос степени, чем качества. И это многое говорит о природе современных “революций”.

⁶⁵³ Quine W.V.O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. Vol. 65. No. 7. 1968. P. 188. Куайн признаёт, что у нас есть “.. inborn propensity to find one stimulation qualitatively more akin to a second stimulation than to a third”.

⁶⁵⁴ Quine W.V.O. Progress on two fronts // Journal of Philosophy. 1996. 93(4). P.160.

Глава 4. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения

Дж. Дьюи у Р. Рорти

За исключением Дьюи, каждый из главных героев прошлой главы, может быть назван как прагматистом, так и аналитическим философом. Относительно же философов, чьи идеи были предметом нашего пристального внимания в первых двух главах, верно, что они строго делятся на два лагеря. Эта же глава посвящена творчеству Ричарда Рорти, человека, который начал новую эпоху в отношениях прагматизма и аналитической философии. Он снова сделал эти отношения биполярными, разделив американское философское сообщество на сторонников прагматизма и его противников, аналитических философов. Так, во всяком случае, ситуацию видел он сам. Другие авторы, как причисленные Рорти к прагматистам⁶⁵⁵, так и настоящие прагматисты⁶⁵⁶, стали пытаться оспаривать рортианское понимание сути автохтонной американской философии — не больше ли в этом понимании европейских, континентальных идей, чем собственно американских? Примечательна продолжительная дискуссия Хилари Патнэма, аналитического философа, в позднем творчестве обратившегося в прагматизм, с Рорти. В отечественной литературе этот спор, а также отношение самого Патнэма к прагматизму подробно разобрано в недавней работе Игоря Джохадзе⁶⁵⁷. Поэтому “эпоху Рорти” я попробую представить с иного ракурса, а именно разобрав вопрос об отношении рортианского неопрагматизма к прагматизму классическому.

Эта проблема касается самой сути учения Ричарда Рорти. Неопрагматизм чувствителен к теме своих истоков и своей каноничности, так

⁶⁵⁵ Боррадори Дж. Американский философи. М.: Дом интеллектуальной книги. 1994. С.55–56; Dennett D. Back from the Drawing Board / In Bo Dahlbom (Ed.) Dennett and his Critics: Demystifying Mind (Philosophers and their Critics). Blackwell. 1994. P. 232–235.

⁶⁵⁶ Haack S. Vulgar Rortyism // New Criterion. 1997. URL: newcriterion.com/articles.cfm/rortyism-haack-3261 (дата обращения — 02.02.2017)

⁶⁵⁷ Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон +, 2013.

как он становится возможен благодаря историко-философскому аргументу, который я рассмотрю ниже.

Есть, однако, сомнения в том, что о философии Рорти можно говорить как о едином целом. Известно, что он был против систематических проектов, а единство иногда ассоциируется с таковыми. Сторонники “полицентричности” философии Рорти могут сослаться на два весьма примечательных обстоятельства. Первое мы назовём гипотезой “антиномичности”, второе — гипотезой разочарованности. Рассмотрим каждую из них.

Гипотеза “антиномичности” заключается в том, что мы не можем говорить о единстве философии Рорти, так как она полна двусмысленностей. Приняв во внимание этот факт, Ф. Анкерсмит пытается выяснить, какой из двух растиражированных в научных журналах образов Рорти верен: Рорти как разрушитель традиции Декарта или Рорти как традиционный аналитический философ? Вывод Анкерсмита: второй вариант ближе к действительности⁶⁵⁸. Ведь Рорти, обещав уничтожить эпистемологию, на деле объявил язык средой между человеком и миром. Язык у Рорти, считает Анкерсмит, выполняет ту же функцию, что категории рассудка у Канта или история у Гегеля. Эту идею несложно развить, указав и на другие “антиномии”. Например, философия яркого антикантианца Рорти легко раскладывается на четыре кантовских вопроса. Что я могу знать? — что знание нерепрезентативно, а “знать” — значит иметь привычку, помогающую справляться с реальностью; что я должен делать? — не быть жестоким, стремиться понимать другого; на что я смею надеяться? — на реализацию идеала либерального общества, где не будет исповедоваться концепция греха. Затруднений не возникает и с вопросом “что такое человек”. Собственный “основной вопрос философии”⁶⁵⁹ Рорти формулирует так: кем мы должны пытаться стать? Сторонники гипотезы антиномичности

⁶⁵⁸ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 41.

⁶⁵⁹ Rorty R. Who Are We? Moral Universalism and Economic Triage // Diogenes 44/173. 1996. P. 5–15.

упускают, что практически все теории, особенно с метафилософской точки зрения, будут антиномичны в указанном смысле. Всегда можно сказать, что указанные противоречия скрепляют теорию Рорти в одно, пусть и не слишком ладное целое. Такая перспектива рассмотрения представляется малопродуктивной.

Теперь рассмотрим более содержательное возражение. Гипотеза разочарованности состоит в делении творчества Рорти на два этапа: аналитический и постаналитический (или постмодернистский). С такой периодизацией мы не можем согласиться не по причине её схематичности, часто осознаваемой её сторонниками. Она кажется не подтверждённой фактами и искажающей философскую эволюцию Рорти. Это гипотеза принята в работах Н. С. Юлиной “Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти” и “Философская мысль в США XX века”⁶⁶⁰. Такой же позиции придерживался А. Ф. Грязнов, считая Рорти одним из “разочаровавшихся аналитиков”⁶⁶¹. С оговоркой “условно”, то же мнение исповедует И. Д. Джохадзе⁶⁶². Среди западных исследователей эта точка зрения одно время была настолько общепринятой, что Джон Пассмор даже позволил себе шутить по этому поводу⁶⁶³. Общее мнение отвело Рорти роль могильщика аналитической философии, из которой он якобы “вырос”. Я приведу три аргумента против гипотезы разочарованности.

(1) Аргумент от самоописания. Рорти нигде прямо не ассоциирует себя с аналитической философией. В предисловии Рорти к русскому переводу работы “Философии и зеркало природы” сказано, что эта книга “написана человеком, который был воспитан в русле более старой, историко-ориентированной философии, предшествовавшей приходу аналитической философии в США, и который никогда не чувствовал себя в своей тарелке

⁶⁶⁰ Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2010. С.440; Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный: Вестком, 1998. С. 6.

⁶⁶¹ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. С.25, 368.

⁶⁶² Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2006. С.33.

⁶⁶³ “Исключительно распространенное явление — эта склонность американских философов переходить в прагматизм по мере того, как они становятся старше” — Пассмор Дж. Современные философы. М.: Идея-Пресс, 2002. С.126.

при встрече с манерами и методами аналитических философов... <...> к тому времени, когда я стал присматривать себе работу в качестве преподавателя (конец 50-х), аналитическая философия почти полностью вытеснила своих предшественников; сделать карьеру в философии означало в то время посвятить себя проблемам, поставленным аналитическими философами”⁶⁶⁴. В интервью Д. Боррадори он рассказал: “Недолгое время я был студентом у Карнапа и Гемпеля, но они не были моими главными учителями. Моё образование было преимущественно историческим. Моё знакомство с аналитической философией состоялось в Принстоне, когда я уже занимался преподаванием”⁶⁶⁵. Описывая свои ранние годы в другом интервью, он свидетельствовал, что в Йеле ему не преподавали аналитическую философию, и он плохо в ней разбирался⁶⁶⁶.

Можно было бы, однако, не доверять Рорти. Самоописание не является сильным аргументом. Попробуем ещё раз уточнить проблему и объяснить её истоки. Социолог философии Нил Гросс во впечатляющей монографии, посвящённой академической карьере Рорти, рисует проблему так. В 1965 г. Рорти опубликовал статью “Тождество сознания и тела, приватность и категории”⁶⁶⁷. А в 1982 г. вышел в свет совсем другой текст, “Философия в Америке сегодня”⁶⁶⁸, где Рорти уже явным образом находится вне аналитического движения, описывает его как сторонний наблюдатель, интересующийся социальным и политическим контекстом развития философии. Некогерентность этих событий и дало жизнь гипотезе разочарованности. Однако дело, скорее, в том, что Рорти лишь на время воспользовался аналитическим стилем философствования. Подкрепим это положение двумя взаимосвязанными аргументами.

⁶⁶⁴ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета. 1997. С. хix.

⁶⁶⁵ Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интел-лектуальной книги: Гнозис, 1999. С.131.

⁶⁶⁶ Rorty R., Puckett K., Nystrom D. Against Bosses, Against Oligarchies. A Conversation with Richard Rorty. Chicago: Prickly Paradigm Press. 2002. P.52.

⁶⁶⁷ Rorty R. Mind-Body Identity, Privacy, and Categories // Review of Metaphysics 19. 1965. P. 24–54.

⁶⁶⁸ Rorty R. Philosophy in America Today // The American Scholar. Vol. 51, No. 2. 1982. P. 183–200.

(2) Социологический аргумент. Рорти родился в семье левых интеллектуалов, связанных с Дж. Дьюи⁶⁶⁹. Первым его философским увлечением был Платон. Магистерская диссертация была посвящена Уайтхеду, а докторская — сравнению теорий Аристотеля, рационалистов Нового времени и логических позитивистов, что было тогда характерно для философского факультета Йеля. Одна из первых статей Рорти, опубликованная в 1961 г., называлась “Прагматизм, категории и язык”⁶⁷⁰. Она посвящена учению Пирса о категориях. Начинается статья словами: “Прагматизм снова завоевывает уважение”. Гипотеза Гросса состоит в том, что “аналитиком” Рорти стал, следуя карьерной необходимости: ему нужно было следовать моде, чтобы не вступать в противоречие с коллективом кафедры. Кроме того, он действительно хотел “снять” проблему “сознание–тело”, а тут представилась возможность сделать это, примкнув к теоретикам тождества. В статье “В защиту элиминативного материализма” есть пассаж, в котором философ, отвечая на аргумент известного в наши дни прагматиста, а тогда философа сознания Ричарда Бернштейна, пишет, что его подход состоит не в том, чтобы отвергать некоторые словари описания как не соответствующие действительности, но в том, чтобы защищать нейробиологический словарь как описывающий некоторый реальный опыт. “Мы должны позволить этим словарям цвести (let that some vocabularies bloom), а потом посмотрим, кто из них выживет. Материалисты предрекают, что нейробиологический словарь одержит победу”⁶⁷¹. Явной ошибкой было бы считать это аргументом в духе У. Плейса, Дж. Смарта или Д. Льюиса. Зато с позиции сегодняшнего дня легко можно увидеть тут и идею смены словарей, и поэтический агон, и пророческую функцию философии — всё то, что будет защищать “зрелый” Рорти. Но если мы откроем уже упомянутую статью “Философия в Америке сегодня”, то прочтём: “Мы должны позволить свести сотне цветов (let a hundred flowers bloom), восхищаться ими, пока они

⁶⁶⁹ Gross N. Richard Rorty. The Making of an American Philosopher. Chicago and London: University of Chicago Press, 2008., P. 30, 121–123.

⁶⁷⁰ Rorty R. Pragmatism, Categories and Language // Philosophical Review 70, №2. 1961. P. 197–223.

⁶⁷¹ Rorty R. In Defense of Eliminative Materialism // Review of Metaphysics 24, No. 1 1970. P. 119.

есть, и оставить ботаническую классификацию будущим специалистам по интеллектуальной истории”⁶⁷². Параллель, как мне кажется, очевидна.

(3) Аргумент от избираемых тем. “Ранний” Рорти выбирал те “аналитические” темы (теория тождества, запрет на индивидуальный язык, лингвистический поворот и т.п.), которые носят по отношению к аналитическому проекту подрывной характер — что сам же он и показал в “поздних” работах. Но ретроспективно несложно обнаружить и в самых, казалось бы, невинных аналитических текстах намёки на тезисы, которые принесут зрелому Рорти славу “раскольника”. Например, в редакторской статье к сборнику “Лингвистический поворот” уже содержится и критика лингвистического трансцендентализма, и сближение философии с поэзией, и призыв изобретать новые способы говорить. Автор ссылается на “Изречение Анаксимандра” М. Хайдеггера, упоминает Дьюи и даже Сартра⁶⁷³. Редко отмечается, что многие эссе, позднее вошедшие в сборник “Следствия прагматизма”, были написаны до публикации “Философии и Зеркала природы”. В частности, эссе “Преодоление традиции: Хайдеггер и Дьюи” представляет собой доклад, прочитанный Рорти на хайдеггероведческой конференции в 1974 г. Уже поэтому неверно представление о том, что до 1979 г. Рорти работал исключительно в аналитическом жанре.

Опровергнув гипотезу разочарованности, мы можем перейти к анализу рортианской интерпретации философии Дьюи. Своё видение места Дьюи в истории философии Рорти раскрывает во множестве работ, в том числе и в небольшом эссе “От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов”⁶⁷⁴. История словарей здесь делится на три большие части. Это религиозный словарь, философский словарь и словарь литературы. Религиозный словарь включает представления о Боге, грехе, Писании, Церкви. Его начал разрушать уже Сократ, поставивший под сомнение

⁶⁷² Rorty R. Philosophy in America Today // The American Scholar. Vol. 51, No. 2. 1982. P. 190

⁶⁷³ Rorty R. (Ed.) The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. With two Retrospective Essays. Chicago and London: University of Chicago Press. 1992. P. 2, 34, 39.

⁶⁷⁴ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.

религию, то есть то, что предположительно даёт окончательное духовное освобождение. Завершили процесс Кант и Джефферсон, когда объявили, что такой истиной обладает сам субъект, познающий подлинную действительность и имеющий смелость пользоваться своим разумом.

Гегель был последним великим представителем этого словаря, в то время как три его наследника — Керкегор, Маркс, Дьюи — полностью развенчали миф об объективной реальности, которая ждёт нашего познания. В статье “Истина без соответствия действительности” Рорти пишет, что произошла смена проблематики от вопроса “каковы аисторические условия возможности” к “что мы можем сделать для будущего”⁶⁷⁵. Однако только Дьюи удалось выразить единство жизни и мышления, отойти от дуализмов и остаться потому подлинным реформатором. В этом, считает Рорти, ему помогли чтение Дарвина и любовь к Америке. Внешним по отношению к философии событием стал триумф массовой демократии, который сделал ненужным Просвещение философов. Теперь критиковать религию можно не на основании очевидности *cogito*, а используя открытость парламентской трибуны⁶⁷⁶.

В XX в. уже мало кто сомневался, что метафизика есть нереализованная склонность к поэзии и литературному творчеству. Осознав это, мыслители вроде Хайдеггера решили опозитизировать философию, а последователи Карнапа — изобрести новое препятствие для литературной экспансии: лингвистическую философию, которая представляет собой последнюю форму эпистемологии. Но последняя быстро, уже стараниями позднего Витгенштейна, разочаровала своих создателей: оказалось, что нет такого объекта, как “чистый язык”, отделённого от практики, а значит и эпистемология, последний, по словам Рорти, бастион философии — сдалась. Есть, однако, партизаны в царстве литературы: аналитические философы, феноменологи и Хабермас. Деятельность этих философов видится Рорти как

⁶⁷⁵ Rorty R. *Philosophy and social hope*. London: Penguin books, 1999. P. 30.

⁶⁷⁶ Rorty R. *Democracy and Philosophy* // *Kritika & Kontext*. № 33. 2007. P. 135–139.

возвращение к догегелевскому уровню философии. Однако и партизанам жить осталось недолго.

Если верующие искали спасения в Боге, а философы эпохи Просвещения — в науке, то представители литературной эры считают, что окончательное искупление наступает благодаря знакомству читателя с максимальным количеством жизненных судеб, описанных в романах, в публицистике, в работах историков и т.д. Вопрос об истине заменяется на вопрос “а что нового?”. Теперь цель интеллектуала — разрушить старый словарь и создать новый. Учреждение этой последней стадии и есть дело будущего, а Дьюи и сам Рорти — пророки, футурологи, социальные инженеры этого будущего. Обещанием такого рода спасения является последний цветок философии — прагматизм Дьюи, который стоит в конце развития аналитического движения и континентальной Теории.

Что нужно сделать, чтобы принять реконструкцию философии, совершенную Дьюи? Для этого нужно, по Рорти, осознать цель литературной философии. Эта цель — дать личности автономию, свободу, и через это выстроить свободное общество. Ради этого следует:

1. Отказаться от идеи окончательного словаря и стать антифундаменталистом по отношению к знанию. В. В. Васильев так формулирует это положение: “Раньше философы придумывали системы, решали кардинальные вопросы, а теперь им надо приучить себя к скромной роли посредников, налаживающих коммуникацию представителей различных дискурсов”⁶⁷⁷. Познание, считает Рорти, вовсе не копирует мир, оно сопротивляется ему и оформляет его так, как нам удобно. Знание — это лишь обоснованное убеждение и больше ничего. Значит, никакой эпистемологии быть не может⁶⁷⁸. Нам следует отдать предпочтение не дедукции или индукции, а риторике и диалектике, которая есть другое

⁶⁷⁷ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 19.

⁶⁷⁸ Обсуждение успешности атаки Рорти на эпистемологию см.: Ankersmit F.R. Can we experience the past? // History-making. The Intellectual and Social Formation of a Discipline, ed. by Rolf Torstendahl and Irmline Veit-Brause. Stockholm: Coronet Books, 1996, P. 47–77; мою критику этого подхода — Логинов Е.В. Функции критики в философии Ф. Анкерсмита // Аспекты 8. М., 2014. С. 228–236.

название для литературной критики. Главная заслуга Дьюи состоит в демонстрации того, что сама идея поиска оснований знания есть социальный феномен⁶⁷⁹. Джону Дьюи (в отличие от Маркса и Керкегора) удалась процедура натурализации гегельянства⁶⁸⁰. Он увидел, что образующая историю диалектическая игра ведётся между исторически контингентными словарями и по не-необходимым правилам, и понял, что в наш век уместнее всего считать выигрышным словарем натурализм, так как он сулит новый способ думать о человеке и поддерживается авторитетом наук о природе, самой мощной силы современности. Это, считает Рорти, понимали и философы прошлого. Например, Декарт и Бэкон не утруждали себя критикой предшествовавшей схоластики, они просто переопределили задачи философии. Так стоит поступить и нам — по отношению к самим философам Нового времени.

2. Отказаться от концепции греха. Из религии мы убираем идею порочности человека, но оставляем концепцию общины верующих и некой благодати, нефундированной, впрочем, возможностью божественного вмешательства. Гегель и Дьюи позволяют нам совместить религиозную веру и идею смертности человека. В идеале традиционная религия страха, основанная на грехе, должна превратиться в религию любви. Если вы совершили “грех”, то Рорти предлагает вам на выбор три пути: самоубийство, эгоистическое саморазрушение или такую жизнь, в которой грех был бы учтён как опыт, из которого вы многому научились. Последний путь и есть путь Дьюи⁶⁸¹.

3. Отказаться от жестокости: как социальной, так и интеллектуальной. Если мы уже отказались от эпистемологии и греха, то жестокость просто не может быть оправдана. “Главная мишень Дьюи — институциональный

⁶⁷⁹ Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 9.

⁶⁸⁰ Rorty R. *Philosophy and social hope*. London: Penguin books, 1999. P. 11–12.

⁶⁸¹ Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке в XX веке. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 24.

эгоизм»⁶⁸². Именно Дьюи, а не Рассел, мог бы принять, считает Рорти, идею Локка, что философ — это просто скромный чернорабочий культуры, который убирает заблуждения, освобождая место под великие утопии⁶⁸³. Поэтому стиль аргументации, который мы выбираем, не строится на логически строгих силлогистических аргументах или отсылках к природе вещей. Мы лишь показываем, как метафоры, которые нас раздражают, уменьшили солидарность в обществе, понизили многообразие и ограничили свободу.

4. Отказаться от социального пессимизма, который часто бывает свойствен интеллектуалам вроде Генри Адамса или Хайдеггера. Нас не устраивает, что современная студентка вполне может выйти из колледжа менее убеждённой в том, что её страна имеет будущность, чем когда она в него поступала.

Такой облик философии Дьюи рисует нам Рорти. Теперь обратимся к тому, как это соотносится с действительной философией инструментализма. Это поможет нам прояснить отношения прагматизма и неопрагматизма.

Но прежде стоит определить, имеет ли это смысл. В конце концов, сам Рорти признаёт, что его реконструкция взглядов Дьюи носит творческий характер. Более того, Рорти, отрицая категорию “объективности”, вообще не признает историй, которые не носили бы мифологического характера. Однако такая попытка снять проблему не добавляет нам понимания отношения классической и современной версий прагматизма.

У Дьюи Рорти находит оригинальную критику платонизма, картезианства и кантианства. При этом прагматическая критика (в отличие от хайдеггеровской) носит оптимистический характер и за крахом метафизики видит святой город новой цивилизации (а не нищезанскую пустыню), а в технике — возможность освободить время для искусства, а не технократию

⁶⁸² Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке в XX веке. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С.35.

⁶⁸³ Rorty R. *Philosophy and The Future / Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics*. Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 197–207. P. 201.

инструментального разума. Отличия между инструментализмом и собственной философией Рорти видит лишь в тематических акцентах: он больше занимается языком, но это лишь способ адаптировать прагматизм к современной интеллектуальной среде. Лингвистический поворот описывается американским философом одновременно и как зло, и как благо для прагматизма. С одной стороны, европейские философы вытеснили его из американских университетов, а с другой — они же сделали возможным актуализацию скрытых в прагматизме возможностей (что произошло, например, в творчестве Куайна⁶⁸⁴). Такую же оценку даёт и ученик Рорти Роберт Брэндом⁶⁸⁵. Он тоже считает лингвистический поворот рубежом между двумя “прагматизмами” и отмечает, что философское изучение языка оказало позитивное влияние на традиционную американскую мысль. Благодаря лингвистическому повороту европейские философы перестали видеть в прагматизме вариант утилитаризма, как это было во времена Рассела, Хайдеггера и даже Адорно. Таким образом, прагматизм действительно смог стать, считает Рорти, флагманом второго Просвещения, поднимая стяг Разума, пусть это и разум Одиссея, а не Платона⁶⁸⁶.

Рассмотрим другие попытки сравнений Рорти и Дьюи. Джон Хартман, полагает, что философии Дьюи и Рорти очень похожи, ведь Рорти мыслит в духе Дьюи. Он выделяет три пункта, по которым проводится сравнение: метафизика, методология, социальная надежда⁶⁸⁷. В метафизике оба философа являются постмодернистами, отвергая метанарративы. Рорти отделяет “тонкого” Дьюи, социального реформатора, от “грубого”, натуралистического метафизика, с которым Рорти дела не имеет. В области

⁶⁸⁴ Rorty R. *Philosophy and social hope*. London: Penguin books, 1999. P.24–25.

⁶⁸⁵ Согласно реконструкции Китчера палитра наличных решений относительно наследия Дьюи выглядит так: Патнэм и Брэндом пытаются увязать классика с насущными проблемами аналитической философии, при этом Патнэму важна реалистическая онтология, а Брэндому — спекулятивная составляющая, в то время как Рорти и сам Китчер видят в философии Дьюи возможность выйти за пределы традиционной философии. Различаются их видения этой реформированной философии: для Рорти это литература и литературная критика, а для Китчера — натуралистические исследования, что заставляет последнего защищать корреспондентскую теорию истины и реализм в противоположность конструктивизму Рорти. Kitcher P. *Preludes to Pragmatism. Towards a Reconstruction of Philosophy*. New York: Oxford University Press, 2012. P. xiv, 192–195.

⁶⁸⁶ Brandom R. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. P. 22, 35, 41.

⁶⁸⁷ Hartmann J. *Dewey and Rorty: Pragmatism and Postmodernism* / SIUC, 2003, mypage/siu.edu/hartmajr/papers.html

метода проблема видится в согласовании экспериментализма Дьюи и иронизма Рорти. Но что сам Дьюи понимает под экспериментальным методом? Мнение, что исследование начинается не на пустом месте, а является реакцией на ситуацию. Само же исследование есть контролируемое и направленное преобразование этой ситуации. Вряд ли Рорти был бы против такой трактовки познания. В области социальной философии тоже царит полная гармония: нужно историзировать мораль и демократию, приняв их случайность. Увы, позиция Хартмана представляется не до конца последовательной. Если Рорти всё же вынужден разделять философию Дьюи на “грубую” и “тонкую” части, то о каком единодушии идёт речь?

Противоположную точку зрения мы находим в статье Д. Т. Клоппенберга⁶⁸⁸. Он довольно жёстко разделяет прагматизм и неопрагматизм. Ранние прагматисты настаивали на важной роли опыта, тогда как современные делают ставку на язык. Рорти, считает Клоппенберг, признаёт недискурсивный опыт, но отрицает его философскую значимость. По Дьюи же, напротив, мир опыта является предпосылкой мира дискурса. Классические прагматисты полагали, что философские идеи имеют практические следствия, в то время как современные расценивают прагматизм просто как метод. Дьюи мыслил философию как способ демократизации мира, а Рорти считал, что нам не нужна философия для социальной критики. С утверждением о месте опыта в теориях Рорти и Дьюи можно согласиться, но вряд ли разумно сделать то же относительно вопроса об активизме. Рорти действительно отдаёт социальную критику на откуп журналистам, но философия у него всё же должна способствовать улучшению и демократизации мира — хотя бы через критику предыдущих своих форм.

Более взвешенную позицию представляет Л. Хикман. Общими для Рорти и Дьюи он считает фаллибилизм, натурализм, радикальный эмпиризм,

⁶⁸⁸ Kloppenberg J.T. Pragmatism: An Old Name for Some New ways of thinking // The Journal of American History, Vol. 83. No.1 1996. P. 100–138.

интерес к человеческим, а не логическим аспектам исследования, историзм. Различия: Дьюи полагал, что наука и искусство имеют разные методы, материал и социальные функции, а Рорти объявил науку разновидностью литературы. Дьюи был социальным активистом, а Рорти зовёт примириться с обществом. Дьюи поддерживал объективный релятивизм, а Рорти — райний релятивизм⁶⁸⁹.

Итак, мы имеем три позиции. Полное совпадение, полное несовпадение, частичное совпадение. Указываются основные точки расхождения: язык, оценка науки, активизм, метод, объективная реальность. Для наших целей удобно объединить пункты сравнения в такие рубрики: вопрос о значимости языка, вопрос о наличии объективной реальности, открываемой научным методом, вопрос о природе демократии. Кратко остановимся на этих проблемах.

Первая возникает благодаря всё ещё значимым для современной философии последствиям лингвистического поворота. Иногда историки изображают дело так, что до середины XX в. философы не знали о роли языка. Это явно не соответствует действительности. И всё же Рорти сам указывает на лингвистический поворот и, несомненно, много пишет о языке. Более взвешенная позиция может быть выработана, если мы обратимся к Дьюи. В третьей главе “Реконструкции в философии” читаем: “Вещи приходят к нему [ребенку] в оболочке языка, а не в философской наготе, и эта печать коммуникации заставляет его разделять мнения окружающих”⁶⁹⁰. Подобные примеры можно множить. Язык для Дьюи это, прежде всего, коммуникация⁶⁹¹. Чем же отличается этот взгляд от взгляда Рорти? Чтобы понять это, нужно ввести различие между текстом и языком. Язык — это инструмент, общий для всех людей. Текст же — весьма специальное изобретение, предмет заботы профессионалов-гуманитариев. Язык и для

⁶⁸⁹ Хикман Л.А. Джон Дьюи, 1859–1952 / Американская философия. Введение. Ред. Дж. Райдер, А.Т. Марсубян. М.: Идея-Пресс, 2008. С.254–256.

⁶⁹⁰ Dewey D. Reconstruction in Philosophy. Boston: Beacon Press. 1957.P. 92.

⁶⁹¹ Hickman L.A., Alexander T.A. (eds.) The Essential Dewey. Volume 1. Pragmatism, Education, Democracy. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 138.

Рорти, и для Дьюи является живым, неформальным образованием, оформляющим наши суждения и практики так, чтобы мы наиболее эффективно приспособлялись к реальности. Конкретного механизма связи мира, языка и человека нет, потому что сам вопрос о таковом Рорти считает метафизическим и зависимым от метафоры зеркала. Но Дьюи практически ничего не пишет о тексте как предмете историко-философской рефлексии. Его работы, посвящённые метафилософии, анализируют исторические детерминанты философии, а не внутренние когерентности текстов классиков и их терминологию. Этим занимается как раз Рорти, отвергая субстанциальность этих редескрипций, чем избегает крайности текстуализма⁶⁹².

Вторая проблема возникает из-за риторики Рорти, в которой важное место играет антирепрезентативистский тезис: познание не есть копирование реальности. Здесь он следует хайдеггеровскому анализу мира и отсылания. То, с чем работает Рорти, — не позитивистский идеал науки, а “экзистенциальное понятие науки” “Бытия и времени”⁶⁹³. Американским предшественником такого взгляда на науку Рорти полагает Дьюи. И действительно, Дьюи не занимается доказательством, подобно Декарту или Канту. Он не вовлечён в дуализм субъекта и объекта, который порождает эту проблему. Упреки в том, что Рорти желает выкинуть “науку” из Дьюи, не учитывают существования разных идеалов научности. Той “науки”, которую хочет “закончить” Рорти, новоевропейской науки метафоры зеркала и позитивистских индуктивных критериев, нет места в наследии Дьюи. То, что Дьюи полагает наукой, описывается у него формулой совпадения метода и результата. Это совершенно отлично от “научного метода” физики, каким его видит, скажем, Р. Карнап⁶⁹⁴.

⁶⁹² Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P.153.

⁶⁹³ Хайдеггер М. *Бытие и время*, М.: Академический проект, 2011. С. 78, 356–358.

⁶⁹⁴ Различие идеалов научности угадывается в семантике немецкого *Wissenschaft* и английской *science*. Переводчик “Философии мифологии” на английский в первом и втором примечаниях к первой лекции комментирует проблематичность однозначного перевода. Он отмечает два дополнительных аспекта *Wissenschaft*: это идея изначальной системности знания и родство науки и исторического процесса (Schelling F.W.J. *Historical-critical Introduction to Philosophy of Mythology* (Translated by Richey M. and Zisselsberger M.) Albany: SUNY Press. 2008.

Но проблема остаётся: Рорти упорно утверждает об отсутствии объективности (предлагая заменить её на “солидарность”), а Дьюи говорит о природе и метафизике, которую сложно отнести к проблемам людей, во всяком случае, на первый взгляд. Поэтому Рорти вынужден трактовать метафизику Дьюи как риторику⁶⁹⁵. Тут вступают в дело исторические условия философствования наших героев. Рорти нужно отделить свою позицию, с одной стороны, от различных проектов фундаментализма и сциентизма, а, с другой, — от философии “релятивистов” вроде Деррида. Дьюи же мыслит в другом контексте, его противники — идеалисты и крайние реалисты. Чтобы установить, к каким последствиям это приводит, обратимся к сравнению двух аргументов.

(1) Дьюи, анализируя природу своей дисциплины в “Реконструкции в философии”, приводит такую схему. Общество порождает философию для решения своих проблем. Если общество изменяется, то должна изменяться и философия. Философия не сейчас становится решением проблем, она всегда таковой и была, просто этого не осознавали⁶⁹⁶. Общество изменяется благодаря техническому прогрессу, который позволяет развиваться торговле, производству и путешествиям. Новые условия требуют новых политических образований и критики старых устоев (мифологических, религиозных, фиксируемых абсолютистской философией). В работе “Общество и его проблемы” он пишет: “Механизация производства и коммерция обновили и социальные условия жизни, породив у индивида новые потребности и открыв перед ним новые возможности. Но существовавшие политико-правовые реалии мешали этим новым тенденциям заявить о себе в полную силу”⁶⁹⁷.

(2) Рорти, преследуя цель сблизить философии Хайдеггера и Дьюи с теологией П. Тиллиха, пишет, что мы можем спокойно отказаться от

Р.189). Рорти, конечно, несколько американизирует коннотации *Wissenschaft*. Он вчитывает в это представление либеральные добродетели любознательности, открытости и способности к диалогу. Нельзя, однако, сказать, что этого нет у Дьюи.

⁶⁹⁵ Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. 85.

⁶⁹⁶ Dewey D. *Reconstruction in Philosophy*. Boston: Beacon Press, 1957. P.11.

⁶⁹⁷ Дьюи Дж. *Общество и его проблемы*. М.: Идея-пресс, 2002. С.66, 70.

терминов вроде “бытие” у Хайдеггера: “Я был бы счастлив, если бы Хайдеггер его никогда не использовал и если бы Тиллих никогда не заимствовал его у Хайдеггера”. “Бытие” — это не объект, о котором может быть высказано верное суждение, не научная проблема, которая была однажды поставлена и случайно оказалась забыта. Ответа на вопрос о бытии нет и быть не может, может быть лишь вопрошание. “Бытие” Хайдеггера — это попытка показать разницу между властью науки и любовью поэзии, это то, “о чём существует язык”⁶⁹⁸. Поэтому мы можем просто выкинуть его, как риторический дефект, который был нужен Хайдеггеру, чтобы разговаривать с аудиторией, воспитанной на немецкой философии, и чтобы отмежеваться от других игроков в философии того времени: неотомизма, натурализма и философии жизни. Точно так же мы “убираем” термин “Бог” в философии Дьюи. Это позволяет нам говорить о жизни людей без религиозного или трансцендентального сопровождения, которые, по Рорти, нарушают принцип отсутствия жестокости. Наши предшественники определены в своём словоупотреблении языком своего окружения и ситуацией эпохи, как и мы. Поэтому Хайдеггер Хайдеггера может говорить о Бытии, а Хайдеггер Рорти, живущего в либеральной Америке, — нет.

Теперь отметим общее в указанных ходах. Они строятся по схеме: изменение условий мысли влечёт изменение самой мысли. Оба хода по отношению к прошлому совершаются для того, чтобы дать философу возможность для собственного слова: реконструкции у Дьюи и установления либеральной литературной культуры у Рорти. Таков принцип прагматизма — обращаться с философами как с орудиями, а не как с музейными экспонатами. На первый взгляд характер этих условий кажется существенно различным: материальное производство у Дьюи и согласие сообщества у Рорти. Однако базис у Дьюи отличен от базиса в вульгарном марксизме. Большое значение придаётся коммуникации и обратному влиянию

⁶⁹⁸ Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 71.

философии на производство и общество⁶⁹⁹. Солидарность, стоящая во главе угла у Рорти, у Дьюи является частью материального производства. Это не меняет, однако, расстановку акцентов.

Завершая этот пункт сравнения, мы должны обратиться к проблеме стиля, на которую часто обращают внимание в связи с темой научности метода и объективности мира. Рорти читает и пишет фрагментами (особенно в поздний период), а Дьюи пишет трактаты. Рорти постоянно аргументирует (то, что Р. Брэндом назвал игрой приведения и истребования доводов), а Дьюи предлагает наблюдения, обобщённые в схемы. Скажем сначала про первое различие. Оно обусловлено академическим этосом американской философии, который сильно изменился после установления владычества аналитической философии. Единицей работы стала не книга, а статья. Даже книги представляют собой сборники статей или эссе, причём не обязательно по одной теме. Фрагментарность более соответствует целям Рорти: она мобильнее, проще, популярнее, современнее. Теперь обратимся ко второму различию. Арсенал типов аргументации, используемых Рорти, довольно внушителен. Исследователи обычно вспоминают тут неопрагматическую герменевтику, но у Рорти есть и более строгие ходы. Например, это мысленный эксперимент. Совсем другим типом аргумента является историческая генеалогия. Показать случайный или хотя бы зависимый характер “необходимого и вечного” достаточно, чтобы его разрушить. Ещё один способ, практикуемый Рорти, особенно часто встречается там, где речь заходит о философии будущего. Этот способ может быть назван “новостным аргументом”; он часто встречается у континентально ориентированных философов. Его можно сформулировать так: “неужели вы не знали, что после события X нужно мыслить только Y”. Это и есть рортианская идея смены словарей в исторических условиях. После победы секулярного мышления нельзя серьёзно мыслить в религиозных терминах. После разрушения

⁶⁹⁹ Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-пресс, 2002. С.112; Dewey D. Reconstruction in Philosophy. Boston: Beacon Press, 1957. P. 39–40.

позитивизма и лингвистической философии нельзя мыслить в научных. Теперь философы должны способствовать массовой демократии. Увы, мы вынуждены оставить полную каталогизацию типов аргументов у Рорти будущим исследователям. Что мы находим у Дьюи? Очевидно, что последний не обладает такого рода богатством. Его методология, если выразить её кратко, — проведение различий (схватывание их из практики) и наблюдение за последствиями их работы. Это кажется мне пунктом существенного различия стилей Рорти и Дьюи. Последний не рассказывает нам историй о нас самих или о других людях; он предлагает схемы, которые могут быть основанием для реформ. Определяется это различие отмеченной выше любовью Рорти к текстам, а Дьюи — к прямому социальному действию.

Это выводит нас к третьему вопросу: о природе демократии. Рорти часто упрекают в отсутствии активизма, который был отличительной чертой Дьюи. И многое свидетельствует, что этот упрек справедлив. В юности, как он сам сообщает в автобиографии, Рорти был связан с американскими социалистами. Но в более зрелом возрасте он пришёл к взглядам, которые сам иногда обозначал как безрадостные (противореча своей же философии будущего и упрекам в пессимизме, обращённым к Хайдеггеру). Рорти обвиняют в консерватизме, в пропаганде консервативного либерализма и конформизме. Самые жёсткие критики упрекали Рорти в милитаризме. Философ часто поддерживал милитаристскую политику США, но иногда и осуждал, и довольно резко. Однако, как отмечают биографы, эти колебания похожи на то, что делал и Дьюи: поддержав участие США в Первой мировой, он колебался относительно Второй и до 1941 г. отстаивал пацифизм⁷⁰⁰.

Чтобы прояснить наш вопрос, скажем кратко о понимании социальной активности у Дьюи. Прежде всего, это включённость в проблемы местных сообществ⁷⁰¹. Известно, что сам Дьюи принимал активное участие в

⁷⁰⁰ Martin J. The Education of John Dewey. New York: Columbia University Press, 2003. P. 327–330, 464–467.

⁷⁰¹ Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-пресс, 2002. С.157.

самоуправлении. Свидетельства о таких фактах относительно Рорти мне неизвестны. Однако есть три факта, которые позволяют говорить о том, что обсуждаемая активность Рорти не была совсем чужда. Во-первых, это вовлечённость в академическую философскую жизнь (которая, правда, довольно печально закончилась) и отправление ряда официальных должностей в сообществе (например, президента Восточного отделения Американской философской ассоциации). Во-вторых, это частные поездки с целью расширения сферы влияния своей философии и философии, которая должна стать возможной благодаря ему. В-третьих, это большая медийная активность Рорти, которую отмечают и Гросс, и Рассел Якоби⁷⁰². Можно сказать, что под своим “локальным сообществом” Рорти понимал философскую братию, которая более других нуждается в лечении от метафизической болезни. Как и Дьюи, Рорти полагал, что демократия не нуждается в каких-то основаниях, кроме себя самой. Однако сам этот отказ от основания обосновывался по-разному. По Дьюи, демократия, как и наука в широком смысле слова, есть просто развитие естественных отношений людей на данном историческом этапе. У Рорти, как мы уже отмечали, акцент делался на случайности и расшатывании метафизики текстами философов-наставников.

Как бы ни было сильно отлично то, что делал Рорти, от того, чему учил Дьюи, мы не должны упускать из вида важные моменты, которые объединяют позиции обоих философов: (1) они оба пытались осуществить реконструкцию в философии; (2) чтобы это сделать, они пользовались исторической генеалогией; (3) а своим основным противником оба видели концепцию философии-как-метафизики, а союзником — американскую мечту.

⁷⁰² Jacoby R. Intellectuals and Their Discontents // Hedgehog Review. Vol. 2, No. 3. 2000. P. 36–52.

Заключение

Будучи спрошенным о роли классического американского прагматизма в современной англоязычной философии, Джон Сёрл ответил: “Я не думаю, что у него вообще есть какая-либо значимая роль. Из всех троих [его представителей: Пирса, Джеймса и Дьюи — Е.Л.] наиболее важен Пирс, но очень трудно понять, что именно он говорит, и большинство людей просто не обращает на него внимания.”⁷⁰³

В противоположность мнению мэтра, прагматизм оказал и продолжает оказывать значительное влияние на аналитическую философию, центральный сектор современной англо-американской философии. Прагматисты внесли существенный вклад в развитие философии логики и самой логики, метафизики, эпистемологии, метафилософии, философии языка. Их терминологические новации пользовались спросом. Люди, предлагающие проекты т.н. постаналитической философии, связывают возможность её возникновения именно с ресурсами, скрытыми в прагматистской традиции⁷⁰⁴.

В настоящем исследовании я выделил четыре основных этапа взаимодействия аналитической философии и прагматизма. Обобщая и несколько огрубляя, можно сказать, что развитие отношений двух этих традиций шло от противопоставления на основе различного понимания истины через осуществлённый гарвардскими философами своеобразный синтез к новому противопоставлению на основании декларации разных представлений о целях и характере философствования.

На первом этапе мы застаём Пирса и Рассела за разработкой новой логики, наблюдаем полемику Пирса и Мура о понятиях истины и ложности. Пирс при этом защищает корреспондентскую теорию истины против

⁷⁰³ Сёрл Дж. Истина — это здравый смысл, а не наоборот // Финиковый Компот. №8. 2015. С. 52.

⁷⁰⁴ Rajchman J., West C. (Eds). Post-Analytic Philosophy. N.-Y.: Columbia University Press. 1985.

идеалистической муровской теории истины как тождества. Вскоре после этого спора кембриджский философ изменит свою точку зрения, что окажет решающее влияние на становление аналитической философии. Наследие Пирса также сделает себе славную карьеру в аналитической философии сознания и философии языка.

На втором этапе Рассел и Мур активно осваивают идеи Джеймса. Отрицательным моментом этого освоения является критика первыми аналитическими философами прагматистской концепции истины. Положительным моментом является эволюция взглядов Рассела в сторону принятия нейтрального монизма и джеймсовского различия на знание по знакомству и знание по описанию.

На третьем этапе аналитические философы занимают академические позиции в ведущих университетах США, где они сталкиваются с философами, получившими образование в американских университетах, и несущих в своём мышлении влияние прагматизма, как наиболее яркого и самобытного американского философского изобретения. Результатом этого добрососедства было постепенное ослабление позиций авторов, отказавшихся от новых философских инструментов и сохранивших ориентированность своей философии на проблемы общества в противоположность возрастающей тенденции академизации, схоластизации и профессионализации философии. Одновременно с этим происходил беспрецедентный рост количества участников философской корпорации: по данным, приводимым Скоттом Сомсом, количество членов Американской философской ассоциации выросло с 747 человек в 1940 году до 1,248 в 1950 г.; 1,984 в 1960 г.; 2,725 в 1970 г.; и 5,125 в 1980 г.⁷⁰⁵. На этом фоне возрастает роль философского факультета Гарвардского университета, где У. В. О. Куайн и М. Уайт готовят специалистов, которые составят элиту американской философии следующего поколения. Они предлагают своим

⁷⁰⁵ Soames S. *Analytic Philosophy in America and Other Historical and Contemporary Essays*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2014. P. 12

ученикам широкую исследовательскую перспективу, позволяющую человеку, принявшему её, реализовать свои профессиональные амбиции в любой области философии от онтологии и эстетики до философии языка и философии действия. Заявив широкие, но хорошо очерченные рамки того, что они хотели бы видеть в качестве настоящей философии: сциентизм, экстернализм, натурализм, номинализм, бихевиоризм — и тем самым создав возможность работы как внутри этих рамок, так и в оппозиции к ним, эти авторы также предложили ряд имевших большой резонанс аргументов, которые оказали определяющее влияние на весь облик современной философии. Самым ярким примером такого аргумента можно считать куайновскую критику аналитичности, направленную как против прагматизма К. И. Льюиса, так и против логического позитивизма Р. Карнапа. Разумеется, не все аргументы, изобретённые гарвардскими авторами, имели такой успех. Примером работы, написанной в куайновском духе, но не получившей достаточного развития у преемников, является уайтовский проект теории свободы воли.

Началом четвертого этапа можно считать публикацию в 1979 году работы Ричарда Рорти “Философия и зеркало природы”. Целью Рорти было заявление философского проекта, альтернативного всей аналитической философии, какой бы многообразной и разноречивой она не была в-себе и для-себя. Альтернативность этого проекта связывалась с возвращением к идеям и духу национальных американских авторов, прежде всего Джеймса и Дьюи. Позиция Рорти снова расколола англоязычную философию на тех, кто был согласен следовать его видению природы философии как скромного переводчика, полезного в коммуникации между представителями разных умонастроений, тех, кто сохранил верность идеалу философии как эпистемологии и метафизики, и тех, кто пытался совместить два этих философских проекта, в разной мере критикуя как взгляды самого Рорти на прагматизм, так и излишнюю, с их точки зрения, оторванность занятий

аналитических философов от актуальной общественной повестки. С Рорти начинается эпоха новых философских манифестов.

Англо-американская философия конца XX–начала XXI веков состоит из тех самых “ста соперничающих школ”, о которых мечталось Рорти. Последователи Куайна, физикалисты, возглавляемые, по некоторым оценкам, Дэниэлом Деннетом, всё усиливают интеграцию философии и естественных наук, прежде всего когнитивных. Ярче всего, эта тенденция проявляется в нейрофилософии Пола и Патрисии Чёрчленд и экспериментальной философии Джошуа Ноуба, Шона Николза и других авторов⁷⁰⁶. Деннет и Черчленды в разной мере развивают идеи американского прагматизма, усвоенные ими, прежде всего, от Куайна и Селларса-младшего. В методологической оппозиции физикалистам находятся авторы, отстаивающие концептуальный анализ, такие как Сол Крипке, Фрэнк Джексон и Дэвид Чалмерс⁷⁰⁷. В работах авторов, придерживающихся этого направления, влияние прагматизма ощущается меньше всего. В противоположность и тем, и другим развивают свои идеи философы, которых условно объединяют под именем Питтсбургской школы. Наиболее яркими авторами этого направления является Дж. МакДоуэлл и ученик Селларса и Дэвида Льюиса Роберт Брэндом. Для Брэндома, создателя аналитического прагматизма, традиционная американская философия есть прежде всего историцизм и семантический проект. Его также отличает редкий для американского философа интерес к идеям Г. В. Ф. Гегеля. В историцистском же духе, но иначе, чем Рорти, понимает прагматизм Р. Бернстайн. В политическом направлении и рортианском духе развивается профетический прагматизм К. Уэста. В спорах с рортианским пониманием прагматизма, аналитической эпистемологией концептуального анализа, брэндомовским системосозиданием, физикалистским натурализмом

⁷⁰⁶ Knobe, Joshua & Nichols, Shaun (2007). An experimental philosophy manifesto. In Joshua Knobe & Shaun Nichols (eds.), *Experimental Philosophy*. Oxford University Press. P. 3–14.

⁷⁰⁷ Jackson F. *Armchair Metaphysics Revisited*. // *The Cambridge Companion to Philosophical Methodology*. Edited by Giuseppina D'Oro, Søren Overgaard. 2017/ P. 122–140.

родились пирсианский конструктивизм Дж. Марголиса, прагматический натурализм Джона Райдера, натуралистическая этика Филиппа Китчера, гуманизм Пола Курца, политическая теория и историко-философские работы Шерил Мисак и прагматическая эстетика Р. Шумейкера. Нет сомнений в том, что и прагматические, и аналитические элементы в современной англо-американской философии ждёт большое будущее.

Чарльз Пирс учил, что исследование никогда не может быть полностью завершено. Судя по всему, так оно и есть.

Библиография

1. Anellis I. H. Peirce Rustled, Russell Pierced: How Charles Peirce and Bertrand Russell viewed each other's work in logic, and an assessment of Russell's accuracy and role in the historiography of logic // *Modern Logic*. 1995. Vol. 5. №3.
2. Anellis I. H. Schröder Material at the Russell Archives // *Modern Logic*. 1991. Volume 1. Number 2.
3. Ankersmit F.R. Can we experience the past? // *History-making. The Intellectual and Social Formation of a Discipline*, ed. by Rolf Torstendahl and Irmline Veit-Brause. Stockholm: Coronet Books, 1996, P. 47–77.
4. Ayer A. *The Origins of Pragmatism Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce and William James*. Palgrave Macmillan UK. 1968.
5. Baker G. P., Hacker P.M.S. Dummett's Frege or Through a Looking-Glass Darkly // *Mind* № 92. 1983. P. 239–146;
6. Baker G. P., Hacker P.M.S. Dummett's Dig: Looking-Glass Archaeology // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 37. No. 146. 1987. P. 86–99;
7. Baldwin T. G. E. Moore and the Cambridge School of Analysis // *Beaney M. The Oxford Handbook of The History*. Oxford: Oxford University Press. P. 652–676.
8. Baldwin T. G.E. Moore. (*The Arguments of Philosophers*). Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 1999.
9. Baldwin T., Preti C. G.E. Moore. *Early Philosophical Writings*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011.
10. Beaney M. (Ed.) *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. London: Routledge. 2007.
11. Beaney M. (Ed.) *The Frege Reader*. Oxford: Blackwell. 1997.
12. Bennett J. Analytic-Synthetic // *Proceedings of the Aristotelian Society*. New Series. Vol. 59. 1958–1959. P.163–188.
13. Bergmann G. A Positivistic Metaphysics of Consciousness // *Mind*. New Series, Vol. 54, No. 215. 1945. P. 193–226.
14. Bergström L. Quine and the a priori / in *A Companion to W.V.O. Quine*, edited by Gilbert Harman and Ernie Lepore, John Wiley & Sons, 2014.
15. Biletzki A., Matar A. (Eds.) *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*. New York: Routledge. 1998.
16. Black M. Review: *Readings in Philosophical Analysis* by Herbert Feigl; Wilfrid Sellars // *The Journal of Symbolic Logic*. 1949. Vol. 14, No. 3. P. 184–185.
17. Block N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and brain sciences*. 1995. Vol. 18. № 2. P. 227–287.
18. Bo Dahlbom (Ed.) *Dennett and his Critics: Demystifying Mind (Philosophers and their Critics)*. Blackwell. 1994.

19. Bochenski I.M. *A History of Formal Logic*. Notre Dame Press. 1961.
20. Boler J.F. *Charles Peirce and Scholastic Realism. A Study of Peirce's Relation to John Duns Scotus*. Seattle. 1963. Boler J. F. *Peirce and Medieval Thought // The Cambridge Companion to Peirce* (Ed. C. Misak). Cambridge University Press. 2004. P. 58–86.
21. Boncompagni A. *Wittgenstein and Pragmatism. On Certainty in the light of Peirce and James*, Palgrave Macmillan, 2016.
22. Bonjour L. *In Defense of Pure Reason*. London: Cambridge University Press. 1998.
23. Bourget D., Chalmers D. *What do philosophers believe? // Philosophical Studies*. №170 (3). 2014. P. 465–500.
24. Boydston J.A. (Ed.) *The Later Works of John Dewey, 1925–1953*. Southern Illinois University Press. 2008.
25. Boydston J.A., George E., Axetell G.E. (Eds.) *The Early Works of John Dewey, 1882–1898*. Southern Illinois University Press. 2008.
26. Bradley F.H. *Appearance and Reality: a Metaphysical Essay*. London: Swan Sonnenschein. 1893.
27. Bradley F.H. *Essays on truth and reality*. Oxford, Clarendon press. 1914.
28. Bradley F.H. *On Professor James' Doctrine of Simple Resemblance // Mind*. New Series. 1893. Vol. 2. №. 5. P. 83–88.
29. Bradley F.H. *The Principles of Logic*. London, K. Paul, Trench & co. 1883.
30. Brady G. *From Peirce to Scolem. A Neglected Chapter in the History of Logic*. Elsevier Science Bv. North-Holland. 2000.
31. Brandom R. *Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
32. Brandom R. *Tales of the Mighty Dead. Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*, Harvard University Press. 2002.
33. Brassier R. *Concepts and Objects // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. (Eds.) Bryant L., Srnicek N., Harman G. re.press Melbourne 2011. P. 47–65.
34. Brennan F., Griffin N. *Russell's marginalia in his copy of William James Principles of Psychology // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archive*. N.S. 17. 1997–1998. P.123–170.
35. Brent J. *Charles Sanders Peirce: A Life*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1998.
36. Broad C. D., Porteous A. J. D., Jackson R. *Symposium: Are there Synthetic a priori Truths? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes* Vol. 15, 1936. P. 102–153.
37. Buchler J. (ed.) *Philosophical Writings of Peirce*. N.-Y.: Dover Publication. Inc. 1955.
38. Buchler J. *Metaphysics of Natural Complexes*. 2 edition. Albany: State University of New York Press. 1990.
39. Burk T. *Dewey's New Logic: A Reply to Russell*. University Of Chicago Press; Reprint edition. 1998. См. также Johnston J.S. *John Dewey's Earlier Logical Theory*. State University of New York Press. 2014.

40. Burkhard F. H., Bowers F., Skrupskelis I. K. (Eds.) *The Works of William James*. 18 vols. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1975–1988.
41. Calcaterra R.S. (Ed.) *New Perspectives on Pragmatism and Analytic Philosophy*. Amsterdam, New York: Rodopi. 2001.
42. Candlish S. *The Russell/Bradley Dispute and Its Significance for Twentieth Century Philosophy*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2007.
43. Carnap R. *Introduction to Semantics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1942.
44. Carnap R. *The Elimination of Metaphysics through Logical Analysis of Language* (transl. by Pap A.) в *Logical Positivism* (ed. Ayer), N.-Y.: Free Press. 1959. P. 60–81.
45. Carnap R. *Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // Erkenntnis, № 2. S. 219–241.*
46. Case T. *Physical Realism, Being an Analytical Philosophy from the Physical Objects of Science to the Physical Data of Sense*. London: Longmans, Green, and Co. 1888.
47. Chalmers D. *Does Conceivability entail Possibility // in (T. Gendler & J. Hawthorne, Eds) Conceivability and Possibility*. Oxford University Press. 2002. P.145– 200.
48. Chisholm R. *Self-Profile / In Roderick M. Chisholm (auth.), Radu J. Bogdan (eds.)-Roderick M. Chisholm-Springer Netherlands*. 1986.
49. Chomsky N. *Reviewed Work: Is There a Synthetic a Priori? // The Journal of Symbolic Logic Vol. 22. No. 4. 1957. P. 402.*
50. Church A. *Introduction to Mathematical Logic*. Princeton, New Jersey. Princeton Inoversity Press. 1956.
51. Church A. *Review: “A translation of Frege's Uber Sinn und Bedeutung. Introductory Note by Max Black” // The Journal of Symbolic Logic. 1948. Vol. 13, No. 3. P. 152–153.*
52. Churchland P. M. *Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes // Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78, No. 2. P. 67–90.*
53. Cooper W.E. *James's Theory of Mental Causation // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1994. Vol. 30, №.2. P. 349–370.*
54. Copleston F.C. *A History of Philosophy: Bentham to Russell*. Image Books. Doubleday. 1967.
55. Cork J. *John Dewey and Karl Marx / In John Dewey: Philosopher of Science and Freedom. 1950. P. 331–350.*
56. Crane T. *The origins of qualia // The History of the Mind-Body Problem. / Ed. by Crane T., Patterson S. London: Routledge. 2000. P. 169–194.*
57. Crary A., Read R. (Eds.) *The New Wittgenstein*. Routledge, 2000; Hacker P.M.S. *Wittgenstein, Carnap and the New American Wittgensteinians // Philosophical Quarterly. № 53. 2003. P. 1–23.*
58. Curley E.M. *The Development of Lewis’ theory of Strict Implication // Notre Dame Journal of Formal Logic. Vol. XVI. Number 4. 1975.*
59. Dennett D. *Content and Consciousness*. Routledge and Kegan Paul Books. 1986.
60. Dennett D. *The Intentional Stance*. The MIT Press. 1989.

61. Dewey D. *Reconstruction in Philosophy*. Boston: Beacon Press, 1957.
62. Dewey J. *Essays in Experimental Logic*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press. 1916.
63. Dewey J. *Experience and Nature*. George Allen And Unwin, Limited. 1929.
64. Dewey J. Peirce's Theory of Linguistic Signs, Thought, and Meaning // *The Journal of Philosophy*, Vol. 43, No. 4. 1946. P. 85–95.
65. Dewey J. Propositions, Warranted Assertibility, and Truth // *The Journal of Philosophy*. Vol. 38. No. 7. 1941. P. 169–186.
66. Dewey J. Russell's philosophy and politics // *Russell: The Journal of the Bertrand Russell Studies*. № 11. 1973. P. 3–20.
67. Dewey J. *The Middle Works of John Dewey, 1899–1924*. Southern Illinois University Press. 2008.
68. Dewey J. Whitehead's Philosophy // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* Vol. 10. 1936. P. 170–177.
69. Dewey J., Kallen H. *The Bertrand Russell Case*. N.-Y. Viking Press. 1941.
70. Dipert R. Peirce Underestimated Place in the History of Logic: A Response to Quine // *Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries* (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995.
71. Dipert R. Peirce's Deductive Logic: Its Development, Influence, and Philosophical Significance // Ed. C. J. Misak. Cambridge University Press. 2004.
72. Dray W. *Laws and Explanation in History*. Oxford: Oxford University Press. 1957.
73. Dummett M. *The Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1993.
74. Dunham W. Bertrand Russell and Bryn Mawr // *The Mathematical Intelligencer* September 2016, Volume 38, Issue 3, P. 30–40.
75. Duran J. Russell on Pragmatism // *The Journal of the Bertrand Russell Archives*. № 14. 1994. P. 31–37.
76. Ecco U. *Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition*. Houghton Mifflin Harcourt. 2000.
77. Eddington A.S. *The Nature of the Physical World*. MacMillan. 1928.
78. Eisele C. *Studies in the Scientific and Mathematical Philosophy of C. S. Peirce*. The Hague. Mouton. 1979.
79. Elliott W. Y. Mussolini, Prophet of the Pragmatic Era in Politics // *Political Science Quarterly*, Vol. 41, No. 2. 1926. P. 161–192
80. Feigl H. The “mental” and the “physical” // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1958. Vol. 2.
81. Feyerabend P. Mental Events and the Brain // *Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60, №. 11.
82. Feigl H., Sellars W. (Eds.) *Readings in Philosophical Analysis*. New York : Appleton-Century-Crofts. 1949.
83. Feigl H., Sellars W., Lehrer K. (Eds.) *New Readings in Philosophical Analysis*, K. Lehrer. New York: Appleton-Century-Crofts, 1972.
84. Fisch M., Turquette A. Peirce's Triadic Logic // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1966. Vol. 2, №. 2. P. 71–85.

85. Follesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? // Glock H.-J. (Ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers. 1997.
86. Fott D. *John Dewey: America's Philosopher of Democracy*, Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield. 1998.
87. Frege G. *Posthumous Writings*. (trans. Long and White, ed. Hermes, Kambartel, and Kaulbach). Oxford: Basil Blackwell. 1979.
88. Frege G. Sense and reference // *The Philosophical Review*. 1948. Vol. 57. №3. P. 209–230.
89. Frege G. *Über Sinn und Bedeutung* // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. N. F., Bd. 100/1. 1892. S. 25–50;
90. Glock H.-J. (Ed.) *The Rise of Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers. 1997.
91. Glock H.-J. *A Wittgenstein Dictionary*. Oxford: Wiley-Blackwell. 1996.
92. Glock H.-J. Analytic Philosophy and History: A Mismatch? // *Mind, New Series*. № 117, no. 468. 2008. P. 867–897.
93. Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge. 2008.
94. Glock H.-J. The Influence of Wittgenstein on American Philosophy / In Cheryl Misak (Ed.), *The Oxford Handbook of American Philosophy*. Oxford University Press. 2010.
95. Goodman N. *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*, Indianapolis: Bobbs-Merrill. 1968.
96. Goodman N. On Likeness of Meaning // *Analysis*. Vol. 10. No. 1. 1949. P. 1–7.
97. Grice H.P., Strawson P.F. In defense of a dogma. *Philosophical Review*. 1956. № 65 (2). P. 141–158.
98. Griffin G. Bertrand Russell and Harold Joachim // *Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies*. N.S. 27. 2007–2008. P. 220–244.
99. Griffin N. The Tiergarten Programme // *The Journal of Bertrand Russell Studies*. 1988. Vol. 8. P. 19–34.
100. Gross N. *Richard Rorty. The Making of an American Philosopher*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2008.
101. Haack S. Vulgar Rortyism // *New Criterion*. 1997. URL: newcriterion.com/articles.cfm/rortyism-haack-3261
102. Haack S. The Two Faces of Quine's Naturalism // *Synthese* 94, no. 3. 1993. P. 335–356.
103. Hacker P. M. S. *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Oxford University Press. 2004.
104. Hacker P.M.S. Passing by the Naturalistic Turn: On Quine's Cul-de-Sac // *Philosophy*. 2006. 81(2). P. 231–253.
105. Hacker P.M.S. Scott Soames's "History of Analytic Philosophy" // *The Philosophical Quarterly*. № 56. 2006. P. 121–131.
106. Hanna R. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Clarendon Press, 2004.

107. Hardwick C.S., Cook J. (Ed.) *Semiotic and Signifies: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington: Indiana University Press, 1977.
108. Harman G. *Quine on Meaning and Existence, I. The Death of Meaning // The Review of Metaphysics*, Vol. 21, No. 1. 1967. P. 124–151.
109. Harman G. *The inference to the best explanation // Philosophical Review*. 1965. Vol.74. P. 88–95.
110. Hartmann J. *Dewey and Rorty: Pragmatism and Postmodernism / SIUC*, 2003, mypage/siu.edu/hartmajr/papers.html
111. Heijenoort J. V. (Ed.) *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. Harvard University Press. 1967.
112. Heijenoort J. van. *Logic as calculus and logic as language // Synthese*. 1967. Vol. 17.
113. Hendley B.P. *Dewey, Russell, Whitehead: Philosophers as Educators*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois. U.P. 1986.
114. Hickman L.A., Alexander T.A. (eds.) *The Essential Dewey. Volume 1. Pragmatism, Education, Democracy*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998.
115. Hilpinen R. *Peirce's Logic // Handbook of the History of Logic (Volume 3: The Rise of Modern Logic: From Leibniz to Frege)*, Dov M. Gabbay and John Woods (eds.), Amsterdam: Elsevier. 2004.
116. Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1997.
117. Hintikka J. *The Place of C.S. Peirce in the History of Logical Theory // Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator. Volume 2 of the series Jaakko Hintikka Selected Papers*. Springer Netherlands. 1997.
118. Hintikka J. *What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology // Transactions of the Charles Peirce Society*. Summer, 1998, Vol. XXXIV, No. 3. P. 503–533.
119. Hintikka J., Remes U. *The Method of Analysis Its Geometrical Origin and Its General Significance*. Boston: Reidel. 1974.
120. Honnfelder L. *Scientia transcendens. Die formale Bestimmung der Seiendheit und Realität in der Metaphysik des Mittelalters und der Neuzeit (Duns Scotus, Suárez, Wolff, Kant, Peirce)*. Meiner, Hamburg, 1990.
121. Hookway C. *Modest sceptical arguments and sceptical doubts: A reply to Stroud / in R. Stern (Ed.), Transcendental arguments: problems and prospects*, Oxford: Oxford University Press, 1999.
122. Hookway C. *Truth, Rationality and Pragmatism: Themes from Peirce*. Oxford University Press, 2000.
123. Howat A. *Regulative Assumptions, Hinge Propositions and the Peircean Conception of Truth // Erkenntnis*. 2013. № 78 (2). P. 451–468.
124. Husserl E. *Husserliana. Gesammelte Werke. Band 1. Edmund Husserl, Stephan Strasser-Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*. Springer. 1973.

125. Isaacson D. Quine and Logical Positivism // Roger F. Gibson Jr. The Cambridge Companion to Quine. Cambridge University Press. 2006. P. 234–235.
126. Jackson F. Armchair Metaphysics Revisited. // The Cambridge Companion to Philosophical Methodology. Edited by Giuseppina D'Oro, Søren Overgaard. 2017. P. 122–140.
127. Jackson R. Are There Analytic Propositions? // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series, Vol. 39 (1938–1939), P. 185–206.
128. Jacoby R. Intellectuals and Their Discontents // Hedgehog Review. Vol. 2, No. 3. 2000. P. 36–52.
129. James W. A Pluralistic Universe. New York [etc.] Longmans, Green, and co. 1909. P. 68–81, 211–212.
130. James W. Does “consciousness” exist? // Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods. 1904. №1 (18). P.477–491.
131. James W. Mr. Bradley on Immediate Resemblance // Mind. New Series. 1893. Vol. 2. №. 6. P. 208–210.
132. James W. Myers G.E. (Ed.) William James: Writings 1878–1899. Library of America. 1992.
133. James W. Myers G.E. (Ed.) William James: Writings 1902–1910. Library of America. 1988.
134. James W. Some Problems of Philosophy: A Beginning of an Introduction to Philosophy. New York: Longmans, Green. 1916.
135. James W. The meaning of truth: a sequel to “Pragmatism”. London Longmans, Green. 1909.
136. James W. The Sentiment of Rationality // Mind. 1879. Vol. 4. № 15.
137. James W. The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy. New York: Dover Publications, 1956.
138. James W. Will to Believe. New York; London: Longmans, Green, & Co. 1910.
139. Joachim H. A Reply to Mr. Moore // Mind. 1907. XVI (63). P. 410–415.
140. Joachim H. The Nature of Truth. Oxford: Clarendon Press, 1906.
141. Kane R. The Modal Ontological Argument // Mind. New Series, Vol. 93, No. 371. 1984. P. 336–350.
142. Katz J. Where Things Stand Now with the Analytical/Synthetic Distinction // Synthese. 28. No. 3/4. 1974. P. 283–319.
143. Ketner K.L. (Ed.) Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries. N.-Y.: Fordham University Press. 1995.
144. Keynes N.J. Studies and Exercises In Formal Logic. Macmillan and Company Limited. 1900.
145. Kim J. Making Sense of Emergence // Philosophical Studies. 1999. Vol. 95. P. 3–36.
146. Kitcher P. Preludes to Pragmatism. Towards a Reconstruction of Philosophy. New York: Oxford University Press, 2012.
147. Kloppenberg J.T. Pragmatism: An Old Name for Some New ways of thinking // The Journal of American History, Vol. 83. No.1 1996. P. 100–138.

148. Knobe, Joshua & Nichols, Shaun. An experimental philosophy manifesto. In Joshua Knobe & Shaun Nichols (eds.), *Experimental Philosophy*. Oxford University Press. 2007. P. 3–14.
149. Kripke S. *Naming and Necessity*. Oxford: Basil Blackwell. 1990.
150. Kuklick B. *A History of Philosophy in America, 1720–2000*. Oxford University Press. 2002.
151. Künn W. *Conceptions of Truth*. Oxford: Clarendon Press. 2003.
152. Künne W. Analyticity and Logical Truth from Bolzano to Quine / In *The Austrian Contribution to Analytic Philosophy*, Textor, M. (ed), London, Routledge. 2006.
153. Kusch M. *Language as calculus vs. language as universal medium: a study in Husserl, Heidegger, and Gadamer*. Dordrecht. 1989.
154. Langford C.H. There Analytic Propositions? by Reginald Jackson Review // *The Journal of Symbolic Logic*, Vol. 6, No. 2. 1941. P. 68.
155. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman. 1983.
156. Leiter B. Introduction. *The Future of Philosophy*. / In *The Future of Philosophy*. (Ed.) Leiter B. Oxford: Clarendon Press. 2006.
157. Lenzen V.F. Peirce, Russell, and Achilles // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1974. Vol.10. №1. P. 3–7.
158. Levi I. Beware of Syllogism: Statistical Reasoning and Conjecturing According to Peirce // *Cambridge Companion to Peirce*. / Ed. C. J. Misak. Cambridge University Press. 2004. P. 257–285.
159. Lewis C.I. A Pragmatic Conception of the A Priori // *The Journal of Philosophy*. 20. P. 169–77.
160. Lewis C.I. *A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley. University of California Press. 1918.
161. Lewis C.I. *An Analysis of Knowledge And Valuation*. The Open Court Publishing Company. La salle, Illinois. 1946.
162. Lewis C.I. Experience and Meaning // *The Philosophical Review*. Vol. 43. No. 2. 1934. P. 125–146.
163. Lewis C.I. Implication and the algebra of logic // *Mind* 21 (84). 1912. P. 522–531.
164. Lewis C.I. Implication and the algebra of logic // *Mind*. 21(84). 1912.
165. Lewis C.I. *Logical Positivism and Pragmatism* // *Collected Papers of Clarence Irving Lewis*, edited by John D. Goheen and John L. Mothershead, Jr., Stanford: Stanford University Press, 1970.
166. Lewis C.I. *Mind and the World Order: Outline of a Theory of Knowledge*. New York: Charles Scribners. Reprinted by Dover Publications, New York. 1956.
167. Lewis C.I. Professor Chisholm and Empiricism // *The Journal of Philosophy*. 45. 1948. P. 517–524.
168. Lewis C.I. The calculus of strict implication // *Mind* 1914. 23(90). P.240–247.
169. Lewis C.I. The Modes of Meaning // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 4. No. 2. 1943. P. 236–250.

170. Limbeck-Lilienau C. Carnap's Encounter with Pragmatism // Vienna Circle Institute Yearbook. 2012. 16. P. 89–111.
171. Locke J. An Essay concerning Human Understanding. Oxford: Oxford University Press. 2008.
172. Locke J., Phemister P. (Editor). An Essay concerning Human Understanding. Oxford : Oxford University Press, 2008.
173. Lourié B. Philosophy of Dionysius the Areopagite: An Approach to the Intensional Semantics // Eds. Nutsubidze T., Horn C.B, Lourié B., with the collaboration of A. Ostrovsky. Georgian Christian Thought and Its Cultural Context Memorial Volume for the 125th Anniversary of Shalva Nutsubidze (1888–1969). 2014. P. P. 81–127.
174. Lucas G.R., Jr. The Rehabilitation of Whitehead. State University of New York Press, Albany. 1989.
175. Mackie J.L. Problems from Locke. Oxford: Clarendon Press, 2005.
176. Manzano M., Sain I., Alonso E. (Eds.) Life and Work of Leon Henkin: Essays on His Contributions.
177. Marsoobian A., Ryder J. The Blackwell guide to American philosophy. Blackwell Publishing Ltd. 2004.
178. Martin J. The Education of John Dewey. Columbia University Press. 2003.
179. Martinich A. P., Sosa D. (Eds.) Analytic Philosophy: An Anthology. Oxford: Blackwell, 2001.
180. McCauley R. (Ed.), Churchland P.M. (auth.) Churchland P.S. (auth.), etc. The Churchlands and Their Critics (Philosophers and Their Critics). Blackwell Publishers. 1996.
181. McGuinness B. (Ed.) Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951 [4 ed.]. Wiley-Blackwell. 2008.
182. Mckenney J.L. Dewey and Russell: Fraternal twins in philosophy // Educational Theory. 9 (1). 1959. P. 24–30.
183. McLendon H.J. The Philosopher among Philosophers // Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives. Vol. 34. 2014. P. 5–34.
184. Menand L. The Metaphysical Club. Ferrar, Straus and Giroux. N.Y. 2001.
185. Metz R. A Hundred Years Of British Philosophy. George Allen And Unwin Limited. 1938.
186. Meyer R.K. Improved decision procedures for pure relevant logics // Logic, Meaning and Computation: Essays in Memory of Alonzo Church. C. Anthony Anderson, Michael Zelény. Springer. 2001. P. 191–219.
187. Mill J.S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books I–III) // The Collected Works of John Stuart Mill, Volume VII / Ed. by J.M. Robson, Introduction by R.F. McRae. Toronto: University of Toronto Press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1974.
188. Misak C. Cambridge Pragmatism: From Peirce and James to Ramsey and Wittgenstein. Oxford University Press. 2016.

189. Misak C. Pragmatism and Analytic Philosophy // *Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy* (ed. Beaney M.). Oxford University Press. 2013. P. 2170–2208.
190. Misak C. Presidential Address: American Pragmatism and Indispensability Arguments. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 2011. № 47 (3). P. 261–273.
191. Misak C. *The American Pragmatists*. Oxford University Press, 2013.
192. Misak C. *Truth and the End of Inquiry: A Peircean Account of Truth*. Oxford University Press, 1991.
193. Misak C. *Verificationism: Its History and Prospects* Routledge, 1995.
194. Misak C. *Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation*. Routledge, 2000.
195. Moat R. *Derrida/Searle: Deconstruction and Ordinary Language*. Columbia University Press, 2014.
196. Monk R. *Bertrand Russell. The Ghost of Madness. 1921–1970*. The Free Press, 2001.
197. Monk R. *Bertrand Russell: The Spirit of Solitude, 1872–1921*. The Free Press. New York. London, 1996.
198. Monk R. Life without theory: biography as an exemplar of philosophical understanding // *Poetics Today*. № 28(3). 2007. P.527–570.
199. Monk R., Palmer A. (Eds.) *Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy*. St. Augustine's Press, 1998.
200. Moore G.E. “The Origin of The Knowledge of Right and Wrong”. By Franz Brentano // *International Journal of Ethics*. №14(1),1903. P.115–123.
201. Moore G.E. *A Reply to My Critics / The Philosophy of G.E. Moore*, ed. P.A. Schilpp. Evanston: Northwestern University Press, 1942.
202. Moore G.E. *An Autobiography // The Philosophy of G.E. Moore*. The Library of Living Philosophers. Schilpp P.A. (Ed.). Evanston and Chicago. Northwestern University. 1942, P.1–41.
203. Moore G.E. External and Internal Relations // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1919–1920. № 20.
204. Moore G.E. In What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist // *Mind*. 1897. Volume VI Issue 2, P.235–240.
205. Moore G.E. Is Existence a Predicate? // *Aristotelian Society Supplementary volume*. 15. 1936, P.154–188.
206. Moore G.E. Mr. Joachim's nature of truth // *Mind*. XVI (62).1907. P.229–235.
207. Moore G.E. Necessity // *Mind*. 9. 35. 1900. P. 289–304.
208. Moore G.E. Professor James’ «Pragmatism» // *Proceedings of the Aristotelian Society*. New Series. 1907–1908. Vol. 8. P. 33–77.
209. Moore G.E. *Some Main Problems of Philosophy*. London, New York: George Allen & Unwin Ltd., The Macmillan Company, 1953.
210. Moore G.E. The Nature of Judgement // *Mind*. 1899. Vol VIII. № 2.
211. Moore G.E. The Refutation of Idealism // *Mind*. 1903. №12 (48). P.433–453.

212. Morgan L.C. Emergent Evolution. London: Williams And Norgate. 1927.
213. Morris Ch. Signs about signs about signs // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. № 9(1). P. 115–133.
214. Morris M. Routledge Philosophy GuideBook to Wittgenstein and the Tractatus Logico-Philosophicus. London. Routledge. 2008.
215. Murphey M. The Development of Quine's Philosophy. Dordrecht: Springer, 2012.
216. Murphey M.G., Flower E. A History of Philosophy in America. Vol. II. Capricorn Books. New York. G. P. Putnam's Sons. 1977.
217. Murray D. L. New books // Mind. 1911. Vol. XX. № 79. P.437.
218. Nagel T. Concealment and Exposure and Other Essays. New York: Oxford University Press. 2002.
219. Normore C. The Methodology of the History of Philosophy // The Oxford Handbook of Philosophical Methodology. Cappelen H., Gendler T.S., Hawthorne J. (Eds.). Oxford: Oxford University Press. 2016.
220. Nubiola J. Peirce and Whitehead // Handbook of Whiteheadian Process Thought. M. Weber (ed.). Ontos Verlag, Frankfurt, 2008, Vol. 2, P. 481–487.
221. Ogden C.K., Richards I.S. The Meaning of Meaning. N.-Y. A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc. 1946.
222. Ott W.R. Locke's Philosophy of Language. N. Y: Cambridge University Press, 2003.
223. Pap A. Elements of Analytic Philosophy, New York: Macmillan, 1949.
224. Pap A. Semantics and Necessary Truth: An Inquiry Into the Foundations of Analytic Philosophy. New Haven: Yale University Press, 1958.
225. Pap A. The Different Kinds of A priori // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5.
226. Pape H. Peirce and Russell on Proper Names // Transactions of the Charles Peirce Society. 1982. Vol. 18. P. 339–348.
227. Pears D. Russell's 1913 Theory of Knowledge Manuscript / In Rereading Russell: Essay on Bertrand Russell's Metaphysics and Epistemology. Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Volume XII, eds. C. Wade Savage and C. Anthony Anderson. University of Minnesota Press. 1989. P. 169–182.
228. Peeters B. Introduction / Peeters B. Derrida. A Biography. Polity Press. 2013. P. 1–13.
229. Peirce B. Linear Associative Algebra // American Journal of Mathematics. 1881.Vol. 4, No. 1. P. 97–229.
230. Peirce C.S Eisele C. (Eds) The New Elements of Mathematics. Vols. i–iv. Ed. Carolyn Eisele. The Hague: Mouton Publishers, 1976.
231. Peirce C.S. (Ed.) Studies in Logic. Boston: Little, Brown, and Company, 1883.
232. Peirce C.S. A Neglected Argument for the Reality of God // Hibbert Journal. Vol. 7. 1908. P. 90–112.
233. Peirce C.S. Augustus De Morgan // Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition. Volume 2. 1867–1871. Indiana University Press. 1984. P.448–451.

234. Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, 8 vols. Edited by Charles Hartshorne, Paul Weiss, and Arthur W. Burks. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1931–1958.
235. Peirce C.S. Lieb I.C. (Ed.) *Charles S. Peirce's letters to Lady Welby*. Whitlock's Inc. 1953.
236. Peirce C.S. *On the Algebra of Logic: A Contribution to Philosophy of notation* // *American Journal of Mathematics*. 1885. Vol. 7. № 2.
237. Peirce C.S. *On the logic of number* // *The American Journal of Mathematics*. 1881. Vol. 4, No. 1, P. 85–95.
238. Peirce C.S. *The New Elements of Mathematics Vol. III/1.. The Haugeu*: Paris, Moouton. 1976.
239. Peirce C.S. *Writings of Charles S. Peirce: a Chronological Edition*, Volume I 1857–1866, Volume II 1867–1871, Volume III 1872–1878, Volume IV 1879–1884, Volume V 1884–1886, Volume VI 1886–1890, Volume VIII 1890–1892. Edited by the Peirce Edition Project. Indiana University Press, Bloomington, Indiana, 1982, 1984, 1986, 1989, 1993, 2000, 2010.
240. Peirce C.S., Moore G.E., Baldwin J. *Truth and Falsity (1) and Error (2)* // Baldwin J. M. (Ed.) *Dictionary of philosophy and psychology; including many of the principal conceptions of ethics, logic, aesthetics, philosophy of religion, mental pathology, anthropology, biology, neurology, physiology, economics, political and social philosophy, philology, physical science, and education; and giving a terminology in English, French, German, and Italian*. Vol. 2. New York: Macmillan. 1902. P. 716–720.
241. Perry R. *Present philosophical tendencies: a critical survey of naturalism, idealism, pragmatism and realism, together with a synopsis of the philosophy of William James*. New York: Longmans, Green. 1921.
242. Pietarinen A.-V. *Christine Ladd-Franklin's and Victoria Welby's Correspondence with Charles Peirce* // *Semiotica* 196, P.139–161.
243. Pietarinen A.-V. *Existential Graphs: What the Diagrammatic Logic of Cognition Might Look Like* // *History and Philosophy of Logic*. 2011. № 32(3). P. 265–281.
244. Pratt S.L. *Inquiry and Analysis: Dewey and Russell on Philosophy* // *Studies in Philosophy and Education*. №17. 1998. P. 101–122.
245. Prinz J. *The Emotional Construction of Morals*. Oxford: Oxford University Press. 2007.
246. Prior A.N. *Peirce's Axioms for Propositional Calculus* // *Journal of Symbolic Logic*. 1958. Vol 23. № 2. P.135–136.
247. Putnam H. *A Comparison of Something with Something Else* // *World and Life*. Camb., 1994.
248. Putnam H. *A Half Century of Philosophy / Daedalus*. Vol. 126, No. 1. *American Academic Culture in Transformation: Fifty Years, Four Disciplines*. Winter. 1997. P. 175–20;
249. Putnam H. *Meaning and Reference* // *The Journal of Philosophy*. 70, no. 19. 1973. P. 699–711.

250. Putnam H. Peirce the Logician // Realism with a Human Face. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1992.
251. Putnam H. Peirce's Continuum // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995. P. 1–22.
252. Putnam H. The Analytic and the Synthetic // Putnam H. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 1975. P. 33–69;
253. Putnam H. The meaning of 'meaning' // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1975. 7:P. 131–193;
254. Quine W.V.O. Logical Correspondence with Russell // Russell. 8(1):225. 1988.
255. Quine W.V.O. Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review Vol. 60, No. 1. 1951. P. 20–43.
256. Quine W.V.O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. Vol. 65. No. 7. 1968.
257. Quine W.V.O. Peirce's Logic // Peirce and Contemporary Thought: Philosophical Inquiries (Ed. Kenneth Laine Ketner). N.-Y. Fordham University Press. 1995.
258. Quine W.V.O. Progress on two fronts // Journal of Philosophy. 1996. 93(4).
259. Quine W.V.O. Reply to Herbert G. Bohnert / The Philosophy of W.V. Quine. (The Library of Living Philosophers. Volume XVIII). Hahn L.E., Schilpp P.A. La Salle, Illinois: Open Court. 1986.
260. Quine W.V.O. The Roots of Reference (Paul Carus Lectures, Series 14. 1990. La Salle, Illinois: Open Court.
261. Quine W.V.O. Word and Object. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 2013.
262. Quinton A. The "A Priori" and the Analytic // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 64. 1963–1964. P.31–54.
263. Rajchman J., West C. (Eds). Post-Analytic Philosophy. N.-Y.: Columbia University Press. 1985.
264. Ramsey F. P. (auth.), Rescher N., Majer U. (eds.) On Truth: Original Manuscript Materials (1927–1929) from the Ramsey Collection at the University of Pittsburgh. Springer: Netherlands. 1991.
265. Reck E. (Ed.) The Historical Turn in Analytic Philosophy. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013.
266. Reed D. The Origins of Analytic Philosophy: Kant and Frege. Continuum. 2007.
267. Rescher N. Peirce's Philosophy of Science: Critical Studies in his Theory of Induction and Scientific Method London: Notre Dame. 1978.
268. Richards J.L. Bertrand Russell's "Essay on the Foundation of geometry" the Cambridge mathematical tradition // The Journal of Bertrand Russell Studies. 1988. Vol. 8.
269. Robert H. Kant and kantian themes in recent analytic philosophy // Metaphilosophy. 2013. Vol. 44. P. 42–47.

270. Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics. Nashville: Vanderbilt University Press, 1995.
271. Rorty R. (Ed.) The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. With two Retrospective Essays. Chicago and London: University of Chicago Press. 1992.
272. Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
273. Rorty R. Democracy and Philosophy // *Kritika & Kontext*. № 33. 2007. P. 135–139.
274. Rorty R. In Defense of Eliminative Materialism // *Review of Metaphysics* 24, No. 1 1970.
275. Rorty R. Mind-Body Identity, Privacy, and Categories // *Review of Metaphysics*. 1965. № 19.
276. Rorty R. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
277. Rorty R. Philosophy and social hope. London: Penguin books, 1999.
278. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979.
279. Rorty R. Philosophy in America Today // *The American Scholar*. Vol. 51, No. 2. 1982. P. 190
280. Rorty R. Pragmatism, Categories and Language // *Philosophical Review* 70, №2. 1961. P. 197–223.
281. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres / In Rorty R., Schneewind J. B., Skinner Q. (Eds.) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 49–75.
282. Rorty R. Who Are We? Moral Universalism and Economic Triage // *Diogenes* 44/173. 1996. P. 5–15.
283. Rorty R., Puckett K., Nystrom D. *Against Bosses, Against Oligarchies*. A Conversation with Richard Rorty. Chicago: Prickly Paradigm Press. 2002.
284. Rosenthal S.B. C. I. Lewis in Focus. *The Pulse of Pragmatism*. Indiana University Press. 2007.
285. Rudner R. The Ontological Status of the Esthetic Object // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1950. № 10 (3). P. 380–388.
286. Russell B. *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. New York: Simon and Schucter. 1967.
287. Russell B. *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day* New York: Simon and Schuster. 1945.
288. Russell B. *An Essay on the Foundations of Geometry*. Cambridge: Cambridge University Press. 1897.
289. Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*. New York: W. W. Norton & Company. 1940.
290. Russell B. Definitions and methodological principles in theory of Knowledge // *The Monist*. №24(4). 1914. P. 582–593.

291. Russell B. Dewey's "Essays in Experimental Logic" // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. Vol.16. No. 1. 1919. P. 5–26.
292. Russell B. Dewey's New Logic // The Basic Writings of Bertrand Russell. London and New York. Routledge. 2009.
293. Russell B. Dewey's New Logic // The Philosophy of John Dewey (Library of Living Philosophers Volume I), Paul Schilpp (Ed.). Open Court; 3rd Revised ed. edition. 1999. P.135–156.
294. Russell B. Human Knowledge Its Scope and Limits. Taylor & Francis. Routledge. 2009.
295. Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910–11. № 11. P. 108–128.
296. Russell B. My Philosophical Development. London and New York: Routledge. 1995.
297. Russell B. On denoting // Mind. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 483.
298. Russell B. On Propositions: What They Are and How They Mean // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes 2. 1919. P. 1–43.
299. Russell B. On The Nature of Acquaintance. II. Neutral monism // The Monist. №24(2).1914. P. 161–187;
300. Russell B. On The Nature of Acquaintance. III. Analysis of experience // The Monist. №24(3).1914. P.435–453;
301. Russell B. On The Nature of Acquaintance. Preliminary description of experience // The Monist. № 24(1). No.1. 1914. P. 1–16;
302. Russell B. On the Nature of Truth // Proceedings of the Aristotelian Society New Series, Vol. 7. 1906–1907. P. 28–49;
303. Russell B. Pragmatism // Edinburgh Review. № 209. 1909 P. 363—388.
304. Russell B. The A Priori in Geometry // The Proceedings of the Aristotelian Society. 3, No. 2. 1895–1896. P.97–112.
305. Russell B. The Analysis of Mind. London: George Allen And Unwin Limited. 1922.
306. Russell B. The nature of truth // Mind. 1906. XV (60). P. 528–533;
307. Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. Routledge. 2010.
308. Russell B. The Principles of Mathematics. 2e ed. N.Y. W.W. Norton & Company. 1938.
309. Russell B. The Principles of Mathematics. Cambridge: at the University Press. 1903.
310. Russell B. Theory of Implication // American Journal of Mathematics. 1906. Vol. 28. №. 2.
311. Russell B. Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript. London and New York. Routledge. 1992.
312. Russell B. Whitehead and Principia Mathematica // Mind. 1948. Vol. LVII. № 226.
313. Russell B. Why I Am Not A Christian and Other Essays on Religion and Related Subjects. London and New York: Routledge. 2004.

314. Russell B. William James's conception of truth // *Philosophical essays*. London; New York : Longmans, Green. 1910. P. 127–149.
315. Russell B. *Wisdom of the West*. New York. Garden City. Doubleday. 1959.
316. Russell B., Whitehead A. *Principia Mathematica*. Vol.1. Cambridge: in University Press. 1963.
317. Ryder J. *Interpreting America: Russian and Soviet Studies of the History of American Thought*. Nashville; L.: Vanderbilt University Press, 1999.
318. Ryle G. (Ed.) *The Revolution in Philosophy*. London: Macmillan. 1956.
319. Ryle G. "Sein und Zeit". By Martin Heidegger // *Mind*. XXXVIII (151). 1929. P. 355–370.
320. Ryle G. *The Concept of Mind*. N.-Y. Routledge. 2009.
321. Santayana S. *The Genteel Tradition in American Philosophy*. / in Santayana S. *The Genteel Tradition: Nine Essays by George Santayana*. Edited by Douglas L. Wilson. Cambridge: Harvard University Press. 1967.
322. Schelling F.W.J. *Historical-critical Introduction to Philosophy of Mythology* (Translated by Richey M. and Zisselsberger M.) Albany: SUNY Press. 2008.
323. Schiller F.C.S. *Humanism: Philosophical Essays*. MacMillan, 1903.
324. Schiller F.C.S. *Our human truths*. Columbia University Press. 1939.
325. Schiller F.C.S. *Plato Or Protagoras? Being a Critical Examination of the Protagoras Speech in the Theætetus with Some Remarks Upon Error*. B. H. Blackwell, 1908.
326. Schilpp P. (Ed.) *The Philosophy of Albert North Whitehead*. Chicago: Open Court, 1941.
327. Schilpp P. *The Philosophy of Bertrand Russell* (Library of Living Philosophers). New York: Tudor, 1951.
328. Schlick M. *Meaning and Verification* // *The Philosophical Review*. Vol. 45. No. 4. 1936. P. 339–369.
329. Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. New York: Cambridge University Press. 1983.
330. Searle J. *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book, The MIT Press. 2002.
331. Seibert C. Charles Peirce's Reading of Richard Whately's *Elements of Logic* // *History and Philosophy of Logic*. № 26 (1). P. 1–32.
332. Seibert C. Peirce's childhood laboratory // *Peirce Project Newsletter*. 2000. Vol. 3, No. 2, Fall. P. 9–11.
333. Sellars R.W. An analytic approach to the mind-body problem // *The Philosophical Review*. 1938. Vol. 47, No.5. P. 461–487.
334. Sellars R.W. Some Questions and Suggestions: An Expostulation // *The Journal of Philosophy*. 1969. Vol. 66, №. 24. P. 849–860.
335. Sellars R.W., Warren P. (ed.) *Principles of Emergent Realism: Essays by Roy Wood Sellars*. St. Louis: Warren H. Green, 1970.
336. Sellars W. *Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1997.

337. Sellars W. Is there a synthetic a priori? // *Philosophy of Science*. 1953. 20(2). P.121–138.
338. Shaffer J. Mental Events and the Brain // *The Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60. №. 6. P. 160–166.
339. Sheffer H.M. A Set of Five Independent Postulates for Boolean Algebras, with Application to Logical Constants // *Transactions of the American Mathematical Society*. 1913. Vol. 14, No. 4. P. 481–488.
340. Shieh S. Modality // *The Oxford Handbook of The History of Analytic Philosophy*. (Ed.) Beaney M. Oxford University Press. 2015. P. 1043–1082.
341. Shields G.W. (Ed.) *Process and Analysis: Whitehead, Hartshorne, and the Analytic Tradition*. Albany: State University of New York Press. 2003.
342. Shoemaker S. Qualities and Qualia: What's in the Mind? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1990. Vol. 50. P. 109–131.
343. Shook J. *Pragmatism: An Annotated Bibliography, 1898–1940*. Amsterdam-Arlanta, GA: Rodopi. 1998.
344. Simon L. *Genuine Reality: A Life of William James*. 1998.
345. Smart J.J.C. Sensations and Brain Processes // *The Philosophical Review*. 1959. Vol. 68, N 2. P. 141–156.
346. Smith B. *Austrian Philosophy. The Legacy of Franz Brentano* Open Court Publishing Company Chicago and LaSalle, Illinois. 1994.
347. Soames S. *Analytic Philosophy in America and Other Historical and Contemporary Essays*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2014.
348. Soames S. Hacker's Complaint // *Philosophical Quarterly*. № 56 (224). 2006, P. 426–435.
349. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 2. *The Age of Meaning*. Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2003.
350. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1. *The Dawn of Analysis*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.
351. Sorell T., Rogers R. (Eds.) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. 2005.
352. Sperber D., Wilson D. Pragmatics / In Jackson F. and Smith M. (eds.) *Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. P. 468–501.
353. Sperry R.W. Mind-brain interaction: Mentalism, yes; dualism, no // *Neuroscience*. 1980. Vol. 5. № 2. P. 195–206.
354. Spiegelberg H. Husserl's and Peirce's phenomenologies: Coincidence or interaction // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1956. №17 (2). P. 164–185.
355. Sprigge T. James, aboutness, and his British critics // *The Cambridge Companion to William James* (Ed. Putnam R.A.). Cambridge: Cambridge University Press. 1997.
356. Stengers I. *Thinking with Whitehead: a free and wild creation of concepts*. Harvard University Press. 2011.
357. Stenius E. Review: Wittgenstein and Ogden // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 25, No.98 1975. P. 62–68.

358. Stern R. Peirce on Hegel: nominalist or realist? // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2005. Vol. 41. №1. P. 65–99.
359. Stevenson C. On “What Is a Poem?” // The Philosophical Review. 1957. № 66 (3). P. 329–362; Strawson P. Individuals. Routledge. 1990. P. 233–234.
360. Stevenson M. D. “My personal ruin passes unnoticed”: Russell, Harvard, and the 1940 William James lectureship // Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies. № 36. 2016. P. 45–64.
361. Strawson P.F. Aesthetic Appraisal and Works of Art / In P. F. Strawson. Freedom and Resentment. London: Methuen, 1974. P. 178–188.
362. Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. Columbia University Press. New York. 2000.
363. Strong C.A. Has Mr. Moore refuted idealism? // Mind. 1905. Vol. 14. № 54. P.174–189.
364. Sturt H.C. (Ed.) Personal idealism: philosophical essays by eight members of the University of Oxford. London, Macmillan and Co., Lim. 1902.
365. Talisse R. A Pragmatist Philosophy of Democracy. London: Routledge. 2007.
366. Tarski A. On the Calculus of Relations // The Journal of Symbolic Logic. 1941. Vol. 6. №. 3.
367. Taylor A.E. Truth and consequences // Mind. 1906. XV (57). P. 81–93.
368. Thayer H.S. Review // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1995. Vol. 31. №. 1.
369. Tomas V. Can we know the Contents of C. I. Lewis's Mind? // Philosophy and Phenomenological Research. 1951. Vol. 11. №. 4. P. 541–548.
370. Tully R.E. Russell’s Neutral Monism // in Nicholas Griffin (ed.), The Cambridge Companion to Bertrand Russell, Cambridge: Cambridge University Press. 2003. P. 332–370.
371. Valentine A. Bazhanov C. S. Peirce's influence on the logical work of N. A. Vasiliev //Modern Logic. 1992. Vol. 3. № 1. P. 45–51.
372. Venn J. Critical Notices // Mind. 1883. Vol.VIII. № 32. P. 594–603.
373. Walsh W. H. Analytic/Synthetic Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 54. 1953–1954. P. 77–96.
374. Warren P. Experimentalism Plus // Philosophy and Phenomenological Research. 1972. Vol. 33. No. 2. P. 149–162.
375. White M. (Ed.) The Age of Analysis: 20th Century Philosophers, Boston: Houghton Mifflin, 1955.
376. White M. A Philosopher's Story. Penn State University Press. 1999.
377. White M. A philosophical letter of Alfred Tarski // Journal of Philosophy. 1987. 84. P. 28–32.
378. White M. The Analytic and Synthetic: an Untenable Dualism / In Hook S. (Ed.) John Dewey: Philosopher of Science and Freedom. A Symposium. N.-Y.: The Dial Press. 1950. P. 316–330.
379. White M. The Origin of Dewey's Instrumentalism. Columbia University Press. 1943.

380. White M. The Question of Free Will. A Holistic view. Princeton: Princeton University Press, 1993.
381. White M. Toward Reunion in Philosophy. Harvard University Press. 1956.
382. White M. Value and obligation in Dewey and Lewis // Philosophical Review. 1949. 58(4). P.321–329.
383. White N.P. Prof. Shoemaker and So-Called 'Qualia' of Experience // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 1985. Vol. 47. №. 3. P. 369–383.
384. Whitehead A.N. A Treatise on Universal Algebra with Applications. Cambridge: The University Press. 1898.
385. Whitehead A.N. Adventures of Ideas. The Free Press. 1967.
386. Whitehead A.N. Modes of Thought. New York: Free Press/Macmillan Publishing. 1968.
387. Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Corrected edition by D. R. Griffin and D. W. Sherbourne, New York: Macmillan. 1978.
388. Whitehead A.N. Science and Modern World. Pelican Mentor Book. 1948.
389. Whitehead A.N. Symbolism its Meaning and Effect. Cambridge University Press. 1958.
390. Williams D.C. Analysis, Analytic Propositions, and Real Definitions // Analysis Vol. 3, No. 5. 1936. P. 75–80.
391. Wisdom J. Moore's Technique / The Philosophy of G.E. Moore, ed. P.A. Schilpp. Evanston: Northwestern University Press. 1942.
392. Wisdom J. Problems of Mind and Matter. Cambridge: Cambridge University Press. 1934.
393. Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. 2nd edition. Oxford: Basil Blackwell. 1979.
394. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations, bilingual / Trans. G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, J. Schulte. Oxford: Blackwell, 2009.
395. Wittgenstein L. Rhees R. (Ed.) Kenny A. (Transl.) Philosophical Grammar. Part I: The Proposition, and its Sense. Part II: On Logic and Mathematic. Berkley and Los Angeles. University of California Press. 1973.
396. Woodhouse H. On a suggested contradiction in Russell's educational philosophy // Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies. 1974. P. 3–14.
397. Zaslav J. Russell and Dewey on the Problem of the Inferred World. // Russell: the Journal of Bertrand Russell Studies. № 32. 2012. P. 55–68.
398. Айер А. Язык, истина и логика. М: "Канон+". 2010.
399. Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001.
400. Аргамасова А.А. Две лжедогмы эмпиризма // Философские науки. 2013. №8. С. 125–140.
401. Аргамасова А.А. Предисловие к публикации // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 86–87.

402. Бажанов В. А. История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии). М.: “Канон+” РОИИ “Реабилитация”. 2007.
403. Бажанов В.А. Н. А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 103–113.
404. Бархатков А. И. Критика С. Маймоном теории аналитических суждений И. Канта // Кантовский сборник. 2013. №3. С. 7–15.
405. Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль. 1978.
406. Беседин А.П. Беркли как философ Просвещения // Философские науки. 2014. № 5. С. 24–34.
407. Бибикина В.В. Губернское совещание по единой трудовой школе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. №1. С.299–307.
408. Бибахин В.В. Витгенштейн. Смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
409. Бирюков Б. В. О работах Фреге по философским вопросам математики // Философские вопросы естествознания. II. 1959.
410. Блинов А. Л., Петров В. В. Д. Дэвидсон. Современная аналитическая философия в США // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 138–140.
411. Боброва А.С. Кант и Пирс: теория суждений и теория рассуждений // Кантовский сборник. 2005. Вып. 25.
412. Боброва Л.А. Эпистемология У. Куайна: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН.1997.
413. Богомолов А.С. Английская буржуазная философия XX века. М.: “Мысль”. 1973.
414. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль. 1974.
415. Богомолов А.С. Философия англо-американского неореализма. М.: Изд-во Московского университета. 1962.
416. Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги: Гнозис, 1999.
417. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. 2-е издание. ИНФРА-М. 2015.
418. Brentano Ф. Избранные работы. / Составл., перев, с нем. В. Анашвили. М.: ДОМ интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996.
419. Брутян Г. У английских аналитиков // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 136–143.
420. Ванчугов В.В. История американской философии в России: Б.В.Яковенко // Философские науки. 2009. No 6. С. 80–91.
421. Ванчугов В.В. Прагматический эпизод в биографии логика Н.А. Васильева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2012. № 3. С. 61–67.
422. Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: URSS. 2017.

423. Васильев В.В. Влияние Лейбница на философию Юма // Историко-философский ежегодник. 1993. Т. 1992. С. 16–27.
424. Васильев В.В. Есть ли будущее у систематической философии? // Философский журнал. 2009. №2 (3).
425. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция. 2009.
426. Васильев Н.А. Логика и металогика // Логос. 1912–1913. Кн. 1, 2.
427. Васильева М.Ю. Кант и Беркли: сходство или различие? // Кантовский сборник. 2009. № 1 (29). С. 30–40.
428. Васюков В.Л. Научное открытие и контекст абдукции // Философские науки. Вып. 9: Эволюция творческого мышления. М.: ИФ РАН, 2003. С. 181–203.
429. Васюков В.Л., Драгалина-Черная Е.Г., Долгоруков В.В. Logica Ludica: аспекты теоретико-игровой семантики и прагматики. СПб.: Алетейя, 2014.
430. Веретенников А.А. Модальный аргумент Крипке против теории тождества // Философия сознания: история и современность. М.: Современные тетради, 2003.
431. Виндельбанд В. История новой философии в её связи с общей культурой и отдельным науками. Т. 2: О Канта до Ницше. М.: «Гиперборея», «Кучков поле», 2007.
432. Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное: Пер. с нем. / РАН. ИНИОН. Лаб. теории и истории культуры. М.: ИНИОН, 1994.
433. Виноградов Е. Виллард Куайн: портрет аналитического философа XX века // Вопросы философии. 2002. № 3.
434. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+». 2008.
435. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы. 1958.
436. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем./ Сост., вступ. статья, примеч. М.С.Козловой. М.: Гнозис. 1994.
437. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Либроком. 2012.
438. Вригт фон Г.Х. Аналитическая философия: историко-критический обзор // Кантовский сборник. 2013. №2.
439. Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания вызовы и решения // Эпистемология и философия науки. № 44, Вып. 2. 2015. С. 5–19.
440. Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия. 2011.
441. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. Партийное издательство. 1932.
442. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики.. М.: Издательство иностранной литературы, 1947.

443. Горбатова Ю.В. Модальный аргумент Алвина Плантинги: проблема формализации и трактовка понятия существования // *Analytica*. 2010. № 4. С. 16–25.
444. Горский Д.П., Петров В.В. (ред.) *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс. 1987.
445. Грязнов А.Ф. (ред.) *Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова*. М.: Изд-во МГУ, 1993.
446. Грязнов А.Ф. (ред.) *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. Ф. Грязнова*. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
447. Грязнов А.Ф. *Аналитическая философия*. М.: Высшая школа. 2006.
448. Грязнов А.Ф. Два "Введения в философию" (англо-американский вариант) // Джеймс У. *Введение в философию*.
449. Грязнов А.Ф. *Эволюция философских взглядов Витгенштейна. Критический анализ*. М.: Изд. Моск. ун. 1985.
450. Гудстейн Р.Л. *Математическая логика*. М.: ИЛ, 1961.
451. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. М.: Академический проект. 2009.
452. Данн М. У нас всё слишком хорошо получается (перевод и подготовка А.А. Беликова, Е.В. Логинова, А.В. Мерцалова) // *Финиковый Компот*. № 10. 2016.
453. Деборин А.М. *Введение в философию диалектического материализма*. Петроград: "Жизнь и знание". 1916.
454. Декарт Р. *Сочинения в 2 т.* М.: Мысль, 1989.
455. Делёз Ж., Складка. *Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесл. В.А. Подороги. Пер. с франц. Б.М. Скуратова*. М: издательство «Логос». 1997.
456. Деннет Д. *Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л. Б. Макеевой*. М.: Идея-Пресс, 2004.
457. Джемс В. *Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии*. СПб: Изд-во "Шиповник". 1910.
458. Джемс У. *Беседы с учителями о психологии / Пер. с англ. Александра Громбаха*. М.: С. Скирмунт, 1902.
459. Джемс У. *Возможно ли общаться с умершими? (Из отчетов Лондон. о-ва для псих. исслед.): Со вступ. ст. О. Лоджа. Пер. А.И. Бобровой*. Москва: Ред. журн. "Вопр. психизма" и "Ребус", 1911.
460. Джемс У. *Вселенная с плюралистической точки зрения / Пер. с англ. Б. Осипова [Ал. Иос. Бачинского] и О. Румера; Под ред. прив.-доц. Г.Г. Шпета*. Москва: Космос. 1911.
461. Джемс У. *Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик; Под ред. С.В. Лурье*. Москва: Издание журнала "Русская мысль". 1910.
462. Джемс У. *Научные основы психологии*. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня. 1902.

463. Джемс У. О человеческом бессмертии / Пер. со 2-го англ. изд. О.А.С. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901.
464. Джемс У. Психология // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Часть XXXIX. С.-Петербург. 1896.
465. Джемс У. Стоит ли жить? Пер. с англ. Н.Н.С. М.: Книжное дело. 1898.
466. Джемс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. № 4. 1913. С. 102–127.
467. Джохадзе И.Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М.: ИФРАН, 2015.
468. Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. Из- 2-е. М.: УРСС. 2006.
469. Джохадзе И.Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон+, 2013.
470. Джохадзе И.Д. Ричард Рорти как историк философии // История философии. 2012. №17. С. 3–24.
471. Доватур А. И. Платон об Аристотеле // EINAИ: Проблемы философии и теологии. 2012. Том 1, № 1/2 (1/2). С. 359–366.
472. Драгалина-Черная Е. Г. Онтологии для Абельяра и Элоизы. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2012.
473. Драгалина-Черная Е.Г. (ред.) Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2011.
474. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.
475. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000.
476. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-пресс, 2002.
477. Дьюи Дж. От ребёнка — к миру, от мира — к ребёнку. М.: Карапуз, 2009.
478. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н. М. Никольского под ред Н. Д. Виноградова. М.: Мир. 1919.
479. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. М.: Логос. 2001.
480. Дьюи Дж. Школа и общество. Москва: тип. торг. дома А. Печковский, П. Буланже и К°. 1907.
481. Дьюи Дж., Дьюи Э. Школы будущего. М.: Работник просвещения. 1922.
482. Дэвис С.Т. Бог, разум и теистические доказательства. М.: Наука: Восточная литература. 2016.
483. Ермоленко Д. В. Современная буржуазная философия в США (критический очерк). М.: Международные отношения, 1965.
484. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа». 2008.
485. Зигварт Х. Логика. Том 1. Учение о суждении, понятии и выводе/Пер. с нем. И. А. Давыдова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
486. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания М.: URSS. 2012.
487. Иванов Д.В. Рецепция аналитической философии в России // Философия науки и техники 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.

488. Каменский З.А. О понятиях “метод историко-философского исследования” и “рациональная реконструкция историко-философского процесса”. Императивно-целевая концепция методологии историко-философского исследования // Историко-философский ежегодник. М.: Наука. 2001.
489. Кант И. Пролегомены. М.: “Академический проект”. 2008.
490. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том II. Часть 1. Критика чистого разума. М. “Наука”. 2006.
491. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. М.: Чоро. 1994.
492. Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976.
493. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд. иностр. литературы. 1959.
494. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. Изд.2-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007.
495. Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. М.: ЛКИ. 2008.
496. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. 2 (47). 2005. Р. 13–26.
497. Карпенко А.С. Развитие многозначной логики. М.: Издательство ЛКИ. 2016.
498. Карри Х.Б. Основания математической логики. М.: Мир, 1969.
499. Кирющенко В. Язык и знак в прагматизме. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008.
500. Кирющенко В.В. Чарльз Сандерс Пирс, или Оса в бутылке. Введение в интеллектуальную историю Америки. М.: Издательский дом “Территория будущего”. 2008.
501. Клини С. Введение в метаматематику. М.: Иностран. литература, 1957.
502. Клини С. Математическая логика. М.: Мир. 1973.
503. Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический Проект. 2012.
504. Козлова М.С. Философия и язык. М.: Мысль. 1972.
505. Колесников А.С. Аналитическая философия: история и основания // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014. №4. С. 35–42.
506. Колесников А.С. Философия Бертрانا Рассела. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.
507. Конт О. Основные принципы классификации наук // Антология мировой философии. Т.3. М.: “Мысль”. 1971. С. 578–580.
508. Корнфорт М. В защиту философии. Изд-во иностранной литературы. 1951.
509. Костикова А.А. «Нефранцузская» философия сознания во Франции // Философия сознания. Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Современные тетради М, 2009. С.150–153.

510. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. под общ. ред. В.А. Суровцева. М. “Канон+”. 2010.
511. Кузнецов А.В. Локальный интеракционизм. Новое решение проблемы ментальной каузальности // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 148–161.
512. Кузнецов А.В. Проблема феноменального сознания и сознания доступа. Пример взаимодействия когнитивной науки и философии // Актуальные вопросы нейрофилософии. ИИнтелл Москва, 2015. С. 300–307.
513. Кумсков В.В. Педагогические идеи Д. Дьюи и советское образование 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Том II. С. 7–11.
514. Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. № 3–4 (43). 2004. С. 3–29.
515. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Т.: Изд-во Томского университета, 2008.
516. Ладов В.А., Суровцев В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Т.: Изд-во Томского университета, 2008.
517. Лахути Д.Г., Садовский В.Н., Финн В.К. (ред.) Карл Поппер и его критики. УРСС, 2008.
518. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014.
519. Лебедев М. В., Черняк А. З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис. 2001.
520. Лебедев М. В., Черняк А.З. Аналитическая философия. М.: Издательство РУДН, 2006.
521. Левин С. М. Коллективное сознание и моральная ответственность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. Т. 35. № 3. С. 46–53.
522. Лейбниц Г. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983.
523. Лекторский В.А. Аналитическая философия сегодня // Вопросы философии. № 2. 1971.
524. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Изд-во политической литературы. 1968.
525. Лингарт И. Американский прагматизм. Из-во иностранной литературы. 1954.
526. Логинов Е.В. Открытый ум. Рецензия на электронный ресурс “Open Mind. T. Metzinger & J. M. Windt (Eds.) (Frankfurt am Main: Mind group) // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. № 18. С. 178–185.
527. Логинов Е.В. Функции критики в философии Ф. Анкерсмита // Аспекты 8. М., 2014. С. 228–236.
528. Логинов Е.В. Хилари Патнэм: Прологомены к биографии // Историко-философский альманах. 2012. № 4. С. 224–231.
529. Лурье С. Памяти Вильяма Джемса // Логос. 1910. Вып. 2. С. 295–296.

530. Льюис К.И. Прагматическая концепция a priori // Эпистемология и философия науки. Т. XLII. №4. 2014. С. 222–231.
531. Майоров Г.Г. История философии как наука // Историко-философский альманах. Вып 2. М.: Современные тетради. 2007.
532. Макеева Л.Б. Аналитическая философия, ее история и Кант // Кантовский сборник. 2013. № 2 (44). С. 56–68.
533. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996.
534. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Изд.дом НИУ ВШЭ. 2011.
535. Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998, № 10. С. 39–54.
536. Малькова З. Прагматизм и педагогика // Учительская газета. 9 мая 1963.
537. Маслов Д. К. Номинальное отрицание у парижских францисканцев 1320-х гг // Вопросы философии. 2015. № 2. С.151–161.
538. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентное / пер. Л. Медведевой Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015.
539. Мельвиль Ю.К. Прагматизм — философия империалистической реакции // Вопросы философии. 1950. № 2.
540. Мельвиль Ю.К. Прагматизм — философия субъективного идеализма // Современный субъективный идеализма. Критические очерки. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957. С. 33–139.
541. Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. У истоков американской буржуазной философии XX века. М.: Издательство Московского университета, 1968.
542. Миронов Д.Г. Немецкая аналитическая онтология. М.: Издатель Воробьев А.В. 2016.
543. Мишура А.С. Воля — это не опыт: поздний Витгенштейн и философия действия // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4(32). С. 309–317.
544. Мишура А.С. Поле битвы: свобода воли // Логос. Т. 26. № 5. 2016. С. 19–57.
545. Моррис Ч. Основания теории знаков / Степанов Ю.С. (составитель.) Семиотик: Антология. Издание второе. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 45–97.
546. Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999.
547. Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казан ун-т. 2011.
548. Нечаев С. Ю. Чарльз Пирс и пирсоведение в России. Опыт библиографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. №1 С.25–35.
549. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Т.: Из-во Том. ун-та. 2016.
550. Остин Дж. Избранное / Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги Год: 1999.

551. Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. Перевод с англ. Е. Е. Ледникова. М.: Идея-Пресс, 2002.
552. Пассмор Д. Современные философы / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
553. Патнэм Х. Философия сознания / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова; М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
554. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос. 2000.
555. Пирс Ч.С. Принципы философии. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001.
556. Пирс Ч.С. Принципы философии. Том I. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2012.
557. Покровский Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. Высшая школа, 1989.
558. Попов А.И. Введение в математическую логику. Л.: ЛГУ, 1959.
559. Принц Дж. Чему стоит поучиться аналитическим философам // Финиковый Компот. № 7. 2014. С. 21–22.
560. Прист С. Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
561. Райдер Дж., Марсубян А.Т. (ред.) Американская философия. Введение. М.: Идея-Пресс, 2008.
562. Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. Общая ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
563. Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск. Сибирское университетское издательство. 2007.
564. Рассел Б. Проблемы философии. Пер. с англ. / Общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. М.: Республика. 2000. С. 280–299.
565. Робинсон Х. Кант в Новом Свете // Кантовский сборник. 1975. Вып. 19. С. 82–88.
566. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке в XX веке. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
567. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
568. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета. 1997.
569. Chesterton G.K. Orthodoxy. New York: John Lane company. 1909.
570. Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии, 2014. Т. 10. С. 151–161.
571. Секацкая М.А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // Вопросы философии, 2016. № 3. С. 163–169.
572. Селиванов Ю.Р. Миф о данном // Историко-философский альманах. 2012. Т. 4. С. 176–196.
573. Сёрл Дж. Истина — это здравый смысл, а не наоборот // Финиковый Компот. №8. 2015.

574. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / пер. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.
575. Сидоров И.Н. Философия действия в США. От Эмерсона до Дьюи. Издательство Ленинградского университета. 1989.
576. Соболева М.Е. Философия как «критика, языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2005.
577. Современный субъективный идеализма. Критические очерки. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957.
578. Соколова Т.Д. Понятие a priori в философии логического эмпиризма и его первые критики // Epistemology & Philosophy of Science. 2015. №3 (45).
579. Соколова Т.Д. Прагматическое a priori Кларенса Ирвинга Льюиса // Эпистемология и философия науки. Т. XLII. №4. 2014.
580. Сокулер З. А. Проблема обоснования знания: (Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера). М.: Наука. 1988.
581. Соловьёв Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. Политиздат, 1991.
582. Спиноза Б. М.: Академический проект. 2008.
583. Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. М.: «Наука». 1967.
584. Суровцев В.А. (ред.) Логика, онтология, язык. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.
585. Суровцев В.А. (ред.) Язык, истина, существование. Т.: Издательство Томского университета. 2002.
586. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна Т.: Издательство Томского университета, 2001.
587. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8.
588. Суровцев В.А. Ф. П. Рамсей и программа логицизма. Т.: Изд-во. Том. ун-та, 2012.
589. Сырцов А. К вопросу об аналитических суждениях. // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139–140. С. 68–87.
590. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Издательство иностранной литературы. 1948.
591. Томина Е.Ф. Реализация педагогических идей Дж. Дьюи в теории и практике отечественного образования // Вестник ЧГПУ. 2009. №3. С. 251–261.
592. Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. Михаила Маяцкого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2017.
593. Тондл Л. Проблемы семантики. Из-во «Прогресс». М. 1975.
594. Труитт У. Предшественники постмодернизма и его связь с классическим американским прагматизмом // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 165–166.

595. Уайтхед А. Избранные работы: Пер. с англ./ Сост. И.Т. Касавин: Общ. редактura и вступит. ст. М.А. Кисселя. М. Прогресс. 1990.
596. Уильямс Джемс. Некролог // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Год XXI, кн. 104 (VI). С. V–VIII.
597. Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982.
598. Фреге Г. Введение в логику / Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов/Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс. 2015.
599. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Си- бир. университет. изд-во, 2008.
600. Фреге Г. О смысле и денотате // Семиотика и информатика. Вып. 8. М. 1977. С. 181–210.
601. Хаапаранта Л. Кант и философские основания логики Фреге // Кантовский сборник. 1986. Выпуск 1 (11). Карри Х.Б. Основания математической логики. М.: Мир, 1969.
602. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение Том 7. № 3. 2008. С. 3–33.
603. Хайдеггер М. Бытие и время, М.: Академический проект, 2011.
604. Хинтика Я. Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 46–48.
605. Чалмерс Д. Сознание и ум. М.: УРСС. 2013.
606. Чёрч А. Введение в математическую логику. Пр. с англ. В. С. Чернявского, под В. А. Успенского. Москва. Издательство иностранной литературы. 1960.
607. Чугайнова Ю.И. Понятие воли в раннем и позднем периодах философии Л. Витгенштейна // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. №1. 2016. С. 91–96.
608. Чугайнова Ю.И., Логинов Е.В., Воронин А.А., Басов А.С., Бурмина К.В., Саттар А.С., Мерцалов А.В. Прологомены ко всякому знанию, могущему называться априорным // Финиковый Компот. №11. 2016. С.3–18.
609. Шахнович М.М. Трактат Филодема «О знаках» и эпикурейская логика И.А. Боричевского // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 189–193.
610. Шеллинг Ф.В.Й. Ранние философские сочинения. Пр. с нем. И.Фокина. СПб: Алетейя, 2000.
611. Шилов В. В. История логических машин. М.: URSS, 2013.
612. Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.
613. Шрамко Я.В. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. 2005, № 2 (47). С. 4–12.
614. Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 87–110.
615. Эдельман С.Л. Математическая логика. М.: Высш. шк., 1975.
616. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академическая книга. 2016.

617. Эрн В.Ф. Размышления о прагматизме // Сочинения. Москва: Издательство «Наука», 1991.
618. Юлина Н.С. Философская мысль в США. М.: «Канон+». 2010.
619. Юлина Н.С. Аналитическая философия в XX веке // Новейшие тенденции в аналитической философии. М.:ИФ РАН., 1985. С. 5–40.
620. Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Вестком, Долгопрудный, 1998.
621. Юлина Н.С. Проблемы метафизики в американской философии XX века. Наука, М., 1978.
622. Юлина Н.С. Философский натурализм: О книге Дэниела Деннет «Свобода эволюционирует». М: Канон +. 2007.
623. Юм Д. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Канон+. 2009.
624. Яковенко Б.В. Современная американская философия. Обзор // Логос. М.: Поставщик двора Его Величества скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. Кн. 3 и 4. С. 269–343.
625. Яковенко Б.В. Сущность прагматизма (pro et contra) // Мощь философии / Б.Я. Яковенко. СПб: «Наука». 2000. С. 628–636.